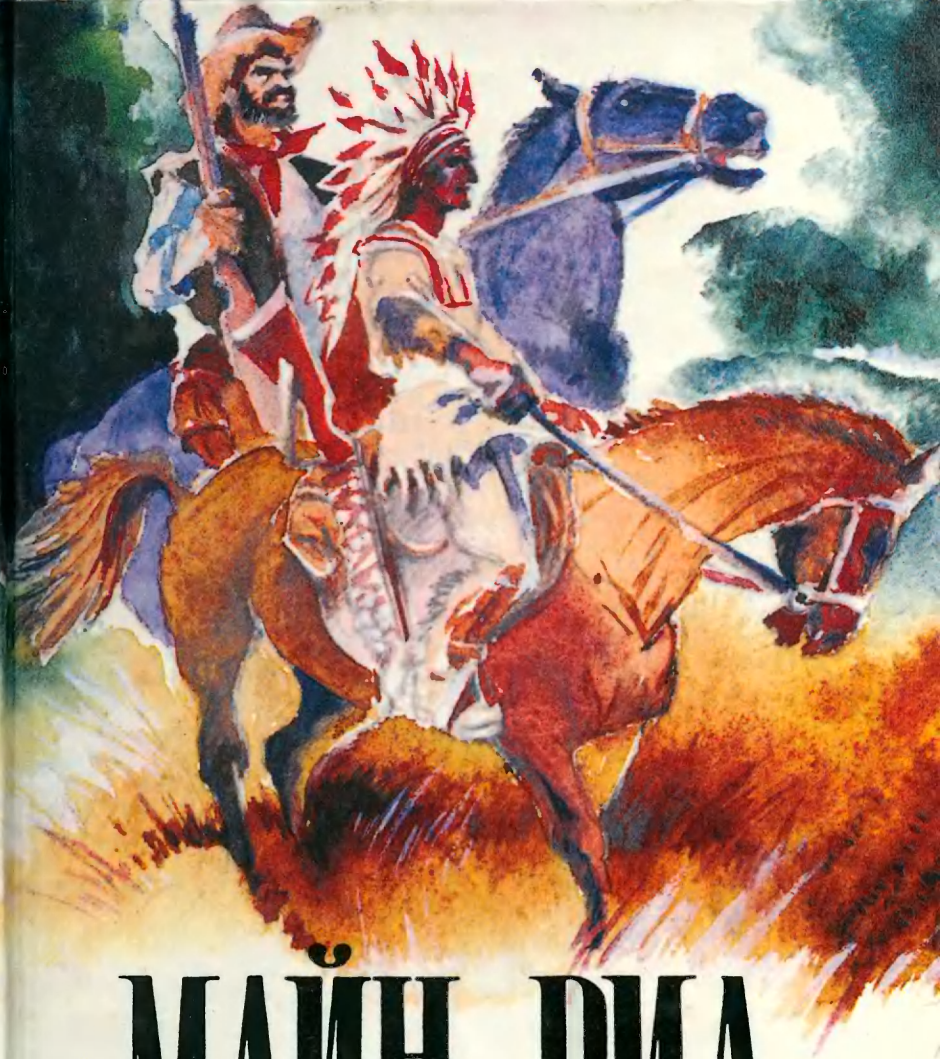

МАЙН РИД

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

МАЙН РИД

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

СТРЕЛЦУ

МАЙНРИД

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

ПЕРМЬ
«СТРЕЛЕЦ»
1995

ББК 84.4Вл
Р49

Перевод с английского

Художник **Н. Горбунов**

Р $\frac{4703040100-001}{064(02)-95}$

ISBN 5-88887-001-3

© Оформление. Н. П. Горбунов, 1995

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

1. СМЕНА КАРАУЛА

Прелестное июньское утро. На плацу перед зданием военной академии в Вест-Пойнте происходит смена караула.

Воспитанники, или кадеты, в серых мундирах стоят рядами и молча, по уставу, смотрят вперед на пятнадцать шагов перед собой; в это время офицер, худой и длинный, как оса, производит смотр.

По мере того, как подвигается инспектор, кадеты один за другим, отдавая честь, подают ему свои ружья. Тот хватая ружье, свирепо оглядывает и ружье, и кадета, а потом, отдавая ружье, замахивается им так, как будто хочет ударить бедного юношу.

На первый взгляд все эти вытянутые кадетские фигуры, с блестящими на солнце пуговицами, представляются совершенно одинаковыми. Неподвижные и бесстрастные, эти безбородые лица кажутся сосредоточенными только на том, чтобы скрыть индивидуальность их владельцев. А между тем, присмотревшись внимательнее, нельзя не

заметить, насколько они разные, эти «завтрашние офицеры».

У одних волосы темные, у других — светлые. Этот мал ростом, тот велик; глаза одного светятся умом, глаза другого тусклые и совершенно лишены выражения.

По временам случается, что какой-нибудь кадет, забыв уставные «пятнадцать шагов перед собой», вскинет глаза на группу молодых девушек, присутствующих на параде и стоящих немного позади инспектирующего офицера. Голова же кадета остается в прежнем положении, одни только глаза нарушают строгую дисциплину.

— Ну посмотри, Жюльетта, — говорит одна из милых зрительниц своей соседке, — какие они смешные: точно каждый из них проглотил аршин — не пошевелинутся. Ну кто бы, глядя на них, подумал, что это те самые, которых мы видели на последнем балу у генерала.

— Какое ты еще дитя, моя милая! Они всегда такие на параде, — отвечает Жюльетта с видом некоторого превосходства.

Самоуверенность барышни объясняется тем, что она живет уже три недели в Вест-Пойнте, а подруга ее пришла туда только вчера — и прямо из пансиона.

— А что он такое говорит? — спрашивает та же неискушенная зрительница в то время, как офицер остановился перед одним из кадетов и что-то грубо сказал.

Жюльетта схватила за руку подругу.

— Прислушаемся, Нетти.

— Это что такое? — гремит офицер, указывая место на мундире, где недостает одной пуговицы.

Кадет, к которому офицер обратился с грозным вопросом, — стройный юноша с белокурыми волосами, с открытым и умным лицом. Он краснеет до ушей, глядит на указанное место мундира, и — о, ужас! — убеждается, что одной пуговицы, действительно, нет.

— Я, должно быть, потерял ее, — говорит он, страшно конфузясь.

— И в таком виде вы осмелились явиться на развод?! Отправляйтесь тотчас под арест и скажите фельдфебелю, чтобы прислал кого-нибудь на ваше место.

Не возражая, преступник берет ружье на плечо и делает три шага назад, выходя из рядов. Потом, повернувшись на каблуках, делает пол-оборота направо и марширует к казарме, так же четко, как будто находится все еще в строю.

А офицер, с гордым сознанием исполненного долга, продолжает смотреть.

— В чем дело, Жюльетта? Что сделал этот молодой человек и за что его устали? — спросила все та же любопытная, не расслышав ни единого слова.

Жюльетте очень хотелось показать, что она отлично все понимает, на самом же деле она понимала не более своей подруги.

— Вероятно, офицер дал какое-нибудь поручение этому кадету, — ответила она уклончиво.

Но стоящий подле нее большой и плотный молодой господин с красным лицом улыбается, слушая их разговор, и берется разъяснить дело:

— Этого кадета отправили под арест за то, что он явился на смену караула, то есть на развод, в мундире с оторванной пуговицей.

— Оторванная пуговица! — вскричала Нетти. — Как их наказывают за такие пустяки? Но, Корнелиус, вы, должно быть, ошибаетесь... ведь эти кадеты обыкновенно подносят дамам свои пуговицы, как подносят букеты... У Жюльетты этих пуговиц, я думаю, целая дюжина.

Корнелиус Ван Дик сделался еще краснее и бросил сердитый взгляд на свою кузину Жюльетту.

— Целая дюжина! — воскликнул он. — А ведь она здесь всего каких-нибудь три недели...

— Экая важность! И у меня уже есть одна пуговица, а я здесь только со вчерашнего дня.

— Все вы на один покров, — сказал разгоряченный молодой человек, — все, сколько вас ни есть; вы готовы видеть героя в каждом балбесе. Слава Богу, мне не нужно испытывать четыре года подобного рабства, чтобы попасть в армию.

Нетти сделала маленькую гримаску, может быть, неприличную для взрослой барышни, но она ведь только что вышла из пансиона, и к тому же Корнелиус и ей приходился двоюродным братом.

— Охо-хо, — сказала она, — смотрите, чтобы виноград не оказался слишком зелен... Еще неизвестно, выдержите ли вы ваши экзамены!..

— Очень благодарен за такое лестное обо мне мнение. Но я уже сдал экзамены, и не далее как вчера. Конечно, вам было бы приятнее, если бы я провалился...

— Вы выдержали экзамен? Неужели? Ах, хотела бы я послушать вас на экзамене!

По тону, которым были сказаны эти слова, можно было заключить, что между кузиной и кузеном объявлена война.

— Выдержал... вот и все,— ответил Корнелиус торжествующим тоном.— Ну, скажите, пожалуйста, зачем я буду себя мучить в Вест-Пойнте, когда можно поступить в армию и без этого? Хорошая пригоршня долларов — и вся недолга! С долларами в руках можно купить лошадь, карету, место в конгрессе — да все, что хотите.

— За исключением уважения и ума, во всяком случае.

Эти слова заделали Корнелиуса за живое, и он, насмешливо, отвернулся. Что касается Нетти, то она, очень довольная собой, обратилась с очередным вопросом к Жюльетте:

— Что значит «под арест»?

— Видишь ли, вот это — военная тюрьма, нечто вроде погреба, ямы, в которую сажают этих бедных кадетов в наказание. Ну, да они не очень-то боятся этого!

Несмотря на последнее соображение подруги, Нетти была смущена такими объяснениями, и нетрудно заметить по ее лицу, что она чувствует некоторое угрызение совести.

Следующий день — суббота; после обеда бывает короткий отдых у кадетов военной академии, плац, на котором обыкновенно производится ученье, теперь пуст. Наказанный вчера кадет уныло несет свою службу у входных дверей. Сегодня одежда его в порядке: утраченная пуговица заменена другой, мундир без пятнышка, и белые панталоны сверкают на солнце.

Время — три часа пополудни. Термометр показывает около 30° в тени. Бедняга кадет тем не менее застегнут на все пуговицы, и на шее у него высокий волосяной галстук. Он ходит взад и вперед в ослепительно-светлой полосе, под палящим солнцем; на плацу ни души. Нетрудно догадаться, что часовой поставлен здесь в наказание, лишенный права погулять на свободе в отпуску целых полдня.

Жара изнуряющая, и только по необходимости можно быть на воздухе. Молодой преступник невольно останавливается на минуту каждый раз, когда попадает в полосу тени от деревьев, стоящих подле академии.

Он очень удивлен при виде показавшейся в аллее мо-

лодой девушки в белом платье и с голубым зонтиком; она идет ему навстречу.

Продолжая свое движение маятника, кадет ворчит сквозь зубы:

— Однако большая нужна охота к прогулкам, чтобы жариться на таком солнце!

И он продолжает маршировать мимо библиотеки, сегодня пустой и молчаливой, потом мимо окна дежурного офицера; окно раскрыто, и видно, что и этот почтенный господин ушел отдохнуть. Дойдя до конца своего маршрута, несчастный часовой убеждается, что девица приближается к нему.

Он уменьшает шаг, останавливается на минуту, поворачивается на каблуках, не теряя своей официальной важности, и уходит обратно, как бы не замечая приближающегося к нему грациозного создания.

Барышня продолжает свой путь уже по следам часового и, видя, как тот мерно выбивает такт, невольно шепчет:

— Бедный мальчик, ну можно ли заставлять нести подобную службу... это просто жестоко.

Часовой опять дошел до конца и повернулся прямо лицом к девушке. Глаза его устремлены на «пятнадцать шагов вперед» и тщательно избегают ее сострадательного взгляда и дружеской улыбки.

«Он сердит,— говорит она про себя,— и, конечно, он прав. Но я должна перед ним извиниться».

И вслед за этим раздается ее тихий голосок:

— Господин Армстронг, господин Армстронг!

Кадет вздрогнул. На минуту он забывает роль часового и, как простой смертный, делает к ней несколько шагов. Но вдруг приходит в себя и начинает маршировать.

— Запрещено разговаривать под ружьем,— говорит он.— А! Да это вы, мисс Нетти Дашвуд... Извините меня, ради Бога, но я не имею права останавливаться.

В его голосе можно было подметить некоторое смущение и как бы разочарование. Может быть, он ожидал встретить некое другое лицо. Но девушка не заметила этих тонкостей.

— Я, право, в отчаянии,— говорит она,— что вы из-за меня подверглись наказанию... Вот, возьмите вашу пугицу... Простите ли вы меня за то, что я причинила вам эту неприятность?

Говоря это, она протягивает ему пуговицу — ту злополучную мундирную пуговицу, за которую кадету пришлось стоять на часах не в очередь.

Воспитанник Армстронг, кадет третьего класса, смотрит на нее с удивлением.

— Как! разве я ее вам?.. — говорит он. — А я думал... нет, нет, действительно, я вам отдал эту пуговицу.

— Конечно, мне. Уверяю вас, что, прося пуговицу, я не думала, что вам за нее придется так дорого поплатиться. Мне казалось, что у всех кадетов очень много пуговиц, которые они раздают в танцах своим дамам. У моей кузины Жюльетты их пропасть, и она мне сказала, что девицы хвастают одна перед другой числом собранных пуговиц. Я никак не предполагала, что вам нечем будет заменить отданную мне, и что вас за нее накажут.

Во время этого объяснения молодой часовой, чувствовавший себя неловко из страха быть пойманным каким-нибудь офицером, не переставал, как маятник, ходить взад и вперед. Тем не менее, он не мог удержаться от улыбки, слушая наивную речь девушки; и, повернувшись к ней и показывая борт своего мундира, он сказал:

— Вы видите, теперь все пуговицы налицо. Моя оплошность подвергла меня взысканию, а вашей вины тут вовсе нет. Да притом лишний раз постоять на часах не велика важность, и это не должно вас беспокоить. Пожалуйста, посидите минутку, пока я пройду до конца линии и обратно. Присядьте на скамейке; мне никак нельзя стоять долго на месте.

Прежде чем девушка сообразила, что ей говорил кадет, тот уже маршировал далее; и как раз в это самое время показался офицер с веером в руке. Офицер принадлежал к комиссариату и потому не обратил внимания на не совсем правильную маршировку часового, а страдания от жары помешали ему заметить юную девушку, сидевшую на скамье.

Как только белая спина офицера скрылась за дверью трактира, кадет быстро вернулся к оставленному посту у скамейки и, убедившись, что никого подле нет, сказал:

— Вы, пожалуйста, простите меня, мисс Нетти, что я так внезапно отошел от вас. Но нам строжайше запрещено говорить, стоя на часах... Ваша кузина Жюльетта Брэнтон здорова?

Он сильно покраснел, произнося эти слова; но девушка не обратила внимания на это обстоятельство.

— Она здорова, благодарю вас... Но скажите мне, пожалуйста, господин Армстронг, правда ли, что когда отправляют кадета под арест, его держат в темной яме на хлебе и на воде?

Он засмеялся.

— Конечно, нет. Кто рассказал вам такие глупости?

— Мой кузен Корнелиус. Вот поэтому-то я и каюсь так в своем безрассудстве... Так вы позволите мне сохранить эту пуговицу?

— Конечно, мисс Нетти, и я прошу вас ни одной минуты более не думать о моем наказании. А вы, в свою очередь, не сделаете ли мне большое одолжение?

— От всей души,— сказала восхищенная девушка.

— Дело в том, видите ли...— Тут молодой человек вновь сильно покраснел.— Не попросите ли вы мисс Брэнтон, если она будет на балу в школе, подарить мне первый тур вальса? Вы не откажетесь исполнить мою просьбу, мисс Нетти? Ведь я за вас все-таки наказан.

Ну как отказать в просьбе, так трогательно выраженной? Нетти Дашвуд была слишком великодушна.

— Конечно, я исполню вашу просьбу,— сказала она.— А в свою очередь и я вас попрошу вот о чем: прикажите вырезать ваше имя на этой пуговице, раз уж вы позволили мне ее сохранить.

— С большим удовольствием. Дайте мне ее теперь же, а на балу я вам ее возвращу.

— И отлично... Бедный господин Армстронг! Я не могу выразить, как мне вас жалко...

Армстронг, взяв пуговицу, быстро повернулся и зашагал от скамейки. Не успела девушка опомниться от этого быстрого движения своего кавалера, как послышались шаги, бряцание оружия, и смена часовых, под командой высокого кадета в галунах, показалась из-за угла здания.

— Стой! Армстронг, вперед! — скомандовал ефрейтор.

Молодой человек подходит, передает на ухо новому часовому пароль и становится в заднем ряду смены; смена, оставив нового часового, следует далее. Девушка, сидя на скамейке, присутствовала при этой сцене.

Когда она подняла глаза на проходившую мимо нее смену, то встретила устремленный на нее взгляд старшего кадета. Блестящие глаза, бронзовый цвет лица, приближающийся к индейскому, и курчавые черные волосы...

«Как он хорош! — сказала про себя девушка.— Но в лице есть что-то дикое».

В то время, как она входила в дом своей кузины и рассказывала о своей проделке, Армстронг был уже в казарме, снимал свою амуницию и говорил товарищу с бронзовым лицом:

— Вот славная девушка! Знаешь, мой милый Мак, ведь она взялась попросить у мисс Брэнтон для меня первый вальс. Что ты скажешь на это?

Кадет Мак Дайармид, погрузившийся было в тригонометрию, поднял голову и в ответ сказал:

— Я уже решил, что в день распределения по классам отправлюсь на бал в Бенни-Бар.

Армстронг задумался.

— Знаешь что, Мак: послушайся меня хоть один раз и откажись от этого публичного бала. А то схлопочешь из-за него лишнюю дурную отметку и будешь сожалеть. Подумай, сколько будет потеряно труда и времени напрасно, если ты не получишь при выходе из академии того чина, который ты вполне заслуживаешь.

— Да! — сказал Мак Дайармид с горькой усмешкой. — Каждый забавляется как умеет, не правда ли? Ну что я буду делать на ваших балах? В Бенни-Баре все равны; вот почему я туда хожу и буду ходить до тех пор, пока не сделаю...

Он остановился, как бы испугавшись, что сказал слишком много.

— Не сделаю... чего? — спросил Армстронг.

— Да... сделаю... рано или поздно, а сделаю... ты увидишь, — сказал Мак Дайармид со странным движением головы и вновь принялся за книгу.

— Ну, ну, — ответил Армстронг, — когда при новом распределении тебя наградят чином, ты забудешь и думать об этом.

2. СПУСТЯ ДВА ГОДА

Минуло два года, и в академии наступил день выпуска. Экзамены кончились; вновь произведенные офицеры получили назначения и навсегда оставили ружье, будку и стояние на часах.

Праздник в полном разгаре; на блестящем паркете бальной залы военной школы кружатся пары вальсирующих под звуки «Девы Дуная». Так, по крайней мере, на-

звал вальс поручик армии Мерилл, только что вернувшийся из шестимесячного отпуска в Европе.

Офицеры в полной парадной форме и кадеты толкуются подле роя прелестных барышень; их оживленные взоры и возбужденные разговоры ясно говорят о жгучем интересе, который они питают к эполетам и золотому шитью.

У входной двери террасы столпились бедные кадеты первого курса, которым не позволено даже входить в залу, и они, стоя у дверей, напоминают дежурных пожарных в кулисах театра.

Среди этих кадетов, в той же кулисе, с удивлением можно узнать при свете июньской луны нашего старого знакомого, красавца Мак Дайармида; он в штатском платье, потому что вышел сегодня из академии без офицерского чина. В припадке бешенства он зло грызет потухшую сигару и, шепча угрозы, кажется, готов на какую-нибудь крайнюю выходку.

Но вот музыка замолкла, танцы прекратились; все спешат покинуть душную залу и подышать свежим воздухом на террасе и у цветников. Кадеты, как спугнутые птицы, рассыпались; Мак Дайармид остался в числе немногих и смотрел на выходящих из залы.

Молодой кавалерийский офицер, покручивая светлые усики, выходит из залы под руку со своей дамой; он грустно удивлен при виде Мак Дайармида и обменивается с ним хотя быстрым, но в то же время очень дружеским поклоном.

— Какая прелесть этот офицер! — говорит кто-то в толпе.

— Да, этого никто не может отрицать, — подтвердил с живостью Мак Дайармид. — Армстронг — работяга и джентльмен. Жаль, нельзя того же сказать обо всех его товарищах. Между ними вообще есть один... да вот и он сам!

Мак Дайармид замолчал на полуслове, увидав двух офицеров, спускавшихся по ступенькам в сопровождении пожилого господина в штатском платье; судя по походке и фигуре, надо было полагать, что этот штатский — важная особа. Все трое направлялись к зданию штаба. Не было сомнения в том, что Мак Дайармид в этой группе увидел человека, которого искал, так как лицо его приняло свирепое выражение и с языка сорвалось проклятие.

Все трое повернули за угол дома; Мак Дайармид бросился было за ними, но кто-то удержал его за руку.

— Куда ты так спешишь? — слышался вопрос.

Мак Дайармид гневно обернулся и очутился лицом к лицу с маленьким коренастым господином; из-под соломенной шляпы виднелось некрасивое лицо с выдающимися скулами, глубокими глазными впадинами и рыжей бородой.

— Это ты, Эван Рой? — сказал молодой человек, пытаясь вырваться из державших его рук. — Пусти меня... Мне нужно отомстить за мою честь!.. Негодяй, который сделал подлый донос на меня, разрушил мою карьеру и погубил все надежды... здесь, передо мной... Пусти меня!

— Не пущу... скорее сам пойду с тобой!.. — И, говоря это, он взял под руку Мак Дайармида, и тот волей-неволей должен был идти с ним.

Из немногих слов, произнесенных с неподражаемым акцентом, легко можно было узнать в том человеке шотландца. Идя под руку, он продолжал уговаривать Мак Дайармида, вставляя в свою речь выражения не столько глубокомысленные, сколько энергичные.

— Нет сомнения, что когда Мак Дайармид говорит об отмщении поруганной чести, то все родные должны следовать за ним. И это, конечно, сделает Эван Рой, пока ноги его носят... Но в чем дело?.. Что именно возбуждает такой гнев главы нашего рода?..

Теперь они тоже завернули за угол и могли видеть впереди на дороге тех трех господ, которых преследовал Мак Дайармид.

— Ты знаешь, за что, из-за каких пустяков я был выгнан из школы, Эван Рой? — спросил Мак Дайармид своего родственника, с трудом сдерживая бешенство.

— О, это нетрудно угадать! Вероятно, эти пентюхи-профессора не хотели и не умели понять характера настоящего джентльмена, благородного главы рода, — произнес Эван с презрением. — А между тем, позвольте узнать, где была эта академия Вест-Пойнта в то время, когда Мак Дайармиды пришли из Трои с Брутом Старшим и обосновались на берегах Альбиона? А дело в том, что многое на свете переменилось, и ваша хваленая Америка — совсем не место для джентльмена.

Мак Дайармид грустно улыбнулся.

— Да я не на Америку и жалуюсь, мой милый Эван Рой. Ты забываешь, что это мое настоящее отечество —

отечество, которое я люблю всеми силами души моей. Я ненавижу только вот этого человека, который идет там перед нами, среди двух других, который, как я уже сказал, и есть причина гибели всех моих мечтаний, всех усилий, работы четырех лет! Ты, Эван Рой, знаешь, что в моих честлюбивых замыслах личность моя была ни при чем. Достигнуть освобождения индейского племени — племени, к которому принадлежит моя мать, — от проклятия, тяготеющего над ним; избавить его от унижения, на которое оно обречено бессердечной политикой, преследующей одну цель — известить его; сделаться его защитником, уполномоченным ходатаем перед белыми, — вот задача моей жизни. Чтобы слово мое имело вес и было выслушано, я старался составить себе имя среди белых. Я уже подходил если не к самой цели, то по крайней мере к той ступени, которая могла меня приблизить к цели, так как, по мнению всех моих учителей, я имел право рассчитывать на одну из первых вакансий по производству. И вот, Эван, этот человек, этот поручик Корнелиус Ван Дик, как мне сказали, который никогда перед тем меня не видел, погубил все; ему достаточно было сказать несколько слов, чтобы разбить мою будущность, раздавить в зародыше все мои надежды. Чужой для школы, он не имел повода вмешиваться в то, что происходило в ней. Но ему захотелось проявить свое усердие, и он, не будучи к тому призван, а лишь из любви к искусству, сделал донос на меня и одного моего товарища, когда мы незначительно нарушили дисциплину. Но так как полуиндейцу ничего не прощается, меня выгнали из школы. О! Я отомщу ему!..

— Мак Дайармид; будь рассудителен. Изменник не один; подожди до другого случая.

— Не думай, Эван, что гнев затемняет мой рассудок. Я знаю, что сегодня вечером он уезжает из Вест-Пойнта. Я буду сторожить его, хотя бы всю ночь! Смотри!

Группа перед ними повернула с дороги и вошла в сад, расположенный перед красивой виллой. Они приостановились, любуясь сиянием луны.

В то время как Мак Дайармид с товарищами проходили подле решетки сада, один из офицеров говорил:

— Не правда ли, господин Брэнтон, какая великолепная ночь?

— Именно великолепная! — произнес серьезный голос. — Почти так же хороша, как в Неаполе, где я провел

последнее лето с моей семьей. Вашей экспедиции на границу будет сопутствовать прекрасная погода, господин полковник, и я несказанно рад, что и мой племянник Корнелиус примет участие в походе. И надолго вы едете?

— А я, право, и сам хорошенько не знаю. Делая топографические съемки на востоке, трудно заранее определить, сколько времени они займут.

— Однако, я вижу, что деятельную службу вы предпочитаете занятиям в экзаменационной комиссии.

— Без сомнения. Знаете ли, идя на границу, нельзя сказать, когда и как оттуда вернешься!.. Там индейцы, которые могут причинить много хлопот, хотя в настоящую минуту они спокойны. Что касается вашего племянника, то, кажется, мне не придется долго наслаждаться его обществом, так как он назначен в форт Ларрами, а я назначен комендантом в форт Лукут.

Тут Мак Дайармид и горец миновали решетку сада и уже не могли разобрать доходивших до них голосов.

— Я тебе говорю, Эван, гнев нисколько не затемняет моего рассудка! Теперь я знаю, что могу себе наметить заранее час расправы. Запомни, что я тебе скажу: Корнелиус Ван Дик едет в равнины, в войска под командованием полковника Сент-Ора,—оттуда он не вернется!

Шотландец одобрительно усмехнулся в свою рыжую бороду.

— В добрый час! Вот это речь истинного храбреца! Благородная кровь не выдаст себя. Это настоящий Мак Дайармид, который во времена первых шотландских королей, содрав с живого врага кожу, повесил ее у дверей своей палатки.

Лицо молодого человека приняло свирепое выражение.

— Участь моего врага будет ничуть не лучше, за это я отвечаю,—сказал он сквозь зубы.

На этот раз Эван ничего не возразил, и они молча направились к пристани, где в это время стоял пароход, готовый сняться с якоря. В такой поздний час пассажиров просто не могло быть, и они оказались на палубе одни.

С реки, по которой плыл пароход, виднелись окна военной школы, чудесно освещенные полной луной. Этот вид вывел Мак Дайармида из его мрачной задумчивости. Он вдруг погрозил кулаком зданию и произнес вполголоса:

— Горе вам всем, от первого и до последнего! Клянусь, что заставлю вас в свою очередь проклясть тот день, в который вы, прогнав меня, дали мне в руки оружие против себя...

Эван Рой поглядел на него на этот раз с улыбкой сожаления.

— Угрозы еще никому костей не ломали,— сказал он презрительным тоном.— Впивается сильнее зубами та собака, которая не лаает.

— Ты прав,— сказал на это Мак Дайармид,— и скоро ты увидишь, хорошо ли я сжимаю челюсти, когда вцеплюсь в кого-нибудь.

Сад Костюшки служил в тот вечер местом для прогулки гостям военной школы. Этот сад шел уступами к реке и тянулся вдоль поля, где проходят маневры, отделяя его от реки Гудзон. Кусты, осыпанные цветами, мраморный фонтан, каменные скамейки, с которых при лунном свете можно любоваться поверхностью величественной реки и темными холмами на другом берегу, представляли восхитительную декорацию.

В то время, как пароход поравнялся с террасой, разговор, совершенно иной, чем разговор Мак Дайармида с Эваном, происходил между подпоручиком Армстронгом и красавицей Жюльеттой Брэнтон.

— Вам не жаль покидать Вест-Пойнта? — спрашивала она.

— Бог знает,— отвечал он задумчиво.— Конечно, здесь были у меня приятные часы, но их так мало,— наперечет.

— Наперечет? Вы меня удивляете. Мне всегда приходилось слышать, что офицеры с большим удовольствием вспоминают годы, проведенные в школе. Ведь там все счастливы? Ведь это место всеобщего равенства?

Армстронг горько улыбнулся.

— Там равенства менее, чем где-либо. Вест-Пойнт, собственно говоря, та же гимназия, только с более строгим уставом. Превосходство способностей, физической силы, конечно, имеет значение, и это логично; но менее логично то, что общественное положение играет здесь роль, как и повсюду.

Девушка почувствовала, что это тема, опасная для разговора. Она поспешила переменить ее.

— Скажите, пожалуйста,— перебила она,— кто был тот мрачный господин, с которым вы раскланялись, вы-

ходя с бала? Я никогда не видала более странной фигуры. Он мне напоминает байроновского Люцифера.

— Это Мак Дайармид,— ответил Армстронг,— честный и очень способный человек. В настоящее время он достоин сожаления, и его несчастье меня сильно огорчает. Это был мой лучший друг в школе; впрочем, его история не может вас интересовать.

— Напротив, я буду очень рада ее узнать. Его необыкновенное лицо производит впечатление какого-то дикого гения.

— Оценка довольно верная, особенно если она сделана после одной встречи. Но тому, кто прожил в школе четыре года с Мак Дайармидом...

— Отчего же он не в мундире?

— Потому что он был исключен из школы как раз накануне экзаменов, из-за гнусного на него доноса... к несчастью, доносчик не открыт. Строгое наказание глубоко возмутило всех нас, его товарищей. Это был один из самых замечательных воспитанников школы.

— Да за что же его исключили?

— Дело вот в чем: его поведение не всегда было безупречно; дисциплина его угнетала. Он часто попадался на легких проступках, и дурные отметки накапливались. И вот в тот вечер, когда прибыла экзаменационная комиссия, он пришел ко мне в комнату, мы беседовали и курили; это было уже после того, как огни были потушены. Это противно правилам, но стало обычаем, и наши офицеры смотрели на это сквозь пальцы, лишь бы беспорядок не лез в глаза. Какой-то мерзавец выдал нас комиссарам в то время, как они собирались делать обход. Кто учинил эту подлость — не знаю. Должно быть, кто-нибудь чужой школе, так как между воспитанниками не могло быть человека, способного на это. Итак, дверь наша внезапно отворилась, и нас застали курящими. За это каждому из нас поставили дурные отметки. Для меня это ничего не означало, так как у меня был перевес хороших баллов. Для бедного Мак Дайармида дело приняло дурной оборот: у него число хороших баллов равнялось числу дурных, и лишний дурной балл мог его погубить. Он горяч, вспылал, наговорил дерзостей членам комиссии, намекнул на шпионство. Короче говоря, начальство тут же открыло заседание совета и наказало его — исключением из школы. Бедный малый! Вся школа была в отчаянии от этой жестокости, так как, несмотря

на неровный характер, Мак Дайармида все любили. Это был настоящий рыцарь и лучший боец между нами. Для меня лично это было истинное горе; я не только удивлялся его способностям, но и выучился у него работать; ему же я обязан не только тем, что я есть и чем могу сделаться, но и жизнью, которую он мне спас, рискуя своей собственной.

— В самом деле? — вскричала мисс Жюльетта.

— Да, это было прошлой зимой на реке; мы весело катались на коньках, как вдруг лед проломился, и я очутился под водой. Падая, я ушибся об острый край проруби. Я был без памяти. Мак Дайармид, не думая об опасности, бросился в прорубь, нашел меня под водой, схватил за волосы и вытащил на поверхность. Он сам при этом окоченел от холода. Другие товарищи подали нам веревки и жерди и помогли выбраться на берег. Тем не менее мы оба пролежали в лазарете целый месяц! Судите же о моей привязанности к нему. Я глубоко огорчен случившимся с ним. А главное, меня беспокоит его будущность. Падение такого человека — не только потеря для государства: оно может быть и опасно для него.

— А что, он небогат? — спросила мисс Брэнтон.

— О, напротив! Его отец был очень богатый торговец мехами и, я знаю наверно, оставил сыну крупное наследство. Но это его не утешает. Мотивы, которые я не вправе объяснить, заставили его усиленно желать окончить курс и выйти с чином.

— Бедный молодой человек! Я жалею его от всей души! — вздохнула мисс Брэнтон. — Ну, а вы, господин Армстронг, были счастливее его и вышли из школы со всеми почестями...

Девушка, боясь выказать слишком горячее участие, покраснела и замолкла.

— Не находите ли вы, что становится свежо? — сказала она, вздрагивая. — Не вернуться ли нам в залу? Боюсь, отец беспокоится, не видя меня так долго...

— К вашим услугам, — произнес молодой человек с поклоном.

И, идя с нею рядом, он прибавил:

— Да, я предчувствовал, что это должно скоро кончиться. Мне было здесь хорошо... Теперь все кончено, так как я завтра отправляюсь на восток.

— Я думала, все кадеты, выходя из школы, пользуются отпуском, — заметила мисс Брэнтон.

— Без сомнения, и я собираюсь провести этот отпуск со своей семьей.

Мисс Брэнтон казалась как будто обиженной.

— Кажется, было условлено, что вы побываете вместе с моим кузеном Корнелиусом у нас в Бише?

Фрэнк Армстронг колебался, прежде чем ответить.

— Я не смею туда ехать,— произнес он медленно.— Опасность для меня слишком велика, а солдат не должен без нужды искать опасности.

— Опасность! — вскрикнула девушка.— Какая, в чем, скажите, пожалуйста?

— Опасность — лелеять мечту,— сказал он сдержанным тоном,— осуществление которой немислимо для бедного подпоручика, как я...

Он внезапно замолк и потом живо прибавил:

— Вы знаете, что я недолгобливаю Корнелиуса, и нам лучше избегать взаимных встреч.

Неловкое молчание наступило за этими словами; неизвестно, как возобновилась бы прерванная беседа, если бы они не наткнулись на девушку и офицера, которые, как оказалось, их разыскивали.

— Вот они, Корнелиус! — произнес свежий голосок мисс Нетти Дашвуд.— Жюльетта! Надо ехать... дядя тебя всюду ищет... Господин Армстронг, мой кузен получил формальный приказ привезти вас завтра в Биш. Это дело конченное, решенное, и дядя мой не допускает отказа и извинений.

— Тем не менее он будет вынужден принять мой отказ и извинение,— ответил церемонно Армстронг.— Мне необходимо завтра же ехать в Иллинойс.

— Вот как! И вы посмеете утверждать, что никак не можете ради нас отложить свою поездку на неделю? — возразила девушка, несмотря на его извинения.

Со своими воздушными белокурыми локонами, большими темно-синими глазами, нежным цветом подвижного лица она была столь же блистательна, сколько кузина ее Жюльетта была величественна под диадемой своих черных волос.

— Право же, господин Армстронг, не будьте жестоки. Подумайте только: если вы откажетесь, нам не хватит одного кавалера и нельзя будет даже составить домашней кадрили. А я решила и назначила себе танцевать каждый вечер.

— Конечно, такая программа для меня большое искушение,— сказал он с улыбкой, немного деланой,— но я все-таки уверяю вас, мисс, что мне невозможно, положительно невозможно принять лестное приглашение, так любезно вами переданное.

Нетти смотрела на него с нескрываемым недоверием.

— Да, наконец, что все это значит? — вскричала она. — Вы только недавно восхищались этим планом!.. Корнелиус,— сказала она серьезным тоном, — дайте вашу руку Жюльетте, мне нужно поговорить с господином Армстронгом.

Прежде чем Фрэнк успел опомниться, он уже очутился под руку с Нетти Дашвуд, немного позади Ван Дика, ведшего Жюльетту Брэнтон.

— Что значит этот каприз и упорство? — спросила тотчас Нетти своего кавалера таким тоном, каким мать бранит своего ребенка. — Целых два часа я изошряюсь в разных уловках, чтобы доставить вам приглашение к моему дяде, — мне достоверно известно, что вы этого желали, — и когда я, наконец, в этом успела, так-то вы принимаете результат моих усилий? Так-то благодарите меня за мои старания приблизить вас к Жюльетте, а?

— Да, я чувствую, насколько мое поведение должно вам показаться глупым, — сказал молодой человек. — Я не умею выразить, как я вам благодарен за то, что вы для меня сделали. Но все это только сильнее дает мне почувствовать мой долг и мою обязанность... Мне не следует быть в Бише... Ни за какие блага не следует допускать, чтобы это продолжалось...

Нетти Дашвуд своевольно встряхнула своими кудрями.

— Вот уже этого я никак от вас не ожидала: отступить перед трудностями. А это недостойно увенчанного лаврами выпускника Вест-Пойнта!

— Это не потому, чтобы я боялся, поверьте, — ответил Фрэнк, краснея. — Но я должен вам признаться, что все это меня ужасно тяготит. Будем откровенны: я не хочу быть замешанным в этом заговоре... Ну, пожалуйста, не сердитесь, не отнимайте так скоро вашей руки. Я знаю и чувствую, что могу рассчитывать на вашу дружбу, и я высоко ее ценю, поверьте, мисс Нетти! Так подумайте же одну минуту об этом. Может ли судья Брэнтон принять меня в зятья? Нет, не так ли? Так скажите, честно ли будет с моей стороны пользоваться его гостеприимством

для того, чтобы так или иначе повлиять на его решение? Я знаю, что вы ни одной минуты не задумаетесь и согласитесь со мной...

— Об этом надо было думать, сударь, раньше,— возразила Нетти со смехом.— Что же, вы хотите предоставить Жюльетту этому олуху Корнелиусу?

— Мисс Жюльетта, я уверен, сделает достойный выбор,— серьезно ответил Армстронг.— Я отдал бы жизнь, чтобы быть тем, на кого падет этот жребий; но согласитесь, что без самоунижения я не могу записаться в ряды искателей. Она богата, красива, единственная дочь... тогда как все мое состояние — эта шпага, носить которую я приобрел право только три дня тому назад. Предоставьте меня, мисс Нетти, моей судьбе. Если труд и жажда отличиться значат что-нибудь в той карьере, которую я избрал, то клянусь, что я добуду хоть немножко славы и вместо большого состояния сложу ее у ног той, которая согласится назвать меня своим мужем.

Между тем они приблизились ко входу в школу. Нетти молчала и казалась убежденною доводами своего кавалера.

— Вы хороший человек, и одно это уже имеет цену в глазах женщины,— сказала Нетти так серьезно, что тронула Армстронга.

В эту минуту Жюльетта, шедшая впереди, прежде чем переступить порог, обернулась и спросила Фрэнка с грациозной улыбкой:

— Ну, что же, убедила вас Нетти? Будете вы в числе наших гостей?

— Нет, я решительно не могу,— произнес он с видимым усилием.— Благоволите, мисс Брэнтон, передать вашему почтенному батюшке мою благодарность и мои сожаления.

— В таком случае — прощайте! — сказала Жюльетта. И, несмотря на свое неудовольствие, она все-таки протянула ему руку.

Тут же раздался и другой голос:

— Прощайте, господин Армстронг,— сказала в свою очередь Нетти молодому человеку.— Помните, что у вас в Бише есть преданный друг.

Армстронг удалился, но сердце его сжималось и ныло под его блестящим мундиром.

3. СТРАННЫЙ ДОМ

Эта ночь, столь тихая и свежая в Вест-Пойнте, была убийственно тяжела в Нью-Йорке. Луна, наполовину закрытая темными облаками, освещала Пятую авеню, по которой бродили люди, вышедшие из душных домов на улицу подышать свежим воздухом. В подъездах, на тротуарах — всюду виднеется народ: мужчины с сигарами во рту и женщины с веерами в руках. В центральном парке движется густая толпа гуляющих, высматривая местечко на скамейке или на лугу. На улицах лежат собаки, высунув языки и тяжело дыша; они уверены, что по такой жаре их не будут беспокоить проезжающие. Изредка разве прогремыхает запоздавший извозчик, едущий на ночлег.

По берегам Гудзона лодки и шлюпки стоят неподвижно на якорях, и только легкая зыбь у носовой части их напоминает, что под гладкой, как зеркало, поверхностью быстрое течение несет потоки воды. Сотни портовых рабочих отдыхают, растянувшись на берегу.

Одним словом, это одна из тех редких летних ночей в Нью-Йорке, когда можно вообразить себя где-нибудь в Каире или Калькутте.

И вот среди этой томительной тишины ночной поезд врывается в город, с грохотом летит по мосту, изрыгает целые тучи дыма и искр; раздается пронзительный свисток, и среди стука колес, шипения выпускаемого пара, неумолкающих звонков поезд подкатывает к дебаркадеру центрального депо.

Человек двенадцать пассажиров вышло из вагона; в числе их были Мак Дайармид и Эван Рой; не обращая внимания на зазывания кучеров, они пешком направились к авеню Лексингтон и остановились перед большим каменным домом, подъезд которого был освещен и выделялся среди соседних темных домов.

Эван Рой позвонил, и в дверях тотчас показалась голова старого слуги-негра с белыми волосами; по лицу его расплылась широкая улыбка, как только он узнал Мак Дайармида.

— Входите, масса, входите, господин, — говорил он, вращая белками больших глаз, блесневших от радости.

— Как поживает матушка? — были первые слова молодого человека.

— Барыня здорова, но барышня не смогла ее угово-

ритель выйти на улицу. Она предпочитает пройтись по саду и говорит, что один вид городской улицы уже делает ее больною.

Мак Дайармид горько улыбнулся в ответ.

— И она права, мой старый Жоэ! — воскликнул он. — Цивилизация этой несчастной страны... какое благо она принесла ей или ее исконным жителям?

Старый негр не отвечал. Он с поклоном пропустил своего молодого господина и Эвана Роя в соседнюю комнату, причем последний обменялся с Жоэ грустным взглядом.

Эта комната была бальной залой, богато меблированной, но великолепие ее было наполовину дикое. Образчики оружия всех стран были повешены между двумя картинами Труайона; над мраморной Психеей растянута роскошная шкура тигра. Головы антилоп и оленей с рогами висели на стенах рядом с японской бронзой или какой-нибудь старинной китайской вазой. На столе, на парчевой скатерти, валялись ружье самой обыкновенной конструкции и отделки, пояс с пистолетами, коробка с патронами, стоял поднос со стаканами и бутылками.

Мак Дайармид вошел, и взор его прежде всего обратился на поднос. Он захохотал и, хлопнув дружески Жоэ на плечу, сказал:

— Ура! Цивилизация все-таки имеет в себе и кое-что хорошее. Она изобрела виски. Выпьем же за цивилизацию!

Он схватил бутылку и поднял ее вровень с глазами.

— Я, Джон Логан Мак Дайармид, наследник двух поколений вождей и состояния, которым никому постороннему не обязан, объявляю, что сегодня оказываю честь цивилизации — напиваюсь пьяным ради нее! К черту Вест-Пойнт и академию, к черту армию! Они отказались дать мне шпагу, которая могла бы им служить. Тем хуже для них. Призываю небо в свидетели! Я покажу им, нужен ли Джону Логану Мак Дайармиду диплом для того, чтобы драться! Эван Рой, голубчик, стаканчик за твое здоровье!

Он уже без церемоний подносил бутылку к губам, как вдруг Эван Рой бросился к нему и, обняв сзади, схватил за обе руки.

— Жоэ, возьми у него бутылку из рук! — скомандовал он.

Минуту спустя между двумя обнявшимися родствен-

никами началась молчаливая, но ожесточенная борьба. Мак Дайармид пытался освободиться, наклонялся, чтобы поднять и перебросить Эвана через голову, но шотландец бесспорно был сильнее, и позиция его была выгоднее; он сжимал Дайармида точно тисками, упираясь коленом в спину, он кружил вместе с ним, но не выпускал его из рук.

Мак Дайармид тщетно пытался стряхнуть с себя противника, грозил задушить его, но все усилия и угрозы были напрасны.

Между тем Жоэ, не теряя времени, убрал бутылки в буфет, запер его и ключ положил в карман.

— Теперь, мистер Рой, вы можете его отпустить, опасаться нечего.

Эван навалился всею тяжестью и, быстро отпустив руки, так сильно толкнул Мак Дайармида, что тот упал плашмя на ковер. Рой встал подле него, а Жоэ благоразумно скрылся.

Наступила гробовая тишина. Мак Дайармид, ошеломленный падением, оставался неподвижен; Эван Рой тяжело переводил дух. Но вдруг побежденный точно осознал свое унижение: черты лица его исказились, дикий огонь загорелся в глазах, и одним движением, доказывавшим изумительную способность к гимнастическим упражнениям, он вскочил на ноги.

Без слов, бледный, как полотно, он ринулся к столу, чтобы схватить оружие.

Но Эван Рой с ловкостью леопарда опередил его и своей огромной ладонью отбросил на другой конец комнаты ружье и револьвер.

Мак Дайармид не произнес ни слова, но глаза его метали молнии.

Эван Рой смотрел на него молча. Гнев горца сменился выражением необыкновенной нежности. Дабы явственнее выказать эту нежность, он прибегнул к присущей шотландцам манере объясняться.

— Нет стыда для львенка, если его укротит старый лев, готовый всю кровь до последней капли отдать за того же львенка, потому что видит в нем главу рода. Если Мак Дайармид раздражен против своего благодетеля, против того, кто научил его владеть оружием... тогда это очень просто: пусть он отомстит.

И с этими словами Эван расстегнул жилет и, обнажив грудь, подал молодому человеку шотландский кинжал.

Рука Мак Дайармида сжала рукоятку кинжала. Он смотрел на спокойно стоявшего перед ним Эвана Роя.

— Коли! — крикнул Эван. — Глава рода имеет право жизни и смерти над членами своего рода!

Молодой человек выпрямился; все тело его нервно дрожало. Он колебался. Наконец, бросив кинжал, он глубоко вздохнул.

— Нет мужчины, которому я уступил бы, но ты, Эван Рой, для меня не мужчина. Дай мне стакан виски. Уверю тебя, что мне это не принесет вреда.

— Нет, я не дам виски, — ответил решительно шотландец. — В роду твоего отца умеют пить и не терять рассудка; но в тебе много от матери, а люди ее племени никогда не могли оставаться джентльменами в сообществе бутылки.

— Да, но я обещаю тебе не пить лишнего, — протестовал молодой человек.

— Слыхали мы эту песню. Ведь вот точно такие же обещания давал Большой Орел, обращаясь к твоему отцу, когда мы вели с ним торговлю мехами. А как выпьет, бывало, так за лишний стакан виски готов отдать своих жен, детей, оружие, лошадей, — одним словом, все! Что же случилось с этим грозным вождем, знаменитым военачальником?.. Он умер как собака, в бедном шалаше, всеми брошенный, и никто не пожалел его... кроме дочери, сделавшейся впоследствии почтенной супругой Мак Дайармида...

— И моей уважаемой матерью, — с живостью сказал молодой человек. — Не забывай этого, Эван Рой! Вы так гордитесь нашей европейской кровью, что кровь индейца не ставите ни во что. А между тем, дом, землю, состояние — разве не от племени моей матери я все это получил?.. Разве не индейцы отдавали все эти сокровища в обмен на яд, которым наделял их мой отец? За бочонок виски давали от двухсот до трехсот бизоньих шкур, и тот, кого ты называешь главою дворянского рода, для них был не что иное как разоритель и торгаш. Я повторяю: все, что находится здесь, досталось мне от матери, и если проклятие моего племени тяготеет надо мною — я тоже буду пить... Жюэ, виски!..

Голос его принял какое-то особенное дикое выражение и гулко раздался по безмолвному дому.

Жюэ и не думал идти на грозный зов, но тут послы-

шалось шуршание шелкового платья, и на пороге появилась прелестная девушка.

— Милый брат, наконец ты здесь! — воскликнула она, бросаясь на шею Мак Дайармиду.

Гнев молодого человека мгновенно исчез. Он горячо поцеловал сестру и, немного отступя, долго любовался ею.

Это была худенькая, бледная девушка с большими черными глазами и черными как уголь волосами, при этом очень красивая. Округлость фигуры и выдающиеся скулы делали ее моложе, чем она была, а блеск зубов и матовая белизна кожи придавали лицу какое-то особенное выражение кротости и доброты. Подчиняясь капризам моды, девушка была одета в платье из богатой лионской материи, но покрой платья напоминал национальный индейский, а на голове, по индейскому обычаю, был яркий шелковый фуляр, прикрепленный золотым обручем.

— Дочь Утра, — сказал ей молодой человек глухим голосом, — все кончено, сестра: Мак Дайармид никогда не поведет белых воинов в сражение. Они обесчестили твоего брата, они разбили безвозвратно все надежды, которые он питал относительно улучшения судьбы своего племени... Мы покинем этот город... Напрасно мы когда-то променяли родные вигвамы на эти каменные палаты. Белые люди и красные люди не могут жить друг подле друга!.. Вернемся в пустыню... на нашу настоящую родину... там нет, по крайней мере, обмана!..

Дочь Утра сложила руки на груди с покорностью, свойственной индейским девушкам.

— Мой брат, ты вождь племени эшипетов, — сказала она, опустив глаза. — Долг женщины исполнять приказания воина. Я готова.

— А мать? — спросил он.

— Она ждет тебя у себя, — ответила девушка и пошла впереди брата.

Они шли по коридору, убранному пиками и, как весь дом, ярко освещенному, несмотря на поздний час. Дойдя до запертой двери, они слышали глухие и монотонные звуки, будто колыбельной песни.

Мак Дайармид с сестрой остановились и прислушались.

— Бедная мать! — прошептал он. — Она напевает

«Песню вождя» в честь моего возвращения. Подожди меня здесь...

И он один вошел в комнату.

4. ФОРТ ЛУКУТ

— Уверяю вас, мой друг, что военный дух слабнет! И это началось уже давно. Даю сроку не более десяти лет, и у Союза не будет армии, то есть армии, достойной этого названия!

Так говорил старый, толстый широкоплечий офицер с красным, как сырой ростбиф, лицом и седыми, торчащими, как щетина, усами.

Глядя на капитана Адольфа Штрикера, нельзя было сомневаться в том, что он совершил столько же походов, сколько лет был на службе. Все в нем — манера держать голову, пронзительный взгляд маленьких серых глаз под густыми бровями, складки на лице, и даже толстый короткий нос — показывало опытного и бывалого человека.

На нем был сюртук. На дальнем востоке офицеры вообще одеваются небрежно, но и там такой сюртук был редкостью: он до того выцвел и вылинял, что невозможно было определить первоначальный вид материи. Шерстяная сорочка без галстука, солдатские панталоны, заправленные в громадные сапоги, и белая фуражка — вот наряд, в котором появлялся обыкновенно капитан.

Капитан и еще несколько таких, как он, составляли в Лукуте кружок старых холостяков, недружелюбно смотревших на щеголеватых женатых офицеров. Члены кружка потягивали виски и дымили из своих коротеньких трубок.

В этот день товарищами Штрикера были: доктор Слокум, старший хирург в крепости, капитан Бюркэ и два или три поручика.

— Вы правы, капитан, — согласился доктор (за недоверие, с которым он относился к их жалобам, солдаты называли его татаринном), — армия уже не та, какую была во время мексиканской войны!

— Однако, — заметил один из поручиков, — в чем же именно так изменилась армия? Разве она хуже исполняет свои обязанности? Разве солдаты разучились драться?

— Вот что, милый мой: если вы будете тянуть лямку

тридцать лет, побываєте в пятнадцати походах да еще в разных командировках, то по-другому запоете.

Эту речь, не без выражения, произнес капитан, поглядев на доктора, который при этом издал одобрительный звук.

— О, эти молодые люди ни в чем не сомневаются! — прибавил ветеран между двумя затылками.

Разговор зашел о различных достоинствах офицеров, произведенных из рядовых, и так как тема эта была неисчерпаема, то и спор затянулся бы до обеда, если бы прибытие нового лица не прекратило его.

Вновь пришедший был молодой человек, одетый в белую фланелевую блузу, большие сапоги до колен и с соломенной шляпой на голове. Он ворвался как ураган, потрясая над головой пачкой писем и журналов.

— Господа, честь имею кланяться, — сказал он. — Я из Сант-Антонио с Чарлеем Колорадо и почтовой сумкой... Поручик, вот депеши коменданту... Письмо вам, Штрикер... Майор, вам уйма газет... Колет!.. Кинслей... это вам. А теперь, господа, поговорим. Что новенького?

— Прежде всего, милый Мэггер, — ответил доктор, — скажу, что мы вам так же рады, как розам в мае!..

И в самом деле, в минуту общее настроение совершенно переменилось. Люди, только что печальные и недовольные, озабоченные и даже готовые повздорить и поссориться с первым встречным, стали неузнаваемы.

Удаленные от обжитых мест, городов, соединенные часто против воли и желания, офицеры, стоящие гарнизоном в пограничных укреплениях дальнего востока, вообще склонны на все смотреть враждебно, придиричьими глазами. От нечего делать они собираются в дежурной комнате; там, встречая одни и те же лица, начинают бесконечные споры и ссоры. Вражда и даже дуэли — вещь нередкая. Если к этому прибавить, что Лукут был далеко от железной дороги, курьер и почта приходили редко, а окрестности кишели индейцами и разбойниками, отчего дороги не были безопасны, — станет понятным, какое приятное оживление приносили курьер и его почта.

Но странная вещь: никто из офицеров не поинтересовался узнать, каким способом удалось пришедшему доставить и доставить им так долго ожидаемую почту.

Мэггер не торопился рассказывать. Обмахиваясь от жары своей широкополой шляпой, он улыбался, наблю-

дая ту радость, которую он, так сказать, принес этим людям в своей сумке.

Не было ничего солдатского во всей его фигуре, хотя за кожаным желтым поясом и висела пара револьверов. Характерной особенностью его физиономии была смесь независимости, свободы и холодной неустрашимости. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что этот человек ничего и ни у кого не просил и ничего не ждал.

Прочитав свои письма, капитан Штрикер подошел к нему.

— Расскажите-ка нам, любезный Марк, как это вы ухитрились пройти мимо этих проклятых индейцев?

— Ну, это не Бог знает какая трудность! Недаром же я три года состою специальным корреспондентом... Когда Чарлей и я находим невозможным ехать днем, мы едем ночью,— вот и все!.. У нас вышла только маленькая стычка у самого форта с двумя или тремя краснокожими, но когда они увидели, с кем имеют дело, то бежали.

— Говорят, что газетчики, как кошки, всегда становятся при падении прямо на ноги,— промычал доктор с явным намерением сказать любезность.— Мне приходилось препарировать кошек, и хотя уверяют, что они крайне живучи, тем не менее они умирали под моим ножом... Мой милый Мэггер, вы дурно кончите, и если вас схватят и скальпируют, ни я и никакой другой хирург не будем в состоянии возвратить вам кожу с вашей головы.

— Ха! — пренебрежительно сказал на это Мэггер, помахивая хлыстом.

Со своим большим носом, желтыми, очень короткими волосами, голубыми глазами и лукавой улыбкой, таившейся в уголках губ, он всегда имел вид, будто над кем-то или над чем-то смеялся.

— Пока еще краснокожие не добрались до моих волос,— да и трудно же им будет снять их: я позаботился перед отъездом из дому постричься, как пудель.

По этому поводу Чарлей сказал, что это самообман, так как в случае нападения индейцы, конечно, займутся его гривой, какой бы она ни была.

— Не радуйтесь,— вмешался капитан Бюркэ,— когда однажды индейцам попался в плен совсем плешивый белый офицер, они решили в животе у него кипятить воду, чтобы как-то возместить недостачу.

Марк Мэггер неудержимо хохотал.

— Ладно, ладно,— сказал он.— Разве подобные вещи могут случиться с настоящими газетчиками? Мы всегда сумеем выпутаться из беды. Припомните Мак Гахну, вступившего в Хиву за два дня до появления русских казаков, Станлея, прошедшего Африку насквозь... Что касается меня, то я берусь проникнуть,— днем или ночью, это все равно,— в лагерь индейцев и выйти оттуда здоровым и невредимым. Мне уже это удавалось, и я хочу попробовать еще раз.

— Что же это вы ничего не пьете, любезный Марк! Что вы предпочитаете?

— Покорно благодарю, я ничего, кроме воды, немного подкрашенной, и то за едой, не пью,— ответил корреспондент.

— Пожалуйста, не церемоньтесь с нами.

В это время вошел лейтенант Пейтон и сказал:

— Комендант желает побеседовать с вами, милостивый государь!

Мэггер встал и последовал за офицером.

— Должно быть, есть что-нибудь новенькое,— сказал молодой офицер, провожая корреспондента к коменданту.

— Да,— ответил тот,— моя газета имела кое-какую информацию, и меня послали лучше разузнать об этом деле на месте. Правительство намерено занять территорию Черный Рог, и на этой неделе 12-й полк будет послан в Дакоту.

— Не хотите ли сигаретку? — предложил офицер.— Мы успеем выкурить, пока дойдем до коменданта.

— Нет, благодарю, я не курю. Табак ослабляет зрение и возбуждает нервную систему, а я следующей ночью должен хорошо владеть собой.

— Как! Вы думаете этой же ночью выехать, несмотря на передвижение краснокожих, о котором у нас имеются известия?

— Ах, Боже мой, да ведь я за этим-то и приехал! Все полученные мною сведения дают повод предполагать, что готовится крупное возмущение. Индейцы в огромном числе покинули свои становища на севере под предлогом охоты; пунктом соединения, кажется, избраны высоты Желтые Камни. Говорят о каком-то белом, который их смущает и старается взбунтовать. Наконец, по разным приметам я заключаю, что у них собирается

большой совет где-то неподалеку, и я намерен присутствовать на этом совете.

Лейтенант внезапно остановился и воззрился на газетчика.

— Вы говорите серьезно? — воскликнул он. — Ведь в целой армии не найдется офицера, который рискнул бы на такое предприятие! Что же, в специальных корреспондентах бес сидит, что ли?..

— Да нет же, нет... — спокойно ответил Мэггер. — Все дело в том, чтобы первому получить эти новости. Если бы я смог дать в моей газете подробный отчет о совете, это увеличило бы розничную продажу на несколько тысяч экземпляров, так как, сами понимаете, другие газеты вряд ли будут располагать информацией об этом сборище!

— Действительно, это так, — согласился поручик, внутренне спрашивая себя, не с сумасшедшим ли он имеет дело.

Комендант Сент-Ор квартировал отдельно от других, в очень приличном доме. Со своей высокой швейцарской крышей и широким балконом, дом этот имел некоторую претензию на архитектурные достоинства, отличавшие его не только от казарм, погребов и цейхгаузов, но даже и от офицерских домиков. Все упомянутые постройки были из сосновых брусьев, под соломенными крышами, ослепительно блестящими под палящими лучами солнца. На вершине высокой мачты, поставленной в середине большого двора, развевался государственный флаг. Между постройками возвышались земляные валы, мелькали часовые на постах, а дальше во все стороны виднелась бесплодная и пустынная равнина. Таков был форт Лукут.

В то время, как Мэггер приехал в форт, в первом этаже дома с балконом перед рабочим столом сидел молодой еще человек с энергичным и выразительным лицом; на погонах его офицерской блузы был значок, говоривший о звании старшего офицера, — это и был сам комендант.

В широкое окно, перед которым стоял стол, был виден весь форт как на ладони. Стены комнаты были увешаны охотничьими трофеями: головами бизонов и антилоп вперемежку с рогами горного барана, разного рода оружием и портретами. Если к этому прибавить, что вся мебель была покрыта шкурами различных животных, то легко будет заключить, что обладатель этого жилья, пол-

ковник Сент-Ор, комендант форта Лукута — страстный охотник, и такое заключение будет правильным.

Он был занят в настоящую минуту приведением в порядок своих дневных записей. Жена Сент-Ора сидела подле и молча вышивала. Это была молодая женщина 27—28 лет с чрезвычайно кроткими чертами лица, темными волосами, приподнятыми по-испански на высоком гребне и сзади наполовину покрытыми черной кружевной мантильей.

— Ты говорил мне как-то, — вдруг сказала она, — что у нас в этом месяце будут визиты. А потом уже об этом и речи не было.

— Да, душа моя, — сказал комендант, подняв голову. — Судья Брэнтон и семья его собирались к нам. По крайней мере, они мне это обещали. Ты знаешь, как они были любезны со мной, когда я был призван в комиссию в Вест-Пойнте. Они вполне официально дали обещание провести у нас в форте целую неделю во время своей летней поездки. Тебе будет очень приятно, я полагаю, познакомиться с мисс Жюльеттой Брэнтон и ее кузиной, мисс Нетти Дашвуд...

Едва комендант принялся опять за свои занятия, как в дверь постучали.

— Войдите! — сказал он.

Это был поручик Чарльз Пейтон, адъютант коменданта форта.

— Делеши, господин полковник, только что привезенные господином Мэггером, корреспондентом газеты «Геральд».

Комендант Сент-Ор немедленно вскрыл большой конверт с казенной печатью, а адъютант стоял, ожидая приказаний.

— Сочту себя счастливым увидеть господина Марка Мэггера, — произнес полковник, пробежав полученную депешу. — Не потрудитесь ли вы, любезный Пейтон, привести мне его сюда?

Офицер собрался уходить.

— Минутку, — сказал отрывисто полковник. — Сегодня утром при рапорте вы мне сказали, что дежурный офицер отсутствовал при чистке лошадей?

— Да, господин полковник.

— Кто этот офицер?

— Капитан Сент-Ор.

— Узнали вы, есть ли у него законное оправдание неявки?

— Да, полковник, я спрашивал. Он говорит, что не слышал сигнальной трубы.

— Хорошо-с. Прикажите ему идти под арест.

— Господин полковник, капитан Сент-Ор уже под арестом.

— Прибавить еще восемь дней... Двух таких, как мой брат, офицеров достаточно, чтобы разрушить всякую дисциплину в полку.

Поручик поклонился. Госпожа Сент-Ор сочла необходимым вступиться.

— Как, мой друг, ты еще продолжил арест бедного Джима? — заговорила она умоляющим голосом.

Но комендант, не отвечая ей прямо, сказал:

— Поручик, вы слышали мои приказания?

Офицер по-военному повернул налево кругом и вышел.

Госпожа Сент-Ор с глубоким вздохом опустила голову к вышиванию.

— А у нас, милая Элси, новости, — сказал нежным голосом полковник, как только они остались вдвоем. — Правительство думает, как и я, что среди индейцев бродит желание взбунтоваться. Поговаривают о каком-то белом, который, по непонятному заблуждению, задумал соединить все племена против нас, и мне дадут знать о скором прибытии колонны в подкрепление. Наш форт будет местом соединения войск.

Госпожа Сент-Ор ничего не отвечала. Новость, очевидно, не заключала в себе ничего для нее приятного, и вместе с тем ей хотелось показать, что она сердится на мужа за строгость его к брату.

Несколько минут длилось молчание. Комендант прохаживался взад и вперед по кабинету, глубоко погруженный в свои думы; затем, подойдя к жене, сказал:

— Не сердись на меня, Элси. Я приведу твоего милого Джима вечером к обеду.

Кроткое лицо госпожи Сент-Ор тотчас просияло.

— О, я знаю, что ты не можешь быть жестоким.

— Я только выйду и сейчас вернусь; если в это время придет господин Мэггер, попроси его подождать.

Взяв свою большую белую шляпу, полковник немедленно пошел к офицерским квартирам. Он шел быстро, по-свистывая, по-видимому, очень озабоченный, что, впро-

чем, не мешало ему отдавать честь всем попадавшимся ему часовым.

У порога одного из домиков он остановился и спросил солдата, чистившего сапоги:

— Капитан Сент-Ор у себя?

— Так точно,— ответил ординарец, оставив работу и вытянувшись в струнку перед начальством.

— Под арестом?

— Так точно, господин полковник.

— Как случилось, что он прозевал чистку лошадей?

— Это моя вина, господин полковник,— сказал солдат, моргнув,— я забыл доложить.

— Плохой же ты солдат. Я прикажу поставить тебя снаружи на часы и посмотрю, что индейцы сделают с кожей на твоей голове.

Бедный малый испугался и съежился, словно желая провалиться сквозь землю. А полковник поднялся на три ступени и отворил дверь в скромную комнату, где молодой офицер в домашнем халате покачивался в низком кресле со страшно скучающим видом и с сигарой в зубах.

— Джим, друг мой, Элси просит тебя прийти к обеду сегодня,— сказал полковник.— Коменданта не будет; но я слышал, что он отдаст приказ в шесть часов выпустить капитана Сент-Ора из-под ареста.

— Комендант — старая тряпка,— сказал молодой человек, слегка улыбаясь.— Уверяю вас, мой милый, что я сегодня же вечером буду просить о переводе.

— А я тебе говорю, что ничего из этого не выйдет, и ты никуда не уедешь. Так в шесть часов, решено, слышишь?

И он поспешно вышел.

Через две минуты Пейтон ввел Марка Мэггера к коменданту и оставил их вдвоем совещаться.

5. ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Комендант, полковник Сент-Ор, в своей большой белой шляпе и при шпаге, стоит в воротах форта и смотрит вдаль на равнину, покрытую короткой, выжженной солнцем травой. Сигнальный рожок дал знать о приближении ожидаемого подкрепления. Адъютант Пейтон держит на поводу большого вороного коня, а полковник направляет лорнет на приближающуюся кавалерийскую

колонну. Оружие блестит на солнце; за всадниками тянется вереница белых повозок военного обоза.

Неподалеку, справа от форта, виднеются два индейских шалаша, или вигвама, покрытых буйволовыми шкурами. Подле шалашей играют с полдюжины ребятишек, совершенно голых, с большими животами и длинными волосами, почти закрывающими лицо. Две безобразные старухи, истые колдуньи, болтают, усевшись перед шкурой бизона, с которой они соскребают остатки мяса; рослый индеец, завернувшийся в грязное одеяло, спит или притворяется спящим,— и все это шагах в пятидесяти от крепости.

По правде сказать, нет решительно ничего занимательного или интересного в зрелище, которое представляют из себя эти «дети безбрежных равнин». Это просто несчастные существа, неопрятные, нечто вроде нищих, снующие всегда у ворот поселений европейцев, готовые за водку на все, что угодно; последние представители несчастного племени, которое скоро исчезнет с лица Земли.

Комендант Сент-Ор обращал на них так же мало внимания, как на мух, да и солдаты его так привыкли к этому зрелищу, что как будто не замечали их.

— Это, должно быть, колонна Вестбрука! — сказал комендант адъютанту, опустив лорнет. — Сколько человек указано в депеше?

— Пять эскадронов 12-го драгунского, полковник Чарлтин приведет два из форта Ларрами и три роты 44-го линейного.

— Да, совершенно верно, — сказал полковник, снова лорнируя колонну. — Да где же этот разбойник Ильяс? Кончит ли он, наконец, седлать мою лошадь?

— Вот он, ведет ее, — произнес молодой подпоручик, выступая вперед. — Не позволите ли мне, господин полковник, быть вашим ординарцем?

— Охотно, мой милый Гевит, если у вас нет дела более серьезного.

Гевит только что прибыл из Вест-Пойнта и находился еще в пылу первого энтузиазма.

В эту минуту вестовой подвел прекрасного коня, оседланного по-парадному. У коменданта была страсть к хорошим лошадям. Подведенный конь был не из особенно смирных и поартачился, прежде чем дал седоку устроиться в седле; но узда была в опытных и умелых руках, и ретивый конь минуты через две-три признал себя по-

бежденным. Полковник был из числа тех немногих, которые умеют не только хорошо ездить верхом, но и грациозно держаться в седле, и когда лошадь танцевала под ним и поднималась на дыбы, его стройный стан, казалось, составлял с лошадью одно целое.

Пейтон и Гевит тоже сели на коней, и все трое, отпустив поводья, пустились марш-маршем по полям. Колонна приостановилась, и по данному сигналу всадники выровнялись рядами. В ту минуту, когда полковник с двумя адъютантами подскакал к ним, солдаты представляли плотную и неподвижную массу в облаках пыли. Перед колонной стоял майор Вестбрук с саблей наголо.

Едва полковник остановился в двадцати шагах, как раздалась короткая команда:

— Слушай! На плечо!

Раздался шум вынимаемого из ножен оружия, мелькнули лезвия, и настала мертвая тишина, между тем как весь ряд сабель сверкал под лучами заходящего солнца.

Майор Вестбрук отсалютовал шпагой и громко сказал:

— Господин полковник, имею честь ожидать ваших приказаний. Угодно вам сделать смотр колонн?

— Я затем и приехал,— сказал комендант, ответив на приветствие.

— Слушай! На кра-ул!

Майор присоединился к свите коменданта, и тот медленно поехал вдоль строя.

Драгуны по большей части имели хороший вид, но загорелые и решительные лица мало отвечали, по крайней мере внешне, понятию европейца о солдате вообще.

Люди одного эскадрона были в черных шляпах, другого — в серых, третьего — в соломенных и, наконец, последнего — в полотняных фуражках. Голубые блузы были почти у всех форменные, но зато обувь была так же разнообразна, как и головные уборы. На одних были обыкновенные сапоги, на других — ботфорты, а у иных холщевые брюки были заправлены в какие-то полуботинки.

Лошади были навьючены довольно легко, но все-таки заметно утомлены огромным переходом в 450 миль за три недели. Длинная вереница обоза составляла арьергард.

Что касается офицеров, то они были одеты, кажется, хуже солдат. Капитан Грюнтей, например, был одет во

фланелевый китель когда-то голубого цвета, обратившийся теперь в рыжий; впрочем, под ним был прекрасный гнедой конь. Направо от Грюнтея высилась толстая фигура поручика Корнелиуса Ван Дика, с трудом держащегося в седле. На фоне серой блузы резко выделялось широкое, налитое кровью лицо, опухшее от чересчур усердных возлияний на последнем отдыхе.

Подпоручик Фрэнк Армстронг, стоявший на левом фланге, был единственный офицер из всего отряда, одетый в походную форму по уставу.

Комендант одобрительно улыбнулся, проезжая подле него, и насутился, увидя странную фигуру Ван Дика.

— Господин майор,— сказал он строгим тоном,— надеюсь, ваши офицеры примут к сведению, что так вести себя в укреплении Лукут нельзя.

— Капитан,— сказал он, обращаясь к Грюнтею,— придя на место, тотчас посадить под арест этого офицера...

Лицо капитана вытянулось, когда он отвечал:

— Слушаю, господин полковник!

Комендант продолжал осмотр под неприятным впечатлением от увиденного. Объехав весь строй, он холодно поклонился майору Вестбуруку и сказал:

— Расположите ваших людей по северной стене, майор. Вы найдете там воду и дрова, приготовленные в достаточном количестве по моему приказанию. Обоз я осмотрю после. Прощайте, майор. Сабли сдадите на склад, прежде чем пойдете на рекогносцировку.

После этих слов комендант пустил лошадь рысью и удалился вместе с адъютантами, оставив майора впереди колонны.

Но проехав с четверть версты, он вернулся, явно пережившись.

— Майор, на пару слов! — закричал он, улыбаясь.

Драгунский майор выступил вперед, явно не готовый улыбнуться в ответ. Комендант, как бы не замечая его надутого вида, сказал:

— Я надеюсь, вы и ваши офицеры сегодня же вечером познакомитесь с миссис Сент-Ор.

— Мы не позволим себе уклониться от этой приятной обязанности,— отвечал сдержанным тоном майор.

— Надеюсь, что эта обязанность обратится в удовольствие,— сердечно произнес капитан.— Ну, полноте, майор, мы слишком хорошо знакомы и слишком уважаем

друг друга, чтобы сердиться за выговор по службе. Вестбрук — мой старый товарищ. Я не забыл того капитана 12-го драгунского, который в сражении под Буль-Руком своим примером преподавал мне первый урок на поле битвы. Я не забуду, что всем вам обязан, несмотря на то, что ко мне судьба была благосклоннее, чем к вам.

Майор, видимо тронутый этой сердечной речью, протянул коменданту руку, а тот ее крепко пожал и уехал.

В сопровождении своих адъютантов полковник скакал по дороге к форту, как вдруг индеец, лежавший на самой дороге, быстро вскочил и с криком ужаса бросился в сторону. На него наскочила лошадь подпоручика Гевита и не раздавила его только потому, что краснокожий из чувства самосохранения накинул на голову лошади бывшее в его руках одеяло. Лошадь метнулась в сторону и чуть не вышибла седока из седла.

Справившись с лошадью, Гевит бросился в погоню за индейцем и осыпал его ударами хлыста.

— Подлая собака! — кричал он. — Я тебе покажу, как пугать лошадей!

Несчастный дикарь бежал с воем в свой шалаш, а Гевит, отсчитав в азарте еще несколько ударов, вернулся к своим и, смеясь, сказал:

— Вот уж этот в другой раз не отважится пугать чью-нибудь лошадь, ручаюсь.

Комендант, скакавший впереди, был уже в форте и не видел этой сцены; но Пейтон, видевший все, остановился и, не будучи в состоянии удержаться, сказал товарищу:

— Вы были чересчур жестоки к этому несчастному, Гевит! Я не допускаю мысли, что он бросил одеяло с целью испугать лошадь.

— Ничего, — ответил Гевит, — этим проклятым краснокожим не мешает время от времени преподавать урок, а несколько ударов хлыста укрощают их темперамент. Что до меня, то я испытываю истинное удовольствие, укрощая их; терпеть не могу этого разрисованного исчадия!

— Что вам сделали эти бедные существа? — спросил адъютант. — Несчастные быстро исчезают, жизнь их и без того тяжела, нет надобности делать ее еще тяжелее. Этот человек, которого вы избили, был в свое время храбрым воином...

— Полноте, Пейтон, перестаньте их защищать. И я

верил в благородство индейцев, когда зачитывался Фенимором Купером; но с тех пор, как я узнал их близко, скажу вам откровенно, что все они — мужчины, женщины и дети — одинаково внушают мне отвращение.

— Вы неправы, говоря так, — сказал грустно Пейтон, — кто сказал вам, что вы были бы лучше, находясь в таком же, как они, несчастном положении?

Неизвестно, удалось ли адъютанту пробудить раскаяние и чувство человечности в сердце товарища.

Очень может быть, так как подпоручик не вымолвил больше ни слова и со сконфуженным видом въехал в ворота крепости.

Два дня спустя после вступления колонны в Лукут полковник Сент-Ор, будучи не из тех начальников, которые оставляют войска в бездействии, назначил каждому эскадрону занятия, и таким образом поручик Корнелиус Ван Дик и подпоручик Армстронг очутились в одном отряде, назначенном в ночную экспедицию.

Надо было провести разведку на определенном расстоянии от крепости. Ван Дик, имевший трехлетний опыт военной службы, должен был руководить действиями отряда, в помощь которому в качестве проводников были приданы двенадцать индейцев из племени шауни.

Комендант Сент-Ор завел прекрасный обычай не выпускать из крепости даже самого маленького отряда без строгого осмотра; предосторожность эта имела особенно важное значение, если приходилось иметь дело с войском, ему почти неизвестным.

Было около одиннадцати часов вечера, когда он с этой целью вышел на плац.

Все в укреплении было темно и тихо, огни давно погашены, а луна еще не светила маленькому отряду, выстроенному на плацу и готовому в поход.

Всего-навсего тут было не более тридцати драгун. Перед этой неподвижной массой ординарец нес большой фонарь, и свет от него вместе с другим огоньком — от сигары в зубах полковника — медленно переходил от одного ряда к другому, так как полковник останавливался перед каждым человеком и внимательно его осматривал. Он не говорил ни слова и только изредка, по свойственной ему привычке, хрустел пальцами.

Позади него, на приличном расстоянии, двигались

Ван Дик и Армстронг; последний — с длинным палахом, а прочие драгуны — с карабинами и парой револьверов за поясом, по-американски. Благодаря отсутствию сабель, в отряде не было лязга и шума, и это придавало людям вид призраков.

Окончив осмотр, комендант приблизился к офицерам и сказал Армстронгу:

— Вы хорошо сделаете, если оставите вашу саблю в крепости. Она делает много шума и мало пригодна для ночных разведок.

И когда сконфуженный молодой человек повернулся, чтобы исполнить данное ему приказание, полковник добросердечно прибавил:

— Это, видите ли, моя мания. Не все одного со мною мнения, но я убежден, что мое мнение справедливо. Отправляйтесь же, вы успеете вернуться прежде, чем будет дан сигнал к выступлению.

Он знал, что каждый из них должен был быть готов проявить и отвагу и великодушную готовность жертвовать собой, но он не высказал своей мысли.

Комендант обратился к Ван Дику:

— Господин поручик, — сказал он, — помните: Красная Стрела, индеец, который стоит последним на правом фланге, самый ловкий из всех ищеек. Прошу вас: как можно больше благоразумия в сношениях с этими людьми. Они ужасно чувствительны к малейшим обидам и в то же время способны пользоваться слабостями других. Именно к ним можно применить правило: управлять нужно железной рукой в бархатной перчатке. Впрочем, я уверен, что все пойдет как по маслу и что вы не встретите серьезных затруднений. Прощайте, господа, и дай Бог успеха. По моему расчету, в воскресенье утром вы должны быть на берегах Антилопы.

Ван Дик поклонился и пошел к своей лошади. Комендант обернулся к Армстронгу:

— В добрый час, дитя мое! — сказал он ласково, протягивая ему руку. — Вверьтесь вашей звезде, и вы делаете честь — я в том уверен — нашей старой школе в Вест-Пойнте. Прощайте...

Фрэнк Армстронг был так тронут этим напутствием, что слезы подступили к горлу, и он растроганно произнес:

— Прощайте, господин комендант! Благодарю вас, благодарю...

Тут раздался голос Ван Дика: он командовал сдвинуть ряды. Последовал топот лошадиных копыт по высохшей траве, затем пауза, затем новая команда: «Вперед! Шагом марш!» — и маленький отряд тихо направился к воротам форта и пропал во мраке. Комендант остался на месте и провожал уходивших. И только когда последний солдат исчез в темноте, он повернул домой. Идя домой, он хрустел пальцами и говорил про себя:

«Этот юноша, кажется мне, с каким-то необычным выражением в глазах. Ну, а что касается Ван Дика, похоже, если кожа с его головы и останется в руках индейцев, это может случиться только когда лошадь не успеет вынести его с поля битвы; если только краснокожие не застанут его отуманенным винными парами. Ах, это вино, вино, проклятое вино!»

6. ВЕЧЕР У КОМЕНДАНТА

В следующую субботу, около десяти часов вечера, был праздник в главной квартире коменданта, и обе залы миссис Сент-Ор были полны гостей.

По правде сказать, мужчины — и главным образом офицеры — преобладали; впрочем, было около двадцати дам: одни — постоянные обитательницы форта, другие — их знакомые, с мужьями и братьями.

Весь этот люд явился сюда, преследуя различные цели: одних пленяла обещанная большая охота, других — возможность выгодно купить участки окрестных лугов; наконец, многих — просто любопытство.

— Миссис Пейтон,— говорил подпоручик Гевит молодой женщине, входившей в залу,— обращаюсь к вам и ищу вашего содействия: мисс Брэнтон не верит мне, что дамы вместе с нами отправляются на охоту с борзыми.

— Так и есть,— ответила, улыбаясь, миссис Пейтон.— Что касается меня, то я всегда сопровождаю мужа на охоту, правда, не беру с собой ружья. Но некоторые дамы являются с оружием, и не далее как в прошлом месяце одна девушка из Кентукки, бывшая с нами, убила трех бизонов.

Жюльетта Брэнтон была возмущена подобным подвигом, а ее кузина Нетти воскликнула:

— Правда? Трех бизонов, своими руками? Воображаю, как она этим гордилась! Надо мне попробовать

убить хотя бы одного на большой охоте, которую нам обещает комендант.

— Если только вы возьмете проводником меня, то убьете двух,— уверял ее Гевит.

— А я,— возразил весело поручик Пейтон,— советую вам заручиться покровительством такого старого проныры, как я, если не хотите вернуться с охоты с пустыми руками.

В эту минуту миссис Сент-Ор подошла к разговаривавшим.

— Мисс Жюльетта, я, право, в отчаянии,— сказала она,— но комендант говорит, что он вынужден немного отложить охоту... всего на несколько дней, до тех пор, пока одна или две рекогносцировки очистят местность от появляющихся там и сям индейцев, а в ожидании вы должны довольствоваться охотой с борзыми на зайцев в окрестностях форта. Принимали ли вы когда-нибудь участие в такой охоте?

— Никогда еще!

— Это очень интересно, и у мужа моего превосходные собаки. Но, вероятно, мисс Нетти Дашвуд трудно будет довольствоваться такой смиренной дичью.

— Что же делать,— со вздохом сказала Нетти.— Я надеюсь все-таки, что эти несносные индейцы уберутся и очистят для нас место.

— Будьте уверены, что и мы надеемся на это,— произнесла миссис Сент-Ор с некоторой грустью в голосе.— А что, если мы оставим охоту и займемся немного музыкой? Мисс Жюльетта, не споете ли вы нам что-нибудь?..

Жюльетта не заставила себя просить, встала и подошла к роялю, а за ней целый рой поклонников.

Капитан Джим Сент-Ор, стоявший до этого в стороне, перешел залу и устроился рядом с Нетти Дашвуд.

— Ну-с, дитя мое, что скажете вы о жизни в крепости?

Хотя он был гораздо моложе своего брата коменданта, капитан имел особую манеру, полуотеческую, полубратскую, при общении с молодежью. Не мешает к тому же заметить, что он был почти вдвое старше Нетти.

— По мне это — прекрасная жизнь! — воскликнула мисс Нетти Дашвуд с увлечением.— Все эти господа так внимательны и любезны!

— Вы слишком добры, отзываясь о них так,— скром-

но ответил капитан.— Но позвольте мне предложить вам один вопрос, мисс Нетти. Не знаете ли вы человека по имени Фрэнк Армстронг?

Губки Нетти задрожали, когда она промолвила в ответ:

— Конечно, я знаю господина Фрэнка Армстронга и даже думала, что он здесь, в форте. Отчего он так долго не показывается в зале?

Голос капитана сделался серьезным:

— Способны ли вы хранить тайну?

— Конечно.

Губы ее все еще дрожали.

— Вот в чем дело: Армстронг уехал на неделю или на две, и он вручил мне письмо к вам, мисс Нетти.

— Письмо, ко мне! — вскричала девушка вне себя от удивления.— Уверены ли вы в том, что это письмо мне, а не другой?

— Совершенно уверен. Да разве вы не из числа его друзей?

— Еще бы! — сказала она с выражением полной искренности.

— Ну, тогда это совершенно естественно. Армстронг отправился в свою первую экспедицию. Как и всякий молодой офицер на его месте, он решил, что может не возвратиться. Ну, вот вы и испугались... Ему ничто не угрожает, и он благополучно вернется через восемь или десять дней.

Нетти вдруг побледнела, и лицо ее выразило страдание.

Капитан изменил тон и притворился очень недовольным ею.

— Я так и думал,— сказал он как бы про себя,— храбрости ни на грош... Полноте, постарайтесь быть благоразумнее и храбрее, а то я не решусь выполнить поручение вашего друга.

Она подняла на него свои чудные голубые глаза, полные благодарности, и проговорила:

— Да, браните меня. Мне это полезно. Но только говорите скорее. Это письмо, где же оно? — спросила Нетти нетерпеливо.

— Вот,— сказал капитан Джим, вынимая из кармана конверт.— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на то, что написано на конверте... Эти молодые офицеры всегда пишут завешание, отправляясь в экспедицию, ко-

торая не имеет и не может иметь никаких дурных последствий.

— Ради Бога, что же написано на конверте, господин капитан? Скажите мне, прошу вас! Я не смею взглянуть на конверт на глазах у всех.

— Там написано: «Вскрыть только в случае, если я буду убит или взят в плен индейцами». Всегдашняя манера этих молокососов... Когда он вернется, ему будет ужасно стыдно за эти строки...

— Да, когда он вернется... Но вернется ли? И, во всяком случае, когда он может вернуться?

— Трудно определить. Цель экспедиции — узнать, есть ли индейцы в окрестностях, и в каком числе. Но Армстронг в хорошей компании, он в отряде со своим другом поручиком Ван Диком, да с ними человек тридцать драгун и превосходные проводники-индейцы. Ван Дик уже года три служит в равнинах и знает свое дело.

— Гм! Если бы только с Ван Диком, я не была бы очень спокойна, — возразила мисс Нетти. — Ведь он не из школы. Вы знаете?

Капитан Джим рассмеялся.

— Так же, как я, дорогое дитя, и как три четверти наших лучших офицеров.

— А я думала, что школа необходима, чтобы сделаться хорошим солдатом, — сказала необдуманно девушка, — или, по крайней мере... Ради Бога, простите, капитан. Я не хотела... я совсем не то хотела сказать...

— Не извиняйтесь. Ведь это вообще очень распространенное мнение. Но тем не менее оно несправедливо. Вест-Пойнт никогда еще не воспитывал солдата. Воспитание в этой школе дает все средства сделаться хорошим солдатом — это правда. Пожалуйста, не подумайте, что я отзываюсь так о школе из зависти. Мой брат — воспитанник этой школы, и лучшего офицера я не знаю. Но можно быть отличным офицером и не окончив школы.

— А к какой категории офицеров вы причисляете Ван Дика? — спросила вдруг девушка.

Капитан тотчас умолк. В семье Сент-Ор был обычай никогда не говорить дурного о товарище.

— Мисс Брэнтон, кажется, начинает петь; мы лучше сделаем, если помолчим, — сказал он, обрадованный возможностью не отвечать на предложенный ему вопрос.

Жюльетта пропела романс, пропела верно, чистым голосом, но без надлежащего выражения; ее благодарили,

хотя пение, видимо, никого не тронуло. Вслед за романсом миссис Сент-Ор заиграла прелестный вальс Шу-берта.

В ту же минуту поручик Гевит пригласил на тур вальса Нетти Дашвуд, и капитан был избавлен от произнесения приговора над Ван Диком.

Вальс сменила полька, затем кадрили; одни танцы следовали за другими; танцевали даже виргинский «риль».

Комендант, полковник Сент-Ор, в парадном мундире, с эполетами и золотыми кистями на груди, был не из последних танцоров. Он пользовался возможностью развлечься и забыться от ежедневных забот, и в этом увлечении поспорил бы с любым из своих безбородых подпоручиков.

Этот юношеский пыл полковника возбуждал неслестную критику в устах старых ворчунов, капитанов Штрикера, Грюнтея и других, в качестве завязанных холостяков презиравших танцы.

— Нечего сказать, хорош комендант! — ворчали они, главным образом из-за того, что этот бал лишил их возможности посидеть в своей холостяцкой компании за трубкой и пуншем.

Полковник не обращал внимания на их ворчание и не пропускал ни одного вальса.

Уже было за полночь; котильон был в полном разгаре, как вдруг блеснула молния и раздался оглушительный удар грома. Все бросились к окнам. Но в ту же минуту в открытое окно ворвался порыв ветра с крупными каплями дождя; окна и двери были поспешно закрыты. Затем танцы возобновились среди гула и шума непогоды.

Нетти Дашвуд была бледна; ее кавалер Гевит старался ее успокоить.

— Ведь это скоропроходящая гроза, — сказал он. — Конечно, в такое время лучше быть на балу, чем в поле. По счастью, мы только что получили подкрепление, и, конечно, на них сейчас же обрушилась служба потяжелее; без их прибытия, пожалуй, мне как раз пришлось бы теперь быть в разведке.

— А эти бури опасны на равнинах? — спросила девушка. — Не бывает ли смертельных случаев от ударов молний?

— Мне не случалось этого видеть. Там страшен толь-

ко дождь. Случается так, что люди расположатся лагерьем в долине или в ложе высохшего ручья; начинается ливень, вода прибывает и сносит палатки. Один из наших отрядов месяца два-три тому назад попал как раз в такую передрагу, и несколько лошадей погибло. Но на этот раз в отряде есть Красная Стрела, один из самых искусных и сведущих проводников.

— В самом деле? Как я рада слышать, что они с хорошими проводниками.

— Как вы добры, мисс Нетти, что интересуетесь нашими молодцами. А они, уверяю вас, очень мало обращают внимания на такой дождь. Однако, позвольте, какой же я недогадливый... Вы, вероятно, знаете кого-нибудь из наших офицеров, ушедших в разведку?

— Да, там мой двоюродный брат,—ответила девушка, краснея до самого корня своих белокурых волос.—Итак, вы уверены, что им не угрожает никакой опасности?

— Решительно никакой,—произнес он, немного задетый за живое тем чересчур сильным участием, которое его дама принимала в отсутствующих.

В это время раздался оглушительный удар грома. Котильон приостановился; дам развели по местам, и бальная зала обратилась в залу ожидания. Разговаривали вполголоса. Никто не смеялся, все стали серьезны, все чувствовали невольнo какой-то гнет.

По счастью, это продолжалось недолго. Гроза пронеслась, и, когда отворили окна, в чистом небе светила луна.

Подпоручик Гевит, решительно разобиженный тем, что не сумел произвести желаемого впечатления на мисс Нетти Дашвуд, воспользовался первой возможностью оставить бал и пошел по дорожке, ведущей к офицерским квартирам.

«Должно быть, этот пьяница Ван Дик ее сильно интересуется. Удивительно, что она в нем нашла...»

Эти размышления помешали молодому офицеру заметить черную фигуру, которая, отделившись от стены и тихо, крадучись, как кошка, скользила за ним. Это был полуголый индеец; в руках у него был натянутый лук.

Вдруг в темноте ночи раздался крик:

— Берегитесь, Гевит!

Инстинктивно молодой человек бросился в сторону. В ту же минуту послышалось дрожание натянутой струны, свист стрелы и вслед за этим крик боли.

Капитан Джим, стоявший на крыльце комендантского дома и так вовремя предупредивший подпоручика, бросился на крик. Черная фигура уже исчезла.

— Вы ранены?..— спросил он молодого человека.— А, вижу, по счастью — в руку. Не пугайте дам, бегите к себе и пошлите за доктором. Я попробую поймать мерзавца.

Не разбирая дороги, капитан бросился к караульному помещению.

— Сержант, выведите всех солдат! — закричал он.— Кто-то ранил стрелой подпоручика Гевита. Хватайте всех краснокожих, какие вам попадутся, и приведите их в крепость. Ну, слышите вы, что я сказал?..

— Извините меня, господин капитан, но без дежурного по караулам я...

— Я всю ответственность беру на себя. Идите!

Без дальнейших рассуждений люди взяли ружья, и весь караул направился к тому месту, где еще вечером на заходе солнца видели шалаши индейцев.

Шалашей не осталось и следа; огни погашены, ни одного краснокожего не было видно на триста шагов вокруг.

Едва только убедились в этом, как послышался выстрел у противоположной стены крепости, и вскоре от одного часового к другому передавался крик:

— Караульного, номер восемь!..

«За конюшнями!.. Разбойник ушел в другую сторону. Не поймать! — сказал про себя капитан Джим.— Хорошо, нечего сказать! Надо было взять погоню на себя и распоряжаться за дежурного офицера».

— Кто дежурный эту ночь, сержант?

— Господин Грогам... Вот и он!

— Что вы там делаете, сержант? — кричал тот.— Разве вы не слышали выстрела за конюшнями? На кой черт караул ушел за ограду? И кто позволил себе распоряжаться и отдавать приказания в мое отсутствие?

— Это я, — сказал, подходя, капитан Джим.— Нельзя было терять времени, и сержант не виноват, если...

Поручик умолк, увидя, с кем имеет дело, и караул возвратился на место. Через пять минут капрал рапортовал старшему:

— Какой-то индеец прошел за ограду у № 8; часовой выстрелил, но промахнулся.

В это время подошел адъютант Пейтон; он услышал выстрел и спешил узнать, что случилось.

Не дослушав до конца рассказ о происшедшем, он сказал:

— Я готов пари держать, что это Татука пустил стрелу. В день вступления отряда Гевит до крови исполосовал его хлыстом, и Татука хотел ему отомстить.

— Пока мы не изведем этих негодяев до последнего, — сказал господин Грогам, — мира у нас не будет.

— Легко сказать, — смеясь, возразил ему капитан Джим. — Но так как мы не можем сейчас начать преследование Татуки, то уж лучше пойдемте навестим беднягу Гевита. Он должен благодарить судьбу, что я случайно оказался на крыльце и успел его предупредить, а то стрела угодила бы ему в грудь.

— У меня предчувствие, что этой осенью не обойдется без крупной передраги, — заметил адъютант Пейтон, — и я буду очень удивлен, если этот разбойник не наделает нам хлопот.

Разговаривая, офицеры подошли к квартире Гевита и застали его на попечении доктора Слокума, уже сделавшего раненому перевязку.

Если верить уважаемому «татарину», это была просто «царапина», хотя стрела преисправно прошла руку навывлет.

7. ПО СЛЕДУ

По безграничной равнине, с кое-где разбросанными островками выжженной травы, отряд драгун под командой Корнелиуса Ван Дика строем направлялся к северо-востоку.

Лошади заметно похудели и идут, понурая головы; люди, усталые и угрюмые, грустно озираются в безбрежной пустыне.

На расстоянии, какое только можно окинуть глазом, не видно нигде ни людского жилья, ни живого существа; всюду лишь выжженная трава желто-красного цвета и синева неба. Ни одного пригорка, и только кое-где бугорки величиною с муравейник.

Немного впереди отряда трусят трое индейцев-проводников на некотором расстоянии один от другого.

Отряд двигался по следу, оставленному на песке мацтой индейского вигвама: когда индейцы перекочевывают

и увозят все составные части своего вигвама, они волочат за собой и срединный шест, или мачту.

После пяти или шести часов марша отряд вступил в долину между двух стен из разных каменных наслоений. Цвета все те же: желтый и красный, да сверх того горизонтальные пласты чего-то черного.

— Можно подумать, что это уголь,— заметил Армстронг, ехавший впереди колонны рядом с начальником своим, поручиком Ван Диком.

— Отчего же нет? — ответил тот сердитым голосом.— Теперь мы приближаемся к гребню гор на два склона, как говорит Красная Стрела. Ах, черт бы побрал их, эти склоны гор! Как бы мне хотелось очутиться дома, в крепости... Видите, мой милый, я боюсь, что мы слишком рискуем, идя по этому следу, и боюсь — не пришлось бы нам об этом пожалеть.

— Ба,— весело возразил Армстронг.— Беда невелика. По крайней мере, приятно сознавать, что идешь по местам, куда не проникал еще, быть может, ни один белый, и что надо рассчитывать только на самого себя, защищая свою шкуру от этих ужасных сиу. Уверю вас, дорогой Ван Дик, что я не променяю теперешнего положения на бездеятельность оставшихся в форте товарищей. Подумайте только: ведь мы можем узнать, наконец, куда ведут эти следы.

— Да, но, забравшись сюда, мы отклонились от данной нам инструкции,— заметил уныло Ван Дик,— и я сильно побаиваюсь, что получу за это от нашего начальства строгий выговор. И зачем это я вас послушал!

— Хорошо, я не буду просить вас идти хотя бы на один шаг далее, если сегодня к вечеру мы ничего не откроем,— сказал внушительно Армстронг.— Но скажите, пожалуйста, какая может произойти опасность от того, что мы идем по следу, оставленному мачтой индейского шалаша? О! Смотрите, уж нет ли чего новенького?

И Армстронг указал на одного из проводников, который, наклонившись к земле, что-то внимательно рассматривал.

Почти в тот же момент проводник повернул свою лошадь и поскакал навстречу офицерам, махая своим одеялом.

Этот маневр индейца немедленно произвел впечатление на весь отряд. Люди, дремавшие в седлах, выпрямились и с любопытством ждали приближения индейца. Он

быстро подскакал к голове колонны и остановил свою лошадь.

Этот проводник был здоровый и статный детина из племени шауни, в костюме полудиком, полоевропейском. На голове у него была остроконечная шляпа, какую прежде нашивали пуритане, с тремя перьями и медными украшениями, падавшими ему на лоб. Его бронзовое тело было обнажено до пояса; на ногах — грубые солдатские штаны и мокасины; поверх седла наброшено было богатое разноцветное одеяло. Вооружение состояло из ружья и целого арсенала заржавленных револьверов, которыми он был увешан.

— Что случилось, Красная Стрела? — спросил Ван Дик, выехав немного вперед. — Увидел ты что-нибудь новое?

— Новые следы: американская лошадь, мулы, белые люди! — прокричал горловым голосом индеец, пользуясь знанием немногих английских слов, которым он научился, живя поблизости от форта; при этом глаголы он заменял жестами и мимикой.

— Белые, здесь? — вскричал удивленный поручик. — Как это ты узнал?

Бронзовое лицо приняло выражение снисходительного презрения, и он лаконически ответил:

— След... кованая лошадь...

Ван Дик был ошеломлен; повернувшись к своему товарищу и передавая ему слова индейца, он произнес:

— Ну, что же теперь делать? Идти по следам или вернуться и уйти от них?

Фрэнк Армстронг, глядя на него, едва мог скрыть улыбку. Ван Дик был его начальником, за ним был опыт трехлетнего знакомства с равниной; но на походе, в степи, скоро сказываются характеры, и немного времени нужно было Армстронгу, чтобы вполне понять несложный и непривлекательный характер своего товарища. Ван Дик, можно сказать, вертелся, куда подует ветер, и стоило только с некоторою твердостью отстаивать свое мнение, чтобы заставить его уступить.

— Мне кажется очевидным, что мы должны идти по новому следу и настичь этих всадников, — возразил после короткого молчания Армстронг. — Быть может, это просто купцы какие-нибудь, если только не... — он что-то шептал про себя, — разве только...

Мысленно он договорил свою фразу.

Вместо того, чтобы успокоить Ван Дика, поведение Фрэнка совсем его расстроило.

— Купцы?.. Ну, это не находка,— живо возразил он.— Купцы, ведущие торговлю с индейцами, терпеть не могут, чтобы мешались в их дела, и готовы на все, чтобы сохранить их в секрете. Да, наконец, у нас в инструкции ничего не говорится о том, чтобы пускаться в опасные и бесполезные предприятия. И так как ответственным лицом состою я, то я официально отвергаю этот план преследования.

Подпоручик не возразил ни слова, и только спросил индейца:

— А что, люди, оставившие этот след, далеко? Сколько времени займет, чтобы их догнать, если ехать доброй рысью?

Красная Стрела взглянул на солнце, затем перевел взгляд на горизонт. Он размышлял и, казалось, приискивал в уме слова для выражения своего мнения; потом он начал бормотать, произнося, казалось, без всякой связи и смысла какие-то числа:

— Два, три, сорок, одиннадцать,— говорил он и при этом делал необычайные, но и бесплодные усилия, чтобы передать свою мысль.

Фрэнк догадался, что неправильно задал вопрос.

— Можем ли мы догнать их до заката солнца? — спросил он еще раз, медленно и отчетливо выговаривая слова.

Лицо индейца прояснилось.

— Да, солнце еще высоко будет...— принялся он объяснять, показывая на западе ту высоту, на которой солнце должно быть через три-четыре часа.

— Господин поручик,— заговорил Армстронг официальным тоном, обращаясь к своему начальнику,— не угодно ли будет вам разрешить мне отправиться одному, но с проводником, по этому новому следу, раз уж вы не хотите предпринять эту экспедицию всем отрядом? С помощью Красной Стрелы, я считаю, легко можно разгадать эту загадку, о чем я и доложу вам.

С облегченным вздохом и с легким сердцем Ван Дик сказал:

— Очень хорошо; это предложение делает вам честь, я даю вам такое разрешение. Что касается меня, то я полагаю, что уже и так увел свой отряд слишком далеко, и так как я отвечаю за всех и каждого, то отведу их

назад к реке и дам время на роздых лошадям. А вы, если непременно хотите продвинуться вперед еще на несколько миль с одним провожатым, поезжайте.

Фрэнк был в восторге от мысли, что наконец-то у него развязаны руки. А то Корнелиус до тех пор беспрестанно накидывал узду на молодеческие прожекты своего подчиненного.

— Вот и чудесно! — воскликнул Фрэнк. — Я с Красной Стрелой отправлюсь по новому следу и не далее как через три дня, если позволите, нагоню вас у старой плотины, близ устья речки Бомини.

— Прекрасно, — сказал Ван Дик. — Я буду вас ожидать три дня, мой милый. Но предупреждаю, что по истечении этого срока вы уже не рассчитывайте на меня: я поведу отряд обратно в форт. Я не могу рисковать безопасностью целого отряда ради ваших фантазий.

Подпоручик посмотрел на Ван Дика очень серьезно и сухо произнес:

— Не знаю, милостивый государь, что вы подразумеваете под словом «фантазия». Мне кажется, тут речь идет об исполнении долга, а не о фантазии... Если вы меня не будете ожидать на указанном вами месте, мне, конечно, придется возвратиться в форт одному. Но смею вас уверить, что ни это соображение, ни ваша угроза не остановят меня, если представится возможность добыть какие-нибудь важные сведения.

Ван Дик принужден был отвернуться от холодного и пристального взгляда молодого офицера.

— Дело решенное, любезный Армстронг, — ответил он. — Я не могу стеснять вас слишком узкими рамками. Но, повторяю, я не останусь более трех дней на назначенном пункте и на четвертый день уйду к форту. Я сочту себя счастливым, если удастся привести отряд целым и невредимым после глупейшей экспедиции по этой постылой пустыне.

— Я не вижу, что тут такого глупого, — ответил презрительным тоном Армстронг. — Но все равно; действуйте, как знаете, Ван Дик. Конечно, я мог бы ожидать большей любезности и даже внимания от товарища, офицера одного со мной полка...

— И прибавьте — от дурака, с которым имеешь общих друзей, — перебил его с насмешкой Корнелиус. — Намотайте себе это на ус, господин Армстронг: я не так прост, как вы полагаете, и мне надоело смотреть, как

другие моими руками жар загребают. Идите, идите; будьте покойны, я не стану ломать голову, как избавить вас от беды и охранить ваш череп и ваши волосы от рук индейцев, раз вы сами лезете в опасность очертя голову.

В пустыне, вдали от светских условий, грубые натуры легко сбрасывают с себя маску приличия и показываются в своем настоящем неприглядном свете. Впервые Ван Дик намекнул на соперничество, которое существовало между ними и которое оба они давно признавали. И Армстронг, глубоко оскорбленный, сказал:

— А, так вот в чем дело! Отлично. Что касается меня, то я предпочитаю даже лишиться головы, чем вовсе не подвергать себя опасности. Надеюсь, об этом будет упомянуто в приказе по полку.

— Желаю вам этого отличия,— иронически заметил Ван Дик.

И они расстались: Ван Дик вернулся к отряду, Фрэнк собрался в путь с тремя индейцами.

— Ступай за твоим господином,— сказал Ван Дик вестовому Армстронга,— и веди мула с багажом.

Ординарец, простоватый ирландец, хотя и удивился такому приказанию, тем не менее без возражений схватил мула за повод и отправился вдогонку за Армстронгом.

Тот, увидя его, сказал:

— Патрик, можешь вернуться: ты мне не нужен.

— Как же это? Кто же будет вам готовить завтрак и обед? Кто будет седлать лошадь?

— Я сам, мой добрый Патрик; а если господин не сумеет сам себе приготовить обед и ужин, он останется без них.

Патрик больше не настаивал; отдав по-военному честь своему офицеру, он повернул лошадь и мула и поехал обратно к отряду. Армстронг, несмотря на всю свою решимость, тяжело вздохнул, глядя на удалявшегося вестового. Но тотчас, обратившись к проводнику, сказал:

— Ну, Красная Стрела, показывай теперь дорогу. Полковник Сент-Ор сказал мне, что я вполне могу довериться тебе — и вот я весь в твоей власти.

Шауни, польщенный, приподнялся в седле и заговорил с гордостью:

— Полковник... комендант — великий вождь, ужасно великий... и всегда берет с собою Красную Стрелу! Красная Стрела тоже великий начальник... Очень великий...

Фрэнк Армстронг уже имел некоторый опыт общения с индейцами.

— Комендант говорил, что он никогда не встречал проводника лучше Красной Стрелы. Еще в последний вечер он мне говорил, что с Красной Стрелой он не побоялся броситься в гущу ста тысяч сиу или черноногих — все равно.

Бронзовое лицо шауни сияло от удовольствия, пока он слушал эту похвалу. Он протянул руку и издал победный клич:

— Гуг-гуг! Пожмите эту руку, поручик, пожмите!

Молодой человек сердечно пожал протянутую ему темную ручищу, очень довольный тем, что сумел задеть чувствительную струну и приобрести дружбу и доверие индейца.

— Не сомневаюсь в том, что ты приведешь нас невредимыми в крепость. Полагаю, возвратившись, мы не застанем Ван Дика на указанном месте. Но скажи мне откровенно: решишься ли ты проникнуть со мной в лагерь сиу, если это окажется необходимым?

Проводник принялся хохотать.

— Сиу — глупцы... Красная Стрела идет... середина... священный шатер... дать приказание...

Между тем отряд уже скрылся из глаз; местность была низкая, и следы, по которым они шли, делались особенно явственными, благодаря свойству грунта. Было ясно, что по этой дороге прошло несколько индейских племен со своими пожитками. Несмотря на малую опытность, Армстронг отлично заметил борозды, оставленные на песке длинными жердями от палаток, которыми обыкновенно краснокожие нагружают своих маленьких лошадок.

— Ведь это не тот след, о котором ты мне сейчас говорил? — спросил Армстронг.

— Нет, тот след рядом, по нему идет мой товарищ.

Армстронг подъехал к другому проводнику и тотчас разглядел следы двух свежеподкованных лошадей и рядом двух мулов.

— Кто мог оставить эти следы?

— Не знаю, — ответил индеец, апач, на ломаном испанском.

— А что думает Красная Стрела?

— Может быть... скоро... знать, — ответил индеец.

Не говоря более ни слова, всадники пустились по свежему следу.

Местность заметно менялась. На горизонте показался голубоватый гребень целой цепи холмов, с которыми сливалась незаметно поднимавшаяся степь; на ее песчаной поверхности кое-где возвышались купы кактусов. На расстоянии, как казалось на глаз, нескольких миль виднелся легкий туман меж двух темных линий; вероятно, это был какой-нибудь ручей.

Всадники не замедлили догнать третьего проводника, который остановился, поджидая их, и между ним и Красной Стрелой завязался очень оживленный разговор на их наречии.

Разговаривая и жестикулируя, они все указывали на что-то рукой по направлению к упомянутому туману.

Наконец Красная Стрела заговорил, обращаясь к Фрэнку:

— Белые... там... белые, лагерь, вода... дрова... огонь... все, все! — И, указывая рукой все в том же направлении, прокричал: — Гуг, дым!..

Несмотря на свой бинокль, Армстронг дыма никак не мог разглядеть, хотя опытный глаз Красной Стрелы безошибочно видел белую струйку на горизонте. И только после долгого пристального взглядывания Армстронг различил наконец тонкую беловатую струю, которая выходила из-за вершин деревьев, разрасталась и исчезала в вышине.

— Вы думаете, это дым от огня, разложенного белыми?

Индеец жестом ответил, что не сомневается в этом.

— В таком случае, мы и поедем прямо на этот огонь, — сказал офицер решительным тоном. — Если это порядочные люди, им нечего нас бояться; если же это какие-нибудь разбойники, то, судя по следу, нас столько же, сколько и их. Ну и посмотрим, кто одолеет! Вперед!

Говоря это, он пришпорил лошадь и поскакал, сопровождаемый на этот раз всеми тремя проводниками.

8. В ПОГОНЕ ЗА НОВОСТЯМИ

Дым, привлечший внимание проводников, поднимался от бивуака, расположенного на опушке кедрового леса, подле которого мирно паслись в густой траве две лошади и два мула; это их следы обнаружил Красная Стрела. Лошади эти были прекрасные образчики поро-

ды, средней между индейским пони и большой американской лошастью. Мулы были хорошего роста, сильные и молодые. Но и те и другие прошли длинный путь, что подтверждалось их худобой и тою жадностью, с которой они щипали траву.

Протекавшая вблизи река Желтый Камень, шириною в тысячу футов, несла свои воды меж зеленых берегов, покрытых роскошной травой, выросшей на черноземной почве. Эта луговина тянулась на северо-восток вплоть до цепи холмов, и по обе стороны береговых лугов стояли высокие кедровые леса.

В двадцати шагах от пасшихся животных весело трещал костер из сухих сучьев, а вокруг огня сидели три человека, которые собирались завтракать. Подле них были сложены в кучку два мексиканских выюка, два широких калифорнийских седла, одеяла, мешки и карабины.

Один из этих людей был Марк Мэггер, корреспондент газеты «Геральд», пустившийся разузнать о предполагаемом заседании военного совета индейцев. Но даже самому близкому его приятелю было бы трудно признать Марка Мэггера: так за эти дни изменились и костюм и лицо корреспондента.

Во-первых, лицо его, обыкновенно чистое, гладко выбритое, с веснушками, теперь стало бронзовым от загара, а небритая борода делала его неузнаваемым. Голубая фланелевая блуза с ремнем заменена была длиннополым черным сюртуком, застегнутым на пуговицы сверху донизу. Вместо широкополой соломенной шляпы на голове была черная фетровая. Короче говоря, Мэггер преобразился в скромного служителя американской церкви.

Что касается его товарищей, то не было сомнения в том, что это «люди равнины», как их называют на дальнем востоке, то есть белые, для которых степь стала второй родиной.

Один из них был здоровенный детина с огромной головой, казавшейся еще больше от массы черных как уголь волос и такой же бороды. Этот гигант смотрел на всех добрыми глазами; в чертах лица выражались открытый характер и безграничная отвага. Одет он был в красную рубашку и красные штаны, заправленные в высокие сапоги; на голове едва держалась белая шляпа: до того она была со всех сторон продырявлена. Его единственное оружие — ружье — лежало подле него. Этот чело-

век был известен под именем Чарлея из Колорадо, и известность его простиралась на пятьсот миль вокруг.

Что касается последнего члена этого маленького отряда — его звали Красавец Билл, — вероятно, из-за его безобразия. Его настоящее имя было Вильям Фэрд; это был француз-метис, маленький, коротенький человек, сильный как бизон, с темным цветом лица, толстыми губами и выдающимися скулами. Война и болезнь, казалось, одна перед другой старались обезобразить лицо Красавца Билла: все оно было испещрено оспинами; глубокий сабельный шрам шел наискось от лба к нижней челюсти; нос был едва заметен, и ко всему этому уцелел только левый глаз; передних зубов не было. В одну из его многочисленных экспедиций добирались и до единственного глаза Билла, но Чарлей из Колорадо подоспел вовремя на помощь и уложил на месте нападавшего. Это обстоятельство породило между Чарлеем и Биллом тесную дружбу, и с той поры они были неразлучны. Физические недостатки Билла не мешали ему быть одним из самых замечательных следопытов.

— Ну, Чарлей, — сказал корреспондент «Геральда», снимая свой долгополый кафтан и бережно складывая его, — скоро узнаем, по настоящей ли дороге мы идем. Как вы думаете?

Чарлей собирался насадить кусок мяса на палочку и поджарить его на углях и потому не тотчас ответил:

— Красавец Билл и я решили довести дело до конца, господин Мигюр, и мы сдержим наше слово, только бы кожа на наших головах осталась цела. Не так ли, Билл?

Билл в это время подносил ко рту приготовленный лакомый кусочек и просто ответил:

— Вы знаете, я всюду с вами, и господин Мэгр может положиться на нас.

— Неужели вы — ни тот, ни другой — не в состоянии называть меня моим настоящим именем? — спросил корреспондент, смеясь. — Полагаю, что сказать «Мэггер» ничуть не труднее, чем говорить «Мигюр» и «Мэгр».

— Очень благодарен за урок, господин Мигюр, — сказал Чарлей с величественным видом. — Конечно, я не обучен особенным тонкостям, а все-таки и я кой-чему научился в Кентукки лет тридцать тому назад, и пусть я подавлюсь этим бифштеком, если Мегер произносится в любой цивилизованной стране иначе, нежели Мигюр.

— Если таково ваше личное мнение, я настаивать не могу,— сказал Марк, смеясь.

— Да, это мое мнение, и я буду его отстаивать перед целым светом... Но что с тобой, Билл?

Билл испустил какой-то свойственный только ему звук и пальцем указал на дорогу, по которой они приехали. Деревья в том месте, где они сидели, образовали над ними шатер; между ветвями видна была равнина, а вдали можно было различить группу всадников.

— Индейцы, честное слово! — вскричал Чарлей, бросаясь к своему ружью.

Что касается Мэггера, то он встал и не торопясь вглядывался вдаль. Это были несомненно верховые на расстоянии в несколько миль; направлялись они к бивуаку по тому же следу, который привел на это место и Мэггера с товарищами.

Дети равнины не теряли времени на разглядывание приближавшихся к ним людей. Они побежали к лошадям и мулам, чтобы привести их поближе к бивуаку.

Между тем наш бесстрашный корреспондент вынул подзорную трубу и внимательно рассматривал скачущих; довольный результатом, он обратился к товарищам, не успевшим еще подвести лошадей, и закричал:

— Все отлично, Чарлей! Это казенные проводники и с ними драгунский офицер!

— В таком случае, нам придется бежать или заставить их убраться,— ответил тот очень серьезно.

— Почему? Ведь мы не делаем ничего незаконного.

— Разве можно когда-нибудь знать, что военные считают законным и что незаконным? — возразил человек равнины.— Эти военные только и думают о том, как бы помешать честным людям заработать кусок хлеба. У них всегда за пазухой какой-нибудь лист бумаги, повелевающий вам покинуть индейскую землю, особенно если у вас есть дела с краснокожими.

— А ведь можно подумать, что вы занимаетесь немножко контрабандой, а?

— Что же из этого? Во всю мою жизнь я не сделал ни малейшего вреда ни белому, ни краснокожему; не всякий правительственный агент может этим похвастаться... Я никогда не торговал гнилой мукой или тухлой свиной... А что касается виски, то я, ей-Богу, продавал лишь то, которое пил сам. А ведь больше этого я никак не мог сделать! И вот неожиданно-негаданно является ка-

кой-то франт-подпоручик со своими двумя рядами медных пуговиц и говорит: мой милый, надо покинуть это место, мы не можем позволить вам оставаться здесь... Еще бы, черт возьми! Ох, уж эти военные! Где они появятся, туда порядочный человек лучше и не показывайся.

И Чарлей энергично сплюнул, как бы желая этим подчеркнуть свое презрение к цивилизованным жителям Америки.

Между тем Марк Мэггер снова уставил свою трубу на приближавшихся всадников.

— Кто бы ни были эти люди,— заметил он спокойно, обращаясь через минуту к Чарлею,— мне кажется, что будет гораздо лучше оставить ваши ружья в стороне. Во-первых, если сопровождающие офицера индейцы — из племени сиу, нам не следует с ними ссориться, так как мы хотим проникнуть в их лагерь. Ведь вы знаете, каковы наши условия.

— Я не забываю, что мы поступили к вам в услужение, господин Мигюр,— почтительно ответил житель равнины,— но когда нас трое против четверых, и мы при этом отлично укрыты и защищены, не унижаться ли отказываться от сражения?

— Если бы, друг мой, в мои намерения входило вести с кем бы то ни было сражения, я не допустил бы, чтобы вы оставили ваши револьверы в крепости, где я оставил и свой. Я сказал вам, что дело надо вести тонко и осторожно... Вы увидите, я добьюсь своего... Итак, положите ваши ружья на землю, прикройте их одеялом и отведите лошадей и мулов на траву, откуда вы их привели... как будто ничего не произошло.

Чарлей послушался, но был, видимо, огорчен. Что до Билла, то, не говоря ни слова, он помогал товарищу придать всему прежний вид.

Корреспондент не переставал наблюдать в трубу за всадниками, заметно приближавшимися, и когда они были на расстоянии около мили от бивуака, он надел свой черный длиннополый сюртук и уселся у огня.

Между тем Фрэнк Армстронг и проводники его подъезжали; лошади их, почуяв прекрасный корм на пастбище, без понукания неслись все быстрее и вскоре очутились у самого бивуака. Индейцы уже давно разглядели, что у огня было всего трое белых, мирно расположив-

шихся как бы на отдыхе, а потому, считая всякую предосторожность излишнею, въехали прямо в лесную чащу.

Молодой подпоручик был ужасно изумлен, когда, подъехав ближе, увидел пастора в длинном сюртуке и белом галстуке, погруженного в чтение церковного требника.

— Здравствуйте, падре! — вежливо сказал он, пока индейцы почтительно разглядывали сидевшего у огня священника.

Тот быстро поднял голову, как бы удивившись тому, что кто-то с ним заговаривает, и, оставив книгу, произнес:

— Вот диво! Путешественники в этих местах! Добро пожаловать...

— Ваше преподобие, — сказал Фрэнк, — не позволите ли вы нам остановиться на вашем бивуаке?

— Лицо земли принадлежит всем детям мира сего, — уклончиво ответил пастор. — Вода, пастбище, хворост и даже дичь, которая здесь обретается, принадлежат столько же вам, господин офицер, сколько и нам.

— Итак, с вашего позволения, мы остановимся и расположимся здесь, — сказал молодой человек и в ту же минуту слез с лошади и начал ее расседлывать. — Почтенный отец, — продолжал он с изысканной вежливостью, — благоволите сказать мне, с кем я имею честь говорить? Мое имя Армстронг — подпоручик 12-го драгунского, к вашим услугам.

Пастор уже опять было углубился в свое чтение. Он снова, как бы удивленный, поднял голову и произнес:

— Извините, вы, кажется, о чем-то меня спрашивали, господин офицер?

— Да, да, — слегка нахмурившись, ответил Армстронг. — Я просил вас сказать мне ваше имя. Я офицер федеральной армии, достопочтенный отец, и не только мое право, но мой долг — осведомиться об имени и роде занятий всякого белого, которого я встречаю на индейской земле.

— О, вы, конечно, извините мое незнание военных обычаев, господин офицер! Очень рад объявить вам и мое имя, и род моих занятий. Я — пастор Смитфилд, бакалавр богословия из Кайенны, и направляюсь в лагерь сиу, где, быть может, мне удастся кого-нибудь обратить в христианскую веру.

— В самом деле! — воскликнул Фрэнк. — Я тоже, по-

чтенный отец, на дороге в лагерь сиу: мы можем ехать вместе!

На этот раз пастор отложил в сторону молитвенник и с минуту молча смотрел в глаза молодому офицеру.

— Вы это серьезно говорите? — спросил он. — Понимаете ли вы, что я отправляюсь к вождю, который поклялся в непримиримой ненависти к американскому правительству, и что, если вы вздумаете там показаться, тысяча воинов, жаждущих крови, растерзает вас?

— Знаю, но отчего же не попробовать солдату того, на что решается пастор?

— Вы забываете одну деталь, одну особенность моего положения, а именно: самые дикие краснокожие уважают лиц духовного звания. Они знают, что я прихожу к ним не за землями, не за мехами, и что за убежище я им заплачу. Вот почему я без опасения могу пойти к сиу, тогда как вы рискуете жизнью, и можно спорить сто против одного, что вы заплатите ей.

— Ваши рассуждения не лишены справедливости, но тем не менее я решил или следовать за вами в лагерь сиу, или отвести вас пленником в форт Лукут.

— Как то, так и другое будет недостаточно великодушно, — ответил мнимый Смитфилд. — Если я не ошибаюсь, вам хочется, чтобы я ввел вас к индейцам?

— Именно, вы как нельзя лучше поняли мою мысль.

— Но подумайте только: ведь я и по своему сану и по личному убеждению должен оставаться нейтральным. Выходит, что я, посланник мира, берусь ввести в лагерь Медведя-на-задних-лапах — великого вождя племени сиу — человека, мне совсем незнакомого, который, в конце концов, может быть не что иное как шпион, и у которого, конечно, готов какой-нибудь план для истребления племени...

Фрэнк Армстронг живо почувствовал всю справедливость этого возражения и поник головой.

— Почем вы знаете, — заговорил он наконец, — может быть, наперекор вашему мнению, я несу предложение мира вождю сиу. Послушайте, почтенный отец, мне надо вам объяснить мои намерения, иначе они вам могут показаться просто фантазией. Уверяют, что там появился вождь... белый... то есть смешанной крови: наполовину индеец и наполовину американец, — что недоразумения, жертвою которых он сделался, отвратили его от белых и сделали сторонником индейцев... На основании того, что

о нем рассказывают, о его гении, отваге, о военных познаниях, о возвышенности взглядов, мне кажется, что это один из моих друзей... самый дорогой товарищ молодости... и мне хочется спасти его от безумного предприятия, задуманного им, убедить его бросить дальнейшее восстание, которое может кончиться только бедой для краснокожих... Вот почему мне хочется проникнуть в лагерь сиу, а там — что Бог даст!.. Если вы, отче, откажетесь мне в этом помочь, мне останется одно: просить вас сопровождать меня в форт Лукут.

Мнимый священник пожал плечами.

— Нет, простите, в Лукут вас провожать я не буду. Мне лучше исполнить ваше желание. Но помните, какой опасности и какому риску вы подвергаетесь... Индейцев ваших вести с нами невысказанно. В роли своего слуги могу я вас провести в лагерь. Само собой разумеется, что моя свита может иметь при себе только по одному ружью, необходимому для добывания дичи на пропитание.

— Нет,— возразил Армстронг,— вы меня возьмете таким, как я есть. К вождю племени сиу поедет подпоручик 12-го драгунского полка, а не слуга пастора. Что касается моих индейцев, то, если вы находите нужным, я их отошлю,— ничего нет проще.

Почти с восхищением Смитфилд смотрел на Фрэнка Армстронга, взглядом меряя его с ног до головы.

— Ну, пусть будет по-вашему. Это — сумасшествие, но оно меня восхищает.

Выражение лица и вся фигура говорившего так поразили Армстронга, что он воскликнул:

— Простите меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что вы не тот, за кого себя выдаете,— одним словом, вы — не пастор!

— Вы правы,— сказал Мэггер, решительно сбрасывая маску,— я специальный корреспондент «Геральда», к вашим услугам, и искренний поклонник вашей отваги. Когда вы только захотите, господин Армстронг, если вы владеете пером так же искусно, как шпагой, вы можете поступить в редакцию нашей газеты, так как, я полагаю, во всей вашей засидевшейся в казармах армии не найдется и двух офицеров, которые осмелились бы на то, что вы предпринимаете!

Говоря это, он протянул руку молодому офицеру, и тот искренне пожал ее.

— Скажите, пожалуйста, имели ли вы хотя малей-

шее подозрение относительно того, кто я, до того времени, как я выдал себя?

— Право, нет. Вы отлично исполняете свою роль.

— Ничего не поделаешь! Надо быть на все способным, когда хочешь разжиться свежими новостями. Это, пожалуй, скажете вы, уж слишком; но мне взбрело в голову представить подробный отчет о том, что произойдет на большом совете сиу, и я или попаду к ним, или сложу голову.

— А вот увидите,— с жаром сказал Армстронг,— мы добьемся своего и ничем за это не поплатимся!

— Да, мы добьемся, я это чувствую, а мои предчувствия меня никогда не обманывали... Полагаю, кусочек жареного мяса вам будет нелишним, не так ли?

Чарлей и Красавец Билл принялись немедленно за работу, и через четверть часа между молодыми людьми была заключена дружба, и они уселись за великолепный бифштекс.

9. ОХОТА НА БИЗОНОВ

Внутри форта Лукут в тот день все было в движении, слышались веселые голоса и звуки музыки.

Оркестр 12-го драгунского полка исполнял свои лучшие номера; у ворот стояли шарабаны и фургоны, а на плацу толпились всадники и амазонки. Большая половина всадников была офицерами, но были и приглашенные штатские; последние, вооруженные с головы до ног ружьями и револьверами, восседали на индейских пони. Бывший между ними судья Брэнтон, одетый в серый костюм и высокие сапоги, имел вид завязанного охотника.

Командант полковник Сент-Ор, сменивший свой военный мундир на замшевую куртку, отдавал последние приказания и распоряжения относительно участников охоты.

— Господин Брэнтон, я оставил вам место в шарабане с моей женой и госпожой Пейтон. Пожалуйста, займите ваше место: пора выезжать. Нам предстоит проехать четырнадцать миль, прежде чем доберемся до бизонов. А где же господин Гевит?

Подпоручик Гевит подъехал на лошади, бледный и с рукой на перевязи. Его враг Татука не был найден, хотя поиски велись вплоть до Малого Миссури.

— Господин Гевит, я поручаю вам сопровождать фургоны с провизией. Поймите, вам нужно себя беречь, не утомляться, не то вы огорчите доктора Слокума, если привезете с охоты лихорадку. Вы поедете шагом,— вот вам мой приказ. А теперь — на коней и марш!

И все тронулись из форта.

Через полчаса компания достигла границы зеленых лугов, начинающихся в двух-трех милях от форта Лукут и продолжающихся вплоть до голой степи.

Воздух был сух, чист и так прозрачен, что все предметы казались ближе, чем были на самом деле; но в то же время было довольно свежо — это была середина октября, и прошло уже три недели после выступления отряда под командой Ван Дика из форта Лукут в степь. Во все это время на сто миль в окружности никто не видел ни одного индейца, хотя разведка делалась каждый день. Вот почему комендант и счел возможным устроить эту грандиозную охоту на бизонов.

Соседи, узнав об отсутствии индейцев в округе, спешили друг перед другом получить приглашение на эту охоту. Все дамы и почти все офицеры форта приняли участие в празднике. В форте с временным комендантом капитаном Штрикером остались только несколько офицеров для прохождения гарнизонной службы.

Немногие были в экипажах, остальные разжились верховыми лошадьми.

Жюльетта Брэнтон, единственная дочь богатого отца, восседала на великолепном чистокровном коне, приведенном с большими хлопотами и издержками из Омахи собственно для этого дня. Что же касается Нетти Дашвуд, то ее имущество заключалось только в седле и длинной амазонке, и ей пришлось бы удовольствоваться фронтальной драгунской лошадью, если бы на выручку не подоспел капитан Джим.

— Милая барышня,— сказал он,— у меня есть пони, хотя не очень красивый, но быстрый на ходу; я предоставляю его в ваше полное распоряжение. Попробуйте, а я вам ручаюсь, что уж позади других вы на нем не останетесь.

Нетти Дашвуд, которой не очень-то улыбалась перспектива карабкаться на высокую солдатскую лошадь, приняла предложение капитана Джима с благодарностью, и таким образом очутилась на прелестном белом пони, полном жару и огня.

Себе капитан Джим оставил красивую гнедую лошадь, купленную в Южной Каролине у одного разорившегося плантатора. Брат Джима, полковник, сидел на своем великолепном жеребце; поручик Пейтон выглядел недурно на своем вороном. Вообще, все было прилично, а у некоторых гостей были и прекрасные лошади и красивые костюмы.

Все общество весело двигалось по зеленому лугу, болтая и пересмеиваясь; иногда пускали лошадей в галоп; в арьергарде величественно тащились фуры с багажом и провизией.

Переход в четырнадцать миль совершился почти незаметно, и не прошло и двух часов, как раздался сигнал остановиться на привале. Место выбрано было очень красивое: тут была свежая зелень и несколько водоемов, наполненных последними дождями.

Вся окружающая местность была именно такою, какой представляется воображению европейца «американская равнина». Это, насколько хватает глаз, океан зеленой густой травы, которая колыхается от тихого ветерка, как морские волны.

— Вот это настоящая равнина! — вскричала Нетти Дашвуд.

— Что же, разве мы здесь остановимся? — спросила Жюльетта.

— Да, сударыня, — сказал адъютант Пейтон. — Фургонам отдано приказание остановиться у того озерка, и там будет приготовлен завтрак. Нам остается не более одной мили до большой дороги, по которой ходят бизоны.

— О, как бы мне хотелось поскорее их увидеть! — сказала Нетти. — Разве мы не успеем доехать туда, пока готовят кушанье?

— Пожалуй, — согласился Джим, — это займет не более получаса времени. Мисс Жюльетта и вы, Пейтон, хотите принять участие в нашей экспедиции?

Получив утвердительный ответ, капитан поехал вперед, чтобы показывать дорогу, девушки в сопровождении Пейтона следовали за ним. Кавалькада направилась к линии холмов, которые замыкали равнину с северной стороны. Вскоре они потеряли из виду оставшихся на месте охотников.

— А что, если я вдруг брошу вас, — спросил Джим у Нетти Дашвуд, — найдете вы одна дорогу назад?

Она оглянулась во все стороны: зеленая равнина не представляла ни одной сколько-нибудь выдающейся приметы.

— Попробую,— сказала она уверенным тоном.

— А какое же направление вы возьмете?

— На запад, конечно, так как по выезде из форта мы шли на восток, если я не ошибаюсь.

— Ну, а как вы определите, где восток?

— По солнцу, конечно.

— А если солнце будет за тучами?

— Ну, в таком случае я прибегну к помощи моего компаса.

— Как, у вас есть компас?

— А вот видите, на часовой цепочке.— И она показала крошечный компас, величиною не более монетки.

— Ну, признаюсь, вы одно из чудес нашего времени. Ведь вот кухне вашей такая предосторожность и в голову не придет.

Жюльетта Брэнтон с Пейтоном немного отстали; вот почему Джим позволил себе такой бесцеремонный отзыв.

— Вы очень ошибаетесь насчет моей кухни: она совсем, совсем не глупа; она говорит на трех языках.

— Да я и не сомневаюсь в том, что она говорит на трех языках, исполняет сонаты Бетховена, поет модные романсы и сумеет нарисовать букет роз на веере. Сомневаюсь только в одном, что она, раз заблудившись здесь, сумеет найти дорогу.

— Ну, об этом ей, как и нам, нечего беспокоиться. Полагаю, что мы здесь не потеряемся.

В это время лошади начали подниматься на довольно крутой пригорок, и капитан, внезапно остановившись, сказал девушке:

— На том склоне горы могут быть бизоны. Пустите меня одного подняться, а вы подержите мою лошадь.

— Давайте.

Джим Сент-Ор слез с лошади, передал поводья своей спутнице и с подзорной трубой в руках взошел на вершину горы. Там он осторожно улегся в траву и, направляя трубу в разные стороны, принялся осматривать окрестность. Вдруг он быстро сложил трубу, повернулся и поспешно стал спускаться с горы.

— Надо как можно скорее вернуться в лагерь,— сказал он своим спутникам,— там индейцы.

При этом неожиданном известии Жюльетта Брэнтон так побледнела, что казалось — она сейчас лишится чувств. Что касается Нетти, то у нее от радости заблестели глаза и она воскликнула:

— Какое счастье, как интересно! Ведь я никогда не видала диких, то есть настоящих диких...

Оба офицера в недоумении переглянулись. Их поразила эта безотчетная отвага слабенькой на вид девушки, какой казалась мисс Дашвуд рядом с величественной Жюльеттой Брэнтон.

— Успокойтесь, мисс Жюльетта, — сказал Джим, — нет никакой опасности: индейцы от нас в пяти милях, если не больше, и притом они нас не заметили.

— Все равно я боюсь! — вскричала Жюльетта с неопределимым ужасом. — Поедьте, поедьте отсюда! Господин Пейтон, ради Бога, проводите нас скорее в лагерь.

— В самом деле, уезжайте-ка подобра-поздорову. Я поеду позади вас, чтобы понаблюдать за передвижением этих разбойников и вообще узнать, в чем дело.

— Позвольте мне остаться с вами, капитан, — взмолилась Нетти Дашвуд, как бы желая этим окончательно успокоить Жюльетту.

— С большим удовольствием, тем более, что в сущности никакой опасности не предвидится.

Несмотря на это уверение, Жюльетта Брэнтон пустила свою лошадь в галоп и поскакала к лагерю в сопровождении Пейтона. Вскоре оба скрылись за холмами.

— Вы, мисс Нетти, просто храбрый солдатик, — сказал капитан, когда они остались вдвоем. — Но вы сильно ошибаетесь, если предполагаете в индейцах рыцарские чувства и ожидаете какого бы то ни было снисхождения к девушке. Ведь это просто дьяволы: они не различают ни пола, ни возраста, и, откровенно говоря вам, если бы нам грозила опасность быть захваченными здесь, то прежде чем попасть к ним в руки, я взял бы револьвер и застрелил сначала вас, потом себя. На этом условии вы не откажетесь от своего желания подняться на вершину, чтобы посмотреть на индейцев?

Нетти чуть-чуть побледнела, и рука, державшая повод, задрожала, но она быстро овладела собой и сказала:

— Да, капитан, я иду с вами! К тому же я вооружена! — И она вынула из-за пояса маленький пистолет, отделанный слоновой костью, и показала его Джиму.

— Что это такое? — спросил он, вытаскивая лорнет, как будто оружие было слишком мало, чтобы его разглядеть.

— Это очень хороший пистолет, уверяю вас, — сказала Нетти, немножко обиженная. — Я из него попадаю в шляпу с двенадцати шагов семь раз из десяти.

— Мисс Нетти, вы напомнили мне слова, сказанные неким Чарлеем Колорадо, когда противник направил на него такое же точно оружие...

— Чарлей Колорадо?.. Это кто ж такой?

— Житель равнины, один из наших друзей. «Слушай, друг, — говорил он, — если я услышу малейший шум от этой игрушки (показывая на пистолет), я заставлю тебя проглотить ее как пилюлю».

Нетти расхохоталась, и, видя, что капитан садится на лошадь и едет на гору, последовала за ним не колеблясь.

Они сразу же разглядели вдали группу людей, направлявшихся прямо к ним.

— Почему вы думаете, что это индейцы? — спросила Нетти.

— Возьмите трубу и посмотрите сами.

Она взяла трубу, направила ее в указанную сторону и после нескольких минут наблюдения воскликнула:

— Конечно, нет, капитан! Это вовсе не индейцы. Разве индейцы носят шляпы?

— Позвольте-ка мне еще раз поглядеть в трубу. Конечно, я мог ошибиться... Но мне кажется, что...

На этот раз он смотрел долго и внимательно и вдруг разразился хохотом.

— Ваша правда, мисс Нетти! Я-то хорош: принял белых за краснокожих, да еще каких белых — своих собственных драгун. Ведь это поручик Ван Дик и его команда!

Девушка побледнела как полотно, потом вспыхнула, но смолчала.

— Ну, ну, успокойтесь, — сказал отеческим тоном капитан. — Вам не придется распечатывать знаменитого письма, чему я очень рад. Ваш друг, конечно, цел и невредим, как я и предсказывал вам.

— Но разве вы видите его? — спросила она вдруг.

— Ах, в самом деле, нет, его я еще не видел; но как же вы хотите на таком расстоянии разобрать лица? Надо хорошенько взглядеться.

— Ах, пожалуйста, взглядитесь, прошу вас, — сказала

Нетти.— Не знаю почему, но я не могу теперь справиться с подозрительной трубой. А вы, дорогой капитан, попробуйте, постарайтесь разглядеть...

Он исполнил ее просьбу и уставился вооруженным трубой глазом в отряд, быстро приближавшийся к ним. Без сомнения, это Ван Дик качается в седле во главе колонны; усталые и исхудавшие лошади; люди, покрытые слоем пыли, обросшие за три недели, в течение которых к их лицам не прикасалась бритва... Вот и проводники Красной Стрелы... но самого Красной Стрелы, так же как и подпоручика Армстронга, что-то не видно.

Капитан все продолжал смотреть; у него возникло печальное предчувствие, и он задал себе вопрос: что сказать бедной девушке, которая ждет его ответа как приговора?

Наконец он опустил трубу, но прежде чем он открыл рот — девушка сама обо всем догадалась:

— Я так и знала! — вскричала она. — Я была уверена, что Корнелиус выдаст его, изменит ему... подлец... О, капитан Сент-Ор... Какой негодяй этот Корнелиус! Он цел, он не умер, он не подвергался никакой опасности... О, как я ненавижу его! Я убила бы его охотно собственной рукой, несмотря на то, что он мне двоюродный брат.

Она задыхалась от рыданий и от охватившего ее негодования.

— Полноте, перестаньте, мисс Нетти, — сказал капитан твердо, — вы сами не знаете, что говорите! Надо образовываться с фактами, а не предположениями... Армстронга, кажется, нет при отряде, — это возможно; но в то же время я не вижу и Красной Стрелы, самого искусного из всех проводников и следопытов по всей равнине. Отчего не предположить, что они просто остались позади? Во всяком случае, мы узнаем истину, если поедем навстречу Ван Дику.

— Навстречу этому чудовищу?.. Никогда!.. Нет, прошу вас, капитан, вернемся лучше в лагерь. Никто не посмеет сказать, что я, единственный — да, единственный! — друг Армстронга, пошла приветствовать того, кто его предал, покинул его, я в этом уверена... Когда я считаюсь другом кого-нибудь, то это навсегда, на всю жизнь.

— Я это вижу, — ответил Сент-Ор. — В таком случае, поедем в лагерь, а не то они нас застигнут здесь.

Нетти не заставила себя уговаривать; она повернула

лошадь и пустила ее в галоп; за нею вслед поскакал и капитан Сент-Ор.

Они застали в лагере страшный переполох: комендант был на лошади, фургоны образовали каре, в котором люди готовились к отпору ожидаемого нападения.

Само собой разумеется, что известия, привезенные капитаном Джимом, положили конец этой тревоге. Комендант поехал навстречу отряду, а Нетти удалилась в палатку миссис Сент-Ор и там, на груди Жюльетты, плакала и высказывала свои опасения, которых не могла скрыть.

10. ДОНЕСЕНИЕ ПОРУЧИКА ВАН ДИКА

Комендант, отъехав от лагеря, вскоре увидел приближавшийся отряд и с напряженным вниманием стал разглядывать его.

Прежде всего бросался в глаза Ван Дик, ехавший во главе колонны; в арьергарде виднелось несколько лошадей и мулов в поводу, — признак того, что отряд понес потери; люди имели утомленный и унылый вид; все говорило о дурном исходе экспедиции.

Комендант, впрочем, воздержался от того, чтобы высказать новоприбывшим свое неприятное впечатление. Он холодно ответил на отданную ему честь; Ван Дик скомандовал солдатам остановиться и подъехал с рапортом.

— Господин полковник, имею честь представить вам отряд, вверенный мне; мы были на расстоянии десяти верст от Желтой реки, шли по замеченным нами следам, встретили и рассеяли шайку сиу, убили при этом трех человек и отобрали несколько лошадей. Зато, в свою очередь, мы понесли чувствительную потерю: я должен, к сожалению, объявить, что из отряда выбыли подпоручик Армстронг и проводник Красная Стрела. Они оба в плену у индейцев.

— При каких обстоятельствах это произошло? — спросил полковник, впиваясь глазами в Ван Дика.

Молодой офицер потупился и, помедлив несколько, заговорил своим слащавым голосом:

— Господин Армстронг отделился от нас. Он просил моего разрешения пуститься по новому следу; с ним поехали проводники: Красная Стрела, Ловкая Лисица и

Большая Собака. Было условлено, что они не позже трех дней возвратятся к отряду, который будет ожидать их в устье ручья Бомини, на том самом месте, где генерал Молей во время своей последней экспедиции останавливался лагерем.

— Хорошо-с, опустите эти подробности,— сказал полковник, заметив, что поручик тянет.

— Мы ожидали три дня; это дало нам возможность немножко поправить лошадей; на третий день двое из проводников, взятых господином Армстронгом, вернулись. И так как от них я узнал, что по соседству бродит шайка сиу, то и счел необходимым разогнать эту сволочь, и в ту же ночь мы их настигли... Подо мной ранена лошадь...

— Но позвольте, что же случилось с господином Армстронгом? Где он? — перебил рассказчика полковник с тревогой в голосе.— Подробности вашего подвига вы расскажете после... Проводники, вы сказали, вернулись...

— Безо всякого поручения ко мне от Армстронга, господин полковник. Из их рассказов я понял, что он встретил какого-то контрабандиста, торговца мехами или что-то в этом роде, и в его сообществе поехал прямо в лагерь сиу.

Комендант сделал удивленный жест и погрузился в раздумье.

— Изю всего этого каким путем пришли вы к заключению, что Армстронг в плену?

— Не могло быть иначе в местности, где индейцы буквально кишмя кишат, тем более, что он отправился один... Мы сами, если бы не разогнали шайки сиу, вероятно были бы окружены ими и...

— Окружены? вы? Да сколько же их было, этих сиу?..

— Три больших вигвама, господин полковник, и штук пятьдесят лошадей... Конечно, после этой стычки мы поспешили обратно в крепость.

— Это и видно,— возразил комендант.— Но скажите, пожалуйста, как решились вы позволить Армстронгу покинуть отряд и идти в опасный, бесполезный для дела поход...

— Поверьте мне, господин полковник, я сделал это не без колебания... но он настаивал... с ним было трое проводников... к тому же до той поры мы не встретили ни одного краснокожего. Он не хотел возвращаться, не

получив новых сведений... Наконец, данные ему мною приказания были очень точны. Он обещал вернуться к отряду через три дня, чтобы вместе с нами идти в форт. Желая сделать все по-своему, он — я нисколько не хочу, господин полковник, обвинять бедного юношу — нарушил мое приказание. За это он дорого поплатится, и едва ли мы его когда-нибудь увидим.

— Хорошо-с,— очень холодно сказал полковник.— Мы об этом еще поговорим. Вы можете продолжить ваш путь и вступить с отрядом в форт. Мы здесь на охоте; но придется, должно быть, ее прервать... Ах, бедный Армстронг!..

Говоря это, полковник повернул коня и, пришпорив, поскакал к лагерю.

Там все были в ожидании, ходили беспокойно взад и вперед, спрашивали друг друга и не знали, что делать. Сначала всех встревожило ложное известие о приближении индейцев, привезенное мисс Брэнтон и Пейтоном; затем пришло известие о возвращении Ван Дика; узнали, что одного офицера и одного проводника нет в отряде, и, как водится, посыпались самые противоречивые предположения, выросшие на почве этих смутных известий. А в лагере, как правило, неясные речи и слухи превращаются в определенные точные факты. Так было и теперь. Солдаты, обыкновенно почтительные и скромные в присутствии начальства, в сущности самые искусные сочинители новостей по тем немногим словам, которые им удастся подслушать. И ко времени возвращения полковника легенда была готова: Ван Дик был атакован полчищами индейцев; половина отряда перебита; в том числе погиб и подпоручик Армстронг.

Большая часть приглашенных на охоту штатских принимала эти рассказы за чистую монету, раскаивалась в том, что променяла спокойную жизнь в горах на какую-то охоту за бизонами. Можно было представить, что вид скачущего во весь опор полковника со свитой не способствовал водворению спокойствия. Напротив, произошла паника; все бросились к лошадям и мулам.

Миссис Сент-Ор, обеспокоенная шумом, показалась на пороге своей палатки.

— Ничего, Элси,— успокаивал ее полковник, круто осаживая коня у самой палатки.— Никакой опасности нет! Только маленькая помеха: мы вынуждены отложить охоту до другого раза... Я получил давно ожидае-

мые известия... и надо ехать в форт... Трубач, играй сигнал: седлать лошадей!

Полковник отдал приказ громким голосом, чтобы все могли его слышать, и прежде чем трубач успел проиграть сигнал, лошади были приведены, все бросились их седлать и усаживаться; только солдаты, более привычные и ловкие, делали свое дело не спеша и не волнуясь.

— Надеюсь, дорогой комендант,— сказал, подбегая, раскрасневшийся и запыхавшийся судья Брэнтон,— ничего серьезного нет?

— Решительно ничего. Разведчики, отправленные мною в земли индейцев, принесли мне ожидаемые известия, и эти известия предвещают войну. Нам предстоит поход, и вот почему я вынужден отложить охоту и вернуться в форт. Мне очень жаль, дорогой мой, что вы и все наши гости лишаетесь удовольствия, которого ожидали. Но тут уж виновата стихийная сила. Война — это одно из таких дел, которые нельзя откладывать.

— Еще бы, без сомнения,— сказал значительно успокоенный судья.— Мы, полковник, ни в коем случае не хотим стеснять вас и завтра же утром покинем форт и уедем на запад.

— Зачем так торопиться, дорогой судья,— у нас вам решительно нечего бояться, поверьте мне. Вот только дамам будет немного скучно оставаться в крепости, когда все офицеры отправятся в поход...

Судья догадался, куда метит комендант, и поспешил прекратить разговор. Перспектива быть утешителем скукающих в опустевшей крепости дам ему вовсе не улыбалась.

— Да, конечно, я был бы очень рад быть вам и им полезным... но не вижу, как это устроить... Извините, я пойду посмотрю, где лошадь моей дочери... Надеюсь, ваша экспедиция увенчается полным успехом,— и он скрылся в палатке.

— Где же моя дочь? — спросил он у слуги, собиравшего чемоданы.

— Барышня с мисс Дашвуд, кажется, находятся у госпожи Сент-Ор.

Судья повернулся и собирался уже войти в указанную ему палатку, как позади него раздался голос:

— Здравствуйте, дядя! Как поживаете? Слава Богу, я вернулся здоров и невредим!

— Это ты, Корнелиус?.. — сказал судья, увидев пле-

мянника, слезавшего с лошади.— Но как ты сюда попал?

— А я сделал маленький крюк, чтобы пожелать вам доброго утра. Я еще успею нагнать моих людей, прежде чем они войдут в крепость. Кузины здоровы?

— Они у миссис Сент-Ор... Но верно ли то, что говорят о бедном Армстронге?

— Слишком верно, дядя. Вы уже больше никогда не увидите этого молодчика,— ответил поручик звонким, почти веселым голосом.— Он попал в плен к индейцам и в настоящую минуту уж наверно изжарен живьем...

В этот момент в дверях палатки показалась легкая тень и, чистым, звонким голосом послав поручику односложное приветствие: «Подлец!»,— исчезла.

Все это совершилось скорее, чем можно рассказать.

Корнелиус слегка побледнел, но затем с обычной самоуверенностью спросил:

— Где же Жюльетта?

— Она у миссис Сент-Ор,— повторил судья.— Бедняжка так испугалась близости индейцев... И, конечно, было чего испугаться!.. Пойдем к ней, посмотрим, как она себя чувствует.

Но Корнелиус, выражавший только что страстное желание видеть кузину, казалось, переменял свое намерение, и когда судья, приподняв полотно у входа в палатку, жестом пригласил его войти, он заговорил:

— Нет, дядя... я боюсь опоздать... бегу к отряду. Прощайте, дядя; скажите Жюльетте, чтобы она не беспокоилась обо мне!

И, сев на коня, он пустился во всю прыть, как будто шайка сиу гналась за ним по пятам.

11. ПИСЬМО

Жюльетта и Нетти по возвращении в крепость расположились в назначенной для них комнате второго этажа комендантского дома. Жюльетта обливалась слезами; Нетти, напротив, с сухими глазами, была спокойна и смертельно бледна.

— Ах, милая Нетти,— всхлипывала Жюльетта,— не могу поверить, чтобы это была правда. Нет, это невозможно!.. Бедный Фрэнк Армстронг! Такой веселый, такой добрый, и потом он так любил меня! Как подумаю, что уже больше его не увижу!.. Бедного Корнелиуса мне

тоже очень жалко. Они были друзьями, и он ни за что на свете не выдал бы его.

— Это, однако же, не помешало Корнелиусу бросить его на верную смерть, а самому вернуться целым и невредимым, чтобы ухаживать за тобой!..

— Что же ему было делать? — возразила Жюльетта, принимаясь плакать навзрыд. — Я знаю, что Армстронг питал ко мне нежное чувство. Но Корнелиус тоже влюблен в меня... и я не знаю, почему ты так резко о нем отзываешься. Да наконец, чем он виноват, что остался в живых?

И мисс Брэнтон продолжала плакать, качаясь в своем кресле.

Нетти встала. Молния сверкнула в ее глазах.

— Короче сказать, Армстронга нет, и вы не прочь выйти теперь замуж за Ван Дика.

— Как можешь ты, Нетти, так говорить! Ведь бедный Фрэнк еще даже не похоронен! Ты — дитя и ничего в этом не понимаешь... видно, что ты не любила... иначе твое сердце тебе многое бы разъяснило...

— Что ж, это правда... Я не более как дитя... и, по-твоему, ничего не понимаю в любовных страданиях... Ты права. А все-таки я была другом Армстронга и я не могу забыть, что однажды он дал мне... и это единственная вещь, которую я получила от него...

Нетти произнесла последние слова вполголоса, как бы разговаривая сама с собой. Затем она смолкла и погрузилась в грустные раздумья.

Кузина ее молча плакала, раскачиваясь в кресле.

— Меня всего более возмущает, что ты готова так скоро отречься от всякого воспоминания о доблестном льве и привязаться к трусливому оленю. Послушай, Жюльетта, обещай мне не выходить замуж за Корнелиуса по крайней мере до тех пор, пока смерть Армстронга не будет удостоверена. Подожди хоть один год, — ну, хотя полгода в память его.

— Как бы не так! Это чтобы сказали, что я ношу по нему траур, — сказала Жюльетта, уже забыв и о платке и о слезах. — Милая Нетти, это невозможно, и если отец потребует, я должна буду послушаться, несмотря на всю мою печаль...

Милое личико Нетти при этих словах еще более побледнело.

— Ну, в таком случае я тебе должна открыть сек-

рет... Когда господин Армстронг уезжал в поход, он оставил мне письмо. Хочешь узнать, что он говорит в этом письме?..

— Письмо!.. от Фрэнка! К тебе? Как он смел!..

— О, не будь, пожалуйста, ревнива,— возразила со слабой улыбкой Нетти.— Бог свидетель, что Фрэнк был более привязан к тебе, чем ты к его памяти. Письмо адресовано мне, но оно без сомнения обращено к тебе. Хочешь, я тебе его прочту? Распечатывать?

— Увы, делать нечего! — отвечала Жюльетта, снова закрывая платком глаза.— Это новый удар моему сердцу... Но я должна принести себя в жертву. Нетти, не обращай внимания на меня и на мое горе.

Нетти взглянула на нее с полным участием; ей стало совестно за сделанные кухне упреки, и она сказала:

— Полно, Жюльетта, не плачь, быть может, лучше не читать письма? Я сберегу его у себя, если ты позволишь... Однако должна же я узнать его последнюю волю, чтобы исполнить ее. Как бы он огорчился, если бы узнал, что я хочу уклониться от этого тяжелого долга. Как подумаю, что теперь труп его, может быть, валяется где-нибудь в степи... он, может быть, оттуда смотрит на нас и в эту самую минуту...

Жюльетта вздрогнула и оглянулась кругом.

— Ты меня приводишь в ужас,— сказала она.— Распечатывай же письмо, читай, наконец! Ты ведь видишь, я страдаю. Зачем же ты томишь и мучишь меня...

Нетти более не колебалась. Вынув из-за корсета сложенный конверт, она прочитала две строки, написанные на конверте: «Открыть только в том случае, если я буду убит или взят в плен индейцами. Нетти Дашвуд, самому лучшему и вернейшему другу моему».

— Вы слышите, он называет меня лучшим и вернейшим другом. Да благословит его Бог! Бедный юноша!

И Нетти, устремив взор к небу, осталась на минуту безмолвною.

— Прошу тебя, не заставляй меня ждать! — вскричала нетерпеливо Жюльетта.— Ты, право, не ставишь ни во что мое горе.

Нетти поспешно распечатала конверт и вынула письмо; оттуда выпал локон волос...

— О, это мне, Жюльетта! Ты ведь не станешь оспаривать этого, не так ли? Это он посылает, чтобы показать, что не забывал и меня в то время, как писал...

Тут Жюльетта перестала плакать.

— На твоём месте я прежде всего прочтала бы письмо,— заметила она сухо.— Иначе как узнать, кому предназначается этот локоп?

— Как бы то ни было... ты мне их оставишь?.. Ведь у меня от него ничего нет...

— Да читай же, наконец, письмо или давай мне, я прочитаю!

Тут уж Нетти не заставила себя более просить.

«Форт Лукут. 13 сентября.

*Я отправляюсь в опасную экспедицию, откуда по-
клялся вернуться не иначе как с тем, чтобы о моих по-
хождениях было сказано в приказе по армии. Если бы
я мог предположить, что кто-нибудь прочтет это при мо-
ей жизни, я бы не стал этого писать. Вы знаете, как я
чужд всякого хвастовства. Но вы также знаете, зачем
я так стремлюсь отличиться: излишне вам и говорить,
добрая и дорогая Нетти, что это в надежде, быть может
безумной, приблизиться, благодаря славе, к вашей ку-
зине Жюльетте, светозарной звезде моей жизни...*

(Улыбка тщеславия заиграла тут на розовых губках Жюльетты.)

*Я решился пробраться в лагерь индейцев. И если
я оттуда вырвусь, то, конечно, со славой. Если же в те-
чение месяца я не вернусь, это будет значить, что мы
уже более не увидимся. Ван Дик.— добрый малый, но я
не думаю, чтобы он рискнул идти со мной; да я и не по-
зволю себе осуждать его за это. Если бы я был богат,
как он, и был бы кузеном Жюльетты Брэнтон,— не знаю,
дорогая Нетти, долго ли бы армия имела удовольствие
считать меня в своих списках. Но я должен составить
себе имя, а дорога, ведущая к этому, полна опасностей.
Никакой риск мне не страшен, когда впереди такая на-
града! Я верю в свою судьбу, и я достигну своего или
сложу голову.*

*Я вам пишу это, Нетти Дашвуд, полагаясь на вашу
честность и верность вашей дружбы. Когда меня уже
не будет, скажите Жюльетте, как сильно я ее любил. Она
так прекрасна и блестяща, что в окружавшей ее толпе
поклонников, может быть, и не заметила меня, самого
робкого. Но вы, маленький друг мой, вы знаете все; вы
знаете, что я стал сам не свой с того знаменитого бала,*

вы помните — того бала, когда вы, подражая большим, просили у меня и я дал вам пуговицу с мундира. Милая Нетти, тогда вы были еще ребенком, но я и теперь с удовольствием вспоминаю ваше обращение со мной. Отчего вы не мальчик! Как жаль: мы были бы с вами неразлучны.

(Эта часть письма, надо сознаться, очень мало понравилась Жюльетте. Она даже бросала какие-то особенно недружелюбные взгляды на кузину во время этого чтения.)

Но к чему я заговорил о прошлом, когда должен думать теперь только о приведении своих дел в порядок перед смертью! Я оставил свое завещание капитану Сент-Ору, который взялся исполнить мою последнюю волю. Мою шагу я прошу отослать моей матери, некоторые мелочи — моим родным. Вам, дорогая Нетти, я доверяю исполнить самое дорогое и священное для меня поручение... В письме вы найдете локон волос... Возьмите на себя труд передать его Жюльетте. Скажите ей, что моя последняя мысль принадлежала ей, и последнее мое слово — было ее имя. Еще скажите ей, прочитав это письмо, что более никогда... никогда она не услышит имени —

Фрэнка Армстронга».

Упавшим голосом окончила Нетти чтение письма, замолкла и неподвижно уставилась на клочок голубого неба, видневшегося в окно, а слезы невольно струились по бледному лицу; но видно было, что к ее горю примешивалась какая-то отрадная мысль, так как что-то похожее на улыбку виднелось на ее губах.

Вдруг раздраженный голос кузины привел ее в сознание.

— Что же ты не отдаешь мне его локона? Ведь тебе поручили передать локон мне, а ты, кажется, не прочь его присвоить?

Нетти встала вся бледная и выпрямилась.

Жюльетта сделала то же, и обе девушки очутились одна против другой, как бы меряя друг друга взглядом.

— Ну что же, отдашь ты мне локон? Ты ведь знаешь, что это подарено мне, а не тебе, потому что ты для него была ничто!

— Ничто! И ты решаешься говорить, что я была для

него ничто? Разве не на меня он возложил самое важное поручение? Он хотел именно меня и никого другого иметь посредником между ним и тобой. А такое доверие не безделица, Жюльетта, и ты это понимаешь и признаешь, иначе ты не была бы так раздражена. Фрэнк, когда писал эти строки, мне верил более, чем тебе.

Вместо ответа Жюльетта, взбешенная, протянула было уже руку, схватила драгоценный сувенир, и вдруг, к ее удивлению и ужасу, Нетти, как подкошенная, упала без чувств к ее ногам.

Мисс Брэнтон бросилась к двери и стала звать на помощь.

Комендант, его жена, весь дом — поспешили на эти крики. Послали тотчас за доктором Слокумом.

Когда он, после долгого осмотра больной, поднял голову; лицо его было крайне озабочено.

— Тут нужен отдых, тишина, полное спокойствие, темнота... — сказал он вполголоса. — Напряжение нервов в высшей степени... Я сильно опасюсь воспаления мозга, — добавил он, наклоняясь к уху коменданта.

— Вот беда! — невольно воскликнул тот. — Завтра чуть свет мы выступаем в поход, а судью Брэнтона вызывают на запад...

— Скажите, что же, бедная девочка серьезно и опасно больна? — спросила госпожа Сент-Ор.

— Боюсь, что да, — ответил доктор. — А между тем ей необходимы абсолютный отдых и покой. Отпустить в дорогу в подобном состоянии — значит убить ее.

— В таком случае, она остается здесь, вот и все, — сказала миссис Сент-Ор решительным тоном. — Я буду ходить за ней как за своей дочерью.

Комендант бросил на жену беспокойный взгляд.

— Друг мой, — сказала она, — не беспокойся обо мне. Ты знаешь, как я бываю одинока, когда вы все уходите в экспедицию. Дитя это послано небом, чтобы меня развлечь, быть моей подругой в одиночестве; надеюсь, что ее болезнь, как она ни серьезна, не так опасна, и что мои попечения помогут ей. Решено, иди-ка лучше к господину Брэнтону и убеди его ехать по своим делам, а больную оставить на моем попечении.

— Если так, — сказал доктор, видимо ободренный, — я за нее отвечаю. С такой сиделкой, как миссис Сент-Ор, мы отлично обойдемся и без господина судьи и без ее королевского высочества девицы, его дочери... |

На следующее утро, когда трубачи играли зорю, судья, немного озабоченный, и Жюльетта, немного сконфуженная тем, что покидает Нетти, которая в таких обстоятельствах наверное не покинула бы ее, уселись в поданный шарабан, который и умчал их на ближайшую станцию железной дороги. В это время миссис Сент-Ор расположилась у изголовья маленькой страдалицы.

12. ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ, ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ

Местность, где речка Желтый Камень под острым углом впадает в реку Твин, представляет широкую и богатую долину, расположенную между высокими берегами соединившихся рек.

На вершине крутого берега, образующего северную границу долины, стоял человек высокого роста, одетый в богатый индейский национальный костюм; и любовался прелестной картиной. Богатство наряда говорило о знатном происхождении индейца.

Головной военный убор его был украшен длинными орлиными перьями; к волосам привешен конский хвост, развевающийся по ветру; одеяло, накинутое на плечи, вышито золотым галуном; мокасины застегнуты драгоценными пуговицами; обнаженные руки покрыты множеством серебряных браслетов, и между ними блескел и сверкал великолепный золотой браслет с крупными бриллиантами.

Все в этом человеке указывало на индейское происхождение: орлиный нос, выдающиеся скулы, пронизательные глаза, бронзовый оттенок кожи, спокойная твердость в лице и почти кошачья гибкость всех его движений, невольно напоминающих тигра.

А между тем его фигура была не лишена изящества; благородство движений и отсутствие ярких цветов даже в индейской одежде показывали, что человек этот не чужд образованности.

Подле него стоял человек в обыкновенном костюме жителя Канады, французского уроженца, занимающегося торговлей у Гудзонова залива по реке Орегон; на нем был длинный шерстяной плащ с капюшоном.

Но лицо, скрывавшееся под этим капюшоном, не имело в себе ничего французского; это был не кто иной как горец Эван Рой. А вождь в индейском костюме был Мак

Дайармид, человек смешанной крови, бывший кадет Вест-Пойнтской академии.

Взоры обоих были устремлены на реку, которая на протяжении тридцати миль извивалась по открытой местности между изумрудными лугами и темными береговыми соснами.

Спокойное величие этого пейзажа наводило на мысль о мире и безмятежном счастье. Со всех сторон паслись стада бизонов, не стесняясь соседством человека, как будто они были все ручные. На расстоянии не более двух миль от стада растянулся огромный стан индейцев, расставивших в каком-то поэтическом беспорядке свои вигвамы, вокруг которых бродили разномастные лошади.

Как вся окружающая природа, так и вид этого лагеря производил впечатление глубокого мира. Изредка появлялась человеческая фигура, переходившая от одного вигвама к другому, да виднелись дети, резвившиеся на солнце.

— Ведь это просто глазам праздник — такое зрелище! — воскликнул Эван Рой, во власти охватившего его впечатления. — А еще бы лучше было, если бы у этих бедняков были настоящие жилища и домашний скот для существования зимой.

— Какое благо дала им цивилизация, чтобы они приняли ее законы? — спросил молодой вождь, возвращаясь к своим привычным размышлениям. — Тебе хотелось бы, чтобы у них были дома и стада. Ну, а надолго ли янки оставили бы все это в их владении? Нет, уж лучше им оставаться в бродячей бедности — это их последняя защита.

— Да, это хорошо в теплое время года. А что бывает с ними, когда наступает зима? Если бы они могли, как степные звери, менять убежище со сменой времени года!

— А почему они не могут этого сделать? — спросил с гневом молодой человек. — Бывало, они так и делали: каждый год с наступлением холодов уходили к озерам до устья Симморона. Никто им в этом не мешал. Они жили свободно, как жили их отцы, дрались храбро, когда это требовалось, и были счастливы. Нужно же было прийти белым для того, чтобы вытеснить индейцев, украсть у них их родовую собственность. Да, да, Эван Рой, украсть! О, я не стану выбирать выражения. Отец мой, не правда ли, думал, что он поступил хорошо, дав

моей матери титул и права белой женщины. Он мечтал спасти нас от жизни дикарей, воспитывая в городе. Что принесло нам это воспитание? Какое благо? Помешало оно тому, чтобы меня за ничтожную провинность исключили и выгнали из академии и лишили назначения и чина? Защищает ли оно сестру мою от взоров, полных презрения? В ней видят только дочь пария, и от нее отворачиваются набитые белые дуры, недостойные нести подол ее платья. И все это только потому, что она смешанной крови! Эван, я тысячу раз задавал себе этот вопрос, и совесть моя произнесла, наконец, окончательный приговор. Племя моего отца причинило разорение племени моей матери. Я возвращу угнетенным беднякам их достояние; я отомщу за них, говорю тебе, или погибну, преследуя свою цель!

— Зачем ты хочешь впутаться в эту кровавую историю? К тому же твоя мать была из племени черноногих; зачем же ты пришел к племени дакота?

— Ты прав, Эван. Дакота для меня чужое племя, но я признаю свое родство с ними по происхождению. Племя моей матери исчезло из-за беспощадной войны, которую они объявили белым, а те, что уцелели, бежали в Канаду под защиту английского флага. Я решил быть мстителем за все индейские племена, и я поклялся моей матери собрать всех краснокожих и повести их против бесстыдных грабителей, отнявших все их достояние.

— А ведь ты учился истории, Мак Дайармид, и не мог забыть, какой участи подверглись в свое время многие великие вожди, потерпевшие постыдное поражение, какое терпят всякий раз дикари в борьбе с цивилизацией. Что же касается тебя, то одно из двух: или тебе не удастся создать такой союз, о каком ты мечтаешь, или, если в этом ты и успеешь, он будет разбит при первой встрече с врагом.

— Отчего же мы должны терпеть поражение? Кто поручится за то, что при факте невиданного объединения всех индейских племен и их правильно организованных армий белые не призадумаются и не найдут для себя более удобным предоставить индейцам часть земли, необходимую им для их естественной жизни, чем продолжать безжалостное уничтожение, которое возмущает даже тех, кто его проводит. Да, наконец, не в результате дело,— цель прекрасна и заманчива. И я во что бы то ни стало попытаюсь ее достигнуть.

Последовало молчание, и собеседники погрузились каждый в свои размышления.

— Время идет,— заметил Мак Дайармид, взглянув на солнце.— Надо вернуться в лагерь и посмотреть, что делает Большой Змей со своими танцорами...

— Какое несчастье,— воскликнул Эван Рой, продолжая свою мысль,— какое несчастье, что в вашей семье только отец твой поступил умно! Вместо того, чтобы лежать несбыточные мечты о восстании и о каком-то будущем великом примирении с белыми, не лучше ли было бы тебе, по примеру отца, продолжать торговлю мехами, удвоить состояние, сделаться таким богачом, чтобы все окружающие преклонялись пред тобой?

— Есть, кроме золота, другой путь к почестям,— сказал бывший кадет, поднимая надменно голову.— Не все же мне терпеть одни неудачи, Эван!.. Но пойдем!

Они спустились по откосу и подошли к реке. По дороге пасшиеся на лугах стада бизонов не поднимали даже голов при их приближении и продолжали щипать траву, нисколько не смущаясь.

— Ну, вот тебе еще один образчик благодеяний твоей цивилизации,— сказал насмешливо Мак Дайармид.— Представь себе, что лагерь, к которому мы идем, лагерь солдат белой армии: не думаю, чтобы бизоны в этом случае вели себя так же, как теперь. Да и долго ли они могли бы здесь оставаться? Ни одного часа. Они были бы отогнаны ими и умерщвлены без всякой пользы, для потехи какого-нибудь глупого офицера, который захотел бы показать свою ловкость и приобрести новый трофей в свою охотничью коллекцию. Тогда как мы, столь презираемые дикие, мы имеем достаточно смысла, чтобы беречь нашу дичь и убивать лишь столько, сколько необходимо для нашего пропитания.

— Я не отрицаю у них некоторой доли хитрости,— сказал Рой.— У бедняков только и есть одно средство для существования — охота за дичью; и если бы опыт не научил их беречь эту дичь, Бог знает, могли ли бы они вообще жить. Но тебе, Мак Дайармид, я предсказываю, что рано или поздно ты вернешься в большие города.

— Во всяком случае не раньше того, как жизнь дикаря и степь будут закрыты для меня.

Они вышли на берег реки; там стояло удивительное индейское судно, сделанное из камыша, обтянутого кожей бизона.

Мак Дайармид прыгнул на это подобие плота, поднял лежавшую на нем белую волчью шкуру, накинул ее на плечи и, как только Эван Рой уселся, взял длинный шест и с его помощью стал править к другому берегу реки.

Одаренная натура Мак Дайармида сказывалась, между прочим, и в том, как он умел говорить с образованными людьми и со своими индейцами: там речь его блистала цветами красноречия, тут она дышала краткостью, силой и простотой.

Отец его, сын разорившегося шотландского дворянина, в молодости покинул родные горы и уехал в Канаду. Тут, на берегах Гудзонова залива, он сделался торговцем мехами, но воспоминания детства и далекой родины он берег в себе как отраду и луч поэзии среди хлопотливой и прозаической жизни торговца. Вдали от образованного мира проводил он свое время в скучной торговой конторе, общаясь лишь с индейцами, у которых покупал меха. Среди этих краснокожих он выбрал себе и подругу жизни и с нею вместе мечтал о лучшей и более счастливой жизни для своих детей. И вот со всеми своими денежными сбережениями, накопленными за долгие годы, он, наконец, покинул степи и поселился с женой и детьми в Нью-Йорке.

Счастливая случайность и коммерческое чутье натолкнули его на мысль обратить капитал на покупку земель подле Большого Канала, близ Нью-Йорка, в то время не заселенных и малоценных. Вместе с тем связи с индейцами позволили ему и тут завести, а потом и расширить торговлю мехами, которая очень быстро стала давать приличный доход.

Вскоре население временной американской столицы, возрастая с поражающей быстротой, бросилось заселять те земли, которые прежде были в большом небрежении. Канал стал мало-помалу застраиваться, обратился в предместье, затем попал в черту города и, наконец, сделался центральным кварталом.

Таким образом скромный торговец сделался крупным капиталистом. В этой обстановке он без большого труда нашел сговорчивого члена конгресса, который помог определить сына в военную академию. Старик умер, мечтая до конца дней о потомстве, которое восстановит величие предков и будет наслаждаться могуществом, благодаря своему происхождению, богатству, военному званию и

тому влиянию на коренное население страны, которое он оставлял в наследство сыну. Надо заметить, что дед Мак Дайармида был женат на уроженке Канады; присутствием французской крови можно объяснить, должно быть, пылкость, с которой Мак Дайармид с юности предавался своим бесчисленным фантазиям.

Как бы там ни было, но молодой Мак Дайармид, чуждый света, воспитанный учителями в тиши родительского дома, вдруг оказался в военной академии Вест-Пойнта, с бронзовым лицом, предрассудками горца и дикаря, с непомерной гордостью и честолюбивыми детскими замыслами.

Он говорил уже на четырех языках, отлично знал древнюю историю и историю Европы. Но истории Америки он не знал, и только здесь принялся с жаром изучать прошлое того народа и той страны, которые были ему родными по матери. Он узнал, какой сердечный прием оказали индейцы тем первым набожным пришельцам, потомки которых за последующие пятьдесят лет отняли все достояние у коренных жителей страны и постоянно преследовали и изводили их без всякой жалости. Он изучил карту Северной Америки, всю покрытую туземными названиями, и узнал, что из аборигенов, бывших всего сто лет тому назад счастливыми обладателями всего пространства между рекой Миссисипи и Атлантикой, не осталось ни одного племени. Он умилился, читая о том, как племя деминогов долгое время в уголке Флориды боролось против могущественной державы белых. Он узнал, что это сопротивление кончилось плачевно только благодаря поступку одного из белых офицеров. Поступок этот, прославленный как образец «высшей политики», заключался в том, что офицер, пригласив сорок старейшин индейцев этого племени к себе якобы на совещание, изменнически захватил их в плен. Мак Дайармид узнал также, что этот офицер за эту «мастерскую операцию» был награжден правительством. Наконец, он перелистал всю летопись этой отчаянной борьбы, и всюду видел со стороны белых нарушение мирных договоров, жестокость, вероломство и беспощадное уничтожение племен, единственная вина которых заключалась в том, что они существовали.

И тогда он воспылал сочувствием к этим несчастным «змеям равнин», как называли индейцев их соседи. Все существо его было возмущено, и он спрашивал себя, не

лежит ли на нем обязанность и долг исправить эту ужасную несправедливость.

Однажды во время каникул, которые он проводил дома, ему попала в руки история Канады, и он узнал, что французы были гораздо справедливее и человечнее по отношению к туземным народам, что они их цивилизовывали, а не истребляли. Он узнал также, что и англичане, овладев этой страной, следовали в ней миролюбивой тактике своих предшественников, и что там индейцы и белые живут в добром согласии, в ожидании полного слияния своего в одно племя. «Отчего же не то в Соединенных Штатах?» — спрашивал он себя.

Эти грустные размышления посеяли в его душе первые зерна великого проекта, над которым он теперь работал. Обида и несправедливость, лично ему причиненные, дали делу последний толчок.

Образовать один великий союз из всех туземцев, рассеянных по северу Соединенных Штатов, вовлечь их в войну за независимость и в виде награды добиться, наконец, их полного освобождения — вот была его мечта.

Он познакомился с некоторыми из степных вождей. Это были храбрые люди, верные данному слову, беззаветно дорожащие своей честью, — одним словом, они были гораздо выше и нравственнее многих белых...

Перед глазами Мак Дайармида стоял пример Александра Македонского, Ганнибала и других полководцев, делавших чудеса с горсткой храбрецов...

Короче, он видел свое призвание в том, чтобы стать во главе движения и восстания, и бросился в эту опасную игру очертя голову.

Кто, признающий вечную правду и справедливость, осудит его!

13. В ЛАГЕРЕ СИУ

По мере того, как Мак Дайармид и Эван Рой приближались к правому берегу реки, до них доходили более и более отчетливо глухой шум и движение в лагере индейцев, и, наконец, этот шум определился в ясный и громкий говор и восклицания человеческих голосов.

Деревня, до того времени тихая и спокойная, сделалась вдруг центром какой-то оживленной сцены. Сотни людей выходили из вигвамов, и некоторые из них, уви-

дев приближающуюся лодку, вышли на берег навстречу вождю.

Индейцы эти выглядели очень благополучными. Не было между ними забитых и приниженных, не было и оборванцев, какие встречались подле форта Лукут. Индейские женщины в этом селении были прилично одеты в платья из замши; их блестящие косы свисали по обеим сторонам лица. Мужчины — в охотничьих куртках, на голове — убор с перьями и галуном, на ногах — мокасины с кистями.

Ступив на берег, Мак Дайармид жестом, полным величия, запахнул свой плащ и направился в сопровождении Эвана в лагерь.

Индейцы встретили его с тем почтительным любопытством, которое само по себе уже доказывало, какой авторитет он приобрел между ними.

Лагерь занимал несколько десятин земли. Посередине возвышался шатер со свободным пространством вокруг: это больше напоминало странствующий цирк, чем место, предназначенное для заседаний совета старейшин. Вся разница состояла в том, что стены шатра вместо полотна были из бизоньих кож, сшитых шерстью внутрь; наружная сторона была выкрашена белой краской, и на ней художник-индеец намалевал разные фантастические сцены: тут были вперемежку и баснословные чудовища, и люди, и птицы, и звери.

Шатер этот, лишенный всякого убранства внутри, что было видно из-за откинутого полога, был священным местом у племени дакота: там происходили различные предварительные церемонии — в настоящую минуту, например, большая религиозная пляска, как необходимое приготовление к назначенному на тот день чрезвычайно совету.

Чтобы избежать участия в этом грубом торжестве, противном вкусу развитого человека, Мак Дайармид медлил с возвращением с прогулки, предпринятой вместе с Эваном Роем.

Он верно рассчитал время: на свободном месте перед входом в священный шатер, в двадцати шагах от него, был уже разложен костер и вокруг него собралась порядочная толпа.

Толпу составляли, так сказать, депутаты, то есть выборные из соседних племен, созванные в лагерь дакотов для обсуждения тех предложений, которые им хотели

сделать. Усевшись полукругом у костра, они молча покуривали свои трубки с тем важным и сосредоточенным видом, который всегда принимают индейцы в серьезных случаях и в ожидании важных сообщений.

Вокруг была тоже толпа индейцев, но менее сосредоточенных; они стояли и вполголоса обменивались замечаниями. Как только возвестили о приближении Мак Дайармида, из круга поднялся высокий старик с белыми волосами, с накинутым на плечи дорогим одеялом, и пошел ему навстречу.

Это был Великий Змей, уважаемый вождь многочисленного племени.

— Привет вождю, пришедшему с земли Белой Матери *,— сказал он, взяв Мак Дайармида за руку.— Добро пожаловать! Мы рады его приходу, мы называем себя его братьями.

Потом, введя его в круг, среди расступившейся с почтением толпы, он, как бы представляя своего гостя, прибавил:

— Друзья, вот вождь — Золотой Браслет. Он принес нам слова мира и дружбы от сиу Белого моря. Все, сколько нас тут есть, послушаем, что он нам скажет.

Шепот одобрения раздался в толпе.

Индейцы, как дети, любят все блестящее и таинственное. Мак Дайармид прибыл к ним всего несколько дней тому назад через английские владения. Он привез много подарков старейшинам и вождям, главным образом оружие и патроны, до которых они так падки и жадны. Поэтому он был принят как друг и сделался популярным в целом округе.

И нарядился он в блестящий костюм не без цели: богатство наряда давало ему какое-то преимущество над другими вождями и увеличивало власть над толпой. Он лелеял надежду, что ему удастся привести к благополучному концу задуманное — соединить в один союз все народы племени сиу и остатки племени черноногих.

Он встал перед костром лицом к собравшимся и после нескольких минут молчаливого раздумья, как это принято в подобных случаях, начал говорить серьезным и звучным голосом:

— Братья племени сиу,— сказал он,— не чужой стоит

* Так индейцы называли Канаду в знак дружбы к французам, первопоселенцам этой страны, и вследствие того, что страна эта зимой покрывается снегом.

перед вами, а друг, брат, сын могущественного племени, которое когда-то владело всей землей на севере... Я, как вы знаете, вождь черноногих, а черноногие с незапамятных времен враги бледнолицых. Чтобы избавиться от белых, мое племя вынуждено было удалиться к Белому морю, в Канаду, и вот что оно поручило мне передать вам: люди племени сиу, хотите ли знать, почему солдаты вероломного короля белых всегда были сильнее, брали верх над нами и умели отнять наше достояние?.. Потому, что мы не хотели соединиться и восстать единодушно против них; потому, что мы сопротивлялись им порознь, вместо того, чтобы противопоставить им сильный и могущественный союз.

Старейшины слушали с напряженным вниманием, и при последних словах раздался одобрителный шепот.

— Чего не сумели сделать наши отцы,— продолжал вождь Золотой Браслет,— попробуем сделать мы. Нас много, и мы храбры. Если мы соединимся, то составим такой могущественный союз, что вероломному королю белых, несмотря на его армию, придется считаться с нами. Тот, кто говорит теперь с вами, провел большую часть жизни своей с белыми и изучил все, чему от них можно научиться. Он знает особенности их ружей и пушек и обучит этому сиу и черноногих... Только бы нам соединиться, примириться друг с другом, выждать удобное время, и тогда, начав свои действия с земли Белой Матери, мы можем разбить короля белых, прогнать его с мест, нам принадлежащих и необходимых для нашей жизни, или, по крайней мере, заставим его уважать наши права, вернуть нам часть земли, чтобы стада бизонов могли свободно плодиться и чтобы потомство наше стало так многочисленно, как звезды небесные. Вот что черноногие моими устами предлагают своим братьям дакотам и всем племенам сиу. Я сказал.

Едва замолк Золотой Браслет, как снова раздался среди собравшихся одобрителный шепот. Но никто не решался заговорить; все ждали, чтобы Великий Змей высказал свое мнение.

Он заговорил после продолжительного молчания:

— Вождь Золотой Браслет говорит так хорошо, как будто восемьдесят снежных зим прошло над его головой. Золотой Браслет — великий воин; он вождь черноногих. Союз всех сиу с черноногими предсказан в книге премудрости. И он должен состояться, тогда вероломный

король белых узнает, какова сила единых индейцев. Я кончил.

Удовольствие, вызванное предложением Мак Дайармида, усилилось после этих похвальных слов главного вождя.

Последовало новое молчание, затем поднялся человек исполинского роста с руками, поросшими волосами. Это был Медведь-на-задних-лапах, старейшина племени дакотов, стоявший всегда за войну.

Без сомнения, он не мог без зависти смотреть на влияние, обретенное так быстро Золотым Браслетом, и ему хотелось помешать принятию окончательного решения. С этой-то целью он прибегнул к хитрости, всегда ему удававшейся, и так начал свою речь:

— Мудрость наших отцов гласит: «Поверни язык три раза, прежде чем начнешь говорить!» — проговорил он громовым басом, похожим на рычание зверя. — Черноногие — великий народ. Союз с ними желательное дело. Но прежде, чем принять этот союз, я предлагаю, по завету отцов наших, подумать и взвесить, — ведь только детям простительно нетерпение, — а потому я предлагаю, по примеру предков, разойтись по своим вигвамам и сосредоточить свои мысли, а собрание совета отложить до заката солнца. Я кончил.

Прошло несколько минут; никто не возражал против предложения Медведя, и оно оказалось принятым.

Старейшины захлопали в ладоши. Воины запахнули свои покрывала и молча разошлись в разные стороны.

Мак Дайармид, понимая, как важно соблюдение обычая и подчинение ему, тоже направился в свой вигвам. Эван Рой собирался уже последовать за ним, как вдруг внимание его было привлечено появившимися недалеко от лагеря всадниками.

И в самом деле, у крайнего вигвама группа индейцев окружила четырех всадников; приглядевшись, Эван Рой увидел, что это были белые.

Он не особенно удивился этому: он знал, что индейцы, хотя и признанные правительством враждебными, часто принимали у себя английских купцов, с которыми и поддерживали добрые отношения. Но, приблизившись, он понял, что это были не купцы. Один из белых был в платье священника, двое, казалось, были просто обитатели равнины, а четвертый — Эван Рой едва верил своим глазам — был в мундире драгунского подпоручика.

Индейцы, толпившиеся вокруг вновь прибывших, отнеслись к ним не особенно дружелюбно; вид белого офицера привел их в негодование. Только что прошедший совет освежил в их памяти все обиды, причиненные белыми индейцам, и это усилило враждебное настроение толпы.

Вот почему священник очень обрадовался приближению Эвана Роя.

— Милостивый государь,— закричал миссионер,— желаю вам здравствовать! Я — смиренный Смитфилд из Шейкама... Меня уверяли, что даже самые дикие племена примут меня благосклонно. А между тем, смотрите: я целиком в вашей власти, и никто еще не сказал мне приветливого слова.

— Вы должны были предупредить о вашем прибытии,— холодно возразил Эван Рой.— Вы знаете, что в степи каждого бледнолицего встречают как врага... А что за господа вас сопровождают?

— Как видите, офицер,— он желает переговорить с вождем племени черноногих,— и наши два проводника... Мы будем очень вам благодарны, сударь, если вы примете нас под свое покровительство.

— Вы привезли подарки вождям и старейшинам племен? — спросил Эван.

— Конечно, подарки сложены и навьючены вот на этого мула.

— А знаете ли вы язык нашего племени?..

— Несколько слов. В этом нам придется положиться на господина Фэрда, одного из наших проводников.— При этом он любезным жестом указал в сторону Красавца Билла.

Горец подозрительно посмотрел на него. Надо признать, что наружность Красавца Билла говорила сама за себя и не в его пользу, и индейцы уже стали посмеиваться над ним, обмениваясь нелестными замечаниями.

Эван через пятое на десятое понимал, о чем говорили индейцы, понимали индейскую речь и люди равнины. Что касается священника, то, чем больше он всматривался в окружавшие его лица, тем меньше он чувствовал себя в безопасности.

— Милостивый государь,— сказал он, обращаясь к Эвану,— не будете ли вы так добры перевести мне, что говорят эти люди про нас?

— Пока они лишь смеются над вами,— озабоченно

сказал Эван,— но я не удивлюсь, если, спустя немного, вам, к примеру, запустят в голову камнем. Они говорят, что вы приехали с вражеской стороны, а это, предупреждаю вас, может дурно кончиться.

В эту минуту проводники, стоявшие до сих пор неподвижно и спокойно, бросились к лошадям и вскочили в седла.

— Эти негодяи собираются наброситься на нас, господин Мигюр! — сказал Чарлей Колорадо. — Нам следует укрыться в их священную палатку, или мы погибли. Нельзя терять ни минуты. Эти дикари нас растерзают...

И в самом деле, со всех сторон к ним сбегались женщины с угрожающими криками. Мэггер и двое его проводников, не мешкая, прищипорили лошадей и поскакали к священному шатру, а Фрэнк Армстронг медленно приблизился к горцу и сказал ему:

— Я узнал вас, Эван Рой. Мак Дайармид должен быть здесь — проводите меня к нему, это мой лучший друг.

Удивленный Рой отстранил женщин, готовых напасть на чужака, и взял под уздцы его лошадь.

— Кто бы вы ни были — мне все равно, — сказал он. — Для меня довольно знать, что вы друг Мак Дайармида, и я провожу вас к нему хоть через ад, коли вам нужно его видеть.

Толпа расступилась, видя, что они направились к вигваму Мак Дайармида. Только один индеец по прозвищу Рубленый, с огромным шрамом на лице, встал им поперек дороги.

— Кто ты такой, — спросил он горца, — что берешься провожать чужого человека в наш лагерь? Это наш враг. Он принадлежит нашим женщинам, и они имеют право побить его камнями...

— Уйди, Рубленый, с дороги, — спокойно сказал Эван Рой. — Этот человек — друг вождя Золотой Браслет.

— Золотой Браслет не из наших, он не принадлежит к племени сиу. Отдай нам бледнолицего!..

На этот раз горец не ответил; схватив индейца за шиворот и в то же время подставив ему ногу, он бросил его наземь; такое обращение ошеломило Рубленого, и прежде, чем он успел опомниться, Эван и Армстронг были уже в шатре.

— Армстронг! — вскричал в высшей степени изумленный Мак Дайармид. — Как вы сюда попали?

— Я приехал к вам, Мак Дайармид! Я хочу попытаться спасти, если еще есть время, вас и ваших друзей от верной гибели, к которой вы стремитесь, закрыв глаза. Что-то мне говорило, что я найду вас среди сиу, что этот белый воин, о котором толкуют по всей равнине,— вы. Мне хотелось в этом удостовериться и предотвратить, если можно, ужасную войну.

Мак Дайармид сжимал руку друга в своей руке и был глубоко тронут.

— Увы,— сказал он,— боюсь, дорогой Фрэнк, что вы рискнули без всякой пользы, и тут — не скрою от вас — дело идет не более и не менее как о вашей жизни, и ничто не помешает сиу усмотреть в вашем появлении в лагере нарушение их прав. А что касается войны, то о ней никто и не думает; я здесь как раз для того, чтобы передать сиу волю племени черноногих.

— Друг,— перебил его Фрэнк Армстронг,— я не хочу знать ваших тайн. Но позвольте мне высказать вам, что, каковы бы ни были ваши намерения, правительство признало их враждебными. Оно не могло оставаться равнодушным ввиду полученных сведений об организуемом союзе всех индейских племен севера. Вам не дадут времени создать этот союз, вам помешают непременно; затем, хотите вы или нет, как только через месяц государственные войска соберутся и дойдут до этих мест, война станет неизбежной. Я хотел видеть вас, чтобы отворотить это несчастье. Я хотел поговорить с вождями индейцев.

Мак Дайармид иронически улыбнулся.

— Бедные люди были уже много раз обмануты и слышали много лживых обещаний,— сказал он.— Что они выиграют, выслушав ваши речи?

— Как это что? Прежде всего мир и благодеяния цивилизации! Ах, Мак Дайармид, мой друг! Ведь я знаю ваши взгляды. Но согласитесь, если бы дакоты вместо кочевой жизни захотели удовольствоваться достаточной для их поселения землею, на что цивилизованные их соседи вполне согласны, они зажили бы на новых местах в тысячу раз счастливее, чем здесь, где им приходится прозябать и кочевать, подвергаясь всем бедствиям подобной жизни.

— Да чего же вы, наконец, хотите от них? Есть ли у вас полномочия от правительства? Ведь без них ваши слова не имеют никакой цены.

— Нет, никаких полномочий я не имею. Я говорю только от себя. Меня привели сюда дружба к вам, желание помочь вам и успокоить этих несчастных, надежда вовремя остановить ваше безумное предприятие. Мне хотелось повидаться с вами до начала военной кампании, результатом которой будет уничтожение целого индейского племени.

— Ну, пока еще никому не известно, чем все это может кончиться. Да какое же у вас есть средство помочь нам?

— Очень простое. Пусть двое или трое из старейшин отправятся со мной к полковнику Сент-Ору. Я уверен, что они между собой столкнутся и положат основания для будущего полюбовного соглашения. Что касается их безопасности, то за нее я отвечаю, и хотя начальник отряда не я, а поручик Ван Дик, тем не менее я могу сказать...

Армстронг был оглушен криком ярости, вырвавшимся из груди Мак Дайармида.

— Ван Дик!.. Корнелиус Ван Дик здесь, близко! — вскричал он.

Уж, конечно, Фрэнк Армстронг не подозревал, что, произнеся имя своего отрядного начальника, он навредит всему делу.

Он был изумлен переменой в лице Мак Дайармида: холодное и немного насмешливое внимание, с которым тот слушал речь Армстронга, сменилось свирепым выражением, как только было произнесено злосчастное имя Ван Дика.

Впрочем, некогда было ждать разъяснения этой загадки. Дикие крики раздавались уже подле самой палатки.

— Слышите, они уже требуют свою добычу. Вы увидите, насколько они расположены слушать вас и объясняться с вами. Прежде всего надо вас укрыть, хоть на время, и единственное убежище — это священный шатер. Ступайте со мной, Армстронг; со мной вам нечего бояться — я по крайней мере так думаю — и во всяком случае уж лучше показаться этим горлопанам, чем позволить им предположить, что мы сами хотим запереться здесь.

Не колеблясь ни минуты, Армстронг последовал за своим другом, и оба они направились к священному шатру.

14. ДО ЧЕГО МОЖЕТ ДОВЕСТИ СТРАСТЬ К НОВОСТЯМ

Лагерь дакотов находился в состоянии чрезвычайно го волнения.

Одни бегали от одного вигвама к другому, оповещая о приезде чужаков, представляя это посещение кровной обидой, будили ненависть, разжигали страсти. Другие присоединились к женщинам, окружавшим палатку Мак Дайармида, и громкими криками требовали выдачи бледнолицего офицера. Всюду собирались толпы раздраженных и угрожающих индейцев.

Однако авторитет Золотого Браслета был уже настолько силен, что никто не осмеливался поднять руку на человека, бывшего под его покровительством. При виде Мак Дайармида, державшего руку на плече шедшего рядом с ним Армстронга, крики утихли. Толпа перед ними расступилась и с любопытством провожала их до священной палатки.

Мак Дайармид был очень удивлен, найдя в палатке еще трех белых. Армстронг представил их, назвав Мэггера его настоящим именем; при этом Золотой Браслет дал понять, что численность их запутывает дело и увеличивает опасность.

— Я попробую сделать невозможное, чтобы спасти вас; но не скрою, что имею очень мало надежды на успех...

Четверо белых, находясь в священной палатке, были на время в безопасности, как это и предвидел Чарлей. Ни один индеец не решится поднять руку на людей, находящихся в этом уважаемом всеми убежище. Но в то же время вокруг палатки уже стояла цепь бдительных караульных с целью, конечно, никого оттуда не выпустить. Ясно было, что индейцы решили уморить их голодом или заставить сдаться.

Искатель приключений, предприимчивый корреспондент «Геральда», не зная ни слова по-индейски, тем не менее очень хорошо понимал, какое решение принято индейцами. Он бегал по палатке, тщетно придумывая средство выйти из этого, по-видимому, безвыходного положения.

Чарлей и Красавец Билл с присущим им хладнокровием уселись на земле с трубками в зубах. Армстронг остался у полуоткрытого полога и следил взглядом за

Мак Дайармидом, который направился к шатру более высокому, чем прочие, принадлежавшему, вероятно, старейшине.

Прошел час в томительном ожидании. Наступила ночь; пленники видели, как индейцы собрались у костра, зажженного на площадке, и составили один круг. Затем один за другим стали подходить краснокожие, высокий головной убор которых указывал на то, что это были старейшины разных племен.

— Они открывают совет,— вскричал Мэггер, который по приглашению Армстронга подошел к двери.— Вот бы заняться отчетом да представить его в редакцию! Вот так штука была бы!

Чарлей Колорадо вынул изо рта трубку, казавшуюся неотъемлемой частью его самого, и сказал:

— Написать отчет, пожалуй, еще можно, а вот доставить его в редакцию — это будет потруднее: нас, похоже, отсюда не собираются выпускать.

— Ба! — сказал весело корреспондент.— Счастливая звезда «Геральда» нас привела сюда, она же нас и выведет. А теперь главное, чтобы вы послушали, что там говорят, и перевели мне!

— Вы этого желаете, господин Мигюр,— хорошо,— ответил решительным тоном Чарлей.— Во всяком случае бумага останется, и когда-нибудь ее найдут; но нас-то уже не будет на свете.

— Именно так, мой храбрый друг; вы говорите очень умно; вам бы еще немножко поучиться правописанию, и из вас вышел бы замечательный корреспондент.

— Не в обиду вам будет сказано, я уж лучше останусь при прежнем своем ремесле: ваше слишком хлопотно.

Марк Мэггер не возражал. Его внимание, как и внимание Армстронга, было поглощено тем зрелищем, которое развertyвалось у них перед глазами, и, несмотря на угрожающую им опасность, оба не могли не почувствовать дикой прелести картины.

Среди темной ночи вокруг пылающего костра уселись на земле полукругом индейцы со своими трубками; пламя освещало полуобнаженные бронзовые тела; позади этого полукружия стояла густая молчаливая толпа, на заднем плане виднелись палатки, как белые привидения. Ночная тишина нарушалась то треском ярко вспыхивавшего костра, то отдаленными раскатами грома. Коррес-

пондент жадно впитывал в нёмом изумлении эту своеобразную картину.

Жара была удушливая; один за другим индейские старейшины, разогретые костром, сбрасывали к ногам свои покрывала и оставались полунагими, как и все прочие индейцы.

Вдруг пронесся какой-то шум. Мак Дайармид вошел в круг в сопровождении старого вождя. Казалось, величавость его манер и ослепительность наряда были несколько нарочиты. Он заговорил:

— Братья племени сиу, — сказал он отрывисто, — обмана нет ни в сердцах, ни в устах наших. Я жил с белыми, знаю мудрость их, знаю также и безумие их. И вот потому-то я хочу поговорить с вами о тех, которые находятся в священном шатре. Один из них — друг мой, и обмана нет в его устах. Он пришел повидаться со мной и принес вам слово мира от великого Белого Вождя. Хотите вы его выслушать?..

Последовало молчание. Индейцы, неподвижные, безмолвные, выражали свирепыми взглядами и гримасами то отвращение, которое внушали им белолицые.

Видя, что старый вождь молчит и, вопреки обещанию, не поддерживает высказанного предложения, Мак Дайармид продолжал:

— Молодой белый воин пришел в качестве посланника к дакотам. Это звание священно. Белый воин не скрывался под одеянием какого-нибудь купца. Он не хитрил, не говорил, что пришел из Канады. Он пришел как истинный воин, подняв голову и протянув нам руку. Он гость у дакотов. Дакоты должны его выслушать...

Снова последовало молчание; Великий Змей не прерывал его, хотя он должен был высказать свое мнение.

Тогда встал Медведь-на-задних-лапах.

— Вождь Золотой Браслет — наш друг, — сказал он. — Кровь краснокожего течет в его жилах. Он в безопасности среди нас. А все белые, приходящие к нам с востока, — обманщики. Тот, например, о котором говорит вождь, прямо сказал, что он послан Белым Вождем, — следовательно, он наш враг. Он вошел в наш лагерь без позволения и должен умереть.

Не оставалось сомнения в том, что оратор высказал то, что решили в уме все его слушатели.

В это время один сиу поднялся на ноги.

— Смотрите на меня, — сказал он, — я — Татука. Я был

другом бледнолицых. Я жил с детьми на отведенной нам земле. Белые говорили, что мы будем счастливы, спокойны и богаты. Вскоре они предложили нам муки, кофе, сахару и лошадей в обмен за нашу землю. Многие из нас ответили на это отказом. «Они уже раз обманули нас и теперь, без сомнения, лгут. Сохраним наши земли». Но белые продолжали: «Приходите к нам завтра, и вы убедитесь, что мы говорим правду». На другое утро мы пошли на свидание, и внезапно были окружены солдатами; они сказали нам: «Надо уступить». Мы поняли, что попали в западню, и согласились снять лагерь и уйти дальше. И что же? Около месяца они доставляли нам провизию; затем не хватило муки, и начальник белых сказал нам: «Подождите». Мы ждали. Муки все не было. Тогда я начал опять охотиться, чтобы избавить себя и детей от голодной смерти. Я поселился подле форта, где жили солдаты: они иногда бросали мне как собаке разные отбросы и кости, и сердце мое переполнялось унижением и стыдом. Тем не менее я оставался там, так как белые давали мне виски за шкуры бизонов. Но однажды белый офицер ударил меня по лицу хлыстом и бил по спине за то, что я не дал его лошади раздавить себя. Тогда мое сердце переполнилось, и я сказал себе: теперь кончено, я возвращаюсь к людям моего племени. Белый, если обнимет краснокожего, то разве для того только, чтобы задушить его, и с ним лучше война, чем мир. Я покинул форт с детьми, но перед уходом сразил моего белого врага перед дверью его собственной палатки. Вот как нужно обращаться с бледнолицыми. Их надо убивать, как волков! Я все сказал.

Речь Татуки, произнесенная глухим и сдержанным тоном, произвела такое глубокое впечатление на индейцев, что единый крик вырвался из уст толпы:

— Смерть, смерть им!..

Мак Дайармид сделал еще одну попытку.

— Старейшины племени сиу говорят, что все белые — обманщики, — сказал он. — Значит, они забыли о белом, нашем давнишнем друге. — И он указал на Эвана Роя, только что приблизившегося к собранию.

Но Медведь-на-задних-лапах снова выступил вперед.

— Будет с нас разговоров, — сказал он. — Нам нет надобности знать, чего от нас хочет воин с белым лицом. Он храбр, спору нет: трус не посмеет прийти так, как пришел он, но и он не может принести ничего, кроме об-

мана. Белый Вождь — великий воин, но тоже лжец, и мы не хотим слышать того, что он нам предлагает. Если его посланник не хочет быть убитым, как волк в западне, под большим шатром, который мы обрушим на него, и если он на самом деле храбрый, пусть изъяснит готовность умереть на костре как воин, который не боится и презирает своих врагов.

Эти слова вызвали такое единодушное одобрение всего собрания, что Мак Дайармид осознал бесполезность дальнейших попыток.

Он направился к священному шатру и, остановившись на пороге, молча пожал руку Армстронга.

— Что же, наконец, они говорят? — спросил молодой человек.

— Они пришли к единогласному заключению предать вас смерти, предложив на выбор: умереть под шатром или взойти на костер.

В это время из группы старейшин выступил новый оратор. Его медно-красное лицо и белые перья убора были так ярко освещены огнем, что Фрэнк Армстронг видел его как среди белого дня.

— Красная Стрела!.. — прошептал он в изумлении.

Это был действительно шауни в костюме сиу. Все это время он сидел среди других депутатов, а теперь собрался говорить.

15. КРАСНАЯ СТРЕЛА

Красная Стрела так вошел в роль оратора, имел такой спокойный и торжественный вид, будто всю жизнь занимался тем, что держал речи на подобных сборищах.

— Братья племени дакотов, — говорил он, — я ваш друг и потому осмеливаюсь высказать вам некоторые замечания. Татука прав, называя белых волками. Мудрость Медведя-на-задних-лапах, равная его храбрости, советует без милосердия избивать бледнолицых. Все это так; но я, ваш гость, обращаю взоры на последствия ваших законных действий и спрашиваю себя: не слишком ли поспешно дакоты возбуждают гнев Белого Вождя? Не благоразумнее ли притвориться, будто мы слушаем его предложения, а тем временем готовиться к войне? Заколоть пленников мы всегда успеем, надо выждать удобное для этого время.

При этих словах, произнесенных ясным и отчетливым голосом, Мак Дайармид повернулся к говорившему. Он мог заметить, что его слова произвели сильное впечатление на все собрание. Шауни, видимо, тронул самую чувствительную струну у дакотов, вызывая к их политической мудрости.

Золотой Браслет уцепился за эту слабую надежду и вновь вышел вперед, желая поддержать замечание лже-депутата.

— Вождь с белыми перьями говорит как истинный брат наш! — вскричал он. — Я имею верные известия. Я знаю, что белые ждут с нетерпением, что выйдет из поручения, данного молодому воину. Если их посланный будет предан смерти, то прежде чем листья на этих деревьях успеют покраснеть от приближающейся осени, Белый Вождь будет здесь со своими полками. Их придут тысячи, а мы не успеем договориться, не успеем обучиться, получить оружие и патроны, которые я вам обещал... Вот что нужно сообразить и над чем следует призадуматься...

Теперь собрание разделилось на две противные партии. Какой-то молодой воин вскочил и с жаром воскликнул:

— Я думал, что Золотой Браслет — великий вождь и поведет нас в сражение!

— Да, — возразил спокойно Мак Дайармид, — но я хочу вести вас к победе! А победу надо готовить. Сиу храбры. Если война разразится слишком скоро, они, конечно, побьют первых белых, которые на них нападут; но за этими первыми придут другие, потом еще и еще; кончится тем, что сиу должны будут искать убежища в Канаде, если не захотят остаться на отведенной им земле, где они будут работать как рабы и голодать как волки!.. Вот почему я советую им не принимать быстрого решения, обеспечить себя союзом с племенами севера и ждать удобного случая для проявлений ненависти, которую они питают к бледнолицым.

Большая часть индейцев, казалось, одобрила эти слова, и Медведь-на-задних-лапах, не желая прямо восставать против высказанного мнения, выслал вместо себя на бой одного из своих подручных.

Это был молодой человек, худой и тонкий; все тело его было покрыто рубцами. Звали его Красная Луна, по

причине ярко-рыжих волос; он отличался храбростью и умением замечать за собой следы.

— Кто это говорит, что дакоты могут отступить хотя бы на один шаг перед белыми? — вскричал он с гневом. — Я хотел бы, чтобы белые были уже здесь и узнали бы, что называется храбростью. Наши дети будут в безопасности на землях Белой Матери, и их надо послать туда с нашими женами, а мы, воины, пойдем навстречу Белому Вождю. В жизни моей я уже снял скальп не с одного черепа, но мне хочется такой работы еще и еще! Я сказал.

— Да, да! — вскричали многие из воинов, отвергая более благоразумные мнения из боязни прослыть трусами.

Целый хор угрожающих восклицаний раздался в окружающей собрание толпе; к ней присоединились женщины с распущенными волосами и злобно блестящими глазами; они хором произносили какое-то гневное причитание, качаясь в такт из стороны в сторону. Гнев, как ураган, переходя от одного к другому, с быстротою огня в сухой соломе охватывал всю толпу.

Пленники со жгучим интересом следили за всеми подробностями этой сцены.

Одно время, после речи индейца, они думали, что все обойдется благополучно, по крайней мере на какое-то время; но теперь стало ясно, что надежда на спасение уменьшалась с каждой минутой.

Красавец Билл передавал им все, что говорилось, а Марк Мэггер заносил в свою записную книжку все достойное быть отмеченным: — «Свой собственный смертный приговор», — шутя сказал он.

Вдруг какой-то краснокожий бросился на середину площадки и пустился в пляс, припевая:

— Я — Американская Лошадь! Я сумел завладеть целым отрядом лошадей, убив всех белых солдат, за исключением только одного, которому удалось спастись!.. Найдется ли другой такой храбрец, как я?

— Честное слово, господин Мигюр, разбойник этот не врет! — вскричал Чарлей Колорадо. — Это верно, он увел всех лошадей из отряда, которым командовал какой-то молокосос-поручик, вот такой же, как господин Армстронг, — я этим не хочу его обидеть, — а я — тот единственный человек из отряда, которому удалось спастись... Но посмотрите на этих чертей!.. Они обезумели, о совете и помину нет; это резня...

И в самом деле, собрание было самое бурное. Все встали, жестикулируя, танцуя; при этом каждый кричал о своих подвигах, не слушая соседа.

— Я не вижу Красной Стрелы,— заметил Армстронг.— Не дай Бог ему попасть в руки сиу. Известно, что если сиу кого ненавидят — то именно шауни, точно так, как и шауни всегда готовы навредить сиу.

Шум между тем с минуты на минуту возрастал. Танцующие с воплями отходили от костра и придвигались все ближе и ближе к священному шатру, изрыгая страшные угрозы пленникам.

Среди толпы внимательный глаз Армстронга скоро отыскал самозванца-депутата с белыми перьями. Он один шумел более, чем десятки окружавших его людей; он прыгал, рычал, скакал и незаметно приблизился ко входу в священный шатер. Извиваясь и кувыряясь, он произнес несколько английских слов; вполне понятных тем, для кого они говорились:

— Сиу глупы! Красная Стрела... освободить... белые люди... две-три минуты!

Как бы подтверждая эти обещания, страшная молния прорезала небосклон и на несколько секунд осветила фосфорическим светом всю внутренность шатра. Вслед за этим раздался оглушительный удар грома, раскаты его понеслись по всему лагерю, и казалось, за ними должны были последовать страшные разрушения. В это время шауни прорвал человеческую цепь, окружавшую кольцом шатер. Прежде чем нашелся кто-либо, чтобы оттолкнуть его или вообще дать себе отчет в происшедшем, индеец был уже в шатре; за ним тяжело опустился дверной полог. За новой молнией наступил полный мрак и оглушительный раскат грома; люди в суеверном страхе попадали наземь и лежали, не издавая ни единого звука. Затем среди наступившей тишины раздался отдаленный вой, поднялся страшный ветер, и огромный столб пыли и песка ворвался в лагерь...

— Это ураган,— шептал Чарлей,— я узнал его голос...

— Да,— сказал Красная Стрела,— большой ураган... чертовски большой ураган... Опрокинуть земля... шатер... люди, все... мы бежать скоро... река... прыгать вода... плавать айда, айда...

И в самом деле, буря ревела; полы шатра подымались и неистово хлопали на ветру, весь шатер дрожал...

Чарлей приподнял полог.

Темень страшная, звезды и луна скрыты за тучами, воздух полон песку, костер разнесло. Люди разбежались по своим вигвамам, даже часовых не видно.

— Вот наша минута! Или теперь, или никогда! — вскричал Чарлей, бросаясь из палатки. — За мной, к реке!..

Все бросились за ним.

В ту минуту, как они выбежали из шатра, слышался голос:

— Держитесь левее!

Это был голос Золотого Браслета.

— Прощай, друг! — крикнул ему Армстронг.

И они побежали, направляясь наудачу к реке, держась за руки, чтобы легче противостоять степному ветру; их слепили и молния, и град, и тучи песку; они спотыкались, падали, подымались и снова бежали, бежали...

Час спустя они уже вплавь переправлялись через реку и по звездам, показавшимся из-за туч, быстро пошли на юго-запад безграничной равнины.

Индейцев бояться было нечего. Если даже допустить, что они убедились в бегстве пленников, то пока еще соберутся, пока отыщут разбежавшихся лошадей, да и вряд ли они решатся на погоню в такую бурную ночь...

— А ведь, видно, на этот раз, господин Мигюр, мы спасли наши головы! — сказал Чарлей, смеясь.

— Да, — ответил корреспондент, — и этим мы обязаны нашему другу Красной Стреле. Мы в большом долгу перед ним.

16. НА БИВУАКЕ

Несколько дней спустя после описанных происшествий, в звездную, но безлунную ночь, комендант Сент-Ор, с отросшей за неделю бородой, лежал на бизоньей шкуре в своей палатке. Почти у его ног трещал костер, разложенный на земле; у того же огня капитан Джим Сент-Ор, сидя на бревне и покуривая трубку, тербил за уши одну из двух борзых, сопровождавших коменданта во всех его походах.

Со всех сторон виднелись такие же огни, вокруг которых расположились в свободных позах, кто лежа, кто сидя, усталые солдаты и, тоже покуривая трубки, вели

свои беседы. За кострами был ряд белевших в темноте палаток, потом темная масса лошадей у коновязи и ряд обозных фур.

Вдруг среди ночной тишины раздались тревожные окрики: «Кто идет?» Послышалось какое-то суетливое движение, переговоры; часовые вызвали дежурных, и адъютант Пейтон отправился разузнать, в чем дело.

Он вернулся почти бегом и с радостным лицом влетел в палатку коменданта.

— Вот так новости! — вскричал он. — Молодой Армстронг вернулся с Марком Мэггером и двумя проводниками!.. Они в караульном доме, полуголые и полумертвые от голода, прямо из лагеря сиу.

— Армстронг! — воскликнул радостно полковник, вскочив на ноги. — Счастливую новость вы мне принесли. Как я рад буду пожать руку этому прекрасному юноше!

Но затем вдруг, как бы очнувшись, он вспомнил свое официальное положение и заговорил как комендант:

— Отправьте его под арест и воспретите ему всякое общение с кем бы то ни было. Прежде всего, разумеется, распорядитесь доставить ему и товарищам его все необходимое, а затем придите мне сказать, когда они будут в состоянии явиться на допрос.

Адъютант повернулся на каблуках и вместе с капитаном Джимом Сент-Ором направился к тому месту, где оставил прибывших беглецов.

Они уже были окружены толпой; каждый спешил со своими услугами: кто нес бутылку с вином, кто плащ, кто предлагал трубку; все суетились с тем участием, которое всегда возбуждает вид пострадавших товарищей.

Адъютанту Пейтону не очень-то нравилось возложенное на него поручение. Он знал, что это была простая формальность, вопрос дисциплины, и потому постарался, насколько умел, позолотить подносимую им пилюлю.

— Дорогой Армстронг, — сказал он на ухо молодому человеку, — у меня есть приказ держать вас под арестом; само собой разумеется, что я лично весь к вашим услугам; только скажите, что вам нужно...

— А это очень легко сказать, — ответил, смеясь, Фрэнк. — Во-первых, обедать: пятнадцать часов у нас не было ни крохи во рту. Еще счастье, что мы заметили ваши огни! Кусок жареного мяса и восьмичасовой сон — и тогда, ручаюсь вам, никакой арест меня не огорчит.

Новость быстро разнеслась по лагерю, и со всех сторон офицеры и солдаты сбегались смотреть на «призрак». Но они вынуждены были ограничиться тем, что смотрели, как этот призрак и его товарищи уплетали обильный обед, о котором главным образом позаботился капитан Джим Сент-Ор.

Час спустя подпоручик Армстронг, подкрепленный обедом с достаточными возлияниями, одетый в чистое платье с головы до ног и такой свежий, как будто успел отлично выспаться, был введен к коменданту Сент-Ору, ожидавшему его в своей палатке.

— Ну-с, господин поручик, вы закончили, наконец, ваши веселые похождения?

— Точно так, господин полковник,— ответил Фрэнк скромным, но твердым голосом.

— Вы покинули отряд для того, чтобы ехать по замеченному вами следу?

— Точно так, господин полковник.

— Из донесений вашего отрядного начальства я узнал, что вам была разрешена отлучка только на трое суток. По какой причине вы нарушили этот срок?

— Потому что видел возможность добыть очень важные сведения!

— И эти сведения вы добыли? — спросил полковник, не спуская с него глаз.

— Точно так, господин полковник.

— Я вас слушаю.

— Сведения таковы, господин полковник: дакоты собираются заключить с соседними племенами и даже, может быть, с черноногими обширный и опасный союз. Во главе этого предприятия стоит образованный вождь, храбрый, могущественный по богатству и способностям; его идеи, конечно, более здравы и практичны, чем идеи рядовых индейцев. Этот вождь пробовал вразумить их, что нужно время для того, чтобы приучить толпы к дисциплине, к прочному единству и через то сделать их сильными и непобедимыми. Его намерения и виды — я, кажется, могу это утверждать — скорее миролюбивы, чем воинственны; он предпочел бы вести с правительством переговоры на мало-мальски выгодных основаниях, нежели возбуждать открытое восстание. Но его не послушали, и партия, стоящая за немедленную войну, взяла верх. Во всяком случае, так как вождь этот бесспорно

превосходит всех других индейских воинов знаниями, хладнокровием и храбростью, я не сомневаюсь, что силою обстоятельств он вынужден будет принять командование над ними и, уступая более многочисленной партии, начать войну; таким противником пренебрегать нельзя. Вы поймете мои слова, полковник, если я добавлю, что несколько недель тому назад дакотам отправили из Канады пушки, скорострельные ружья и достаточно боевых припасов к ним. В настоящую минуту они еще плохо вооружены, не успели соединиться, не успели приготовиться. Немедленный поход мог бы, я уверен, захватить их врасплох и задушить в зародыше готовящееся восстание...

Полковник встал и прошелся раза три по палатке.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил он тихим голосом, вперив внимательный и пристальный взгляд в молодого человека.

— Я был у них в лагере, — скромно ответил Армстронг.

— Неужели вы были там? Так вот куда привели вас замеченные вами следы! — вскричал комендант и, будучи не в силах сохранять долее официальную холодность, он схватил молодого человека за руки и горячо пожал их. — Расскажите же мне все поподробнее, дорогое дитя мое.

И усадив Фрэнка рядом с собой на бизоньей шкуре, он предложил ему сигару и затем сосредоточенно выслушал подробности его походов. Армстронг рассказал все, скрыв только имя Мак Дайармида. Он полагал, и не без оснований, что не вправе выдавать того, кто сделал все возможное для спасения его жизни и жизни его товарищей.

Затем начались расспросы о приблизительной численности дакотов, о силе их, об их вооружении. И только когда все вопросы были исчерпаны, полковник решился, наконец, отпустить подпоручика.

— Теперь идите, мой дорогой, — сказал он ему, сердечно пожимая руку. — Мой брат примет вас у себя... Выспитесь хорошенько: вам нужны будут все ваши силы, чтобы довершить услугу, оказанную вами государству.

Затем полковник приказал пригласить к себе Марка Мэггера, который подтвердил все рассказанное Армстронгом. По настоянию последнего корреспондент тоже умолчал об имени Золотого Браслета. Взамен этой ма-

ленькой недомолвки он был неисчерпаем в похвалах усердию, хладнокровию и спокойному героизму своего товарища.

Фрэнк Армстронг весело шел в отведенную ему не-подалеку палатку; поравнявшись с офицерскими квартирами, он натолкнулся на группу, состоявшую, между прочим, из капитана Грюнтея, Корнелиуса Ван Дика и других. Офицеры все уже знали о счастливом возвращении Фрэнка и шумно, по-товарищески, приветствовали его. Только Ван Дик, пораженному неожиданностью этого возвращения, было не по себе; он заметно сторонился Армстронга, а это увеличивало неловкость его положения.

Наконец он решился заговорить.

— Ну, вот вы и вернулись,— с кислой миной произнес он, не решаясь, впрочем, протянуть руку Фрэнку.

— Да, вернулся, и притом сохранил в целости и голову, и волосы, несмотря на то, что вы так любезно предсказывали мне потерю их,— ответил Фрэнк с явным презрением.

Корнелиусу нечего было ответить. С той поры молодые люди никогда более не заговаривали друг с другом.

Полковник Сент-Ор, оставшись один, глубоко задумался и несколько минут ходил взад и вперед по палатке. Потом присел к своему походному складному столу, быстро написал несколько строк на листе бумаги и приказал позвать к себе адъютанта Пейтона.

Несколько минут спустя трубач играл сбор, и следующий приказ был прочитан командирами перед строем своих солдат:

«Завтра утром в три часа снятие с лагеря. В четыре часа седлать лошадей. Обоз остается позади. Людям иметь при себе провианту на восемь дней. Сегодня вечером огни погасить часом ранее обыкновенного».

По прочтении приказа офицеры собрались вокруг коменданта, чтобы узнать полученные им новости.

— Господа,— сказал он им,— нам предстоит работа. Индейцы близко, и с большими силами. Решаюсь вступить в бой, не дождавшись колонны, идущей к нам из Ларрами на подмогу; мы ставим многое на карту, мы рискуем,— этого нельзя отрицать, но, надеюсь, мы победим! Пусть только каждый честно исполнит свой долг, на что я и рассчитываю!

17. В КРЕПОСТИ

Миссис Сент-Ор сидела в кресле в кабинете своего мужа и молча вязала шерстяные чулки, предназначавшиеся для бедных индейцев; недавно приютившихся в форте Лукут. Неподалеку от нее Нетти Дашвуд, бледная и сильно похудевшая, с кудряшками белокурых волос на почти прозрачных висках, полулежала в большом вольтеровском кресле.

Приближалась осень. Ярко горели дрова в большом камине. На дворе был печальный серый день. Плац, где производилось учение, всегда оживленный, теперь был пуст. Трава, обыкновенно ровно подстриженная, торчала кое-где кустиками; цветы на маленьких клумбах посохли и пожелтели. Сами казармы имели вид чего-то запыленного и унылого. Часовые стояли только у входа в крепость и у штаба. Все носило печать заброшенности и запустения.

Мисс Дашвуд, особенно грустная от этого зрелища и жалобных завываний ветра в трубе, не имела сил говорить. Всего два или три дня как она встала с постели. Вдруг миссис Сент-Ор услышала глубокий вздох своей молчаливицы и с удивлением увидела ее в слезах.

Полковница бросила вязанье, быстро подошла к больной и горячо обняла ее, осыпая самыми нежными, материнскими ласками.

— Полно, милая, это безрассудство. Не надо плакать... ведь слезы не помогут...

Говоря это, она так растрогалась, что и сама заплакала.

— Ах,— сказала маленькая больная, всхлипывая,— как ужасно это бесконечное ожидание!.. Ниоткуда никакого известия... Я не могу свыкнуться с мыслью, что он умер... не могу... а между тем...

Миссис Сент-Ор, вытирая слезы, старалась, как умела, успокоить бедную девушку: известия не замедлят явиться; без сомнения, отряд скоро возвратится, так как не может остаться зимовать в открытой местности.

— И вы думаете, он может вернуться вместе с ними?

— Конечно, тем более, что никаких точных известий о его смерти нет и не было. Известно только, что он предпринял очень опасную экспедицию... Мой муж делал в своей жизни не раз такие вещи и, как видите, остался жив и невредим...

— Какая я эгоистка! — вскричала Нетти. — Как дурно с моей стороны надоедать вам моими горестями, тогда как у вас и своих тревог много, дорогая миссис Сент-Ор! Простите меня. Я постараюсь во что бы то ни стало быть рассудительнее... Господи! сколько забот я вам причиняю!..

— Да нет же, дитя мое, никаких особенных забот вы мне не причиняете. Напротив, я вам откровенно скажу: не будь вас при мне, я вдвое сильнее чувствовала бы свое одиночество. Ах, Нетти, вы не можете понять, что значит быть женою солдата, проводить недели и месяцы с мыслью, что ему угрожает постоянная опасность, ждать известий и бояться их, ожидать приезда курьера и бояться распечатать привезенный им пакет!

— Дорогая миссис Сент-Ор! — возразила Нетти, поднося руку ее к своим губам, — простите мои детские выходки. Дело в том, что я очень слаба после болезни и потому не могу удержать своих слез, и вы на меня за это не сердитесь.

— Ну, вот еще! Довольно, не будем об этом говорить, — сказала миссис Сент-Ор, вставая и заставляя себя принять веселый вид. — Мы обе неразумны и тревожимся без причины.

С этими словами она машинально приблизилась к окну и рассеянно посмотрела на двор крепости.

— Ох, посмотрите, что это с миссис Пейтон: она бежит сюда без шляпы, с растрепанными волосами... похоже, что-то случилось!..

Она пошла ей навстречу и отворила дверь. В ту же минуту на лестнице раздался голос миссис Пейтон:

— Элси, милая, наши возвращаются!.. уже близко! — кричала она.

И молодая женщина, запыхавшись, вбежала в комнату.

— Смотрите сами, — сказала она, подходя к окну и указывая куда-то вдаль.

Миссис Сент-Ор долго всматривалась в указанном направлении, и наконец увидела две распластанные тени, стремительно приближавшиеся к крепости. Она скоро узнала двух борзых своего мужа, которых он почти всегда брал с собой в походы. Радостный крик вырвался из ее груди.

— Свежие вести, свежие вести! — сказала она, бросаясь на шею Нетти.

— Вести?.. откуда?..— недоумевая, спросила бедная девушка.

— Друг мой! наши борзые бегут! Муж всегда посылает их вперед с письмом ко мне, если решено вскоре вернуться в крепость.

А между тем борзые уже преодолели крепостной вал. Они точно стлались по земле, пересекая плац, и вскоре были уже на дворе. Миссис Сент-Ор открыла окно.

— Цитен, Браун, сюда! — закричала она.

Благородные животные взвизгнули от радости, одним прыжком взлетели на лестницу и, как бешеные, задыхаясь, ворвались в залу. Движения их были так порывисты, их желание лизнуть руки миссис Сент-Ор так бурно, что она не вдруг смогла овладеть бумагой, привязанной к ошейнику Цитена.

Наконец она добыла письмо и прочла его вслух:

«Миссис Сент-Ор в форт Лукут.

С поля сражения. Малый Миссури, 12 октября.

Все идет хорошо. Сиу встретили в 6 милях от Эстакада, по указанию Армстронга. Он явил чудеса храбрости, ему удалось вырваться из лагеря Медведя-назадних-лапах, куда он имел смелость и дерзость проникнуть...»

— Нетти, голубушка, что с вами? вам дурно? — спросила миссис Пейтон, схватив за руку больную, которая вскрикнула и побелела как полотно.

— Нет... это ничего... читайте... это от радости,— ответила она, жестом и голосом умоляя миссис Сент-Ор продолжать чтение.

«...Мы воспользовались счастливым случаем, не дождавшись колонны, обещанной нам из Ларрами. Сиу разбиты. Наши потери — тридцать восемь человек, в том числе двое офицеров: поручик Грогам и подпоручик Гевит. Пейтон жив и здоров; Армстронг ранен стрелой в руку. Будем в форте примерно 18-го, если постойт хорошая погода.

В. С т.-О р».

— 18-го, а у нас сегодня 15-е, значит, через три дня! — радостно сказала миссис Пейтон.

— Он ранен,— шептала дрожащим голосом Нетти Дашвуд,— и может быть...

— Да нет же, упрямица, ведь вам говорят, что ранен только в руку.

Вдруг миссис Пейтон вскрикнула:

— У Брауна тоже письмо!.. Посмотрите, Элси!

В самом деле, и у другой борзой к ошейнику оказалась привязанной сложенная бумажка. Ее отвязали, развернули и прочитали:

«Мисс Нетти Дашвуд в форте Лукут».

— Пожалуйста, прочитайте; я не в состоянии разобрать ни одной буквы.

Это была записка в десять строк:

«Юноша вел себя героем. Рана легкая и неопасная. Я считал себя, может быть напрасно, обязанным хранить вашу тайну и должен признаться, что бедный малый и не подозревает своего счастья. Он продолжает думать, что ваша кузина Жюльетта и теперь, как и прежде, для него все. Если бы я мог говорить, его сердце узнало бы настоящий путь к счастью. Но я обещал вам молчать, и если он еще не догадывается, то вина в том, право, ваша, а не его. Тем не менее я в смущении: как это сердце его само собою не обратится к вам. Право, нельзя ли ему помочь в этом?»

Д ж и м С е н т - О р ».

Дамы принялись болтать о полученных новостях и перечитывать письмо коменданта; отдавшись всецело радости по поводу того, что их мужья живы и здоровы и скоро возвратятся в форт, они не вдруг заметили быструю перемену, происшедшую в Нетти Дашвуд.

Маленькая больная поднялась; на щеках заиграл румянец, глаза как-то особенно блестели.

Как только миссис Пейтон ушла, Нетти подошла к госпоже Сент-Ор, обняла ее и твердо проговорила:

— Взвесив все обстоятельства, я пришла к выводу, что мой долг — немедленно покинуть форт.

Молодая женщина глядела на нее с изумлением.

— Покинуть форт, моя крошка!.. в таком состоянии! да и зачем это, скажите, ради Бога?

— Так надо. Я не должна быть здесь, когда они возвратятся, — произнесла она, пряча свое пылающее лицо на груди миссис Сент-Ор.

— Да это безумие!.. Вы не должны даже и говорить об этом, Нетти.

— Нет, это необходимо,— сказала она решительно,— и если вы меня любите, вы должны помочь мне уехать не откладывая. С одной стороны, я не желаю возбуждать в ком бы то ни было сострадания; с другой стороны, я ничего не сделаю сама и не потерплю, чтобы другие сделали хоть что-либо, на что Жюльетта могла бы обидеться.

— Жюльетта! — вскричала миссис Сент-Ор.— Так вы хотите себя принести в жертву Жюльетте? Ах, дитя, дитя! Вы сильно заблуждаетесь, если предполагаете, что Жюльетта могла серьезно думать о подпоручике Армстронге!

— Все равно, она не думает... но он, он до сих пор о ней думает.

Миссис Сент-Ор мысленно упрекала Джима за то, что он не догадался открыть истину Фрэнку; но она сознавала, что оспаривать решение Нетти было излишне.

— А я-то готовила себе праздник, хотела удержать вас до Рождества и затем проводить в Нью-Йорк. Значит, вы хотите уехать одна?

Нетти утвердительно кивнула.

— Когда же?

— Завтра; даже сегодня, если это возможно.

— Мне следовало бы отказать вам, моя крошка, но я не считаю себя вправе. Лучшее средство доказать друзьям свою любовь — это действовать согласно их желаниям... Я иду не без сожаления дать распоряжения к вашему отъезду, а завтра я и миссис Пейтон поедем проводить вас до станции. Сегодня уже поздно. Вы знаете, это семичасовой переезд... Надо еще похлопотать, чтобы временный комендант дал нам конвой.

Вместо ответа Нетти горячо обняла госпожу Сент-Ор, и все было улажено.

Когда спустя три дня 12-й драгунский полк, покрытый пылью и грязью, сопровождаемый обозом, пленными индейцами и запаленными лошадьми, вступал в форт Лукут, Нетти Дашвуд была уже за сотни миль. Поезд, который шел по тихоокеанской железной дороге, стремительно уносил ее в шумно раскачивавшемся вагоне, где она сидела в обществе двух дам, с которыми ее познакомил начальник станции. С чувством удовлетворенной гордости и с грустным отчаянием, Нетти следила за убегающими в окне бесконечными темными лесами однообразно бесконечной равнины.

18. СРАЖЕНИЕ НА БЕРЕГУ МАЛОГО МИССУРИ

Войска из форта Лукут и две тысячи индейцев, проводимых Золотым Браслетом, сразились в открытом поле, у берегов Малого Миссури; битва была горячая, упорная и в высшей степени кровопролитная.

Как только передовой отряд индейцев показался на левом берегу Миссури, полковник Сент-Ор приказал седлать лошадей; отряд двинулся вперед и занял позицию на холмах, с высоты которых равнина была как на ладони.

Со своей стороны краснокожие, заметив это движение неприятеля, тоже сели на коней и бросились вперед с ужасными криками.

Как и предвидел Армстронг, Мак Дайармид считал себя обязанным принять командование над войском индейцев в предприятии, безумие которого он понимал лучше всех. Уведомленный своими лазутчиками о приближении правительственной армии, спустя неделю после бегства Армстронга и Мэггера, он едва успел удалить из лагеря жен и детей, отправив их в Канаду.

Он не мог сомневаться в исходе схватки: ему не дали времени ни избежать ее, ни подготовиться к ней. Но жребий был брошен, и Мак Дайармид был не из числа тех, которые отступают в минуту опасности. У индейцев не было пушек, их не удалось еще подвезти; ружей было очень немного, а пороху и совсем мало... Но решимость их была непоколебима, и во всем стане Медведя-на-задних-лапах не раздалось ни одного голоса в пользу отступления или бегства. Только один Мак Дайармид, удивленный быстротой продвижения обеих сторон, понимал опасные последствия, грозившие индейцам в случае неудачи. Союз племен, о котором он мечтал, требовал для осуществления своего нескольких недель, а у него не было и нескольких часов, чтобы подготовиться к бою; но чувствуя на себе ответственность за неминуемый разгром, он уже и не думал уклоняться от участия в этом обреченном на поражение предприятии.

Во всяком случае, его поддерживали безусловное доверие индейцев к нему, уверенность в личной храбрости каждого из них и слабая надежда на то, что какая-нибудь непредвиденная случайность если не отвратит, то по крайней мере ослабит удар, готовый обрушиться на его храбрую, но не подготовленную к бою орду.

Он поспешил отправить гонцов к соседним племенам, призывая их на помощь, а сам встал во главе сну.

Верхом на чудном чистокровном коне темно-серой масти, приведенном из Канады, в своем боевом наряде, с лицом, по обычаю индейцев, раскрашенным перед сражением в желтый и зеленый цвета, Мак Дайармид признавал свою безграничную власть над этими слепо преданными ему храбрецами, и в сердце его невольно закрадывалась надежда, что, может быть, победа не так уж невозможна.

Ему хотелось остаться в обороне, пользуясь для прикрытия самой местностью, с ее кустами и пригорками. Выждать приближения врага на такое близкое расстояние, чтобы можно было с ним сцепиться врукопашную,— вот в чем он видел спасение. Но подобный образ действий противоречил понятиям индейцев о храбрости. Они не могли понять его и предпочли героически броситься вперед, как безумные.

Уже через десять минут расстояние между двумя армиями не превышало трех верст.

На открытой равнине, с торчащим кое-где кустарником, все происходившее было видно как на ладони.

В это время полковник Сент-Ор приказал подкатить оба орудия, находившиеся до того в арьергарде, и дать залп.

Действие этого залпа было убийственное. Как только индейцы увидели две упавшие среди них бомбы, пущенные с такого расстояния, на котором их стрелы не могли достать врага, увидели тут же людей, убитых этими снарядами наповал,— они остановились и готовы были броситься назад.

Но тут правительственные войска заметили, как в этот момент среди испуганных индейцев появился всадник на темно-сером коне, в плаще, который блестел на солнце ослепительно золотым блеском; как этот всадник стал смыкать расстроенные ряды, удерживать бегущих, как он наконец собрал их и вновь повел в наступление.

Прошло несколько минут, пока снова зарядили пушки. Враги сошлись еще ближе. Последовал новый залп, вызвавший новое смятение в рядах индейцев.

Но этот залп вождь уже предвидел. В момент, когда показался дымок перед выстрелом, он приподнялся в стременах, издал дикий военный клич и, вонзив шпоры в коня, ринулся вперед, увлекая всех за собой.

Ясно было, что индейцы быстро освоились с грохотом пушечных залпов, и пять выстрелов, следовавших один за другим, несмотря на сотни жертв, уже не смогли остановить их движения вперед.

Комендант Сент-Ор, находившийся во главе колонны своего отряда, не мог не любоваться геройской неустрашимостью врагов и, главным образом, их вождя; он видел, что индейцы вот-вот обрушатся на его левый фланг. Тем не менее он жестом сдерживал горячность своих солдат, кипевших нетерпением и жаждой броситься вперед; требовал, чтобы они оставались неподвижны, как стена, с ружьями наперевес... А людская волна продвигалась все ближе и ближе.

На зеленой траве равнины это движение массы людей было зрелищем и устрашающим, и завораживающим. Людская масса неотвратимо приближалась к стоявшим на месте людям.

Краснокожие были не далее полуверсты. Их стрелы уже долетали до солдат и падали у их ног.

И тут комендант поднял свою шпагу.

Это был условный сигнал, по которому левое крыло, состоявшее исключительно из кавалерии под командой майора Вестбрука, ринулось с глухим топотом копыт на фланг индейцев.

В то же время послышался короткий повелительный и всем обитателям крепости знакомый голос:

— Слушай!.. Пальба рядами... первая шеренга... Пли!

Раздался зловещий треск. В надвигавшейся колонне индейцев падали люди, становились на дыбы раненые лошади; все смешалось и перепуталось.

Новый грохот выстрелов — и индейцы, оглушенные, смятые, остановились. Они сделали несколько выстрелов и выпустили целую тучу стрел. Несколько солдат были ранены.

С той минуты, как краснокожие остановились, их гибель была неминуема. Еще четыре ружейных залпа один за другим произвели страшное опустошение в их рядах. Затем правое крыло армии на марше врезалось в колонну, люди стреляли почти в упор. Этой минуты дожидался полковник Сент-Ор. С остатками свежих сил он бросился в гущу индейцев.

Тут начался страшный рукопашный бой. Драгуны со своими револьверами смогли добиться перевеса, так как оружием индейцев были только стрелы: невероятная ску-

ченность не позволяла им пустить в ход длинные пики. Некоторые, как, например, Красная Луна и Американская Лошадь, обладавшие исполинской силой, крошили драгун вокруг себя. В этой свалке происходили возмутительные по своему зверству сцены. Так, например, Татука очутился под лошадью, на которой сидел подпоручик Гевит; схватив за ногу несчастного молодого человека, Татука стащил его наземь и по рукоятку вонзил в грудь его нож, которым обыкновенно индейцы скальпируют врагов; сам Татука был тут же застрелен; он умер, но умер отмщенный.

Были также и странные случаи, например, выходка Ван Дика: он опрометью бросился из рядов сражавшихся, когда неожиданно увидел недалеко от себя Золотого Браслета. Мак Дайармид узнал своего ненавистного доносчика и бросился с поднятой саблей на него; но шальная пуля раздробила ногу его серому коню, и удар не состоялся. Корнелиус же улепетывал так быстро, что остановился только там, куда стрелы уже не долетали.

Фрэнк Армстронг во главе своей части был одним из первых, врубившихся в гущу индейцев; он очутился один на один со страшным Медведем-на-задних-лапах и спасся лишь каким-то чудом от угрожавшего ему удара. Он был уже ранен стрелой в руку и вынужден был сражаться только правой рукой; но, управляя лошадью без узды, он сумел парировать нацеленный на него удар и так удачно разрядил в противника свой револьвер, что вождь дакотов свалился как сноп и уже более не вставал.

Все внимание Фрэнка было поглощено Золотым Браслетом, стойко державшимся в сотне ярдов от него. В душе он желал ему умереть с оружием в руках. Фрэнка страшила участь, грозившая Мак Дайармиду, если бы он попал в плен.

Чарлей Колорадо сразился с Красной Луной и убил его из карабина; Американская Лошадь пал под ударами четырех драгун, окруживших его. Наконец, с падением Медведя-на-задних-лапах стало ясно, что поражение индейцев неминуемо. Лишившись половины людей, теснимые с двух сторон, они перестали сопротивляться, и одни бросали оружие, другие, — немногие, — повернув лошадей на север, спасались бегством.

Только небольшая кучка безумцев продолжала с остервенением обороняться, безо всякой надежды на успех. Среди этих отчаянных был и Золотой Браслет. Эти

люди были вооружены на европейский манер и задали драгунам чувствительный урок; но число их все убывало; они теснее жались к своему вождю, который, потеряв много крови из-за двух полученных ран, едва держался в седле. Люди его заметно уступали намного превосходившему их числом неприятелю, драгуны все теснее сжимали в кольцо кучку храбрецов, и недалеко казалась та минута, когда сопротивление их будет сломлено и все они захвачены в плен. Но вот в самый критический момент в плотном кольце сражающихся вдруг оказался всадник в костюме шотландского горца, который схватил обессилевшего вождя, бросил его, словно мешок, поперек седла и, как молния, исчез в северном направлении.

Армстронг все видел. Он понял сцену, разыгравшуюся на его глазах: доблестный Эван Рой с отчаянной храбростью избавил Мак Дайармида от угрожавшего ему плена.

Это был последний акт сражения. Остаток индейцев обратился в бегство. Стычка продолжалась не более двух часов, но была в высшей степени кровопролитной: с обеих сторон были обезображенные трупы, стонущие раненые, изуродованные лошади.

Комендант Сент-Ор не позволил войскам преследовать бегущих. Он знал, что главная цель достигнута, что союз племен, которого они опасались, теперь не вдруг оправится от полученного удара. Поэтому полковник, как только убедился, что позиция осталась за ними, приказал прекратить пальбу и дал сигнал к отбою.

Когда войска выстроились, произвели перекличку и сосчитали выбывших из строя,—их оказалось шестьдесят: двадцать два человека более или менее опасно раненых и тридцать восемь убитых. Сначала полагали, что Ван Дик был в числе их: в течение последнего получаса его никто не видел, и его имя думали уже занести в печальный список, как вдруг он появился, очень сконфуженный и бледный.

Лошадь его, как объяснил он, была под ним убита и сам он чуть-чуть не был оскальпирован.

Однако правдивость его рассказа вызвала сильные сомнения после того, как лошадь Ван Дика была действительно найдена убитой, но на значительном расстоянии от места сражения, и убита она была выстрелом из револьвера в голову.

Эта история окончательно погубила Ван Дика во мнении полка. И без того уже многие офицеры перестали говорить с ним после давешней истории с Армстронгом. Теперь же только двое или трое решились подойти к нему — с предложением подать в отставку.

— Знаете что, мой милый,— говорил ему в тот же вечер капитан Грюнтей за стаканом пунша,— вам будет нелегко удержаться в полку. Может быть, тут и нет вашей вины, но обстоятельства сложились против вас, и все приняли сторону этого молодого интригана Армстронга. Не лезьте на рожон — лучше уступить сразу.

Когда после этого Корнелиус пробирался в темноте к себе, он, проходя мимо палатки Армстронга, услышал вдруг свое имя и, следуя давней подлой привычке, остановился и стал подслушивать.

Марк Мэггер как раз беседовал с раненым Армстронгом. Он целый день торчал подле коменданта и наполнял себя впечатлениями, а свою книжку заметками. Как только кончилось сражение, он тут же, не сходя с места, написал чудесный рассказ о происшедшем, снабдив его разными чертежами и набросками, а Чарлей Колорадо в тот же час поскакал с этой драгоценной корреспонденцией на ближайшую станцию для отсылки ее в редакцию «Геральда».

Исполнив свой долг, Мэггер поспешил навестить своего раненого приятеля.

— Хорошо,— говорил Армстронг в ту минуту, как Корнелиус остановился у палатки,— оставим этот разговор. Что сделал или чего не сделал Ван Дик, нам какое дело?

— Видели вы этого черта Мак Дайармида, как он сражался?

— Да, как лев. Знаете, одно время я уже думал, что его возьмут-таки в плен.

— О, нет, этого бояться было нечего! Он скорее дал бы себя изрубить в куски. Ведь он хорошо знал, что его ожидает.

— Да, я очень рад, что он не попал в плен; но, быть может, Эван Рой увез не более как труп Мак Дайармида,— вот чего я боюсь. А впрочем, смерть солдата на поле битвы — для него самая завидная. Он не мог бы ни прозябать среди сиу, ни возвратиться в нашу среду... Какая жалость, что этот прекрасный малый, такой храбрый, такой способный... пошел по ложной дороге...

— Да, несколько бы таких, как он, офицеров, и наша армия стала бы лучшей в мире. Как вы полагаете: его никто не узнал?

— Никто, я в этом уверен. Во-первых, боевая окраска изменила его лицо, а во-вторых, ведь только мы двое и знаем его. Кто может вообразить, что вождь индейцев Золотой Браслет — бывший кадет Вест-Пойнта?

— Это, в самом деле, очень неожиданно; а кстати: вы непременно должны позволить мне рассказать его историю в «Геральде».

— Нет, любезный Мэггер, пожалуйста, не говорите мне об этом. Ведь кому же, как не ему да Красной Стреле обязаны мы тем, что остались в живых? Без его вмешательства с нами тогда покончили бы задолго до урагана, который помог нам скрыться. Если бы мы были уверены, что он умер, ну, тогда другое дело, но это вовсе не достоверно. Эвану Рою, быть может, удалось вернуть его к жизни. Надо сохранить его тайну. Для нас это долг чести.

— Согласен с вами, но и вы сознайтесь же, что большей услуги Мак Дайармиду и вам не может оказать ни один завзятый журналист — сохранить в тайне такую любопытную новость.

— Ценю жертву по достоинству, будьте в том уверены, — сказал, улыбаясь, Армстронг.

— Вот что, постарайтесь-ка хорошенько отдохнуть за эту ночь, — сказал Мэггер, поднимаясь. — Доктор говорил, что рана ваша не опасна, а полковник готовит вам самую чудодейственную перевязку: о подвигах ваших дать в приказе по отряду.

Корнелиус поторопился уйти, чтобы не быть застигнутым.

— Да, отличные новости! — говорил он сам с собой в своей палатке. — Вот так история! Армстронг и Мэггер знают вождя Золотой Браслет. Надо бы их вывести на чистую воду.

19. ПАРТИЯ НА БИЛЬЯРДЕ

Наступил канун Рождества. Прошло уже два месяца с тех пор, как Корнелиус Ван Дик, из-за единодушного осуждения, произнесенного обществом офицеров, принужден был подать в отставку. Желая сколько-нибудь

утешить себя, он бросился во все тяжкие и наслаждался всеми удовольствиями, какие только предоставлял Нью-Йорк человеку со средствами и без определенных занятий.

В этот вечер Ван Дик был в итальянской опере, и, не успев он усесться на своем обычном месте в партере, как увидел во втором ряду полковника Сент-Ора, прибывшего с женой в Нью-Йорк. Голова полковника испугала отставного поручика больше, чем голова медузы Горгоны, и он поспешил скрыться. Его всюду преследовала краткая надпись, сделанная полковником на прошении Ван Дика об отставке. Эта надпись гласила: «Настоятельно прошу министра: армия много выиграет от немедленного увольнения этого офицера. Сент-Ор». Достаточно было увидеть полковника, чтобы приведенные выше слова так явственно привиделись Ван Дику, словно были начертаны на театральном занавесе.

Покидая оперу, он говорил про себя:

«Делать нечего, в ближайшем кафе можно сыграть партию на бильярде».

Он стал искать партнера, как вдруг слух его был поражен звуками знакомого голоса, говорившего:

— Дорогой Мэггер, вы должны дать мне по крайней мере двадцать пять очков вперед. Вы знаете, что у нас в крепости нет бильярда, и у меня не было возможности набить себе руку.

Толстяк, произносивший эти слова, был не кто иной, как капитан Штрикер. Он знал историю Корнелиуса, — значит, надо было поспешить и отсюда. К тому же специальный корреспондент пристально и не особенно любезно смотрел ему в глаза. Корнелиус знал Марка Мэггера в лицо; он читал его знаменитую заметку в три столбца под заманчивым заголовком: «Медведь-на-задних-лапах. Военный совет в лагере сиу. Подробный отчет специального корреспондента «Геральда». Он читал также повествование о подвигах Армстронга и своих двусмысленных похождениях, и, конечно, не имел ни малейшего желания вспоминать теперь свои неприятности.

Итак, он собрался еще раз улизнуть, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему на плечо руку и тихо и серьезно сказал:

— Наконец-то я встретил вас, господин Ван Дик...

Бывший поручик быстро повернулся: он стоял перед высоким молодым человеком, которого он, казалось,

где-то видел, но узнать обладателя этих черных глаз и бледного лица с иронической улыбкой на тонких губах он не мог.

Незнакомец был щегольски одет, без той пестроты, которая всегда выдает человека смешанной крови, каковым он несомненно был: ни массивной цепочки на жилете, ни брильянта на галстукѣ, ни колец на пальцах,—прекрасно сшитый сюртук, безукоризненные перчатки,—так что Корнелиус, несмотря на все желание, не имел бы к чему придраться.

Было, между тем, что-то такое в лице незнакомца, что сильно не понравилось Ван Дик и исключало желание с его стороны побеседовать с ним, и он решился прибегнуть к средству, не раз ему удававшемуся.

— Я не имею чести вас знать, милостивый государь,—сказал он, поворачиваясь к выходу.

Но в ту же минуту Ван Дик почувствовал, что его держат.

— Однако, коротка же у вас память, господин Ван Дик! — сказал Мак Дайармид.

Наконец-то он встретил человека, которого ненавидел и искал уже три года.

— Я-то вас знаю! — прибавил он многозначительно.

Он говорил хладнокровно, и улыбка не сходила с его уст; тем не менее отставной поручик почуял в воздухе грозу.

Впрочем, надо заметить, что в этот раз недоумение Ван Дика было искренним. Ведь он всего два раза в жизни встречался с Мак Дайармидом: первый раз — в Вест-Пойнте, когда увидел его кадетом с запретной сигарой во рту, и второй раз — в боевом костюме вождя в тот несчастный момент, когда он, Корнелиус, улепетывал во все лопатки от Золотого Браслета и, конечно, был лишен возможности как следует его разглядеть.

А потому не совсем твердым голосом он произнес:

— Должно быть, я позабыл... С кем имею честь?..

— Милостивый государь,—начал тот, не отвечая на вопрос,—однажды мне привелось быть в обществе молодых людей, только что выпущенных из Вест-Пойнта, и они рассказали мне, как один из кадетов был только что исключен и лишен производства вследствие доноса одного офицера, подлого негодяя, который даже не состоял на службе в академии и которому никакого дела до всего этого не было. Ему вовсе незачем было совать туда

свой нос... но он... он записался в шпионы из любви к искусству.

Ван Дик начинал понимать, что происходит, но не подал и виду.

— Не понимаю... каким образом все, что вы говорите, может касаться меня?

— А вот каким образом,— ответил незнакомец,— меня зовут Мак Дайармид. Поняли? А подлый негодяй, шпион, постаравшийся лишить Мак Дайармида производства, подлец, изменивший впоследствии и долгу своей службы,— прозывается Корнелиусом Ван Диком.

Уже за минуту перед тем Ван Дик опустил руку в карман, где, по обычаю американцев, носил револьвер.

Что касается Мак Дайармида, то он говорил, не повышая голоса, отчеканивая слова и в такт ударяя хлыстом по сапогу. Хоть беседа их велась тихо, не выходя из пределов обычного разговора, тем не менее в выражении их лиц, в позе было что-то особенное, и люди, всегда жадные до зрелищ, уже обступили их.

Как только Мак Дайармид произнес рядом с именем собеседника слово «подлец», Ван Дик вынул руку из кармана; в ней был пистолет. Он поднял его и выстрелил почти в упор в своего противника.

Но одновременно с выстрелом послышался свист хлыста. Мак Дайармид ударил по руке Ван Дика и вышиб револьвер. Парируя по правилам фехтования руку Ван Дика, он полоснул его хлыстом дважды по лицу, по правой и по левой щеке, оставив на них синеватые полосы.

Все это произошло в мгновение ока. Некоторые из толпы бросились к Ван Дику и оттащили его подальше. Но никто не посмел коснуться Мак Дайармида.

Корнелиус воспользовался своим положением и начал осыпать своего противника самыми оскорбительными прозвищами; Мак Дайармид стоял безмолвно и только оглядывал с явным презрением врага.

В это время из толпы вышел широкоплечий господин с рыжей бородой — это был Эван Рой; он поднял с пола револьвер и вынул из него патроны.

Ван Дик, высвободившись из державших его рук, с лицом, на котором темнели две синие полосы, особенно заметные на багровых щеках, как безумный озирался вокруг... Ему казалось, что весь форт Лукут неожиданно очутился в Нью-Йорке, чтобы быть свидетелем его позора. Перед его глазами мелькнули капитан Сент-Ор, ка-

питан Штрикер, капитан Бюркэ, подпоручик Армстронг — все изумленные смелостью Мак Дайармида. Наконец, тут же очутился и Марк Мэггер.

А Мак Дайармид все улыбался.

Между тем Эван Рой, покончив с револьвером, подошел к злополучному Ван Дик и, протягивая оружие, громко сказал с изысканной вежливостью:

— Вот ваша игрушка, сударь. Я вынул патроны, чтобы вы как-нибудь нечаянно не поранили себя. А то, чего доброго, и до беды недалеко.

Зрители расхохотались и, так как, по всему судя, зрелище не должно было иметь продолжения, многие повернулись, чтобы разойтись по своим углам, как вдруг Корнелиус, выведенный из себя, закричал с азартом:

— Хорошо смеяться, когда вас семеро против одного!.. Но если бы здесь нашелся порядочный человек, готовый быть моим секундантом...

Он посмотрел на своих прежних товарищей по оружию. Капитан Бюркэ, сошедшийся с ним во время совместного проживания в форте Лукут, не мог остаться равнодушным к его призыву.

— Я готов служить вам, любезный Ван Дик,— сказал он, выходя вперед.— И пусть никто не скажет, будто ни один из старых товарищей не откликнулся на ваш призыв.

Несчастный ухватился за протянутую ему руку, как утопающий хватается за поданный ему шест,

— Вот, смотрите: человек, которого я совсем не знаю, меня оскорбил. Прошу вас, дорогой капитан, разъясните это дело... Меня вы найдете на Пятой авеню.

— Хорошо. Я берусь за это.

И Ван Дик поторопился уйти, чтобы скрыть в ночной темноте свое великое унижение.

Капитан Бюркэ, как и большая часть офицеров армии, был ирландец и хвастался знанием всех тонкостей по ведению так называемых «дел чести». Подойдя к Мак Дайармиду и Эвану Рою, он изысканно вежливо поклонился и повел такую речь:

— Господа, я не имею чести быть с вами знакомым, но я полагаю, что церемонии взаимного представления будут излишни, если я объявлю, что обращаюсь к вам от имени моего друга Ван Дика.

Говоря это, он протянул Мак Дайармиду свою визитную карточку,

Тот взял ее с легким наклоном головы, потом вынул из кармана и вручил капитану в обмен свою карточку со своим именем и адресом.

— Очень рад с вами познакомиться,— сказал с новым поклоном капитан.— Угодно вам предоставить мне вести переговоры с кем-нибудь из ваших друзей?

— Вот мой родственник, господин Эван Рой, вы можете вести переговоры с ним.

И, поклонившись, он ушел. Ирландец и горец остались вдвоем.

Эван Рой тотчас почувствовал потребность поставить себя на высоту положения данной минуты, и так как приемы высшей дипломатии и любезности соединялись в его мыслях с представлением о бутылке хорошего вина, то он и начал с церемонного заявления:

— Не находите ли вы, капитан, что говорить об этом шекотливом деле всего лучше сидя в отдельном кабинете за стаканом доброго вина?

— Прекрасная мысль! — воскликнул офицер.— Я к вашим услугам.

И оба секунданта направились вместе по лестнице, ведущей в верхний этаж.

Между тем Армстронг быстро подошел к Мак Дайармиду.

— Вы с ума сошли,— сказал он тихо, горячо пожимая его руку,— мало того, что вы объявились в Нью-Йорке, вы еще затеваете целый скандал, и это после того, как вы только что... Вы знаете, на что я намекаю... Вы что же, хотите себя погубить?

— Мой милый Фрэнк! В награду за смелость мне удалось увидеть вас, и этого довольно, чтобы вознаградить меня за некоторые неудобные последствия моего появления здесь. Но у меня были серьезные дела, с которыми надо было покончить. Надо было обеспечить мать и сестру и, наконец, наказать этого подлого мерзавца...

— Да какие у вас счета с Ван Диком? Не знал, что вы с ним знакомы.

— Какие у меня с ним счета? — переспросил Мак Дайармид глухим голосом.— Так знайте же, что Ван Дик разрушил мою карьеру и исковеркал мою жизнь; он сделал меня бунтовщиком и бросил на ту дорогу, с которой нет выхода, кроме смерти или изгнания. И все это из-за нарушения пустого правила, до которого ему и дела никакого не было. Вы помните ту дурную отметку, которую

мне поставили и которая решила мою участь? В течение многих дней я разузнавал, расспрашивал и, наконец, убедился, что этот донос сделан был Ван Диком. Он проходил по коридору, идя к генералу, приложил глаз к замочной скважине и увидел нас курящими. Он поторопился так громко заявить об этом, что комиссия не могла оставаться глуха к его заявлению, отправилась в дортуйр и застала нас с поличным, то есть с сигарою в зубах. Я узнал это от одного из офицеров-очевидцев. Вы удивляетесь, что до сих пор я вам не говорил об этом ни слова? Это потому, что мне хотелось одному казнить мерзавца. Теперь вы понимаете, почему я явился сюда поговорить с ним; ведь на поле битвы это мне не удалось, он сбежал.

— Да, я вас понимаю,— сказал Армстронг,— но это не извиняет вашего безрассудства. В данную минуту вам следовало бы быть в Канаде, в Европе, где угодно, только не в Нью-Йорке, мой милый...

— А какое мне дело до того, что может случиться? — возразил мрачно Мак Дайармид.— Дела свои я устроил. Остается только всадить пулю в этого мерзавца — и будь что будет!.. Моя жизнь кончена. Я потерял то, что давало ей смысл: мне хотелось обеспечить индейским племенам сносное существование. А об остальном я беспокоюсь столько же, сколько о прошлогоднем снеге,— прибавил он, беззаботно щелкнув пальцами.— Но довольно обо мне... Как ваша рана, мой милый Фрэнк? Я слышал, вы были ранены в руку. Да вы и теперь еще носите повязку?

— Рука моя почти совсем поправилась, благодарю. Но вы сами, мне казалось, были в тяжелом состоянии, когда вас подхватил Эван Рой.

— А вы знали об этом? — спросил Мак Дайармид с доброй усмешкой.— Да, меня порядочно помяли. Но индейцы умеют как никто в мире заживлять раны. В шесть недель старейшина поставил меня на ноги.

— Ради Бога, потише! — сказал Армстронг.— Не укладывали бы вас!..

— Да кто же здесь может меня узнать? Эти господа там — ваши друзья?

— Да, это офицеры моего полка, и с ними кое-кто, вам тоже не совсем незнакомый: Мак Мэггер, корреспондент «Геральда».

— В самом деле? — сказал Мак Дайармид и взгля-

нул в указанную сторону, где был Мэггер, поглощенный партией на бильярде с капитаном Штрикером.— Пожалуйста, Армстронг, представьте меня ему. Мне занятно, узнает ли он меня.

Фрэнк вынужден был исполнить эту странную просьбу, и несколько минут спустя у бильярда завязалась оживленная беседа между теми, которые три месяца тому назад отчаянно сражались на берегах Малого Миссури. Мак Дайармида очень занимало, что никто его не унавал.

— Я прочитал с большим интересом ваш репортаж о посещении лагеря Медведя-на-задних-лапах,— говорил он Марку Мэггеру.— Полагаю, вам пришлось вынести очень сильные ощущения, и что размышления ваши в священном шатре были не из веселых.

Корреспондент, полулежа на бильярде, примеривался, как лучше осуществить довольно спорный удар карамболом. Сделав шар, он привстал и оглядел вопрошавшего.

— Вы спрашиваете,— ответил он,— каковы были мои размышления? А вот какие: до тех пор я думал, что во всех Соединенных Штатах нет человека смелее меня... Ну, а в ту минуту мне пришлось признать, что я встретил человека еще более смелого.

Затем он вернулся к бильярду и удар за ударом сделал чуть ли не пять карамболов.

Когда наступила очередь Штрикера играть, Мэггер снова повернулся к Мак Дайармиду и сказал:

— Вы знаете, мне первому нужно получить сведения о вашей будущей дуэли с Ван Диком. Я рассчитываю на них для «Геральда»,— и при этом посмотрел на него так, как смотрит человек, видящий своего собеседника насквозь.

Мак Дайармид, готовый было рассердиться, расхохотался и сказал:

— Ох, уж эти журналисты! Никогда не знаешь, серьезно они говорят или нет.

Внимание его скоро было отвлечено судьей Брэнтоном, который, поболтав со старыми знакомыми офицерами крепости, изъявил свою радость при виде Мак Дайармида. Само собой разумеется, о происшествии с его племянником Корнелиусом он ничего не знал.

Кажется, дела почтенного негоцианта и судьбы не были в прежнем блестящем положении, несмотря на его

неустанную погоню за наживой. Сейчас, при виде богача Мак Дайармида, ему пришло в голову сбыть ему кое-какие акции, которые должны были вот-вот обесцениться. Мак Дайармид не обманывался насчет сделанного ему предложения, но он дорожил влиянием Брэнтона на общество — его, полуиндейца, в это общество всегда влекло; поэтому он, не соглашаясь и не отказываясь, обещал подумать. Судья же с самым сердечным радушием сказал:

— Что бы вам выбраться к нам на рождественские праздники? Мы почти соседи: ваш деревенский дом не далее двадцати миль от моего. Завтра я жду полковника Сент-Ора с женой, еще кое-кого из друзей и был бы счастлив представить им вас.

Мак Дайармид не решался отвечать, не зная, чем кончится совещание Эвана Роя с капитаном; как раз в это время Эван Рой спустился по лестнице из отдельного кабинета, где проходили предварительные переговоры.

— Ну что? — спросил молодой человек, увлекая его в сторону.

— Еще ничего не решено. Капитан просит время для переговоров со своим другом.

— Значит, во всяком случае не завтра?

— Нет, вероятнее всего — послезавтра.

— Я счастлив, что завтра могу воспользоваться вашим любезным приглашением, — сказал Мак Дайармид, возвращаясь к судье.

20. НА БЕРЕГУ ГУДЗОНА

На следующее утро скорый поезд остановился у маленькой станции Брэнтонвиль на Гудзоне.

Замерзшая река и берега ее покрыты толстым слоем снега; вдоль реки скользят по льду санки на парусах, подгоняемые северным ветром, и оспаривают друг у друга первенство в быстроте. Над платформой, переполненной пассажирами, виднеются горы с гирляндами хвойной зелени, а дальнейший пейзаж пропадает в снежной пелене.

На вершине ближайшей возвышенности можно все-таки различить бедную деревушку, а не доходя до нее, на склоне, возле дороги, извивающейся вверх по горе,

стоит большой каменный дом, желтоватый цвет которого выделяется на белизне снега.

— Вот, должно быть, дом Брэнтона,— сказал капитан Джим, выходя из вагона со своим братом, его женой и подпоручиком Армстронгом.

В ту же минуту к ним подошел со шляпой в руке лакей и спросил:

— Не вы ли, господа, гости, ожидаемые господином Брэнтоном? Если да, то смею доложить, что здесь приготовлены вам сани. Позвольте мне билеты, чтобы получить ваш багаж.

— Вот и прекрасно, нас ждали и позаботились о наших удобствах; мне это нравится,— говорил Джим Армстронгу в то время, как полковник Сент-Ор усаживал жену в легкие сани.— Это я называю широким гостеприимством!

Через две минуты пассажиры уселись, укрылись меховыми полостями и быстро помчались в гору, к дому судьи.

Мисс Жюльетта Брэнтон сама встретила их на крыльце. Надо признать, что роль хозяйки отлично удалась ей. Все качества, необходимые для этой роли, были налицо. Недаром она, как и все богатые американские девушки, побывала в Европе в самых модных местах, насмотрелась на самых изящных леди и мисс, усвоив их умение быть утонченно-вежливой с каждым так, что каждый, испытывая на себе прелесть ее обхождения, воображал, что любезность расточается только перед ним одним.

С госпожою Сент-Ор она была нежно-приветлива, к полковнику исполнена внимания, а с капитаном была совсем на дружеской ноге. Что касается Армстронга, то и тут она показала себя очаровательной, хоть и держала его на известном расстоянии от себя, с холодным достоинством; сначала это интриговало его, но потом он стал чувствовать себя оскорбленным.

Но всех любезнее был с ним хозяин дома, судья Брэнтон, как будто Армстронг был лично нужен и приятен ему, а не был на самом-то деле приглашен из внимания к полковнику.

Несмотря на любезности судьи, бедный юноша, удалившись в назначенную ему комнату, с грустью отметил про себя, что ни отец, ни дочь ни единым словом не вспомнили о его недавних подвигах и даже не поинтересовались полученной им раной. Тут был повод и для удивле-

ния, и для обиды: ведь «Геральд» разнес во все концы света рассказ о его неустрашимости, и слава отданного о нем приказа по армии была еще так свежа.

«Должно быть, мне придется здесь разыгрывать довольно глупую роль,— грустно раздумывал юноша, прислонившись к холодному стеклу окна и глядя на растянувшийся перед ним зимний пейзаж.— Если бы меня наградили чином, а то ничего, только рука на перевязи,— с этим далеко не уйдешь! Одного этого недостаточно, чтобы она взглянула на меня любезнее.. Вот Нетти не так бы отнеслась ко мне... Славная девушка!.. Мне совсем не следовало приезжать сюда,— восклицал он про себя в печальном раздумье,— особенно после этого глупого письма!.. И где только был мой разум, когда я решил его написать... Если Нетти прочитала ей мое письмо и отдала локон моих волос, должна же Жюльетта быть мне благодарна, по крайней мере...»

И, задумавшись, прибавил про себя:

«Бедная Нетти, такая милая, такая чистая,— и я решил дать ей это поручение!..»

Он долго стоял у окна, ничего не видя пред собой,— не видя картины чудесного заката солнца на прозрачном небе, обрамлявшем снеговую поляну.

Вдруг послышался колокольчик, и у крыльца остановились сани; из них вылез Ван Дик, укутанный в широкую шубу, отчего казался еще толще.

«Вот тебе и раз! — подумал Фрэнк.— Да, видно, судья Брэнтон не мастер подбирать гостей. Ван Дик встретится со мной; мало того, встретится с полковником, который спровадил его в отставку... Ну, это хозяйское дело. Однако пора одеваться к обеду».

Обыкновенно Фрэнк не особенно занимался своим туалетом, но тут провел перед зеркалом несколько лишних минут.

Надевая впервые штатское платье, он испытывал такое же удовольствие, какое доставляет первый мундир вновь произведенному офицеру. При всей скромности Армстронг, поглядевшись в зеркало, не мог не улыбнуться: черная перевязь, поддерживавшая раненую руку, никак не портила общего впечатления красивой наружности.

Зала была еще пуста, когда он вошел. От нечего делать он принялся перелистывать книги и газеты, лежав-

шие на столе; потом взял альбом с фотографиями, отошел в светлую нишу комнаты и там уселся.

Это была коллекция портретов разных государей и знаменитостей: Линкольна и Вашингтона, генерала Скотта и Виктории, Виктора Эммануила и Патти, президента Гранта и Ирвинга; потом фамильные портреты: самого Брэнтона, Корнелиуса и целого ряда разных тетушек с сердитыми и подозрительными лицами...

«Они точно злятся на меня, эти барыни, за то, что я гонюсь за приданным их племянницы,— подумал про себя бедный малый.— А что же, ведь они, пожалуй, и правы. Подпоручик, у которого, кроме жалованья, ни гроша за душой, смеет мечтать о такой богачке, как мисс Брэнтон!»

Он глубоко вздохнул и перевернул страницу; перед ним были два портрета — Жюльетты и Нетти, один против другого. Жюльетта, холодная, улыбающаяся и ясная, как прекрасный летний день, торжествующая сознанием безупречной правильности каждой черты своего лица. Ее темные глаза встречали спокойной иронией того, кто хотел бы прочесть в них что-нибудь. И в первый раз в жизни Фрэнку пришло на ум, что этому лицу и этим глазам недостает... души! Ему вспомнились те богини, которых Тициан изображал сколь прекрасными, столь же бесстрастными.

Вот Нетти — совсем другое дело! Милое, живое личико, похудевшее и побледневшее за последнее время, эти ясные глаза, этот ротик со сжатыми губками, как бы с затаенным страданием, эти белокурые локоны на высоком и чистом лбу,— какое чудное выражение во всем ее облике!

Фрэнк долго смотрел на оба портрета. Он все сравнивал и невольно вынужден был признать, что сравнение было невыгодно для той, которой он так долго отдавал предпочтение.

«Эти две фотографии, как неумолимое зеркало, показывают характеры оригиналов»,— сказал себе Армстронг.

Легкий шум заставил его поднять голову. Капитан Джим Сент-Ор стоял подле него и глядел через его плечо в открытый альбом.

— Говорите, что хотите,— сказал он,— а я предпочел бы малютку. Вот это настоящий характер! Сколько силы и отваги! Именно такую жену надо солдату! Впрочем, я

знаю одного малого, которого не пришлось бы тянуть за ухо в ряды ее поклонников, если бы только он имел надежду на успех. Право, так.

Фрэнк принял очень серьезный вид.

— Что с вами, капитан? Разве можно говорить так фамильярно о девушке...

— Скажите, пожалуйста... фамильярно! Давно ли ухаживание порядочного человека стало считаться обидным? Целых шесть месяцев мисс Дашвуд и я провели вместе и достаточно узнали друг друга. Немного надо было времени, чтобы вполне оценить ее. И если бы я мог предполагать, что и она со своей стороны... Хорошо вам, Армстронг, говорить... вы не подвергались, как я, опасности видеть ее каждый день: ведь вас не было с нами в форте. Вы в это время бродили вокруг лагеря Медведя-на-задних-лапах и ставили на карту свою голову ради чести попасть на страницы дневного приказа по армии. Конечно, это прекрасно; ну, а на мою долю досталось быть в форте меж двух огней, меж двух кузин, и, право, я, кажется, не ошибся в выборе. Вам-то что до этого, ведь я не ухаживал за вашей дамой. Разумеется, об этом никто ничего не знает. Но я не прочь довести дело до победного конца. Вам — богатая невеста, мне — ее маленькая кузина!

Армстронгу казалось, что он слышит все это во сне. Никогда еще не видел он капитана Джима в таком восторженном состоянии. Казалось, прежде не было на свете человека, более рыцарски и в то же время более скромно отзывавшегося о женщинах. Неужели это он, Джим, так говорит?

— Капитан, — сказал Армстронг сухо, захлопнув альбом, — вы меня извините, но я крайне изумлен, слыша от вас ваши шутки в адрес девушки, другом которой я имею честь считать себя.

— Шутки? Да с чего вы взяли, что я шучу? Я говорю очень серьезно, уверяю вас. Никто, кроме меня, не сможет воздать должного мисс Нетти Дашвуд; никто не оценит ее так высоко, как она того заслуживает. По-вашему, Фрэнк, она только дитя; но мне удалось узнать ее сердце, ее возвышенную душу. Какая в том беда, что я говорю об этом? Никак не могу объяснить себе, что вы находите тут обидного. Прежде я, действительно, думал, — сознаюсь в этом, — что между вами и Нетти существуют некоторые отношения. С ее стороны — я в этом убедил-

ся — было глубокое и исключительное чувство к вам, — ведь она заболела и едва не умерла при одном известии о вашей смерти.

— Вы правду говорите? — вскричал Армстронг, пораженный.

— Конечно, правду, — ответил капитан Джим равнодушным тоном. — Только мы двое, я и жена моего брата, знали этот великий секрет. Но все это, слава Богу, давно миновало. Вы думали о блистательной Жюльетте, а не о бедной Нетти. Дитя увидело свою ошибку и постаралось забыть вас, сделав над собой громадное усилие. Ведь вы, пренебрегши ею, полагаю, не могли бы требовать, чтобы она вечно носила траур по вас вследствие ошибки ее собственного сердца? Что касается меня, то, признаюсь вам, питая к ней глубокую привязанность, я не придаю особого значения ее увлечению, и, если только Нетти захочет, тогда я с восторгом назову ее своей женой!

Подпоручик, будучи не в состоянии объяснить себе овладевшее им раздражение, побледнел от досады; а приятель его Джим, делая вид, что ничего не замечает, был, по-видимому, очень доволен собой.

Приход судьи, коменданта, а вслед за ними и дам, положил конец этой сцене, грозившей из-за состояния, в котором находился Армстронг, принять более горячий характер.

Мисс Жюльетта вошла под руку с госпожой Сент-Ор. Но, странное дело, впервые в ее присутствии глаза Фрэнка искали не ее, а кого-то другого. Он беспокоился, отчего не идет Нетти Дашвуд.

Наконец она появилась.

Под напором волновавших его чувств молодой офицер в один миг очутился подле нее.

— Дорогая мисс Нетти, как я счастлив видеть вас! — сказал он громко, взяв ее за обе руки.

К его глубокому удивлению, он услышал холодный ответ:

— Здравствуйте, господин Армстронг.

— Я был в отчаянии, узнав, что вы в мое отсутствие посетили Лукут и заболели там, — продолжал Фрэнк тем же дружеским тоном.

— Да, мы очень беспокоились о судьбе нашего кузена Корнелиуса, — ответила девушка с самым серьезным видом.

Затем, слегка поклонившись, она отошла в сторону, оставив его, сконфуженного, посреди залы.

У нее тоже не нашлось ласкового приветя для него, она не проявила ни малейшего интереса к его судьбе. Он был ошеломлен и имел вид человека, которого окатили ведром холодной воды. В утешение он мог только потешаться, глядя на глупую фигуру Корнелиуса Ван Дика.

С тех пор, как у последнего стала затеваться дуэль, он вообразил себя героем, и это придало ему храбрости встретиться лицом к лицу с бывшим командиром. Но вся его храбрость исчезла как дым, когда слуга провозгласил имя Мак Дайармида.

Молодой индеец вошел в щегольском фраке и тотчас по всей форме был представлен Брэнтоном всему обществу, не исключая и Корнелиуса, причем оба притворились, будто видят друг друга в первый раз.

— Вы меня простите, если я уеду тотчас же после обеда,— сказал Мак Дайармид судье, когда они отошли немного в сторону.— Мне очень хотелось сдержать обещание и быть у вас на вечере, но важные дела призывают меня сегодня же домой.

— Дело прежде всего,— сказал убежденным тоном судья.— А, кстати, подумали вы о нашем деле?

— Да, я почти готов приобрести ваши акции. Вы можете рассчитывать, что завтра получите от меня решительный и, полагаю, утвердительный ответ.

Должно быть, это известие было очень по сердцу Брэнтону, судя по прекрасному расположению духа, в котором он пребывал весь тот вечер.

Мак Дайармид очень понравился полковнику Сент-Ору; между ними завязалась длинная беседа, причем полковник счел возможным выразить сожаление, что маленькое недоразумение лишило правительство полезных услуг храброго молодого человека.

— Что делать, полковник, прошлого не воротишь,— ответил Мак Дайармид.— Удар был жесток, но я не хочу о нем вспоминать. Видно, судьба моя такова; а с неизбежным и самый твердый характер не может бороться...

Полковник, пораженный тем, как грустно звучали последние его слова, с чувством пожал ему руку.

Корнелиус с угрюмым и сердитым лицом прислушивался к этому разговору, делая вид, будто просматривает иллюстрированный журнал. Целый ряд происшествий, связь которых была ему до сих пор непонятна, вдруг

представился ему очень ясно. Горькое разочарование Мак Дайармида, его намек на злую судьбу, вызванное этим воспоминание о Вест-Пойнте,— все это вместе взятое он соединил теперь с разговором Мэггера и Армстронга, подслушанным им в лагере после сражения. Удаление из полка и личные дела на время заставили было забыть этот разговор. Теперь его точно осенило. В индейских чертах лица этого высокого господина, так спокойно беседовавшего с полковником Сент-Ором, он искал и находил черты Золотого Браслета, который в своем боевом одеянии нагнал на него тогда такого страху... Мак Дайармид!.. Ну конечно же, именно так Армстронг и Мэггер называли вождя... Но в таком случае это бунтовщик, человек вне закона... и с ним-то предстоит ему дуэль! Низкая и подлая душа Корнелиуса узрела в этом обстоятельстве средство избавиться от угрожавшей ему опасности. Он соображал, как лучше воспользоваться этим своим открытием, когда раздалось приглашение к обеду.

Фрэнк питал некоторую надежду, что ему удастся за столом сесть подле Нетти Дашвуд и добиться объяснения ее странного поведения. Но это ему не удалось. Нетти оказалась как раз на противоположном конце стола.

Нечего и говорить, что обед был для него чистым наказанием. Странно: его нисколько не трогало то обстоятельство, что сидевшая против него Жюльетта расточала любезности своему соседу Мак Дайармиду. В былое время это привело бы его в отчаяние, но тут он и бровью не повел. Он только и думал о том, как бы объясниться с Нетти. И он пустил в ход свое военное искусство.

Как только дамы встали из-за стола, оставив, по американскому обычаю, мужчин за вином, он тоже встал и последовал за ними. Когда он выходил из столовой, в дверях появился слуга с двумя визитными карточками на подносе и подал их Корнелиусу.

— Попросите этих господ в маленькую зеленую залу,— сказал Ван Дик.— Вы извините, дорогой дядя, что я распоряжаюсь у вас так бесцеремонно. Это очень спешное дело. Двое моих друзей сошли на этой станции, чтобы повидаться со мной, и должны возможно скорее вернуться к себе.

Корнелиус вышел. Армстронг, проходя по коридору, видел, как он разговаривал с рыжебородым Эваном Ро-ем и офицером 12-го драгунского полка капитаном Бюр-

кэ. Причина их посещения была ясна, и Фрэнк тут же понял, какого рода разговор происходил между ними..

«Итак, в конце концов, довольно плутовать. Жаль мне его. Несдобровать ему под пулей Мак Дайармида», — размышлял он про себя.

В зале Армстронг, к своему удивлению, застал Нетти Дашвуд за карточным столом, углубленную в партию виста. А сколько раз он слышал, как она, бывало, выражала свое отвращение к картам!

Со вздохом подсел он к мисс Брэнтон, сидевшей одиноко у камина. Много бы он дал полгода тому назад за пять минут такой беседы с глазу на глаз! Она была все так же прекрасна, как и прежде, и любезна как никогда.

— Мак Дайармид, — сказала она, — во время обеда говорил мне о вас с увлечением.

Фрэнк был очень тронут похвалой Дайармида, но ему было бы приятнее слышать это сообщение из уст другой... А другая сидела, как ни в чем не бывало, за картами и, поглощенная ими, время от времени произносила:

— Три онёра... два левэ... партия наша!..

Пока мешали карты, она небрежно оглянулась через плечо и бросила равнодушный взгляд на бедного подпоручика.

Он был и удивлен, и опечален, а сообразив, покраснел, как ребенок. Не было сомнения: в этом взгляде выразилось... презрение, и только.

«Что я сделал? Чем заслужил такое обращение?» — спрашивал он себя с тоской.

В эту минуту судья подошел к своим гостям в сопровождении Джима Сент-Ора и Корнелиуса, явно расстроенного беседой. Что касается Мак Дайармида, то он, как и предупреждал, исчез через час после десерта.

21. ДВОЙНОЙ УДАР

На другой день Фрэнк Армстронг не успел еще хорошенько проснуться и, лениво потягиваясь, вспоминал происшествия минувшего дня, как вдруг робкий стук в дверь вернул его к действительности.

— Войдите, — сказал он.

Это был слуга судьи Брэнтона.

— Какой-то господин находится внизу и желает вас видеть. Он, кажется, очень спешит и не стал слушать,

когда я сказал ему, что вы еще поживаете. Вот его карточка.

«Капитан Бюркэ! — сказал про себя Армстронг, взглянув на карточку. — Что ему нужно от меня? Верно, какое-нибудь новое недоразумение между Мак Дайармидом и Ван Диком».

— Попросите капитана подождать пять минут, — сказал он слуге, — я оденусь и сойду вниз.

Когда Армстронг вошел в маленькую зеленую залу, он был поражен печальным выражением лица своего боевого товарища.

— Дурные вести, любезный Фрэнк, — сказал тот. — Я являюсь вестником несчастья, и мне так трудно справиться с моей задачей, что в помощь себе и господину Брэнтону я и пригласил вас сюда.

Как раз при этих словах показался сам судья.

— Милостивый государь, — сказал капитан, делая шаг к нему навстречу, — мне предстоит печальный долг сообщить вам, что племянник ваш Корнелиус Ван Дик... умер в честном бою...

— Корнелиус?.. умер?.. Не может быть! — вскричал судья, ошеломленный, как будто он еще не вполне очнулся от сна. — Еще в два часа ночи мы с ним сидели вместе за бутылкой вина!

— Тем не менее, это — печальная истина, — сказал капитан, глядя на часы. — Три четверти часа тому назад Корнелиус испустил дух на моих глазах, сраженный пулею, попавшей ему прямо в сердце; он пал на дуэли.

— Да полноте, вы смеетесь, — бормотал потерявшийся судья. — Корнелиус убит на дуэли?! Да разве дерутся когда-нибудь на дуэли те, у кого за душой полмиллиона долларов и совсем нет долгов!.. Могу вас уверить, сударь, что пуля, которая убьет Ван Дика, еще не вылита...

— Извините меня, что я настаиваю, — произнес капитан, сбитый с толку этим недоверием, — но я могу удостоверить, что сам лично был в качестве секунданта вашего племянника и что он действительно убит наповал своим противником!

— Кто этот противник? — спросил судья, несколько поколебленный.

— Господин Мак Дайармид.

— Мак Дайармид! Возможно ли? Да ведь не далее как вчера он уверял меня в своей дружбе!..

— Больше вы его уверений не услышите, так как он тоже скончался...

— Скончался! Мак Дайармид? Вы должны сознаться, что ваши известия очень сомнительного свойства! — вскричал судья, на этот раз с искренним чувством, явно тронутый за живое. — Ведь у меня с ним назначено свидание, деловое свидание... и... очень важное!..

— Он не явится на это свидание, потому что его, как и вашего племянника, я видел распростертым на снегу бездыханным трупом... Я могу в двух словах передать вам эту трагическую историю... У Мак Дайармида с Ван Диком была какая-то старинная ссора и вражда; подлинной причины я не знаю, да это меня и не касается. Когда товарищ приходит ко мне и говорит: «Я должен драться», — не в моих правилах спрашивать о причинах. Видимым поводом было публичное оскорбление — удар хлыстом в присутствии ста человек, — одним словом, такая обида, которая не может кончиться мировой. Ваш племянник просил меня быть его секундантом. И я, его бывший начальник, мог сделать только одно, — не правда ли? — исполнить его желание... Господин Мак Дайармид поручил войти со мной в переговоры своему родственнику Эвану Рою, шотландцу, по правде сказать — настоящему дикарю; впрочем, это меня не касается... Сегодня утром в восемь часов произошла встреча на реке... вон там, у поворота.

Капитан в окно указал на снежной равнине то место, где река огибает холм Брэнтонвиль, и продолжал:

— Условия дуэли были следующие: на шестиствольных револьверах, с пятнадцати шагов, первый выстрел по команде, остальные произвольно. Напрасно я старался сколько-нибудь смягчить эти суровые условия. Проклятый шотландец ни в чем не уступал. Я должен сознаться, что когда увидел этих двух людей, выделявшихся с поразительной отчетливостью на белом снегу своими черными фигурами и приближавшихся друг к другу, я понял, что бедный Ван Дик погиб. Несчастный провел ночь за бутылкой и едва стоял на ногах. Эван Рой подал сигнал. К моему крайнему изумлению, первый же выстрел Корнелиуса совершенно случайно (так как бедняга целиться не мог) поразил противника в живот, и Мак Дайармид, как подкошенный, свалился на снег. Корнелиус с поднятым пистолетом стоял, сам изумленный своей меткостью. Вместе с другим секундантом я бросился к

раненому; тот с трудом приподнялся, оперся на левую руку и крикнул нам, имея на то полное право, чтобы мы не мешали ему. Медленно и спокойно он прицелился в неподвижно стоявшего Корнелиуса. Раздался выстрел, и Корнелиус упал ничком. «Поплывем вместе! Так-то справедливее!» — сказал Мак Дайармид. Ослабев от своего страшного усилия, он испустил последний вздох. Противник его был уже мертв. Люди с соседней станции, привлеченные выстрелами, прибежали и помогли нам поднять трупы... Враги лежат теперь рядом, бок о бок в железнодорожном сарае. Эван Рой повез роковое известие родным своего друга, а мне выпал жребий принести печальную новость вам.

Судья Брэнтон казался более раздосадованным, чем опечаленным. По мере того, как он слушал рассказ капитана, лицо его меняло цвет: из красного оно сделалось кирпичным, потом фиолетовым. Армстронг, и без того в ужасе от услышанного, видел, что им чуть ли не угрожает третий смертельный случай. По счастью, завязанный впопыхах галстук не мешал судье дышать, и, быть может, только благодаря этому с ним не случился апоплексический удар.

— Двойной удар... двойной удар, — повторял судья, казалось, сам не понимая смысла произносимых им слов. — Такие вещи только со мной и случаются. Ну, скажите, пожалуйста, не дурак ли Корнелиус: вместо того, чтобы жениться на моей дочери, он идет стреляться? А Мак Дайармид, а? Надуть меня так жестоко! Вот видите, милый мой, — сказал он, обращаясь к Армстронгу, — никогда нельзя рассчитывать на этих индейцев. Их слово не стоит медного гроша, ни одного гроша!..

Вот все, чем Брэнтон помянул двух покойников. Корнелиус так бесцветно прожил на свете, что, действительно, и помянуть его было нечем. Иное дело — Мак Дайармид. Не говоря уже о матери и сестре, о преданном Эване Рое, горько оплакивавшем погибшего, сердца Армстронга и Мэггера долго сжимались от боли при мысли, как рано увяла молодая жизнь, столь много обещавшая впереди.

Прошло не более четверти часа после отъезда Бюркэ; Фрэнк и Брэнтон оставались еще в зеленой комнате, как вдруг вбежал испуганный лакей и объявил, что прибыл агент общественной безопасности с полицейскими и желает видеть хозяина дома.

Господин Брэнтон направился в прихожую, где и застал агента.

— Господин судья, я в отчаянии, что вынужден беспокоить вас в рождественский праздник,— сказал тот,— но я имею предписание арестовать одного из ваших гостей...

— Одного из моих гостей?..— повторил судья в крайнем изумлении.

Агент вынул из-за пазухи гербовый лист с печатью и прочел:

«Приказываем и повелеваем всем агентам общественной безопасности арестовать и содержать под караулом человека, именуемого Мак Дайармидом».

Фрэнк и Брэнтон выслушали молча. Полицейский офицер предположил, что они собираются отрицать присутствие того, кого ищут, тем самым дав ему время скрыться.

— Бесплезно отрицать его присутствие в этом доме,— сказал он.— Мы были извещены вчера вечером телеграммой со станции Брэнтонвиль.

И он показал телеграмму следующего содержания:

«Вождь Золотой Браслет, организовавший последнее возмущение сиу, подлинное имя которого Мак Дайармид, в настоящее время гостит в Брэнтонвиле у судьи Брэнтона. Постарайтесь арестовать до семи часов утра, иначе можно упустить его». Подпись: «Корнелиус Ван Дик».

«Этого и следовало ожидать,— сказал себе Фрэнк.— Нельзя было предположить, чтобы человек, не умевший честно жить, сумел честно умереть. Негодяй ухитрился обесчестить самую смерть свою. Он рассчитывал таким способом избежать дуэли...»

— Арестовать его до семи часов,— сказал агент,— было невозможно, так как у нас еще не было необходимого на то разрешения, но мы торопились и времени не теряли...

Судья все молчал под гнетом тяжелого раздумья. Тогда Фрэнк взял на себя рассказ о трагическом конце всей этой драмы.

— Как! — вскричал агент.— Один из этих убитых дуэлянтов...

— Мак Дайармид,— договорил Фрэнк.

— Об этой дуэли нам рассказали на станции, как только мы приехали; но мы так торопились, да мы и

предположить не могли, что один из убитых и есть обвиняемый, которого мы ищем.

Служебное положение судьи Брэнтона и Фрэнка Армстронга, назвавшего себя, исключало всякое сомнение в правдивости их объяснений. А потому, записав все в протокол и заполучив подписи обоих свидетелей, полицейский офицер удалился со своими людьми.

А тем временем печальная новость распространилась по всему дому: из передней перешла в столовую, из столовой через прислугу стала известна в спальнях.

Сказать, что новость произвела особенно сильное впечатление, было бы преувеличением. Жюльетта быстро осознала, какую потерю понесла, но так же быстро она сообразила, что не следует этого слишком обнаруживать. Что касается Нетти, то, по ее словам, последнее время она принимала участие в судьбе Корнелиуса, и можно было ожидать, что она будет переживать. На самом же деле она почти не огорчилась, узнав о его трагической кончине.

Всех более казался огорченным судья; он оплакивал одновременно и жениха своей дочери и покупателя своих акций. Но по натуре своей он не был склонен долго предаваться горю. Можно смело сказать, что когда спустя некоторое время он восседал за вкусным завтраком, мысли его были уже далеки ото всей этой истории.

Тем не менее происшествие положило конец всяким приготовлениям к праздникам,— не до рождественских развлечений в доме, где есть покойник. Особенно неловко себя чувствовали полковник Сент-Ор и Фрэнк Армстронг ввиду их сложных отношений с умершим, и их немедленный отъезд был делом решенным.

В полдень уложили вещи, простились, и скорый поезд умчал гостей из этого печального места, куда еще вчера они приехали с намерением весело провести рождественские святки.

Супруги Сент-Ор поехали в Филадельфию; Фрэнк Армстронг, вместе с Мэггером сказав другу последнее «прости», посетил осиротевших мать и сестру его, стойко переносивших постигшее их горе; они собирались покинуть эти печальные места и поселиться в Канаде.

Затем, простившись со своим новым другом Мэггером, Армстронг поехал в Иллинойс, где жили его родные, с которыми он так еще и не виделся после летней экспедиции.

Мэггер обещал в течение двух месяцев молчать об истинных приключениях Мак Дайармида. Он был уверен, что и Армстронг сохранит втайне эту только им двоим известную историю, которая впоследствии станет достоянием его газеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло шесть недель, как Армстронг, предоставленный своей тоске, находился в родном своем городе; ему уже начали надоедать приторные похвалы и восторги, которые расточали ему земляки, прославляя на все лады его подвиги, описанные в разных журналах и газетах.

И вот однажды с почты принесли два внушительного объема пакета на его имя. Первое письмо — официальное извещение от господина Смита, нью-йоркского нотариуса, о том, что в подлинном собственноручном завещании Мак Дайармида, составленном накануне дуэли и вскрытом после его смерти, в отношении Фрэнка Армстронга есть следующий параграф:

«Завещаю моему дорогому другу Фрэнку Армстронгу, подпоручику 12-го драгунского полка, который был всегда честным и добрым товарищем, 60 000 долларов из наличных капиталов; сверх того — двухствольное ружье системы Вирсмана, висящее над моим рабочим столом, и золотой браслет,— его найдут во втором ящике правой стороны того же стола. Я прошу моего старого товарища по школе — в память наших отношений в Вест-Пойнте и неизменной при всех обстоятельствах жизни дружбы принять мой дар. Прошу принять без всяких отговорок и излишней щепетильности, так как личное состояние сестры моей более чем обеспечивает всю ее будущность, и то, что останется от моего состояния после выполнения завещания, будет для нее уже излишком. Прошу Фрэнка передать господину Мэггеру в память нашей встречи, которой он, вероятно, никогда не забудет, хронометр парижского мастера Леруа, никогда меня не покидавший».

В конце своего завещания Мак Дайармид в трогательных выражениях обращался к правительству Соединенных Штатов и просил пощадить остатки индейских племен. «Только человеколюбие может сделать их вашими друзьями. Истребление индейцев останется темным пятном в вашей истории. Во имя вашей чести, ваших соб-

ственных выгод, сумеете их просветить вместо того, чтобы уничтожать и принижать их».

Фрэнк был растроган до слез.

— Бедный юноша! — воскликнул он. — Так вот зачем он так поспешно уехал тогда из Брэнтонвиля: чтобы написать завещание...

К состоянию, упавшему ему точно с неба, Фрэнк отнесся довольно равнодушно. Он был в том унылом настроении, когда не ждешь ни от кого ничего хорошего. Воспоминания о потерянном друге — ружье и его золотой браслет — были ему теперь дороже всего на свете.

Добрых полчаса прошло в размышлениях о невозвратном, о годах, проведенных в Вест-Пойнте, о долгих беседах, в которых Мак Дайармид раскрывал перед ним и свои дарования, и свою пылкую душу, и неукротимые инстинкты...

Вдруг он вспомнил о другом, еще не распечатанном пакете. В конверте оказалось два письма: первое — служебного содержания, уведомление о производстве Армстронга в следующий чин с приглашением явиться в штаб к начальнику дивизии для получения дальнейших приказаний. Другое письмо — от полковника Сент-Ора; он поздравлял с повышением и просил непременно посетить его в Нью-Йорке, в отеле 5-й авеню, тотчас по приезде.

К этому второму письму была сделана небольшая приписка; пробежав ее, Армстронг преобразился: встряхнулся, ожил и забыл все остальное, даже лестные поздравления с наградой за военные заслуги. А между тем, казалось, ничего особенного в этой приписке не было; заключала она в себе лишь следующее: «С нами в настоящее время мисс Нетти Дашвуд, согласившаяся доставить нам удовольствие своим присутствием до нашего отъезда в Лукут. Брэнтоны, отец и дочь, по случаю траура остались в деревне».

Никогда еще приказы даже военного министра не исполнялись с такой быстротой; едва Армстронг прочитал письмо, главным образом приписку, он тотчас же приступил к исполнению полученного предписания. В девять часов он прочел письмо, а в десять его уже увозил на запад поезд «молния».

Буквально через четверть часа по приезде в Нью-Йорк он был в конторе отеля 5-й авеню и справлялся, можно ли видеть полковника Сент-Ора.

— Полковник вышел, — сказал молодой конторщик, —

но если вы — господин Армстронг, то я имею приказание проводить вас в комнаты полковника и просить подождать его.

Пройдя за проводником своим целый ряд коридоров и поворотов, Армстронг вошел, наконец, в комнаты, занимаемые полковником.

Вечерело; комната, наполовину окутанная сумерками, едва освещалась тлевшим в камине огоньком. Поручик устроился в кресле перед камином и принялся щипцами ворошить тлеющие угли; в это время позади него потихоньку отворилась дверь, и шелест шелкового платья заставил его повернуть голову.

— А! — раздался приятный голос. — Вы здесь, любезный капитан Джим? Миссис Сент-Ор и я ждем вас уже десять минут для прогулки в санях. Вы не раздумали ехать?

В эту минуту пламя в камине вспыхнуло и осветило лицо поручика. Говорившая вскрикнула от удивления.

— Ах, простите!.. Я было приняла вас за...

— Любезного капитана Джима... — закончил Армстронг не без горечи в голосе. — Поверьте мне, мисс Нетти Дашвуд, — сказал он, — я в отчаянии, что причинил вам такое разочарование... Но я удаляюсь, и ни за что на свете не хотел бы...

Говоря это, он взял шляпу и направился к двери. Но девушка его удержала.

— Останьтесь, прошу вас. Я здесь такой же гость, как и вы... а выходит, будто я вас гоню... Вам, вероятно, нужно переговорить с полковником?

— Я явился сюда по его приказанию, — довольно сухо пояснил поручик. — Впрочем, раз мы встретились, я бы желал объясниться с вами, — прибавил он решительно.

С этими словами он встал перед дверью, как бы загромождавая в свою очередь ей путь к отступлению.

Этот тон и движение, его сопровождавшее, произвели сильное впечатление на мисс Нетти; она побледнела и с оттенком неудовольствия сказала:

— В таком случае постарайтесь быть кратким. Меня ждут внизу мои друзья...

— Ваши друзья! — воскликнул он с горечью. — Было время, мисс Дашвуд, когда вы считали и меня в числе своих друзей, а я со своей стороны считал вас самым лучшим, самым верным своим другом. А теперь... — и он остановился.

— Ну, что же теперь? — спросила она, топнув ножкой в каком-то детском нетерпении.

— Я не знаю, что и думать. Вы, кажется, сделались моим врагом. Во всяком случае, вы стали ко мне так равнодушны, что меня это... это... приводит в отчаяние. Можно подумать, что какая-то пропасть разверзлась между нами. Неужели с моей стороны нескромно пытаться узнать причину такой перемены?

Камин разгорелся, и пламя его освещало серьезное лицо молодого офицера, говорившего сдержанно и в то же время грустно.

Мисс Дашвуд задумалась и, как бы защищаясь, проговорила:

— Вы ошибаетесь, господин Фрэнк, уверяю вас. На мой взгляд, ничего между нами не изменилось. Да и с какой стати между нами что-либо вообще могло произойти?

— Я хотел бы знать... За собой я решительно не знаю вины... Клянусь вам, Нетти, не знаю: ни словом, ни делом я никогда не изменял той искренней дружбе, которую когда-то, помните, мы заключили, и я еще скрепил эту дружбу таким забавным маленьким залогом.

— Залогом, говорите? — сказала она, недоверчиво покачав головой. — Какой же это был залог?

— Ах, мне не хочется верить, что вы все позабыли!..

Она ответила не сразу. Быстро подойдя к камину, она грациозно уселась на маленьком стуле напротив большого кресла и, смеясь, заговорила:

— Тут какое-то недоразумение...

— Да, конечно, одно недоразумение! — вскричал он с живостью, изменившимся голосом; куда девались строгость и горечь: черты лица прояснились, и в голосе звучали нежность и любовь. — Да, и я скажу вам, мисс Дашвуд, что породило это печальное недоразумение. Глупец прельстился обманчивой внешностью и думал, что красивая наружность скрывает за собой такую же прекрасную душу; глупец предпочел особу без сердца и не оценил дружбы и искренней привязанности. А когда глаза его открылись, было уже поздно... Он потерял и ту, которую украшал воображаемыми добродетелями, и другую — истинного и дорогого друга.

И он вперил в сидевшую перед ним Нетти пристальный, вопрошающий взгляд.

— Вы говорите загадками, — сконфуженно ответила она, — а я, право, не искусная разгадчица.

Говоря это, она держала висевшую на ее шее цепочку и маленькая ручка, затянута в перчатку, перебирала какой-то брелок.

— Скажите, этот господин, о котором вы говорите, был очень огорчен, потеряв друга? — спросила она после некоторого молчания.

— Как было ему не огорчиться? Оставив друга почти девочкой, он встретил ее уже совершенно взрослою, но легкомысленной и безжалостной к нему.

— В самом деле, легкомысленной и безжалостной? — переспросила она с оттенком равнодушия.

— Да, — ответил он с плохо скрываемой досадой, — легкомысленной и безжалостной! Так как вместо того, чтобы извиниться, она и сейчас шутит, глумится над чувством истинным и глубоким. С чувством, которое заполнило все мое сердце, она играет, как с какой-то безделушкой на своей цепочке!

— Что делать? — медленно сказала она. — Я очень дорожу этой, как вам угодно назвать ее, безделушкой, потому что она досталась мне от друга.

Фрэнк вздрогнул, как будто стрела сиу пронзила его. Внезапная догадка произвела в нем мгновенную перемену.

— Мисс Дашвуд, — вскричал он, — не будет ли нескромностью с моей стороны спросить, что у вас в руке?

— Ах, несколько! — сказала она и при этом сжала брелок в кулачке. — Это — вещица, не имеющая никакой цены, не стоящая даже оторванной медной пуговицы.

Последние слова она произнесла с таким веселым задором, что Армстронг стал смелее.

— Мне, однако, очень любопытно увидеть эту безделушку, — сказал он, наклоняясь к ее руке. — Позвольте мне во имя старой... дружбы... — пробормотал он.

Слово «дружба» казалось ему слишком слабым в эту минуту. Окончить фразу не пришлось: он уже завладел ее рукой и без большого усилия разжал ладонь...

Брелок был блестящей медной пуговицей с его именем, вырезанным когда-то по его указанию для нее.

Как выразить ту массу ощущений, которые заставили сильно забиться сердце Армстронга: тут были и угрызения совести, и негодование на самого себя, и радость, радость без конца.

— Как! — воскликнул он дрогнувшим голосом. — Вы хранили эту память обо мне, и так долго?..

Она, не отвечая, склонила белокурую головку, и молчание ее было красноречивее всяких слов. Маленькая ручка ее осталась в руках Армстронга.

— Милая Нетти,— сказал он,— это более, чем я заслужил, да! Но клянусь вам, и вы должны мне поверить, что вся моя любовь принадлежит вам безраздельно. Простите ли вы мне мое ослепление... согласитесь ли вы принять мое имя и мою жизнь?

— Увы,— сказала она сквозь слезы, блестевшие на ее прекрасных глазах,— поневоле надо согласиться, так как я не могу заставить себя сказать «нет»... Помните, я предлагала вам взять обратно эту пуговицу, и вы отказались? Я ее сохранила. Вот и все!

Как раз при этих словах дверь отворилась, и комендант вошел в комнату; за ним шли миссис Сент-Ор и капитан Джим.

Фрэнк не выпускал руки Нетти из своей.

Он быстро подвел ее к вошедшим.

— Господин полковник, сударыня, поздравьте меня!— сказал он дрожащим голосом.— Имею счастье представить вам будущую госпожу Армстронг!..

— Ну, так и есть!— вскричал Джим.— Я знал, что этим кончится.

— А я,— сказал полковник, весело смеясь,— разве я не говорил всегда, что эта милая барышня рано или поздно одержит верх!

— Оно так-то так, а все-таки, согласитесь,— возразил капитан Джим,— что без моей военной хитрости эта каинитель долго бы еще тянулась!

Изумлению Армстронга, слушавшего эти речи, не было границ, и он пришел в себя и успокоился только тогда, когда убедился, что ревновать ему не придется. Бравый капитан прежде всех начал его поздравлять, пожал горячо руку и сказал:

— Я в восторге, мой милый друг, что вы вернулись. Да и пора уже, а то, сознаюсь, я пытался подставить вам ножку... Ну, да все к лучшему, и мне останется только радоваться, глядя на вас... А когда же свадьба? Если вам нужен шафер, имейте в виду, что капитан Джим всегда к вашим услугам.

Капитан, как видим, вел дело по-военному; впрочем, он и не ошибся. Когда через месяц полковник Сент-Ор и поручик Армстронг были вызваны в форт Лукут, гарнизон с удовольствием зачислил в свои списки прелестную

молодую даму, которая прежде значилась только в числе временно проживающих гостей.

Красавица Жюльетта все еще на выданьи, и хотя она недолго носила траур по Корнелиусу, вакансии его до сих пор не замещена. Ходят какие-то зловещие слухи о финансовых операциях судьи Брэнтона, и, может быть, как раз эти слухи и сдерживают ретивых искателей богатых невест.

Дева Утра, сестра несчастного Мак Дайармида, вместе с матерью поселилась в Квебеке, где и основала госпиталь для индейцев имени своего брата. Госпиталем этим с замечательным усердием она занимается сама.

Эван Рой вернулся в Шотландию, живет в старой полуразрушенной башне, как и подобает последнему отпрыску знатного рода, прославившего себя еще во времена Бруга Троянца.

Капитан Сент-Ор остался холостяком. Он выразил желание вместе с миссис Пейтон быть восприемником второго ребенка Фрэнка и Нетти Армстронг; первого ребенка по полковому обычаю крестили командир и его жена.

Что касается Марка Мэггера, то он давно уже представил в редакцию «Геральда» истинный и полный рассказ о своем путешествии в лагерь сиу и истинную, хотя и невероятную, историю Мак Дайармида.

ТИГРОЛОВ

1. НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Великая революционная волна залила в конце XVIII столетия не только одну Европу, но докатилась через Атлантический океан и до Нового Света, расшевелив и там народы, которые в течение трех веков беспомощно замирали под игом испанцев. Пользуясь примером английских колоний на севере Америки, народы эти под шумок европейской сумятицы смело объявили о своем намерении сделаться также независимыми.

Из областей, входивших в состав испано-американского вице-королевства, последней подняла знамя восстания Новая Испания, то есть Мексика. Если бы испанское правительство утвердило мероприятия, предложенные благоразумным вице-королем Итурригараем, то революция была бы предупреждена надолго, быть может даже навсегда.

Итурригарай высказался перед Мадридом в том смысле, что белому туземному населению — креолам, лишенным многих гражданских прав, нужно дать эти права.

Сделай Испания эту необходимую уступку, креолы были бы вполне довольны и, пожалуй, сохранили бы свою прежнюю лояльность. Мексика, подобно Кубе, до сих пор оставалась бы «драгоценной жемчужиной» в испанской короне, если бы предложения Итурригарая не вызвали неудовольствия среди местных чистых испанцев-гачупинов, переселившихся из Старой Испании и крепко осевших в Новой. Они-то вот до того времени и управляли страной, совершенно отстранив креолов от всякого участия в управлении.

Эти низкосердечные себялюбцы, привилегиям и интересам которых угрожали проекты Итурригарая, схватили его и отправили в Испанию с наговором на него. В Мадриде поверили им. Благоразумные проекты Итурригарая были отвергнуты, и Мексика почувствовала, что вокруг нее еще крепче стягиваются узы, от которых она так страдала со времени завоевания ее Кортесом.

Итурригарай попал в немилость и был вынужден покинуть свой пост.

Отставка Итурригарая произошла в 1808 году. Гачупиносы вполне основательно опасались мятежа против них, но так как целых два года прошли совершенно спокойно, то местные властители перестали верить в возможность такого прискорбного для них события.

Однако они сильно ошиблись. В 1808 г. их словно громовым ударом с ясного неба поразила весть о восстании Гидальго в одной из северных провинций.

Странно, что священник явился вождем в деле освобождения: ведь именно благодаря влиянию духовенства так долго и была угнетаема Мексика. Но Гидальго и другие священники, участвовавшие в борьбе за независимость страны, были людьми совершенно иного склада, нежели те высокие духовные лица, которые вели государственные дела в столице и в других крупных городах. Гидальго был простым сельским священником, вышедшим из народной гуши; такими же были и большинство остальных лиц духовного звания, выступивших на защиту народных прав.

В октябре 1810 года под знамя Гидальго собралась почти стотысячная армия, хотя и плохо одетая и слабо вооруженная, зато сильная своим героическим духом. Эта армия, состоявшая почти исключительно из туземных индейцев, бурным потоком залила всю страну и привела в ужас и трепет всех гачупинов.

Событие это вызвало недоумение и смятение в среде даже самих креолов, происходивших от испанцев и поэтому связанных с ними узами крови и племенной солидарности. Очень естественно поэтому, что часть креолов считала своим священным долгом принять сторону правительства против инсургентов, между тем как другая часть была проникнута более благородною идеей о независимости и готовностью пожертвовать своими привилегиями и интересами ради избавления страны от иноземного ига.

Собственно говоря, такая рознь существовала лишь среди представителей высших и состоятельных классов креольского населения. В массе же, независимо от окраски кожи, проявлялось полное единодушие: она вся страстно желала избавления от испанского владычества. Вполне едиными с нею оказались и чистокровные индейцы, еще более поработанные, чем туземные белокожие и метисы. Некоторые из индейцев даже предавались праздной мечте о возможном, по их мнению, восстановлении прежнего блеска ацтекской расы; и это было для них лишним побуждением к героической борьбе с поработителями-испанцами.

2. СТУДЕНТ И ОФИЦЕР

В одно октябрьское утро по широкой равнине, простирающейся от границ провинции Вера-Круц до пределов Оахаки, ехал одинокий всадник. В стране царила смута; на каждом шагу можно было ожидать неприятной встречи с политическим противником или с одной из тех разбойничьих шаек, которые шныряли повсюду и грабили кого попало, не разбирая партий. Несмотря на это, всадник не имел при себе никакого оружия, кроме старой иззубренной и сильно изогнутой сабли, до такой степени проржавленной, что при первой же попытке нанести удар она должна была изломаться в куски. Не лучшего качества была и его лошадь, очевидно, судя по многочисленным рубцам, покрывавшим ее худые бока, некогда служившая какому-нибудь пикадору, а теперь способная разве лишь на то, чтобы мирно, в полном покое, дожидать свои последние дни в стойле.

Самому всаднику было на вид лет около двадцати трех. Небольшого роста, стройный, в меру худощавый, с приятным лицом, красиво очерченным ртом и живыми,

умными глазами, он производил хорошее впечатление. Бледность щек, беспокойный взгляд и облако грусти на его лице показывали, что он чем-то сильно огорчен и встревожен. Одет он был в белый камзол из толстой бумажной ткани и в плисовые панталоны оливкового цвета. На голове у него была широкополая шляпа, сплетенная из пальмовых волокон, а ноги были обуты в короткие сапоги из козлиной шкуры, отделанной под кордуанскую кожу. Все эти предметы хотя и были уж довольно поношены, но находились в полном порядке, а фасон их свидетельствовал, что их собственник принадлежит к классу повыше простого.

Местность, по которой шагом проезжал всадник, была не из тех, которые могли бы взбодрить путешественника, в особенности одинокого. Во все стороны ширилась бесплодная равнина, коричневая почва которой была покрыта скудной, хилой, желтоватой травой, перемешанной с диким кактусом и алоэ. Временами по этой песчаной, унылой, наводящей жуть пустыне проносились крутимые ветром столбы пыли. Ряды хижин, в некоторых местах разделенных большими промежутками, окаймлявшие с обеих сторон дорогу, все были пусты,— очевидно, брошенные своими бывшими обитателями. Это обстоятельство, вместе с томящим тропическим зноем, совершенным отсутствием воды и хорошей растительности, все более и более угнетающе действовало на молодого путника, волею судеб занесенного в эти безжизненные степи.

В порыве нетерпения, граничившего с отчаянием, всадник иногда давал своей кляче шпоры. Это заставляло ее в течение нескольких минут бежать вприпрыжку, а затем она снова переходила на прежний, единственно свойственный ей по ее почтенному возрасту, медленный шаг. Усилия молодого человека искусственно вернуть ей навсегда утраченные силы приводили лишь к тому, что он сам начинал обливаться потом и терять силы.

— Экая негодная кляча! — негодовал он, подхлестывая хлыстом лошаденку. — Уморить, что ли, ты задумала меня здесь?

Но донельзя измученное животное оставалось совершенно равнодушным как к упрекам, так и к ударам своего хозяина. Оно бы и радо было служить ему более добросовестно, но не могло.

Чем дальше, тем все медленнее и медленнее тащилась несчастная кляча. Наступил уже полдень. Отвесные лучи

солнца, ослепительно сиявшего на совершенно безоблачном небе, пекли немилосердно. Легкий утренний ветерок давно уже затих, и в раскаленном воздухе было так тихо, что не шевелился ни один засохший листок на изредка попадавшихся чахлах деревьях.

Увидев в одном месте группу нопалов, всадник сошел с лошади, предоставляя ей самой идти, куда хочет, зная, что она не злоупотребит свободой, и направился к деревьям. Его влекла смутная надежда отыскать под листвою несколько плодов, соком которых он мог бы хоть немного утолить мучившую его жажду. Он не ошибся. Нопалы — это индейская смоква — были увешаны плодами, ожидавшими лишь первого сильного ветра, чтобы свалиться на землю. Нарвав этих плодов, сколько мог достать, молодой человек тотчас же очистил их от усеянной колючками кожицы и с наслаждением принялся глотать сочную мякоть, а другую часть рассовал по карманам про запас. Это немножко освежило его. Увидев свою клячу, в некотором отдалении щипавшую сухую траву, он поспешил к своему утомленному четвероногому спутнику и, снова водворившись на его многострадальной спине, продолжал тяжелый путь.

Часа через два попало большое селение, и наш путник уже обрадовался было, предвкушая сладость приюта в тени и возможности вполне утолить голод и жажду. Но и тут его постигло полное разочарование: и это селение оказалось совершенно пустым, а имевшиеся там колодцы — высохшими до дна. Нигде и следа не было ни одного живого существа. В довершение этой странности, с деревьев примыкавшего к мертвому селению леса свисали подвешенные к ним лодки и индейские пироги. Что означали эти обезлюдевшие селения? К чему в лесу, вдали от реки или озера, эта декорация из лодок и пирог? Глядя на все это, молодой человек терялся в самых фантастических догадках.

Миновав лес, он оказался среди новой голой равнины. Немного спустя его чуткий слух уловил лошадиный топот, доносившийся сзади. Это вновь обнадежило и обрадовало его. Обернувшись, он через несколько минут увидел догонявшего его другого всадника, который вскоре и поравнялся с ним.

— Свят Господь Бог! — приветствовал его новый всадник, дотрагиваясь до своей шляпы.

— Свят Господь Бог! — ответил первый всадник, также касаясь рукою своего головного убора.

Второй незнакомец, ехавший на прекрасном молодом коне восточной породы, был не намного старше первого. Выше среднего роста, пропорционально сложенный, очень смуглый, с черными огненными глазами, блестящими черными волосами и шелковистыми усами, с правильными чертами красивого лица, изящный, видимо сильный и ловкий, — этот человек всею своею наружностью свидетельствовал о том, что он принадлежал к тем испаномексиканским семействам, часть предков которых были выходцами из Аравии.

Костюм этого красавца отличался богатством и вкусом. Легкий камзол из белого кембрика вполне соответствовал местному знойному климату. Широкие панталоны были из ярко-красного шелкового бархата, высокие сапоги из буйволовой кожи снабжены серебряными шпорами. Легкая светло-серая мягкая шляпа, увитая золотыми шнурками, довершала полугражданский, полувойенный костюм всадника. Военный характер костюма подчеркивался наличием рапиры в кожаных ножнах, прикрепленных к широкому, богато вышитому бархатному кушаку, и карабина, лежавшего поперек седельной луки.

— Позвольте спросить вас, молодой друг, далеко ли вы намерены проехать на вашей лошади? — участливым тоном спросил этот всадник первого, стараясь ехать с ним нога в ногу, что было очень трудно для его горячего коня.

— Нет, слава Богу, только до гасиенды Сан-Сальвадор, до которой отсюда, мне думается, не больше шести лиг, — ответил первый.

— Сан-Сальвадор? Знакомое что-то... А не знаете, далеко это от гасиенды Лас-Пальмас?

— Около двух лиг.

— Да? В таком случае, нам с вами по пути, — сказал второй всадник. — Боюсь только, что вы быстро отстанете от меня. Ваша лошадь, кажется, не из проворных, — с улыбкой добавил он.

— Вы правы, сеньор, — добродушно согласился первый всадник. — Это все пресловутая экономия моего отца. Вместо того, чтобы снабдить меня подходящим для длинного переезда конем, он дал мне эту почтенную клячу. Когда-то в молодости она имела очень неприятные столкновения со всеми быками вальядолидского цирка, и хо-

тя чудесным образом уцелела после них, однако до такой степени напугана, что с тех пор без панического ужаса видеть не может даже простой мирной коровы. Стоит ей заметить где-нибудь в отдалении корову, как она, не помня себя, несется в противоположную сторону до тех пор, пока не упадет от усталости. Это единственный случай, когда она проявляет известную прыть, да и то не на пользу для всадника.

— Да, это не совсем приятно. И неужели же вы все-таки добрались сюда из самой Вальядолиды?

— Да, сеньор, именно оттуда, зато и еду уже без малого два месяца.

Совершенно неожиданно цирковая Россинанта, видимо, возбужденная присутствием другой лошади, подтянулась и напрягла свои последние силы, чтобы идти с той ногой в ногу. Это давало всадникам возможность продолжать начатую беседу.

— Вы были так откровенны, что сообщили мне, откуда едете,— снова начал второй всадник.— Так позвольте же мне, в свою очередь, сказать вам, что я — из Мексики и состою в драгунах королевы, в чине капитана, а имя мое — Рафаэль Трэс-Виллас. Могу ли я узнать вашу фамилию?

— Очень приятно, дон Рафаэль,— отозвался первый всадник.— Конечно, можете. Я — Корнелио Лантехас, студент вальядолидского университета, к вашим услугам.

— Очень рад познакомиться с вами, дон Корнелио,— с подкупающей вежливостью произнес всадник, назвавшийся Рафаэлем Трэс-Вилласом.— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы мне объяснить одну странность, вот уже второй день поражающую меня в этих местах? Что значит полное запустение здешних поселений и подвешенная к деревьям целая флотилия лодок, совершенно не уместная в краю, где можно пройти или проехать десятки лиг; не встретив ни капли воды?

— Я и сам не могу понять этой загадки, дон Рафаэль,— ответил студент.— И не только крайне удивлен всем этим, но, должен откровенно сознаться, даже несколько испуган.

— Что же, собственно, вы видите в этом пугающего, дон Корнелио? — спросил драгун.

— Уж такая у меня скверная привычка, что я больше боюсь тех опасностей, о которых не знаю, чем уже известных мне,— продолжал студент.— Меня уверили, что

в этой провинции пока еще тихо, но очевидное бегство здешнего населения указывает на то, что и здесь далеко не все благополучно. Быть может, инсургенты уже где-нибудь близко отсюда, что и побудило местных жителей бежать.

— О, нет, беднота не имеет обыкновения бояться мародеров,— возразил с усмешкой драгун.— Во всяком случае, сельскому населению не может угрожать никакой опасности со стороны идущих под знаменем освобождения. Потом: не для плавания же по здешним пескам приготовлены тут, в лесу, пироги и лодки. Очевидно, совсем другая причина согнала с родных пепелищ здешнее население. Но какая именно — никак не могу понять.

Некоторое время молодые люди ехали молча, погруженные в раздумье об окружавшей их загадке. Первым заговорил снова драгун:

— Так как вы прямо из Вальядолиды, то, наверное, знаете более меня о движении Гидальго с его армией. Мне давно уже ничего об этом не известно.

— Едва ли это мне более известно, чем вам, сеньор дон Рафаэль,— заметил студент.— Вы забываете, что, благодаря тихому шагу моей лошади, я уже без малого два месяца в пути. Сам я узнал кое-что уже в дороге, по слухам; а эти слухи держатся в границах, охраняемых святой инквизицией. Если верить словам оахаковского епископа, то вооруженное восстание не найдет себе поддержки в его епархии.

— Какими же доводами подкрепляет епископ свое мнение? — спросил капитан с некоторой резкостью в голосе, по которой можно было догадаться, что он сочувствует делу восстания.

— Его преосвященство просто-напросто подкрепляет свое убеждение своим же намерением подвергнуть отлучению от церкви всех членов своей паствы, которым вздумалось бы примкнуть к повстанцам,— пояснил дон Корнелио.— Кроме того, он объявил, что каждый инсургент дьявольскою силою будет отмечен рогами на лбу и раздвоенными копытами на ногах.

Следовало бы ожидать, что драгун рассмеется над ребяческим легковерием студента, но вместо этого он только передернул плечами и в его больших глазах загорелся огонь негодования.

— Да,— проговорил он как бы про себя,— такими вот нелепостями наше духовенство и смущает умы креолов,

прививая им самое дикое суеверие и слепой фанатизм... Наверное, и вы, сеньор Лантехас,—обратился он к студенту,—никогда не решились бы вступить в ряды инсургентов, из опасения, что у вас могут явиться предвещанные епископом украшения?

— Разумеется, я не желаю попасть во власть дьявола, которую так красноречиво описывает епископ, потому и удостоенный своего высокого сана, что он лучше других знает, что верно и что ложно. К тому же,—поспешил добавить студент, заметив негодующий вид своего спутника,—я человек мирного характера и сам готовлюсь вступить в духовный сан. Чью бы сторону я ни принял, моя помощь ее торжеству ограничилась бы только молитвами. Церковь ужасается крови.

Пока студент высказывался, драгун бросал на него сбоку взгляды, ясно говорившие: «Ну, милый друг, кажется, ни та, ни другая сторона ровно ничего не выиграла бы от твоей помощи ей».

— Значит, вы едете в Оахаку, чтобы защитить вашу диссертацию? — спросил он после некоторого молчания.

— Нет, дело, которое привело меня в этот край, совсем другого рода,—ответил студент.— Меня послал сюда, к своему брату, владельцу поместья Сан-Сальвадор, мой отец. Он желает, чтобы я напомнил дяде, что дядя — бездетный вдовец и вместо детей Господь послал ему полдюжины племянников, о которых он обязан позаботиться. Мне вовсе не хотелось брать на себя такого щекотливого поручения, но как мог я противоречить воле отца? Отец придает излишнюю цену мирским благам. Я это вижу и внутренне не одобряю. Но все-таки я очень люблю его. Вот эта-то любовь и загнала меня сюда, в безотрадную пустыню, за двести лиг от моего родного дома, чтобы узнать намерения дяди по отношению к нам, своим племянникам,—с невольной горечью заключил студент.

— Вместе с тем вам, наверное, поручено произвести и надлежащую оценку имущества дяди? — довольно нескромно заметил дон Рафаэль, начиная думать, что с этим наивным юнцом нечего особенно церемониться.

К чести драгуна следует сказать, что он тут же внутренне раскаялся в своей нескромности.

— О, что касается этого, то мы вполне осведомлены, хотя никто из нас никогда не бывал в Сан-Сальвадоре,—полугрустно, полунасмешливо сказал студент.— Но вот

что интересно,— со смехом продолжал он,— вряд ли когда-либо бедняк-племянник являлся к богатому дяде в таком плачевном состоянии, в каком приходится являться мне. Благодаря непонятному исчезновению всех местных жителей, заботливо утащивших с собою все свои припасы, голоднее меня в настоящее время нет во всей Мексике ни одного шакала.

Драгун сам был не в лучшем положении. Путешествуя третьи сутки по безлюдной местности, он тоже не находил ничего для утоления голода, кроме ягод и диких плодов. Сочувствие к товарищу по страданию подавило раздражение, закипавшее в нем под влиянием своего политического разномыслия с ним, и между случайными спутниками восстановилось полное согласие.

Отец дона Рафаэля, испанский дворянин, служивший под начальством Итурригарая, после падения последнего был вынужден уединиться в свое родовое поместье Дель-Валле, куда его сын теперь и ехал. Дону Рафаэлю только один раз в детстве пришлось побывать в Дель-Валле, но он помнил, что это поместье должно находиться где-то поблизости от упомянутой им гасиенды Лас-Пальмас. Менее откровенный, чем студент, драгун не посвятил его в то, что не одно желание видеть отца потянуло его к цели его путешествия, а нечто более заманчивое.

Прошло еще несколько часов. Солнце начинало приближаться к западному горизонту. Тени всадников все более и более удлинялись на фоне пыльной дороги, а красные кардиналы и пестрые попугаи, раскачивавшиеся на вершинах пальм, под которыми теперь пролегла эта дорога, уже запевали свой вечерний гимн.

Лошадь дона Корнелио снова впала в прежнюю апатию и от изнурения еле плелась. Напрасно боролся с мучительными ощущениями голода, жажды и усталости и ее хозяин. Бодрее были драгун с его конем, от самой природы одаренные большей силою и менее утомленные. Однако и они начинали терять силы.

Долго крепился дон Рафаэль; наконец, после довольно продолжительных подготовительных рассуждений, внушил студенту мысль, что будет всего благоразумнее, если он, дон Рафаэль, пользуясь большей свежестью и выносливостью своего коня, поедет вперед и, достигнув отцовского поместья, пошлет оттуда кого-нибудь на помощь дону Корнелио. |

Студент был вполне согласен с мнением своего спутника. Он сам понимал, что тем черепашным шагом, каким идет его лошадь и какого поневоле должен был придерживаться дон Рафаэль, им и до утра не добраться до вождя дельенного приюта.

— Сеньор Лантехас,— сказал драгун, протягивая студенту руку,— мы расстаемся здесь друзьями. Будем надеяться, что нам никогда не придется встретиться врагами. Насколько я мог понять, вы смотрите отрицательно на попытки к освобождению страны, триста лет томящейся под тяжелым игом порабощения. Что же касается меня, то я готов, в случае нужды, посвятить делу освобождения не только свое оружие, но и самую жизнь... Пока — до свиданья. Как только доберусь до Дель-Валле, тотчас же вышлю вам помощь.

— Счастливый путь, дон Рафаэль! — сердечно произнес студент, крепко пожимая протянутую ему руку. — Если не забудете обо мне — спасибо вам, а забудете или почему-либо вам не удастся помочь мне, — значит, такова будет воля Божия.

Еще раз прикоснувшись к шляпе, дон Рафаэль дал своему коню шпоры и вскоре исчез из глаз своего спутника, долгое время уныло смотревшего ему вслед.

Некоторое время спустя дон Корнелио, продолжая путь, увидел перед собою в красном зареве знойного заката индейца, гнавшего с пастбища двух коров. Надеясь получить от этого индейца что-нибудь для утоления голода и жажды, или, по крайней мере, сведения относительно замеченных в этом краю странностей, молодой человек окликнул краснокожего. Тот испуганно оглянулся. Разглядев мирного путешественника, он было поспешил к нему навстречу, но в это время цирковая кляча студента в свою очередь заметила коров, и в тот же миг, словно наэлектризованная, задрав хвост, круто повернулась и вскачь понеслась назад по прежней дороге. Тщетно стараясь удержать лошадь, дон Корнелио не переставал кричать индейцу, чтобы тот остановился. Но индеец, почуяв что-то недоброе в человеке, который зовет его к себе, а сам от него удирает, счел за лучшее как можно поспешнее продолжать свой путь и вскоре скрылся в лесу.

— Святая Матерь Божия! Да что же это такое случилось со здешним населением? — вслух удивлялся сту-

дент, кое-как остановив и успокоив, наконец, лошадь.— Должно быть, оно поголовно взбесилось и не сознает, что делает.

Повернув лошадь по прежнему направлению, он продолжал продвигаться вперед, еще более голодный, усталый и разочарованный.

Наконец дон Корнелио достиг десятка хижин, расположенных на песчаном берегу небольшой речки. Эти хижины были так же пусты, как все встреченные им раньше за последние дни. Но при виде их лошадь наотрез отказалась двигаться хоть на шаг дальше, и ее хозяин, не менее измученный, чем она, решил остановиться здесь в ожидании обещанной доном Рафаэлем быстрой помощи.

Перед одной из хижин высились два тамариндовых дерева, к которым был подвешен гамак, футов на семь-восемь от земли. Гамак был просторный и прочный, сплетенный из крепких манговых волокон. Ложе это манило усталого путешественника к покою и было словно нарочно для него приготовлено.

Напившись вдоволь речной воды, которую зачерпывал ладонями, и пустив к ней разнузданную им лошадь, он по стволу одной из тамаринд взобрался в гамак. С наслаждением растянувшись в воздушной качалке, он некоторое время внимательно прислушивался к каждому звуку, надеясь услышать приближение людей, посланных ему на помощь.

Наступила темная ночь. Вся природа погрузилась в сон. Ничего похожего на лошадиный топот не было слышно. Зато до напряженного слуха молодого человека стали доноситься звуки, поражавшие его своей загадочностью, как и все, что он видел в этой провинции. Где-то вдали что-то шумело и гудело. Было это похоже и на непрерывные раскаты сильнейшей грозы, и на рев океана, бичуемого ураганом. Хотя кругом воздух был совершенно тих, дону Корнелио казалось, что он слышит порывы бури, а сквозь них — смешанный гул отчаянных человеческих воплей.

Встревоженный этими необъяснимыми звуками, напоминавшими приближение страшной бури, студент долго прислушивался к ним. Однако усталость взяла верх над его душевным напряжением, и он крепко заснул, словно нырнул в глубокий омут.

Эта ночь готовила ему каверзы.

3. КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ

За час до захода солнца, в описываемый нами вечер, на берегу той речки, где остановился дон Корнелио, на полпути между местом его остановки и гасиендой Лас-Пальмас появились два человека. Там, где показались эти люди, река спокойно текла среди низких берегов, покрытых густой зеленой травой. Немного дальше росли большие дубы и виргинские тополя, ветви которых были густо переплетены лианами. Дальше река вступала в область с еще более богатой и пышной растительностью, и ее берега становились все выше и круче.

Упомянутые люди были представителями двух противоположных рас — красной и черной, индейской и негритянской. Индеец был высокого роста и крепкого, мускулистого телосложения. В противоположность поработанному мексиканским индейцам, лица которых выражают только тупую покорность, этот индеец, очевидно, принадлежавший к свободным сынам родных лесов и степей, смотрел и держался смело и независимо.

На нем была длинная, серая с черными полосками шерстяная блуза с короткими, доходящими лишь до локтя рукавами, подпоясанная широким кожаным кушаком. Бурого цвета, широкие, но такие же короткие, до колен, панталоны были из дубленой козьей шкуры. На ногах были красновато-желтые кожаные полусапоги, стянутые тонкими ремешками. Тростниковая плетеная шляпа с широкими полями покрывала голову, с которой ниспадали на плечи длинные и густые пряди черных, как вороново крыло, волос. Из-за его плеча выглядывало дуло короткой, массивной винтовки, а за кушаком было воткнуто излюбленное местное холодное оружие, нечто среднее между большим ножом и саблей, так называемое мачетэ.

Спутник индейца, типичный негр, был замечателен разве только удивительными лохмотьями, которыми он прикрывал, или, скорее, подчеркивал свою наготу, да крайним легковерием, с которым он слушал индейца. Временами по его черному лоснящемуся лицу пробегало выражение сильного страха.

Индеец, сопровождаемый по пятам негром, медленно подвигался вдоль реки, у самого края воды, там, где почва была мягкая и зыбкая. Он шел с наклоненной вперед головой и внимательно всматривался в почву,

как бы отыскивая на ней какие-то следы. Наконец он остановился.

— Вот! — воскликнул он, обращаясь к негру. — Не говорил я тебе, что найду тут их следы? Видишь?

В голосе индейца звучало торжество. Но негр вовсе не был склонен разделять это торжество, судя по испугу, выражавшемуся в его широко открытых глазах. И, надо правду сказать, то, на что указывал ему индеец, могло не напугать разве только охотника на диких зверей. На мягком, влажном песке ясно отпечатались десятка два следов, в которых знаток сразу мог узнать очертания когтистых лап свирепого ягуара, называемого испано-американцами тигром.

— Они прошли здесь не более получаса тому назад, — продолжал индеец. — Нет, — поправился он, взглянув на воду, — вода еще взбаламучена, стало быть, нет еще и десяти минут, как они перешли.

— Уйдем и мы скорее отсюда! — взмолился негр, весь посеревший от ужаса. — Зачем нам тут оставаться? Вон сколько следов, и все различной величины... Господи помилуй! Тут этих тигров, должно быть, было видимо-невидимо... И не сочтешь...

— Вздор! — перебил индеец. — Их отлично можно счесть... Вот: раз, два, три, четыре. Самец, самка и два детеныша. Всего четыре штуки. Вот раздолье-то для хорошего охотника на тигров!

— Да, только для охотника, — уныло вымолвил негр.

— Ну, сегодня мы, пожалуй, оставим их в покое, — сказал индеец. — Сейчас у нас с тобой есть более важное дело.

— А не лучше ли оставить и это дело до завтра и вернуться в гасиенду? Хотя мне и очень хотелось бы видеть те чудеса, о которых ты столько наговорил. Косталь, но я, право...

— Да разве можно откладывать такое дело до другого дня? — прервал негра индеец, которого тот назвал Косталем. — Нет, друг Клэр, этого никак нельзя. Возможность видеть и делать то, о чем я тебе говорил, бывает только один раз в месяц, а через месяц нас уже здесь не будет и мы все потеряем... Нет, нет! — продолжал он, видя нерешительность негра. — Задуманное мною должно быть сделано в эту же ночь и на этом самом месте. Садись и слушайся меня.

С этими словами индеец первый уселся на густой траве, на некотором расстоянии от воды. Негр волей-неволей последовал его примеру.

Невзирая на привычное подчинение авторитету индейца, Клэр — так звали негра — не переставал терзаться страхом. Сжавшись в комок, он тревожно крутил головой во все стороны, — видимо, ожидая, что вот-вот откуда-нибудь появятся тигры и набросятся на него.

— Напрасно ты так трусишь, дружище, — пробовал успокоить его индеец. — К услугам тигров вся река, и им ни к чему сейчас возвращаться сюда.

— Но они могут быть голодны, а я слышал, что они более всего любят мясо чернокожих!

— Ха-ха-ха! — звонким смехом залился индеец. — Ты можешь этим гордиться. Но, по правде сказать, едва ли во всей стране найдется хоть один тигр, который был бы настолько глуп, чтобы предпочесть твое тело, положим, очень черное, зато тощее и жесткое, мясу молодой телки или козы. Думаю, если бы тигры услышали твои слова, они лопнули бы со смеху!

— Тебе хорошо смеяться насчет меня и тигров: ведь ты их не боишься, а я страшно боюсь, — ребяческим тоном говорил негр.

— Еще бы мне-то, цапотеку, бояться кого-то или чего-нибудь на свете! — гордо произнес индеец, выпрямляясь и любуясь обнаженными местами своих мускулистых, бронзовых рук и ног. — Руки и ноги мои крепки, как те стальные пружины, которые продаются в больших городах. Зрение мое остро, прицел мой верен, а дух не знает страха, — словом, я — цапотек, и этим все сказано!.. Что же касается тигров, то, повторяю, не будем думать о них до завтра. В эту ночь, когда будет светить новый месяц, мы должны дожждаться сирены с распущенными волосами. Она показывается в пене водопада и на поверхности пустынного озера...

— И она может указать, где есть золото? — восторженно спросил негр, с жадностью ловивший теперь каждое слово индейца.

— Не только может, но и действительно указывает золотоискателям самые лучшие залежи золота, а водопадам — самые крупные жемчужины на дне океана, — убежденно заявил индеец.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил с легким оттенком неверия негр.

— От моих отцов, цапотеков,— торжественным тоном ответил индеец.— А они узнали это от Тлалока и его супруги Матлакуэчки, богов, которые так же сильны, как силен Бог бледнолицых. Как было моим отцам не знать всего...

— Ой, не говори так громко, друг Косталь,— боязливо прошептал негр, снова оглядываясь,— христианские монахи везде имеют уши и могут счесть твои слова за богохульство, а их святая инквизиция, ты знаешь, не щадит ни черных, ни красных, ни белых.

Напоминание об инквизиции заставило и смелого индейца понизить свой звучный голос, так, чтобы его мог слышать один его собеседник, и он продолжал:

— Отцы мои говорили мне, что сирена никогда не является человеку одинокому. Необходимо, чтобы было двое, и они оба должны быть людьми мужественными, потому что водяное божество иногда бывает очень разгневано вызовом, и тогда оно страшно в своих действиях. Нуждаясь в товарище, я выбрал тебя. Неужели ты этим не польщен, Клар?

— Мм? — промычал негр, с видом сомнения покачивая своей курчавой головой.— Могу сказать, положив руку на сердце, что человека я не боюсь, тигра, признаться, побаиваюсь, а твоя сирена, которая, судя по всему, что ты о ней рассказываешь, в близком родстве с дьяволом, начинает сильно меня пугать.

— А чего пугаться хотя бы и самого дьявола, если через него можно сделаться богатым, иметь сколько хочешь золота и быть важным господином? — соблазнял своего товарища индеец.

— А это можно и негру? — осведомился чернокожий.

— Можно и негру,— подтвердил индеец.

— Эх, не ошибаешься ли, Косталь? — продолжал негр, все еще не решавшийся вполне верить тому, что казалось ему чересчур уж большим счастьем.— Мне кажется, золото не может помочь ни тебе, ни мне, потому что мы оба — рабы, и наши господа тотчас же отнимут его у нас.

— Ну, что касается меня, то моему рабству... вообще рабству всех индейцев скоро будет конец,— сказал Косталь.— Разве ты не слыхал, что на севере появился священник, который провозгласил свободу и равенство всех племен?

— Нет, не слыхал,— откровенно обнаружил негр

свое полное невежество в политических делах страны.

— Ну, так узнай, что скоро наступит день, когда негр и индеец будут равны белолицему, креол — испанцу, а индеец-цапотек, как я, сделается господином и тех и других,— говорил Косталь, в своем увлечении вновь возвышая голос.— Да,— продолжал он,— скоро вновь вернутся дни нашей славы. Это так же верно, как то, что мы с тобою сидим тут. Ради этого великого будущего я и хочу добыть как можно больше золота. До сих пор я не старался иметь его, потому что понимал не хуже твоего, что его у меня, жалкого раба, сейчас же отнимут. Теперь же, когда мне улыбается свобода, я знаю, что золото останется при мне, и с его помощью мне удастся восстановить былую славу моих отцов.

Клэр смотрел на своего товарища, разинув рот и вытаращив глаза. Его поражала дикая величавость, сказывавшаяся в ту минуту во всей фигуре охотника на тигров, бывшего таким же рабом на гасиенде Лас-Пальмас, как и он сам, негр; поражала его и претенциозная манера, с какою индеец говорил о восстановлении былой славы своих предков.

Заметив произведенное им впечатление, Косталь самодовольно ухмыльнулся и снова заговорил:

— Друг Клэр, слушай, что я хочу раскрыть тебе, как единственному человеку, которого я считаю преданным себе. Я открою тебе тайну, которую скрывал от всех в течение долгих лет, настолько долгих, что в них попеременно сменялись пятьдесят сухих времен с пятьюдесятью дождливыми...

— Неужели ты видел по пятидесяти таких перемен? — с изумлением спросил негр, предполагавший по наружному виду товарища, что тому не более тридцати лет.— Может ли это быть? Ты не шутишь?

— Нет, не шучу,— ответил серьезным тоном индеец.— Не шучу и говорю, что увижу и еще в несколько раз больше. Знаю по знамению, бывшему при моем рождении, что мне жить столько же, сколько живет ворон.

Негр положительно застыл в изумлении перед откровениями товарища, а тот продолжал:

— Слушай же, друг Клэр, что я еще скажу тебе. Во всем этом просторе,— он очертил рукою круг по всем четырем сторонам,— с севера до юга и с востока до запада, нет ни одной пяди земли, которая некогда не была бы занята моими предками, цапотеками. До появления

бледнолицых на наших берегах цапотеки были властителями всей страны, от океана до океана. Одни эти океаны были границами их владений. Тысячи воинов стекались под их знамя на защиту страны. Им, славным цапоткам, принадлежало все золото, покоящееся в недрах земли, и весь жемчуг, дремлющий в своих раковинах на дне океана.

Золото сверкало на их одежде, на оружии и даже на мокасинах, покрывавших их ноги. У цапотек было столько золота, что они прямо не знали, что с ним делать. Где теперь некогда могущественные кацики Тегуантепека? Большинство из их подданных было убито бледнолицыми или погребено в темных рудниках, где они должны были добывать золото уже для победителей; а уцелевшая их часть была превращена в рабов для других работ. Какие-нибудь сотни негодных искателей приключений, явившихся из-за моря, поделили между собою все наши земли и сделались нашими господами. И вот я, последний потомок благородных кациков, тяну свое жалкое существование, в качестве раба обязан молча выносить тиранию бледнолицего, ежедневно рисковать собою в борьбе с дикими зверями, чтобы они не опустошали стада моего порабитителя; и на всех этих обширных равнинах, по которым с утра до вечера гонит меня моя опасная обязанность, нет ни одного местечка, которое я бы мог назвать своим; даже тот едва заметный клочочек, на котором стоит моя убогая хижина,— даже и он не мой...

С выражением отчаяния махнув рукой, индеец вдруг оборвал свою возбужденную речь и, опустив голову на грудь, погрузился в грустные размышления. Негр теперь смотрел на него почти с благоговением. До сих пор этому чернокожему не было известно, что его краснокожий товарищ по рабству, этот полуязычник, полухристианин, был потомком древних властителей Тегуантепека, и это открытие произвело на него глубокое впечатление.

4. СЕМЬЯ ЯГУАРОВ

Незадолго до исчезновения солнца за горизонтом, когда большая часть неба горела пурпуром и золотом, до слуха собеседников донесся протяжный вой, закончившийся хриплым ревом. Звуки эти, исходившие из гу-

стой кустарниковой поросли, видневшейся на довольно далеком расстоянии от наших друзей, вверх по течению реки, заставили негра вновь посереть от ужаса, задрожать с головы до ног и вскочить с места.

— Иисус-Мария! Да ведь это ягуар! — взвизгнул он не своим голосом.

— Ну так что же? — спокойно произнес индеец, даже не пошевелившийся и не моргнувший глазом.

— Как что? Говорю — ягуар! — вопил негр, не зная, куда броситься от страха.

— Ягуар? — повторил индеец. — Врешь, это не ягуар.

— Дай-то Бог, чтобы я врал! — продолжал спокойнее негр, начиная надеяться, что он ошибся в характере слышанных им звуков. Невозмутимое спокойствие товарища успокоительно подействовало и на него.

— Конечно, врешь, — продолжал индеец, — тут не один ягуар, а целых четыре, считая двух детенышей, тоже имеющих острые зубы и когти.

Услышав объяснение, совершенно противоположное тому, какое ожидал, негр так и присел, всем своим видом выражая полнейший ужас. Затем он снова вскочил и рванулся было бежать по направлению к гасиенде.

— Э, друг, напрасно ты хочешь спастись бегством! — увещевал его индеец, скрыв мелькнувшую на его тонких губах насмешливую улыбку. — Ведь ягуары всякому другому мясу предпочитают мясо чернокожих и непременно догонят тебя.

— Ну, вот, а давеча ты говорил обо мне совсем другое! — произнес негр, остановившись и обернувшись назад. — Что же ты путаешь?

— Может быть, насчет тебя я и ошибся, — с прежней невозмутимостью продолжал индеец. — Но вот в чем я никак не могу ошибиться, потому что наблюдал это сотни раз: когда самец и самка ягуаров вместе, они редко так воют, в особенности, если чувствуют присутствие человека. Вернее всего, они сейчас разошлись в разные стороны и перекликаются между собою, и если ты побежишь назад, в гасиенду, то можешь попасть в зубы кому-нибудь из них.

— Ну, этого я вовсе не желаю! — заявил негр. — Что же мне тогда делать?

— Оставайся здесь, со мною; для меня все ягуары, вместе взятые, — пустое дело! — отрезал индеец.

Новый вой и рев, донесшиеся теперь с совсем другой

стороны, чем раньше, убедили негра в справедливости высказанного индейцем предположения и заставили его покорно вернуться на старое место.

— Ага! Понял-таки, в чем твое спасение, дружище! — подсмеивался охотник, видя, как крепко прижимается к нему полуживой от страха товарищ. — Как только дошло до дела, перестал гордиться тем, что ягуар находит мясо чернокожих самым приятным для себя лакомством. Хвалю за это.

Про себя же Косталь подумал, что с таким трусом едва ли ему удастся заставить сирену показать золото, необходимое для возрождения цапотеков. Не лучше ли отложить это предприятие до отыскания более подходящего сотоварища? Потом, направив свою мысль в прежнее русло, он продолжал мечтать уже вслух:

— Да, плох тот краснокожий или чернокожий, который откажется вступить в ряды бойцов, скликаемых со всех сторон славным священником, поднявшим знамя восстания против угнетателей всех цапотеков, ацтеков и креолов. Разве испанцы не оказались свирепее самих тигров?

— Ну, испанцев-то я вовсе не боюсь, — заметил негр.

— Вот и отлично, товарищ! — воскликнул индеец. — Раз это так, то я завтра же заявлю дону Мариано де Сильва, что он может искать себе другого охотника на тигров. А мы с тобой отправимся на запад и присоединимся к повстанцам.

Едва он замолк, как из ближайшего прибрежного кустарника послышался новый протяжный рев. Охотник принял это за вызов. Его глаза загорелись огнем непреодолимого желания схватиться с вызывающим.

— Клянусь духом кациков Тегуантепека, что это уж слишком для моего терпения! — вскричал он, вскакивая на ноги. — Я отучу этих двух хвастунов так громко беспокоить меня! Готовься, друг Клэр, к близкому знакомству с господами ягуарами!

— А зачем мне с ними знакомиться? Я вовсе этого не желаю, — почти плаксиво возразил негр. — Я лучше уйду куда-нибудь подальше. Оружия у меня нет, и я не принесу тебе никакой...

— Глупости, Клэр, — прервал его индеец. — Тот ягуар, который подает голос, — самец. Он сидит там, в кустах, направо. Я сейчас поговорю с ним. А так как во всем этом крае нет ни одной реки и ни одного потока, где бы

не было у меня в запасе пироги или простой лодки, то...

— Неужели и здесь есть? — перебил, в свою очередь, негр.

— Есть и здесь небольшая лодка. Этого требует мое занятие, — отвечал индеец. — Мы сядем в нее, и ты в ней будешь в полной безопасности. У меня уже составлен план, как поудобнее подобраться к ягуару.

— Ах, Пресвятая Дева Мария! Да ведь я слышал, ягуары плавают не хуже рыб, и они нас... — снова начал было негр, но индеец с нетерпением прервал его:

— Так что же, пусть их плавают. Это ничему не помешает. Пойдем за лодкой.

С этими словами он двинулся по направлению к маленькой бухточке, где, действительно, нашлась лодка, привязанная к вбитой в землю свае. Лодка была небольшая, как раз только для двоих седоков. На дне ее лежало весло, прикрытое легкой циновкой, служившей в случае нужды парусом. Эту циновку индеец выбросил на берег, за неимением в ней пока надобности.

Чувствуя, что ему все-таки лучше в обществе смелого и ловкого охотника, чем одному, негр поплелся за ним. Охотник усадил его в заднюю часть лодки, а сам поместился в передней, чтобы управлять лодкой. Сильным толчком отбросив лодку от берега чуть не на середину реки, Косталь направил ее вверх по течению.

Последние лучи солнца еще освещали поверхность воды, в которой дрожали тени ив и аламосов, росших на берегу. В ветвях этих деревьев веял легкий, пропитанный ароматами тысяч цветов степной ветерок, и дыхание его казалось индейцу дыханием самой свободы. Вообще он, этот сын степей, наслаждался окружающей природой, между тем как негр, весь уходивший в свои личные ощущения, был к ней совершенно равнодушен.

Некоторое время лодка держалась близ береговой полосы, следуя за извилинами реки. В тех местах, где растительность нависла над водой, негр с ужасом всматривался в ее гущу, ожидая встретить свирепый взгляд кровожадного тигра.

— Друг Косталь, держись, ради Бога, подальше от берега! — каждый раз вопил он, сжимаясь в комок. — Вдруг ягуар подкарауливает нас здесь и прыгнет к нам в лодку!

— Очень может быть, — спокойно поддакнул индеец, работая веслом. — Я все думаю о том, как нам лучше по-

ступить, если придется возиться сразу со всем тем ягуарьим семейством, следы которого мы видели на водопое. Я решил так: с тигрятами будешь управляться ты. Возьмешь каждого за шиворот и станешь стучать их друг о друга башками, пока они не треснут. Это дело самое пустяковое...

— А по мне — очень трудное, друг Косталь, — возразил негр. — Как же я схвачу их за шиворот, если они не дадутся?

— Да, это правда, наверное, не дадутся, — согласился индеец. — Поэтому тебе нечего и бояться их, — немного нелогично заключил он. — Как бы там ни было, но я уверен, что не пройдет и четверти часа, как все четыре ягуара окажутся от нас на протяжении руки...

— Все четыре?! — повторил негр, от страха сделав такое порывистое движение, что лодка чуть было не опрокинулась. Только благодаря своей ловкости индейцу удалось удержать ее в равновесии.

— Насколько я мог понять, — продолжал он, — один ягуар находится на этом берегу, другой — на том. Оба ищут добычу. Мы на виду у них, и они, того и гляди, набросятся на нас каждый со своей стороны. Сейчас мы обогнем вон тот крутой поворот реки, и ты смотри в оба. Наверное, увидишь кое-что очень интересное.

Индеец сидел спиной к тому, что было впереди лодки, и каждый раз должен был поворачивать голову, чтобы видеть это «интересное». Но так как лицо негра было зеркалом, в котором отражалось окружающее, то охотнику достаточно было только смотреть в это зеркало, не трудясь то и дело оборачиваться. И вот, когда живое черное зеркало вдруг стало изображать крайнюю степень ужаса, Косталь понял, что ему надо быть настороже.

Опустив весло, он обернулся. Перед ним расстилась безграничная равнина, уходившая за горизонт. Полноводная река равнялась своей поверхностью с берегами, покрытыми густой муравой, без признака какого-либо дерева. Почти у самого изгиба реки начиналось ее разветвление, образовавшее зеленеющую дельту, вокруг окоченности которой пролегалла дорога в гасиенду Лас-Пальмас.

Лучи заходящего солнца покрывали всю равнину прозрачною золотистою дымкою, нависавшею и над серебристой, пронизанной пурпуром лентой реки, среди которой плыла лодка. Впереди лодки, на расстоянии двух

выстрелов, было нечто, заставившее охотника восторженно воскликнуть:

— Какая красота! Видишь, Клэр, эту картину?

Крепко вцепившись своими длинными когтями в терзаемое им тело жеребенка, навстречу лодке плыл огромный ягуар-самец. Действительно, прекрасную картину для любителя представлял собою этот царственный хищник американских джунглей! Угасающие лучи солнца выставляли во всем великолепии нарядную, бархатистую, ярко-желтую с черными пятнами шкуру красавца-зверя.

Заставив растерявшегося негра, на которого эта картина произвела только устрашающее впечатление, взять в руки весло, охотник схватил ружье и, присев на корточки на дне лодки, приготовился стрелять. Негр, повинаясь сильной воле товарища, кое-как греб веслом. Заметив своих врагов, ягуар издал громоподобный рев, далеко прокатившийся по тихой равнине. Индеец ответил на этот грозный вызов не менее диким, хотя и более слабым полуревом, полувоем. Зверь и человек поняли друг друга.

— Самец! — с видимым удовольствием заметил охотник, обращаясь к своему спутнику.

— Стреляй же скорее! — умолял негр.

— Нет, еще рано, — возразил охотник. — Пусть подплывет поближе. К тому времени, наверное, подоспеет и самка с детенышами.

— Ох, спаси Господи! Довольно нам и одного этого кровопийцы! — тоскливо шептал негр, мысленно проклиная себя за то, что послушался охотника и пришел с ним сюда, соблазненный обещанием не только услышать, но и увидеть воочию благодетельную сирену.

В это время послышался пронзительный визг, и вслед за тем на ровной плоскости левого берега показалась фигура несшейся огромными скачками самки ягуара, спешившей на помощь к своему супругу. Быстрота и легкость ее движений были прямо изумительные. Шагах в двухстах от реки ягуариха вдруг остановилась, подняла голову, пригнувшись. Бока ее дрожали, словно тетива сильно натянутого лука перед спуском стрелы. Вдогонку за матерью бежали вприпрыжку маленькие ягуарчики. Лодка, предоставленная самой себе, кружилась на одном месте, между берегом и ягуаром, который плыл со своей добычей. Ягуариха стояла как раз против лодки.

— Клэр, гони лодку вперед, иначе мне нельзя стрелять! — крикнул охотник. — Не робей, друг, если не хочешь беды. Держи лодку прямее. Необходимо, чтобы я с первого же выстрела мог уложить этого красавца. Если мне этого не удастся сделать, то один из нас пропал, а то и оба погибнем. Раненый тигр вдвое опаснее здорового. А тут еще и его самка с детенышами.

Расстояние между лодкой и плывшим тигром постепенно уменьшалось. Зверь страшно ворочал огненными глазами, оглушительно рычал и бешено колотил себя по бокам своим длинным хвостом.

Охотник только что было взял верный прицел, как лодка вдруг так сильно заколебалась из стороны в сторону, точно ее подбрасывала буря.

— Какого черта ты там балуешься, Клэр? — сердито закричал охотник. — Перестань же! Если ты так будешь вести лодку, то появишься перед нами хоть целая стая тигров, мне не попасть ни в одного!

Но обезумевший от страха негр нарочно или бессознательно еще сильнее закачал лодку.

— Ах, чтоб тебя побрали черти! — яростно взревел охотник. — С тобой, дураком, и в самом деле пропадешь ни за что, ни про что!

Бережно положив ружье на дно лодки, индеец выхватил из трясущихся рук негра весло и несколькими его взмахами привел лодку в нужное положение. Ягуар понял, что этот момент для него благоприятен, и воспользовался им. Взревев, он сильными зубами вырвал из бока своей жертвы огромный кусок мяса и вместе с ним в один огромный прыжок перенесся на левый берег, к своей семье. Очутившись вместе, ягуары в нерешительности смотрели на лодку: очевидно, они и желали, и опасались напасть на сидевших в ней. Но, вероятно, опасение взяло верх, потому что четвероногая чета хищников вдруг повернула в другую сторону и помчалась через равнину к своим родным джунглям. Тигрята также бросились за ними, стараясь не отставать от них.

Излив свою досаду и разочарование в потоке красноречивых восклицаний, индеец повернул лодку назад, к месту ее обычной стоянки.

Негр обрадовался было этому обороту дела, но тут же был разочарован пояснением охотника, что ягуары — звери хитрые и отлично умеют применять разного рода военную тактику. Бегство их в сторону, противополож-

ную реке, могло быть только отводом глаз. Где-нибудь они останутся посмотреть, что делают их враги, и, заметив, что лодка повернула вниз по течению, ягуары встретят их там, в более удобном месте.

— Неужели они могут выкинуть такую штуку? — изумлялся и вместе с тем ужасался негр. — Разве они так умны?

— Да, они гораздо умнее некоторых людей, — не без ехидства ответил индеец. — Я уверен, что мы сегодня увидим их еще раз по ту сторону водопада. Жеребенок, каким запасся было господин тигр, попадаетея им не каждый день, и они не захотят упустить такое лакомство. Они знают, что течение перенесет им добычу через водопад, и будут там поджидать ее. Но получают ли они ее в целости, я сильно сомневаюсь, мне не раз приходилось видеть, как самые крепкие деревья превращались в щепки, когда попадали в водопад... Но пока оставим думать о тиграх. Пора начать то дело, ради которого мы пришли сюда. Скоро покажется месяц, и нам не надо упускать время.

Вернувшись в бухточку, охотник снова привязал лодку к дереву и сказал:

— Ну, ты пока оставайся здесь, а я пойду подготовлюсь. Не бойся, далеко не уйду и, пожалуй, оставлю тебе на всякий случай ружье.

— С одной пулей против четырех тигров — хорошая оборона! — ворчал негр, безнадежно опускаясь на край лодки.

В нескольких шагах от лодки охотник влез на большое дерево, густые и длинные ветви которого местами опускались в воду. Застыв среди этих ветвей, индеец простер свои руки над водой и мерным голосом затянул какое-то заклинание.

К дикому напеву индейца временами примешивался отдаленный, но постепенно приближавшийся рев ягуаров. Казалось, что это перекликаются между собою сами демоны. Так, по крайней мере, чудилось несчастному негру, который едва успевал немного успокоиться от одного страха, как его тут же бросало в другой.

Кончив заклинание, индеец вернулся к негру, взял свое ружье на плечо и сказал:

— Пойдем.

— Куда? — спросил негр.

— К водопаду, чтобы вызвать там сирену с распущенными волосами и просить ее показать нам золото.

— Да ты же говорил, что там будут ждать тигры! Зачем же нам снова лезть к ним в пасть? — протестовал негр.

— Не мы полезем к ним, а скорее они полезут к нам под пулю, — утешал индеец. — Пойдем, друг Клер. Сирена даст нам много, очень много золота, и мы оба будем богачами.

— Ладно, иду! — вскричал чернокожий, вновь поддаваясь жадности. — Пусть только добрая сирена покажет нам, где достать золото, и я до конца дней моих буду ее верным рабом. Все сделаю, чего бы она ни захотела.

— Давно бы так! — одобрил индеец, и они направились вдоль берега, вниз по течению реки.

5. НЕОКОНЧЕННЫЙ ВЫЗОВ

Дон Рафаэль был плохо знаком с местностью, по которой ехал. Хотя он и жил здесь, когда был мальчиком, но с тех пор ему не пришлось ни разу побывать здесь. Пока главный путь шел прямо, молодой человек спокойно следовал по этому пути, вполне уверенный, что он выведет его именно туда, куда ему было нужно. Но когда он достиг того места, где дорога расходилась в две противоположные стороны, то стал в тупик. Он никак не мог припомнить, в какой стороне была расположена отцовская гасиенда Дель-Валле или хотя бы другая знакомая ему гасиенда Лас-Пальмас, находившаяся недалеко от отцовской.

Не видя вокруг никого, к кому можно было бы обратиться с просьбой указать дорогу, дон Рафаэль представил выбор своей лошади. Та, страдавшая больше от жажды, чем от голода, усиленно втягивала в себя расширенными ноздрями воздух и, почуяв воду, обрадованно направилась в ту сторону. Таким образом, она взяла вправо, между тем как обе упомянутые гасиенды находились слева.

Проехав не более четверти часа по дороге, избранной лошастью, дон Рафаэль заметил, что очутился в густом перелеске, за которым шумел водопад. В этом месте дорога круто обрывалась. Молодой человек хотел было вернуться назад к перекрестку, но подумал, что, чего доброго, и противоположная дорога заведет его куда-нибудь в глушь, поэтому лучше ехать по прямой. Ему смутно пом-

нилось, что с какого-то места нужно было сворачивать в сторону, но с какого именно — он никак не мог припомнить.

Желая посмотреть, нет ли где поблизости каких-нибудь жилищ с живыми обитателями, у которых бы можно справиться, путник сошел с лошади, привязал ее к дереву, так, чтобы она была в состоянии свободно щипать росшую вокруг сочную траву, и стал пробираться сквозь чащу к тому месту, откуда слышался шум воды. Он сообразил, что, где шумит вода, там должен быть какой-нибудь источник, а возле него, быть может, живут и люди.

Его предположение отчасти оправдалось. Правда, никаких жилищ в этой пустынной местности не было, но люди оказались. С трудом пробравшись через густо переплетенный лианами перелесок, дон Рафаэль оказался на берегу узкой, стремительно текущей реки, посреди которой высилось нагромождение из огромных каменных глыб, неизвестно откуда взявшихся на этой однообразной равнине, а через это нагромождение с громким плеском и гулом низвергался роскошный каскад воды, весь покрытый белоснежной пеной. В стороне от водопада, близ берега, на котором остановился наш путник, из воды торчал черный камень с совершенно ровной и гладкой поверхностью. На этом камне пылал костер, сложенный из сухого валежника; возле костра копошилась фигура негра, хлопотливо подбрасывавшего в огонь новые порции горючего материала. В отблеске этого костра каскад казался алмазным, а его жемчужная пена местами окрашивалась в нежно-красный цвет, и все вместе представляло поистине волшебное зрелище, от которого трудно было оторвать глаза.

В довершение фантастичности этой картины, у подножия камня с костром, в воде, вертелся в дикой пляске индеец. Временами он подносил ко рту длинную морскую раковину, на которой наигрывал какую-то жалобную, хватающую за душу мелодию. Временами плясун останавливался и, повернувшись лицом к водопаду, простирая к нему руки и что-то вскрикивал на непонятном языке. Потом он возобновлял пение и пляску. Движения его были так порывисты, что его длинные волосы хлестали его по плечам, а вода, которую он вздымал ногами, окатывала его всего сверху донизу.

Дон Рафаэль понял, что тут произносится какое-то

заклинание. Он еще более убедился в этом, когда, нечаянно взглянув на чистое темно-синее небо, увидел на нем тонкий золотистый серп молодой луны и вспомнил, что слышал в детстве о связанных с таким положением луны странных поверьях местных индейцев. В своем нетерпении воспользоваться случаем узнать дорогу, он совершенно упустил из виду, как опасно давать знать о себе людям, совершающим такие мистерии, и громкими криками старался привлечь к себе внимание заклинателей. Но шум водопада заглушал его голос. Тогда молодой человек поднял горсть мелких камешков и бросил прямо в лицо негра. Чернокожий с воплем ужаса вскочил и заметался, а индеец схватил свою винтовку и ее прикладом мгновенно разметал весь костер в воду, — горевшие головешки там сразу с шипением погасли. На камне, где только что ярко пылал костер, и вокруг него все затихло. В наступившем сумраке серебрились только струи водопада и слышался его шум. Сами заклинатели точно провалились в бездну.

Страшно раздосадованный этим, дон Рафаэль махнул рукой и вернулся к своей лошади, мирно щипавшей сочную траву. Усевшись на пень, молодой человек закурил сигару и принялся обдумывать, что теперь ему предпринять. Не просидел он и пяти минут, как слух его был поражен новыми странными звуками. Это был уже не шум водопада, — к этому шуму молодой человек уже успел привыкнуть, — а нечто, напоминавшее рев крупного дикого зверя, — такого зверя, голоса которого дон Рафаэль раньше никогда не слышал, хотя и был знаком с голосами всех лесных хищников страны. Это заставило молодого офицера подозревать существование поблизости какой-то особенной опасности, которой нужно было остерегаться.

Через небольшой промежуток времени сквозь шум водопада снова послышался тот же грозный рев, словно исходивший от какого-нибудь сверхъестественного чудовища. Взглянув на свою лошадь, дон Рафаэль заметил, что она, насторожившись, вся дрожит. Это побудило его отвязать ее, снова взобраться в седло и вернуться назад к большой дороге. Но лишь только он хотел тронуться по ней, как раздавшиеся вдруг вблизи голоса людей вынудили его помедлить. Отодвинувшись поглубже под тень деревьев, он, крепко придерживая лошадь под уздцы, замер на месте, внимательно прислушиваясь к голосам, ко-

торые все приближались. Вскоре он ясно мог расслышать следующий разговор:

— Разве сирена показывается только в первый день новолуния? — спрашивал один голос.

— То-то и есть, что только в первый, иначе нам и гоним было бы не о чем, — отвечал другой. — Но она и тогда не всегда показывается. Это бывает, когда она знает, что где-нибудь поблизости присутствует кто-нибудь посторонний, в особенности бледнолицый...

— Должно быть, она боится святой инквизиции? — заметил первый голос.

— Какую ты плетешь ерунду, Клэр, — с негодованием отозвался второй. — С чего ты взял, что могущественное водяное божество станет бояться каких-то длиннополых монахов? Совсем наоборот, дружище: при виде этого божества сами монахи в ужасе и трепете должны преклониться перед ним.

Читатель, конечно, догадался, что эта беседа происходила между индейцем и его спутником негром, вынужденными покинуть место вызова сирены, не дождавшись ее появления.

— Эх, друг Косталь, не заблуждаешься ли ты сам? — возражал негр. — Раз сирена, как ты говоришь, боится одного бледнолицего, то разве не может нагнать на нее еще более страха целая орава монахов? Они хоть кого напугают...

— Ну, они в этих местах не шляют, — возразил охотник. — Вернее всего, тут был кто-нибудь не из духовных, а из светских бледнолицых, и помешал нам... Чтоб его черти побрали! Или чтоб ему самому пригрелилась сирена да обманула бы его хорошенько! Еще бы немного времени, и она появилась бы перед нами...

— Напрасно ты поспешил потушить огонь, — прервал негр. — Быть может, она все-таки явилась бы... Давай посидим немного здесь. Я страшно измучился, взбираясь на такую крутизну... А знаешь что, Косталь, перед тем, как на меня посыпались камешки... Кстати сказать, я теперь вполне уверен, что это были вовсе не камни, а настоящее золото. Мне следовало бы скорее подхватывать их на лету, а не пугаться и не бежать. Да и ты хорош: вместо того, чтобы остановить меня, сам пустился вслед за мной, а еще считаешь себя таким храбрым и умным... Ну, что же ты стоишь столбом, Косталь? О чем

задумался? Уж не хочешь ли возобновить вызов сирены? Так я с удовольствием...

В визгливом голосе негра слышались нотки алчности.

— Нет, теперь нам уж не до того,— серьезно возразил индеец.

— Почему же, Косталь? — разочарованно спросил негр.

— А потому,— продолжал индеец тем же серьезным тоном и даже с оттенком не свойственной ему тревоги,— что я слышу отдаленный гул. А этот гул предвещает приближающееся наводнение. Того и гляди, вода зальет всю эту местность. Нам нужно поскорее убраться отсюда, пока наводнение не захватило нас.

Негр взвизгнул от нового припадка ужаса. Быстро вскочив на ноги, он стал метаться из стороны в сторону, натываясь в наступившем полумраке на деревья.

— Господи, Боже мой! Да как же тут побежишь, когда, куда ни сунешься, везде мешают эти проклятые деревья? — голосил он на всю окрестность, потирая уши бледные о деревья места на теле.

Индеец невольно рассмеялся и проговорил:

— Эх, ты, младенец! Ну, давай руку, я выведу тебя отсюда на дорогу, а там уж, авось, ты сумеешь пойти и без посторонней помощи.

Через минуту дон Рафаэль, приготовивший на всякий случай свое оружие, увидел выходящих к нему из чащи деревьев тех самых двух людей, которые незадолго перед тем копошились внизу на реке перед костром и которых он, по-видимому, заставил поспешно уйти оттуда.

— Ай-ай-ай, да вот она, сирена-то! — вне себя завизжал снова негр, одною рукою судорожно цепляясь за своего спутника, а другою указывая на смутно обрисовывавшуюся впереди неподвижную фигуру всадника. — Смотри, смотри, Косталь: она сидит на чем-то высоком, вокруг нее сияние, а на голове золотой венец...

Индеец своими орлиными глазами пристально вгляделся в то, на что ему указывал трусливый и наивный негр, и строго оборвал его:

— Ну, как тебе не стыдно молоть такую чушь, Клэр! Раз сирена живет в воде, то с какой же стати она будет выходить на землю? Это выходит вроде тех камешков, которые, по-твоему, были золотыми... Нет,— понизив голос, продолжал индеец,— это, кажется, тот самый бледнолицый, который швырял в тебя камни, а вовсе не си-

рена. Он сидит на лошади и курит сигару, от которой и исходит сияние, а на шляпе у него толстый золотой шнур, принятый тобой за венец. По всей вероятности, это испанский офицер... Эй! Кабальеро! — крикнул он по-испански, подходя к всаднику. — Что это вы бродите здесь в такое время?

— Положим, в данную минуту я не брожу, а стою на месте, потому что потерял дорогу и заблудился, — с улыбкою ответил дон Рафаэль. — Кажется, я совершенно неумышленно в чем-то помешал вам? Очень сожалею об этом и прошу извинения. Я хотел просить вас указать мне дорогу и, чтобы привлечь ваше внимание, бросил несколько мелких камешков, которые, во всяком случае, не могли бы принести вам никакого вреда и только разве немного испугали вас. Вот за этот испуг и за то, что я невольно помешал вам, прошу вас принять от меня маленькое вознаграждение.

С этими словами дон Рафаэль достал из кармана и протянул индейцу на ладони два блестящих доллара.

— Благодарю вас, кабальеро, — с достоинством ответил индеец, отклоняя от себя подарок.

Молодой человек с удивлением посмотрел на индейца и, заметив алчный взгляд, брошенный на блестящие монеты негром, также подошедшим в это время к разговаривавшим, сказал, протягивая ладонь с монетами негру:

— Ну, в таком случае не возьмет ли ваш товарищ?

Негр с жадностью подхватил монеты и тотчас же сунул их в карман.

— А теперь позвольте узнать, далеко ли отсюда до гасиенды Лас-Пальмас? — снова обратился дон Рафаэль к индейцу, который сразу произвел на него хорошее впечатление тем достоинством, с каким он отказался от подачки, и вообще всем своим видом.

— Это зависит от дороги, по которой вы поедете, кабальеро, — ответил индеец.

— Разумеется, я желал бы поехать по самой кратчайшей, — продолжал дон Рафаэль. — Мне надоело плутать здесь.

— Верю, кабальеро, но должен предупредить вас, что кратчайший путь может вам показаться не совсем удобным, — проговорил индеец каким-то загадочным тоном. — Наиболее безопасный путь в Лас-Пальмас ведет вдоль берега вот этой реки; но так как река тут очень извили-

ста, то и путь по ее берегу длинен. Ближайший же путь к желаемой вами гасиенде находится вон там,— прибавил он, указав рукою в противоположную сторону.

В душе индейцу очень хотелось бы сбить с пути человека, который в самый интересный момент на целый месяц, а, может быть, и более, отодвинул осуществление его заветной мечты. Но охотник хорошо понимал, что такая проделка не пройдет ему даром: ведь офицер ехал как раз в ту самую гасиенду, где он, охотник, находился в услужении.

Пока индеец давал свои указания, с той стороны, где, по его словам, пролегал кратчайший путь к гасиенде, вдруг донесся взрыв дикого воя.

— Это еще что такое? — спросил молодой офицер, невольно содрогнувшись.

— Возглас голодного ягуара, ищущего добычу,— хладнокровно объяснил индеец.

— А! Ну, это не так страшно,— с таким же хладнокровием произнес офицер.— Поеду ближайшим путем. Благодарю за указание.

Дон Рафаэль поудобнее уселся в седле, натянул поводья и, дотронувшись до шляпы, направил своего коня в сторону от реки.

— Позвольте, кабальеро, дать вам еще один добрый совет,— более сердечным тоном проговорил индеец, почему-то почувствовав внезапную симпатию к молодому офицеру.— Старайтесь ехать так, чтобы луна все время была у вас по левую руку, а ваша тень от луны — по правую. У вас добрая лошадь, поэтому поезжайте как можно скорее и нигде не останавливайтесь, пока не доберетесь до гасиенды дона Мариано де-Сильва. Если вам попадутся по дороге овраг, рывина или кустарник, старайтесь переправиться через них напрямиком, а не объезжайте этих небольших препятствий...

— Судя по этому действительно доброму совету, за который я также весьма признателен, и по твоему серьезному виду, друг, меня ожидает на пути какая-то особенная опасность? — догадался молодой офицер.

— Да,— подтвердил индеец,— и даже очень большая. Не пройдет и часа, как весь этот край будет залит наводнением, несущимся сюда с быстротой урагана. Оно снесет все, что встретит на своем пути; даже самые быстроногие звери будут не в состоянии спастись от его страшной силы.

Дон Рафаэль еще раз поблагодарил индейца за это предупреждение, и только что хотел было пустить вскачь своего коня, как вдруг с содроганием вспомнил о своем бывшем спутнике, молодом студенте, оставшемся на пути в ожидании помощи. Он поспешил сообщить о нем индейцу.

— Хорошо, кабальеро,— ответил тот,— мы постараемся отыскать его, если он еще жив, и проводим его до гасиенды. Вам же еще раз советую думать теперь только о собственном спасении. Если встретитесь с ягуарами, не бойтесь их. Постарайтесь сначала успокоить свою лошадь, а на них только погромче прикрикните, и они тотчас же удерут от вас. Человеческий голос имеет силу устрашать даже самых диких зверей. Белые люди этого не знают... Они вообще не знают многого, что хорошо известно нам, краснокожим. Я мог бы кое-что порассказать об этом, но теперь не время. Желаю вам благополучного пути, кабальеро!

Дон Рафаэль еще раз дотронулся рукой до полей своей шляпы и поскакал по указанному ему направлению.

— Какой щедрый! Вот это настоящий господин! — бросил ему вслед молчавший до сих пор негр, весело побрякивая в кармане полученными долларами.— Разумеется, это не то, что дала бы нам сирена, а все же лучше, чем ничего,— прибавил он со вздохом.

— Да, славный кабальеро! — подхватил и индеец, прислушиваясь к топоту быстро удалявшейся лошади.— Было бы жаль, если бы с ним дорогой случилась какая-нибудь беда. Сначала мне было очень досадно за помеху нашему делу, но когда я увидел его и поговорил с ним, у меня отхлынула от сердца всякая досада, и я теперь, кроме добра, ничего не желаю ему. Вызовом же сирены мы можем заняться и завтрашней ночью. Я вспомнил, что сирену можно вызывать и звуками морской раковины, среди желтых волн наводнения, прямо с лодки...

— А лодку-то ведь мы оставили внизу! — воскликнул негр, внимательно прислушивавшийся к приятным для него словам своего спутника.— Как же теперь нам быть, Косталь?

— Как быть? — с легким раздражением произнес индеец.— Надо будет опять спуститься к реке, взять лодку и перенести ее на Столовую гору. Туда никакое наводнение не достанет. Там у меня есть шалаш, и мы спокойно можем провести в нем ночь... Это все ты со своей

трусостью! Бросился бежать, как сумасшедший, а я сдурю последовал за тобой, совершенно забыв о том, что лодка может нам понадобится. Пойдем скорее опять к водопаду.

С этими словами он поспешно направился вниз к реке. Скрепя сердце, последовал за ним и его трусливый спутник, находившийся в двойственном настроении: с одной стороны, ему очень хотелось добыть лодку, чтобы не застрять на горе и следующей ночью опять заняться вызовом сирены, и всласть выпасться, а с другой — он опасался вернуться на то место, где могли сидеть в засаде ягуары. В таком настроении он и следовал за своим бесстрашным товарищем, испуганно прислушиваясь к малейшему шуму и дрожа всем телом.

На небольшом расстоянии от известного уже читателю водопада находилась другая Столовая гора, на вершине которой, по преданию, некогда был храм, посвященный культу цапотеков. Косталь, хотя и значился христианином, но в душе оставался верен культу своих предков. Поэтому он особенно уважал место, где, по его убеждению, был когда-то храм предков, и всегда проводил здесь ночь, когда почему-либо запаздывал домой. Для этой надобности он устроил себе там шалаш и покрыл его банановыми листьями.

Лодка индейца оказалась довольно тяжелой, и негр, помогавший ему тащить ее на гору, всю дорогу страшно охал, стонал, пыхтел и кряхтел, между тем как индеец, не чувствовавший, по-видимому, почти никакой усталости, только подтрунивал над ним.

Наконец лодка была внесена на гору, где находился шалаш Косталья, и положена вверх дном возле шалаша.

— Уф! — произнес, отдуваясь, негр, с наслаждением сядя на лодку и утирая рукавом рубашки обильно струившийся с лица пот. — Слава Богу, живой!.. Думал — совсем задохнусь!..

— Руки, ноги отвалятся, спина треснет, голова лопнет, последние мозги выскочат из нее! — насмешливо договорил индеец, присаживаясь на другой конец лодки. — Знаю я твои песни, которые ты тянешь при каждом небольшом усилии.

— А ты разве совсем не устал? — спросил негр, лениво потягиваясь.

— Так... слегка. Я не из таких неженков, как ты, — ответил индеец. — Для меня почти все равно, что по ров-

ному месту идти, что на гору взбираться, даже с ношей. Видишь, и дышу я почти так же ровно, как если бы мы не спеша шли по ровному месту и налегке... Но оставим эти пустяки. Давай-ка лучше теперь поужинаем да и спать. В моем «дворце» найдется кое-что. Пойдем туда,— шутливо проговорил он, кивнув на свой шалаш.

Голодный негр с видимым удовольствием принял это приглашение и поспешил последовать за товарищем, направившимся в шалаш.

Плотно поужинав, хозяин и гость растянулись на полу на мягкой и душистой траве и вскоре заснули под однообразный шум все ближе и ближе надвигавшегося наводнения. Впрочем, раньше заснул хозяин. Этот беспрерывный грозный шум совсем не беспокоил индейца, сознававшего себя в полной безопасности. Что же касается гостя, то тот довольно долго переворачивался с боку на бок: ему все казалось, что сквозь этот гул он слышит рев и вой ягуаров; это сильно пугало его. Но в конце концов, успокоенный беззаботным храпом сладко спавшего хозяина, погрузился в сон и его гость. Между тем, ягуары и в самом деле были близко. Спасаясь от наводнения, они также забрались было на вершину горы, но, учуяв там присутствие страшного для них охотника, трусливо сбежали с горы и мимоходом громогласно выразили свою досаду.

6. НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Между тем дон Рафаэль быстро мчался по указанному ему кратчайшему пути к гасиенде Лас-Пальмас.

Миля две он ехал по местности, кое-где поросшей стройными пальмами, тянувшимися к небу своими пышными вершинами, и великолепными гуавами, распространявшими сильный аромат. От мерцания звезд, густо усыпавших все небо с только что показавшейся луною, было достаточно светло, так что конь и всадник свободно могли различать дорогу и все встречавшееся на ней.

Ночь была тихая, и в этой тишине с особенной резкостью слышался какой-то шум, точно разбушевавшегося моря. Сначала этот зловещий шум доносился издалека и как бы отдаленными порывами, теперь же он превратился в сплошной грохот, с каждою минутой все более и более усиливавшийся, и доносился оттуда, куда направлялся всадник.

Индеец предупреждал, что на этой дороге может угрожать опасность наводнения, все сметающего на своем пути. Ожиданием этого наводнения, вероятно обычного в здешней местности, и объяснялись замеченные доном Рафаэлем странности: полное обезлюдение целой области и подвешенные в лесу на деревьях лодки. Очевидно, эти лодки были оставлены и так остроумно размещены на высоких деревьях для злополучных путников, которых могло захватить наводнение.

Дон Рафаэль ехал с востока на запад, то есть как раз навстречу наводнению. Лошадь всадника, судя по охватившему ее трепету, чуяла надвигавшуюся грозную опасность лучше своего хозяина и неслась во всю мочь. Молодой путник надеялся, что ему удастся добраться до гасиенды Лас-Пальмас раньше, чем его настигнет наводнение. Но вдруг, как на грех, его сильная лошадь стала замедлять свой быстрый до сих пор бег, судорожно поводя раздувшимися боками, дыхание сделалось хриплым. Казалось, еще немного — и бедное животное совсем остановится и упадет.

Как ни был отважен молодой офицер, но и у него невольно дрогнуло сердце, когда он понял весь ужас своего положения, если он лишится лошади. Пока он обдумывал, что тогда ему предпринять, лошадь совсем остановилась и, дрожа всем телом, видимо, готовилась упасть. Точно заявляя, к собственному огорчению, что не в силах более исполнять свою обязанность и прося в этом прощения, она повернула к хозяину голову с умными глазами и жалобно заржала. В это время слышались звуки большого колокола. Это был колокол гасиенды Лас-Пальмас, призывавший под свой спасительный кров путников, застигнутых наводнением.

— Что это вы остановились тут и почему сошли с лошади, кабальеро? Уж не сбились ли вы с пути или не случилось ли чего с вашей лошадью? — вдруг раздался за спиною молодого человека мягкий мужской голос.

Соскочивший с лошади дон Рафаэль поспешил оглянуться. Он увидел перед собою средних лет человека, судя по одежде, погонщика мулов, но сидевшего на хорошей лошади. Погруженный в свои горестные мысли, а отчасти и из-за шума приближавшегося наводнения, офицер не слышал топота этой лошади, поэтому был сильно удивлен внезапным появлением незнакомца. Приятное, умное

и вместе с тем открытое лицо этого человека сразу понравилось дону Рафаэлю, и он доверчиво ответил:

— Я остановился потому, что с моей лошадью, действительно, что-то случилось. Должно быть, надорвалась от долгого и быстрого бега. Не знаю, что мне теперь делать?

— Позвольте взглянуть на нее,— проговорил незнакомец, поспешно соскочив со своей лошади.— Я простой погонщик мулов,— продолжал он,— но хорошо знаю и лошадей, и других домашних животных и, между прочим, довольно успешно занимаюсь их лечением.

— Пожалуйста! — поспешил изъявить свое согласие молодой офицер.

Погонщик подошел к его лошади, внимательно осмотрел ее, ощупал ее бока, прислушался к ее тяжелому, хриплому дыханию и уверенно сказал:

— Да, как я думал, так и есть: скопление застоявшейся крови в одном месте. Это я сейчас улажу и освобожу ее от ненужной ей сгущенной крови. Подержите ее крепче под уздцы и накройте ей глаза платком. Через минуту все будет в порядке.

Когда дон Рафаэль сделал, что ему было сказано, погонщик достал из кармана небольшой складной нож с острым, как бритва, лезвием. Этим ножом он одним ловким движением руки разрезал тонкую перепонку между ноздрями лошади. Испуганное животное с силою мотнуло головою и, громко взвизгнув от боли, взвилось было на дыбы, но, сдерживаемое сильною рукою своего хозяина и его ласковыми словами, тут же успокоилось, вероятно, поняв, что ничего худого ему не сделают,— напротив, даже принесут пользу.

— Ну, теперь ваша лошадь спасена и безостановочно пробежит во весь карьер еще несколько часов,— проговорил погонщик довольным тоном, вытирая о траву свой нож и снова пряча его в карман.— Позвольте узнать, куда вы едете, кабальеро?

— В гасиенду Лас-Пальмас,— ответил офицер, и в свою очередь спросил: — Скажите мне ваше имя, чтобы я знал, кого мне благодарить за спасение моей лошади и, быть может, меня самого?

— Меня зовут Валерио Трухано,— скромно ответил погонщик и продолжал: — Человек я маленький и не совсем удачливый в жизни. Но я утешаю себя тем, что по мере сил и возможности исполняю свой человеческий

долг, а все остальное предоставляю на волю Божию... Мне с вами по пути, кабальеро. Поедемте вместе. Но сначала позвольте попросить милосердного Бога избавить нас от надвигающейся опасности, потому что теперь только Он один и может помочь нам.

Пока дон Рафаэль, не решившийся даже предложить вознаграждение этому славному человеку за его помощь, усаживался на совершенно уже оправившегося своего коня и готовился снова пуститься в опасный путь, Трухано опустился на колени, снял с головы свою широкополую, сильно поношенную шляпу, поднял глаза к ярко сверкавшим на безоблачном небе звездам и громким, проникновенным голосом прочитал псалом, начинающийся словами: «Из бездны взываю к Тебе, Господи! Господи, услыши глас мой!».

Затем он также вскочил на свою лошадь, и оба всадника быстро поскакали прямо навстречу грозной опасности. Сквозь зловеющий шум и рев разнуздавшейся стихии продолжали слабо прорываться призывные звуки колокола, торопившие запоздалых путников.

7. ДВЕ СИЛЬФИДЫ

Как известно, зима в южных широтах заменяется периодом ливней. Этот период там начинается в июне и кончается в октябре. В течение этого времени реки все более и более выходят из берегов, а к концу его, в октябре, все они соединяются и, разлившись по обширным равнинам, образуют необозримые озера. И, разумеется, пока желтые, насыщенные песком и илом воды не успокоятся в этих озерах, они в бешеном натиске уничтожают все препятствия на своем пути.

Такие озера, из которых местами выглядывают вершины затопленных деревьев, усеяны островками, то есть высокими плоскогорьями, так называемыми «Столовыми горами». Население деревень и гасиенд, расположенных на этих безопасных высотах, спокойно остается на месте, предварительно запасшись всем необходимым для своего существования. По самим озерам по вечерам шныряют во всех направлениях разукрашенные флагами всевозможные лодки и барки. В этих судах катается нарядная, веселая молодежь, оглашающая окрестности смехом, музыкою и пением.

На одной из таких высот стояла и гасиенда дона Мариано де-Сильва — Лас-Пальмас. Это была обширная, богатая, образцово устроенная усадьба, обведенная довольно высокой и массивной белой каменной оградой.

Господский дом своим фасадом с множеством окон, защищенных красивыми зелеными ставнями, смотрел на равнину, раскидывавшуюся во все стороны. С равнины на гору вела широкая и отлогая благоустроенная дорога, также с белой каменной оградой с обеих сторон. Вверху эта дорога упиралась в монументальные ворота, а внизу — в другие, более легкие, но двойные, которые вели во внутренний двор гасиенды. Вообще вся усадьба представляла собою настоящую крепость, которая, в случае необходимости, могла выдержать какую угодно осаду. К гасиенде прилегали обширные плодородные земли и леса, примыкавшие к ней. Свое название она получила от целого леса окружавших ее роскошных пальм.

В одной из богато убранных комнат второго этажа гасиенды одевались к ужину обе хозяйские дочери: восемнадцатилетняя Гертруда и шестнадцатилетняя Марианита. Обе девушки были одарены той исключительной красотой, которою отличаются креолки, и их недаром называли лас-пальмасскими сильфидами.

Приколов к лифу палевого платья ярко-красный бант и этим довершив свой туалет, Марианита подошла к открытому окну и стала смотреть на равнину. Между тем как ее старшая сестра, вся покрытая, точно мантией, своими только что распущенными длинными, густыми черными волосами, полулежала в легком плетеном кресле, ожидая, когда волосы «отдохнут» и их можно будет укладывать под гребенки.

— Все еще никого не видно: ни дона Фернандо, ни дона Рафаэля, между тем скоро уж будет совсем темно! — досадливым тоном проговорила Марианита. — Кажется, я напрасно так нарядилась.

— Не горюй, твой Фернандо наверняка не замедлит приехать, — утешала старшая сестра младшую.

— Ты говоришь это так спокойно потому, что не ожидаешь жениха; как ожидаю я! — с живостью возразила Марианита. — Ты, должно быть, и понятия не имеешь о том, что значит любить? Я от нетерпения скорее увидеть своего жениха готова прийти в полное отчаяние, а ты ведешь себя, точно деревянная кукла, и даже не спешишь одеваться. Хороша невеста!.. Ах, вот, наконец, и всад-

ник! — быстро перешла она на другой тон и указала рукой в окно.

— А на какой он лошади? — спросила Гертруда, в больших темных глазах которой мелькнул огонек.

— Увы! Этот всадник не на лошади, а на муле! — разочарованно воскликнула Марианита. — Да, это не красивый рыцарь, который разогнал бы нашу скуку, а какой-то священник... Впрочем, был же у нас недавно молодой падре. Он не хуже кого другого играл на мандолине и красиво пел разные песенки. Может быть, и этот... Едет прямо к нам... несется вскачь... Вот увидал меня, кланяется... Придется, пожалуй, сойти вниз и поцеловать его руку, — с легкой гримаской добавила девушка.

— А не едет ли вслед за ним и еще кто, вроде твоего Фернандо? — процедила сквозь зубы Гертруда тоном, в котором слышались скука и разочарование.

— Еще?.. Да, и в самом деле, кто-то едет и тоже очень спешит, — ответила Марианита, снова выглянув в окно, от которого уже отвернулась. — Ну, это какой-то погонщик с целым десятком нагруженных мулов. Он погоняет их изо всех сил и также направляется сюда. Что бы это значило? Уж не случилось ли чего особенного? Эти люди точно спасаются от какой-то опасности... Да, наверное, что-то случилось, — со все возрастающей тревогой продолжала девушка. — Слышишь, Гертруда, какой шум поднялся на дворе? Как только священник въехал во двор, вся наша челядь взбудоражилась и загалдела. Должно быть, священник привез какую-нибудь дурную весть... Господи! Уж не готовятся ли напасть на нашу гасиенду эти разбойники-повстанцы? Говорят, они...

— Как тебе не стыдно, Марианита, называть разбойниками людей, которые поднялись на защиту своей свободы и во главе которых идут лучшие люди?! — с негодованием прервала сестру Гертруда.

— Да как же они не разбойники? — возразила Марианита. — Ведь они ненавидят испанцев, а в наших с тобой жилах течет испанская кровь, притом и наши женихи — испанцы. Я так люблю своего...

— Мне кажется, ты только воображаешь, что любишь его, — снова перебила Гертруда. — Истинная любовь выражается совсем не так, как у тебя.

— Ну, уж позволь мне самой знать, люблю я его или нет! — горячо возразила Марианита. — Во всяком случае,

я готовлюсь сделаться его женою и не хочу быть с ним разных убеждений. Да и наш отец...

Вдруг раздавшиеся на дворе звуки набатного колокола положили конец опасной беседе сестер,— опасной потому, что она коснулась темы, которая тогда в Мексике часто превращала самых близких людей во врагов и поселяла раздор в семьях, разделяя их на два противоположных лагеря.

Услыхав звуки колокола, Марианита бросилась было к дверям, чтобы спуститься вниз и узнать, что случилось, но была остановлена внезапным появлением горничной, которая, вся запыхавшись, испуганно вскричала, едва успев переступить порог комнаты:

— Спаси нас, Пресвятая Дева Мария!.. На нас навигается наводнение!.. Вода уже подступает... она совсем близко!..

— Наводнение?! — в один голос испуганно воскликнули сестры.

Марианита в ужасе крестилась, а Гертруда, вдруг изменив своей напускной сдержанности, вскочила с кресла и, подбирая на ходу обеими руками свои роскошные волосы, подбежала к окну. Выглянув в него, она невольно воскликнула:

— Спаси, Господи, Рафаэля!

— Спаси, Господи, Фернандо! — вторила ей с дрожью в голосе младшая сестра.

— Спаси, Господи, всех, кого застигнет в пути наводнение! — воскликнула в свою очередь горничная, и в утешение своей младшей госпоже поспешила сказать: — Насчет донна Фернандо не беспокойтесь, сеньорита: он прислал одного из своих вакеро к дону Мариано с известием, что прибудет сюда завтра в лодке... Ну, теперь мне нужно бежать опять вниз: я там нужна,— прибавила она и поспешно вышла из комнаты.

— Приедет в лодке! — радостно повторила вся сиявшая Марианита. — Слышишь, Гертрудочка: Фернандо приедет в лодке! Ах, как это будет весело! Мы отправимся ему навстречу в нашей парадной барке, убранной пестрыми флагами и цветами. Я непременно упрошу папу...

Но, взглянув нечаянно на сестру, она невольно прикусила язык и устыдилась своей эгоистичной радости. Гертруда, полуприкрытая волнами своих роскошных во-

лос, лежала распростертая на полу перед изображением Мадонны.

— Прости меня, моя дорогая Гертрудочка! — сквозь вдруг нахлынувшие слезы виновато проговорила Марианита, опускаясь на колени рядом с сестрой и целуя ее в низко склоненную голову. — Прости мне, что я в своей себялюбивой радости не заметила, что творится с тобой... Так ты, значит, любишь дона Рафаэля?

— Не знаю... Могу сказать только то, что если бы он умер — умерла бы и я, — произнесла еле слышным голосом Гертруда, подняв голову и повернув к сестре свое прекрасное, но теперь смертельно бледное лицо.

Марианита бросила взгляд на лицо сестры и продолжала самым нежным тоном:

— Вижу, вижу, что любишь. Не бойся, дорогая Гертрудочка, Пресвятая Дева Мария помилует и спасет его. Я вместе с тобой помолюсь за него, — в порыве жалости и непоколебимой детской веры прибавила девушка и также молитвенно распростерлась у подножия Мадонны.

— Взгляни, пожалуйста, Марианиточка, опять в окно: не едет ли еще кто... Может быть, и Рафаэль... Я чувствую, что он... Но сама не могу, — попросила через некоторое время прерывистым голосом Гертруда, не меняя своего коленопреклоненного положения перед священным изображением.

Марианита тотчас послушно поднялась, утерла платком заплаканные глаза и снова подошла к окну. Золотистая дымка, покрывавшая до сих пор равнину, сменилась пурпурно-фиолетовою. Но не было видно больше ни одного живого существа.

— Никого больше нет, — заявила Марианита. — Вернее всего, дон Рафаэль был заранее предупрежден о грозящей опасности и явится потом в лодке, — добавила она, чтобы успокоить сестру.

— Нет, нет, этого быть не может! — возразила Гертруда с несвойственной ей страстностью. — Я чувствую... я уверена, что он должен быть непременно сегодня вечером... даже ночью. Он пренебрежет всеми опасностями, лишь бы... Наверное, он уже близко... Смотри хорошенько, милая Марианиточка, во все стороны... Мои глаза застилаются слезами, и я сама ничего не могу разглядеть. Смотри как можно внимательнее. Он должен быть на своем любимом коне... Ах, как я люблю этого благородного боевого коня, который столько раз выносил своего

господина целым и невредимым из самых жарких схваток с врагами! Сколько раз я снимала со своей головы цветы, чтобы украсить ими прекрасную гриву этого чудного коня... О, Пресвятая Дева Мария! О, сладчайший Иисусе! Спасите моего дорогого Рафаэля...

Пока происходила эта беседа между сестрами, наводнение продолжало свое пагубное дело. К частым и резким ударам набатного колокола стал примешиваться громopodobный гул быстро надвигающейся воды, которая уже начала заливать равнину. В воде эффектно отражались двойные отблески: золотистого серпа луны, только что появившейся на безоблачном небе, и красноватых сигнальных огней, зажженных по распоряжению дона Мариано на плоской кровле гасиенды и на ее вышке, чтобы указать путь тем, которые, быть может, еще бродили по равнине и искали спасения от воды. Таким образом, слух и зрение злополучных путников были предупреждены о грозной опасности, и путники, находившиеся еще в отдалении, могли вовремя вернуться назад; тех же, которые уже находились вблизи гасиенды, звуки колокола и блеск огней должны были ободрить.

Марианита, продолжавшая наблюдать в окно, сообщала сестре все, что замечала снаружи. Когда наводнение уже захватило все пространство, которое молодая наблюдательница могла охватить глазом, и волны со страшным шумом стали яростно разбиваться о подошву горы, увенчанной гасиендой, перед ними показались два всадника, несшиеся во весь карьер.

Наблюдательница тотчас же заметила их и испуганно вскричала:

— Гертруда, Гертруда, сюда, прямо наперерез воде, вихрем несутся два всадника!.. О, Господи, вдруг они опоздают?.. Наши с вышки машут им руками... А вот несколько наших вакеро также понеслись верхом вниз по шоссе, навстречу им... У каждого из них в руках лассо, чтобы, вероятно, бросить его, если кто из всадников будет тонуть... Да лучше подойди сама к окну, Гертруда! Я не знаю, кто эти всадники. Может быть, один из них дон Рафаэль... Крикни ему погромче... твой голос сразу ободрит бы его, и он...

— Ах, нет, мне не вынести такого ужасного зрелища! — со стоном отозвалась старшая сестра. — Я могу только молиться о спасении... Смотри лучше ты одна, Марианита, и говори мне, что увидишь.

— Оба всадника на гнедых лошадях,— продолжала передавать свои наблюдения младшая сестра, сама трясясь, как в злейшей лихорадке.— Один из них невысокого роста и одет, как погонщик мулов...

— А другой? — нетерпеливо прервала сестру Гертруда.

— Другой — гораздо выше и сидит на лошади совсем прямо, точно едет на прогулку...

— А какой он видом?.. Лицо его? — снова перебила Гертруда умоляющим голосом.

— Лицо?..— запнулась было Марианита, но тотчас же продолжала: — Впрочем, теперь я вижу и его лицо. Он очень красивый, с черными усами и благородными чертами лица. На его черной шляпе блестит золотой шнур... Он совсем спокоен, точно не видит никакой опасности. По-видимому, это очень храбрый...

— Это он, он! — голосом, полным радости и отчаяния, воскликнула Гертруда.

И быстро вскочив на ноги, она бросилась было к окну, но в двух шагах от него лишилась сил и беспомощно упала на пол.

Марианита кинулась к ней на помощь, но Гертруда отстранила от себя сестру и сказала ей слабым голосом:

— Продолжай, пожалуйста, свои наблюдения, Марианита, и говори мне... О, Господи, спаси его!

— Спаси их, Пресвятая Дева Мария! — прошептала и Марианита; подойдя затем к окну, снова принялась смотреть в него.— Сейчас они барахтаются в воде...— продолжала она задыхающимся от волнения голосом.— Но пока вода еще не так глубока, едва достигает до колен лошадям... Они бегут по ней... еще несколько скачков, и они будут у наших нижних ворот... Ах, нет, нет, не успевают: вода становится все глубже и глубже!.. Вот они уж поплыли... кони и всадники держатся по-прежнему спокойно... Тот, который поменьше ростом, даже что-то запел, но что именно, никак не разберу... (Девушка высунула из окна голову и прислушалась.) Ах, теперь слышу, слышу! — воскликнула она.— Он поет: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!..» Иисус-Мария! — вдруг пронзительно вскрикнула она.— Я их больше не вижу... вода совсем покрыла их!

На несколько мгновений в комнате наступило мертвое молчание, нарушаемое лишь доносившимися снару-

жи грохотом вод и криками людей, желавших оказать помощь борющимся с грозной стихией.

Старшая сестра, почти вся покрытая мантией роскошных волос, лежала ничком на полу, без движения и голоса, а младшая стояла около нее на коленях и, содрогаясь всем телом, тихо шептала молитвы.

Но вот младшая поднялась, подошла к окну и снова выглянула в него.

— А, теперь я опять вижу их! — радостно воскликнула она. — Но в седле остался только один... тот, высокий, с черными усами, а другой, поменьше, несется по воде без лошади... Вот высокий поймал его, поднял и положил поперек своей лошади... Какая, однако, у него сила: поднял взрослого человека, как ребенка!.. Да и конь его, должно быть, такой же сильный: борется с волнами и несет на себе сразу двоих... Вот он приближается с ними к ограде, и... О, Пресвятая Дева Мария, неужели Ты дашь погибнуть этому храброму кабальеро, который так мужественно борется не только за собственную жизнь, но и за чужую?

— Это он, он, Рафаэль! — с гордостью воскликнула Гертруда, начиная, наконец, приходить в себя и приподнимаясь. — Кто же еще в состоянии совершать такие подвиги?

Но появившаяся было у нее надежда снова исчезла, когда Марианита, задыхаясь от волнения, вдруг крикнула:

— Господи, какой ужас! На них несется огромное дерево... оно налетит на них, и тогда они...

— Святой архангел, имя которого носит он, защити его! — воскликнула Гертруда, опускаясь на колени и простирая кверху дрожащие руки. — Матерь Божия, утиши ярость вод и спаси моего Рафаэля от гибели!.. Я пожертвую Тебе за его спасение свои волосы!

Креолки больше всего гордятся своими роскошными волосами и дорожат ими, как сокровищем. Поэтому Гертруда не могла принести за спасение своего возлюбленного большей жертвы. И эта жертва точно была принята, и мольба жертвовательницы услышана, потому что наблюдательница продолжала уже другим тоном:

— Но, слава Богу, теперь они, наверное, будут спасены! Наши молодцы-вакеры остановили своими лассо дерево и крепко держат его. Храбрый кабальеро мог бы перебраться на это дерево, и вакеро тотчас подхватили

бы его, но он, по-видимому, этого не хочет, потому что, должно быть, не желает покидать в такой опасности ни своего коня, ни спутника. Умный конь, вероятно, хорошо понимает своего хозяина. Он напрягает все свои силы и старается плыть вокруг дерева. Вот он уж и под стеною. Вакеро подхватывают его и всадников... Конь не отбивается, значит, понимает, в чем дело... Ну, вот, и слава Богу, Пресвятой Деве и всем святым!.. Милая Гертрудочка, успокойся: все спасены! Недаром ты обещала отдать свои чудесные волосы... Неужели тебе не будет жаль их? Ведь они стоят...

— Чего бы они ни стоили, я с радостью отдам их за спасение Рафаэля! — воскликнула в экстазе Гертруда. — Он сам своими руками и снимет их с моей головы! — восторженно прибавила она сквозь радостные уже теперь слезы.

8. МЕЖДУ ДВУМЯ ОПАСНОСТЯМИ

Спасаясь от охотника, ягуары, как мы видели, покинули Столовую гору. Прыгнув в воду, они направились к ближайшим деревьям с целью забраться на какое-нибудь из них. Вскоре звери очутились как раз на одном из тех двух тамариндов, между которыми, в гамаке, крепко спал студент богословия, дон Корнелио Лантехас.

Среди ночи сладкий сон его внезапно был прерван. Молодой человек вдруг проснулся под влиянием какого-то внутреннего побуждения. Очнувшись, он увидел себя повисшим над огромным озером, мутные волны которого яростно шумели всего в нескольких дюймах под ним. При этом неожиданном зрелище студент невольно испустил громкий крик ужаса. Точно в ответ, над его головой тотчас же раздалось какое-то злобное фырканье и шипенье. Взглянув наверх, молодой человек не мог сразу понять, в чем дело; страшно испуганный, он неподвижным взором продолжал смотреть на бурлившие вокруг него воды.

Когда к нему вернулась, наконец, способность рассуждать, он догадался, что попал в полосу наводнения, понял теперь и причину отсутствия населения и значение подвешенных к деревьям лодок.

Положение было очень незавидное. Плавать дон Корнелио не умел, да если бы и умел, то едва ли решился

бы на попытку переплыть озеро, которое, как ему казалось, простиралось от одного горизонта до другого.

В довершение всего молодой человек вскоре почувствовал, что не только под ним и вокруг него, но и над ним нависла грозная опасность. Подняв инстинктивно голову, он увидел несколько огненных точек, похожих на горящие уголья. Вглядевшись в огненные точки, студент понял, что это должны быть глаза каких-нибудь хищных зверей, вернее всего — ягуаров: вряд ли другое животное могло взобраться на дерево по совершенно гладкому стволу.

Положение злосчастного студента оказывалось не только отчаянным, но прямо безвыходным: внизу — вода, по всей вероятности еще не достигшая наивысшего уровня и ежеминутно готовая добраться до гамака; вверх — кровожадные звери, которые, быть может, из боязни не решатся напасть на него сами, зато и его не допустят подняться к ним.

В таком положении молодой человек был осужден провести остаток ночи, и немудрено, что этот остаток показался ему целой вечностью. Разумеется, он ни на одну минуту не мог сомкнуть глаз.

Наконец наступило утро, которого с таким нетерпением и с такой тоскою ожидал несчастный богослов. Но и утро не принесло ему никакого утешения. Напротив, оно открыло еще одну опасность, которой в ночной темноте он не мог видеть. Оказалось, что на вершине дерева сидели не только ягуары, но и другие не менее страшные живые существа — огромные змеи, обвивавшие своими длинными хвостами ствол дерева и свешивавшие вниз отвратительные головы с разинутыми пастьми, в каждой из которых среди острых зубов шевелилось смертоносное жало.

Совершенно подавленный этой новой опасностью, дон Корнелио опять обвел полными отчаяния глазами безграничную водную поверхность в слабой надежде найти выход из ужасного положения, в котором он очутился. Но вокруг ничего не было видно, кроме крутившихся мутных вод, по которым там и сям неслись вырванные с корнями деревья с цеплявшимися за них полумертвыми от страха волками, лисицами и другими крупными и мелкими дикими животными. Высоко в воздухе парили орлы-стервятники, коршуны и другие пернатые хищни-

ки, испускавшие при виде близкой добычи пронзительные алчные крики.

Отвернувшись от этой безотрадной картины, дон Корнелио взглянул на ягуаров, притаившихся в листве тамариндов. Ясно было, что эти звери борются между страстным желанием наброситься на лежавшего под ними человека, чтобы полакомиться им, и трепетом за собственную жизнь. Временами голодные звери даже зажимуривали глаза, чтобы не видеть находившегося у них под носом лакомства, которое может оказаться для них роковым. Змеи же, отвратительные головы которых продолжали раскачиваться над молодым человеком, беспокойно то сжимали вокруг дерева свои кольца, то снова разжимали их; должно быть, и эти пресмыкающиеся чувствовали себя не совсем хорошо среди зверей и человека и тоже не знали, что им предпринять.

Машинально стянув над собою складки широкого гамака и крепко поддерживая их обеими руками, богослов старался лежать совсем неподвижно. Он боялся пошевелиться или крикнуть, чтобы его движение или звук голоса не побудили зверей и гадов наброситься на него.

Так прошло более часа, как вдруг над поверхностью немного успокоившихся вод разнеслись звуки, походившие на рожковые, но более грубые, глухие и хрипловатые. Эти звуки испускал Косталь из своей раковины. Индеец вместе с негром плыл в лодке по желтым волнам разлива и хотел дать знать о себе студенту, которого разыскивал.

Дон Корнелио, обративший внимание на эти звуки, поспешил взглянуть в ту сторону, откуда они исходили. Он вскоре увидел подплывающую лодку с двумя людьми — гребцом и кормчим. Гребец по временам опускал весла и подносил ко рту раковину, после чего и раздавались звуки, поразившие молодого человека своей странностью.

При виде пловцов дон Корнелио не мог больше терпеть и крикнул им, призывая их на помощь.

— А, подает голос! Значит, еще жив! — заметил Косталь, тонкий слух которого сразу уловил этот крик, хотя до дерева, на котором сидел тот, кто кричал, было еще довольно далеко. — Надо поспешить! — добавил индеец, сильнее налегая на весла. — Но где он тут?.. А, вижу, вижу: он в том вон гамаке, который висит над водою, а над ним звери и гады. Вот так положение!

Индеец невольно расхохотался, и этот хохот, также донесшийся до доня Корнелио, несмотря на всю его неуместность, показался студенту приятнее всякой музыки. Негр тоже хотел было рассмеяться, но тут же осекся, услышав страшный рев ягуаров, возбужденных криком молодого человека и приближением лодки, в которой они увидели своих вчерашних преследователей.

— Косталь, смотри, смотри, никак и тут опять эти проклятые ягуары?! — испуганно вскричал негр с искаженным от страха лицом.

— Разве? — удивился индеец. — Значит, они вместе со студентом? Вот так штука!.. Эй, сеньор! — крикнул он, приближаясь к тамагиндам: — С кем вы там в компании?

— Со мною четыре ягуара и несколько змей! — во всю мочь своих легких крикнул в ответ дон Корнелио.

— Назад! Назад, Косталь! — взвизгнул негр. — Слышишь, там ягуары и змей?!

— Тем скорее мы должны выручить человека, — спокойно проговорил индеец и еще сильнее заработал веслами, несмотря на отчаянные протесты негра.

Несколько минут спустя лодка очутилась возле гамака, в котором лежал дон Корнелио, повиснув между водою, ягуарами и змеями.

— Потерпите еще немного, сеньор. Сейчас мы избавим вас от ваших приятных соседей! — крикнул богослову индеец.

— Отойти бы нам, Косталь, немножко в сторону, да там и обсудить, что делать, — лукаво посоветовал негр, в тайной надежде, что, быть может, им удастся совсем ускользнуть от опасности.

— Тут нечего и обсуждать, — возразил индеец, стараясь удержать лодку возле гамака.

— Вот и я говорю то же самое! — обрадованно подхватил негр. — Надо скорей отойти отсюда, да и...

— Ну, я сказал не в том смысле, — разочаровал его охотник, и, схватив свой карабин, прибавил: — Старайся удерживать лодку на месте, Клэр.

— А ты что хочешь делать, Косталь? — тревожно спросил негр, взявшись за весло.

— Хочу попробовать уговорить одного из этих красавцев... вон того, который больше всех будоражится... Не бойтесь, сеньор! — обратился он к студенту. — Я охот-

ник на тигров и стреляю без промаха! Лежите смирно и не высовывайтесь из гамака!

Между тем, ягуар-самец, вероятно, почуяв для себя опасность, принялся испускать такой страшный рев и с такой яростью сдирал своими железными когтями кору с дерева, что негр совсем помертвел от страха. Но вот раздался выстрел охотника; зверь с предсмертным воем свалился с дерева в воду и скрылся под ней.

— Отводи скорее отсюда лодку, Клэр! — командовал охотник. — Скорей! Скорей! Иначе самка прыгнет в нее!

С этими словами он приготовил свой длинный охотничий нож, готовясь встретить врага. Между тем негр, в страхе и впопыхах, никак не мог справиться с веслами, и лодка вертелась на одном месте.

Огорченная и взбешенная гибелью супруга, ягуариха с диким воем бросилась было на ближайшую к ней жертву — неподвижно лежавшего в гамаке студента, — но движение сильно заколебавшегося под ее тяжестью гамака принудило ее сделать второй прыжок прямо в лодку. Лодка от этого грузного толчка сразу перевернулась вверх дном, все ее седуки попадали в воду и скрылись в ней.

Но через мгновение они появились на поверхности. Негр вопил душераздирающим голосом и, лишившись последних остатков сообразительности, стремился в обратную сторону от индейца, которого сам же звал на помощь. Тем временем индеец — сильный, ловкий, превосходный пловец и никогда ни перед какой опасностью не терявшийся, — заметил, что его трусливого товарища начинает настигать ягуариха. Сжав рукоятку ножа в зубах, охотник несколькими могучими взмахами рук мгновенно очутился между негром и хищницей, лицом к последней. Взгляды противников встретились. Глаза человека смотрели холодно и спокойно, а глаза зверя — яростно и дико.

Вдруг охотник нырнул в воду. Пораженная его внезапным исчезновением, ягуариха с минуту неподвижно оставалась на месте, потом, вероятно, воображая, что ее противник утонул, бросилась назад, к дереву, на котором продолжали сидеть ее детеныши. Но в некотором расстоянии от дерева она вдруг пронзительно взвизгнула и, барахтаясь, стала тонуть, точно ее втягивала водяная воронка. Немного спустя ягуариха снова показалась

на поверхности, но уже брюхом вверх, мертвою, и тихо поплыла вниз по течению, вслед за своим супругом, труп которого, вскоре после погружения в воду, также всплыл на поверхность. Из ее распоротого бока потоками лилась алая кровь, окрашивая вокруг нее желтые волны.

В свою очередь вновь появился на поверхности и охотник. Он был цел и невредим и даже ухитрился опять вложить свой нож в висевшие у него на поясе кожаные ножны. Быстро догнав отнесенную в сторону лодку, он снова перевернул ее дном вниз и, придерживаясь за ее край, направил ее в ту сторону, где плавали вывалившиеся из нее весла. Он выловил их, взобрался потом в лодку и направился к барахтавшемуся в воде негру, которому также помог влезть в лодку. После этого он снова направил лодку к гамаку на помощь студенту, который, забыв о своем опасном положении, с изумлением и восхищением смотрел на подвиги индейца.

Когда студент при помощи того же индейца был благополучно перемещен из гамака в лодку и она стала отходить от этого места, негр вдруг обратился к индейцу с вопросом:

— Косталь, что ж, мы так и бросим шкуры ягуаров? Ведь за них дадут по крайней мере двадцать долларов!

— Ну, лови их и получай за них хоть вдвое больше! — ответил охотник.

— Да я не умею с ними обращаться, — жалобно произнес негр. — Да и как их выловишь? Может быть, звери еще живы. Ведь тогда они меня...

— А не умеешь и боишься, так сиди и молчи, — перебил охотник, и, обратившись к дону Корнелио, спросил: — Куда прикажете доставить вас, сеньор?

Молодой человек, выразив индейцу свое восхищение его подвигами и благодарность за свое спасение, назвал себя и своего дядю, в гасиенду которого ему и хотелось бы попасть.

— Ну, это довольно далеко отсюда, и нам пришлось бы слишком долго плыть туда, — сказал охотник. — Позвольте лучше отвезти вас, сеньор, в гасиенду Лас-Пальмас. Она гораздо ближе, и ее хозяин, дон Мариано де-Сильва, никому не отказывает в приюте. Вы у него отдохнете, а потом и отправитесь к вашему дяде.

Дон Корнелио оценил всю разумность предложения индейца и поспешил согласиться с ним. Косталь заста-

вил негра взяться за весла, а сам стал управлять рулем, ловко лавируя между деревьями и другими предметами, плывшими по воде. Молодой человек сидел против него, и они вступили в беседу.

— Скажите, пожалуйста, кто вы такой? — начал дон Корнелио.

— Что я индеец — это вы и сами можете видеть, — ответил охотник, — и мне остается только добавить, что я происхожу по прямой линии от кациков когда-то могущественного племени цапотек. Раньше служил охотником на тигров у вашего дяди, дона Матиаса де-Цанки, а в настоящее время нахожусь на службе у дона Мариано де-Сильвы, в гасиенду которого вас везу. Там, повторяю, вы найдете приют, успокоитесь от пережитых вами волнений, и... Кстати: ведь вы, вероятно, ехали сюда на лошади, где же она?

— Наверное, погибла в воде, — сказал молодой человек. — Но я не особенно тужу о потере: она была уж слишком стара и не могла скоро бежать. Вот почему я и не успел вовремя добраться до гасиенды дяди.

— А, вот оно что! — произнес сочувственным тоном охотник. — Да, ваше положение было не из завидных. Но вы не беспокойтесь: у дона Мариано много лошадей, и он вам даст любую из них. На ней вы потом и доберетесь до гасиенды дона Матиаса. Она находится в горах, довольно далеко, так что совершить туда путь пешком будет очень утомительно... Ах, да! — вдруг прервал он сам себя. — Мне еще нужно отыскать свой карабин. Он должен быть вот в том месте... Клэр, держи правее. Еще... еще! Ну, теперь довольно.

Индеец встал на нос лодки, поднял вверх руки и, соединив их над головой, бросился в воду. Несколько времени его совсем не было видно, и только водяные пузыри, там и тут появлявшиеся на воде, показывали, где он ищет свой карабин.

Наконец в некотором расстоянии от лодки сначала показалась над водою голова индейца, потом и он сам. В одной руке он держал высоко над головою свой карабин, а другою греб по направлению к лодке. Взбравшись снова в лодку, он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы набрать в легкие воздух, потом, бережно уложив на дно лодки драгоценное для него оружие, приказал негру побыстрее направить лодку к гасиенде Лас-Пальмас.

9. ДВА ГОРЯЧИХ СЕРДЦА

Мы уже знаем, что отец Рафаэля, дон Луис Трэс-Виллас, был испанцем, но одним из тех умных испанцев, которые раньше других поняли необходимость политических уступок креолам, вроде хотя бы таких, какие им сделал дон Хозе Итурригарай. Такие уступки были даже в интересах самих испанцев.

Дон Луис, состоявший офицером вице-королевской гвардии, был одним из самых убежденных сторонников Итурригарая, и когда последний был арестован и отправлен в узах в Испанию, дон Луис понял, что такое насилие должно послужить к полному разрыву между испанцами и креолами.

Получив известие о восстании Гидальго, дон Луис послал нарочного к своему сыну с просьбой немедленно приехать домой. Следуя этому приглашению, молодой капитан королевских драгун тотчас же исходатайствовал у начальства отпуск и отправился к отцу.

Нужно сказать, что за год перед тем дон Рафаэль на одном из блестящих столичных балов встретился с Гертрудой де-Сильва, которую ее родители в первый раз вывели в свет. Увидеть прелестную креолку и влюбиться в нее — было для молодого человека делом одного мгновения. Раньше, хотя он и бывал в доме де-Сильва, ему не приходилось видеть этой девушки, потому что она воспитывалась в монастыре. Увидев же ее на балу, дон Рафаэль попросил ее родителей представить его ей и получил от них приглашение бывать у них запросто.

Вскоре все заметили, что молодая парочка без ума друг от друга. Никто против этого ничего не имел; наоборот, все находили это в порядке вещей. Происхождение, состояние, лета, наружность, даже основные черты характера этой парочки вполне подходили, чтобы составить образцовую во всех отношениях партию. Ожидалась скорая свадьба; но молодой офицер вдруг получил дальнюю командировку, семья де-Сильвы вернулась в свою гасиенду, и все оборвалось.

В разлуке с молодой девушкой дон Рафаэль стал терзаться сильными сомнениями в ее взаимности. В сущности, им не пришлось даже объясниться друг с другом. Дон Рафаэль, по юношеской робости, все откладывал это объяснение со дня на день; когда же, наконец, он

твердо решился сделать признание, свалилась командировка, и в последнее, прощальное свидание, происходившее на глазах у всех, он не решился высказать девушке то, что у него было на сердце.

Сомнения молодого человека все росли и росли, и в конце концов он внушил себе, что совершенно недостойн такой прелестной во всех отношениях девушки, как Гертруда де-Сильва, что он только вообразил, будто и она отвечает ему взаимностью, и что поэтому лучше всего постараться забыть ее.

В это время священник-воин Гидальго поднял знамя восстания против владычества испанцев. Дон Рафаэль, с детства проникшийся либеральными идеями своего отца, а также и потому, что дон Мариано с дочерью тоже страстно мечтали об освобождении своей страны, решил стать под знамя Гидальго. Кстати, молодой человек надеялся, что это великое дело отвлечет его от любовной тоски, или славная смерть на поле брани навсегда избавит его от сердечных страданий.

Но в это время он получил приглашение отца немедленно приехать к нему. Дон Рафаэль понял, что отец призывает его с целью уговорить примкнуть к делу Гидальго. Это, а главное — вновь вспыхнувшая надежда опять увидеть Гертруду и узнать свою судьбу, заставило молодого человека лететь сломя голову из столицы Мексики, где он в то время находился, в такую отдаленную Оахаку.

Нарочный отца должен был вернуться к своему хозяину на несколько дней раньше, чем мог прибыть сам дон Рафаэль; последнему нужно было еще хлопотать об отпуске и перед отъездом побывать кое у кого в столице. Нарочный привез дону Луису письмо от его сына, в котором тот, извещая о своем скором приезде, просил отца послать сказать дону Мариано де-Сильва, что он, Рафаэль, надеется по пути к родному дому побывать в гасиенде Лас-Пальмас.

Эта весточка наполнила невыразимую радостью сердце Гертруды и подняла упавший было дух девушки. В продолжительной разлуке с тем, на кого девушка уже смотрела как на своего будущего мужа, она вся истерзалась, думая, что ошиблась в нем, тем более, что от него столько времени не было никаких вестей. Только взглянув друг другу в глаза, снова увидевшиеся молодые люди поняли, что они ошибались не тогда, когда

верили в свою взаимную любовь, а в то время, когда стали сомневаться в ней.

Прибытие молодого человека, на которого в доме дона Мариано смотрели как на будущего члена семьи, и чудесное его спасение были отпразднованы в тот же вечер веселым ужином, обильно орошенным старыми испанскими винами. А на другой день, в честь того же радостного события, перед обедом было устроено веселое катанье по новообразовавшемуся мутно-желтому озеру. Роскошно убранною, раззолоченной баркой, под красным шелковым тентом, управляли сами сестры де-Сильва. Нежные и нарядные девушки, украшенные живыми цветами, и сами — точно цветы, оказались отличными гребцами. На корме, у руля, для управления баркой, сидел один из служащих гасиенды, а седоками были сам дон Мариано и его молодой гость.

Эту барку сопровождала другая, попроще, в которой, кроме обыкновенных гребцов, находился средних лет человек в дорожной одежде полудуховного покроя и оседланый мул. Это был тот самый священник, которого Марианита накануне видела спасающимся от наводнения и который переночевал в гасиенде.

Обе барки шли по направлению к Сьерре. Достигнув ее, вторая барка пристала в удобном месте к горам. Из нее вышел священник, которому тотчас же вывели мула. Взобравшись на спину мула, священник снял шляпу, поклонился сидевшим в первой барке, и стал подниматься на гору. Это был знаменитый Морелос.

Повернув в сторону от гор, первая барка встретилась с лодкой, в которой индеец и негр везли в гасиенду нового гостя, также только чудом спасенного от гибели, дон Корнелио Лантехаса.

И этот истстрадавший путник был радушно принят под гостеприимный кров гасиенды Лас-Пальмас.

В тот же день дон Мариано, которому младшая дочь сообщила что-то по секрету, дал возможность старшей дочери и дону Рафаэлю несколько времени побыть наедине, где и произошла следующая трогательная сцена.

Склонявшееся к вечеру солнце золотило вершины гранатовых деревьев, ярко-красными цветами которых Гертруда и Марианита любили украшать свои черные волосы и на ветвях которых раскачивались пестрые попугаи; в открытые окна неся из сада смешанный аромат всевозможных цветов.

Гертруда, трепетавшая от счастья видеть своего возлюбленного наедине и в ожидании того, что он скажет ей, делала вид, что углублена в вышивание белого шелкового шарфа. Но сильная дрожь в руках выдавала волнение девушки, и она, отложив работу в сторону, стала молча смотреть в окно. Это была последняя вспышка девичьей гордости, последнее усилие отстоять свою позицию перед тем, как сдать ее. Молчал и дон Рафаэль, не зная, как извлечь на свет то, что он чувствовал в душе и сердце.

— Гертруда,— набравшись, наконец, смелости и стараясь сдержать бурное биение своего сердца, начал он,— я только что говорил с вашим отцом... Я сказа́л ему, что не мог дожидаться того момента, когда опять увижу вас, что я пренебрег многими опасностями, и что...

Он замолчал, чтобы перевести дух и собраться с мыслями.

— И что же ответил вам мой отец? — спросила трепетавшая девушка, пряча покрасневшее лицо за распущенным веером, которым она обмахивалась, точно от жары, между тем как в комнате было довольно прохладно.

— Он ответил,— продолжал молодой человек, когда снова обрел дар слова,— что лично сочувствует мне, но предоставляет решение вопроса вам. И вот я со страхом и трепетом ожидаю вашего приговора,— заключил он, опускаясь на колени перед девушкой и склоняя свою красивую голову.

В ожидании этого приговора молодой человек весь трепетал. Этот трепет того, кто бесстрашно шел на всякую опасность, был так сладок для девушки, что она, замерев от блаженства, несколько мгновений безмолвствовала. Наконец из-за веера послышался ее тихий, нежный голос:

— Как-то раз — не очень давно — одна девушка молила Пресвятую Деву спасти знакомого ей человека от угрожавшей ему опасности, и за исполнение своей горячей мольбы дала обет, что если тот человек будет спасен, она пожертвует Пресвятой Деве самое драгоценное из того, что имеет,— свои волосы... Как вы думаете, дон Рафаэль, не доказывает ли этот обет ее любви к тому человеку? И потом: если тот человек отвечает ей взаимностью,— на что она втайне надеется,— то не повредит ли ей в его глазах исполнение ею этого обета? Ведь,

быть может, именно только из-за ее волос он и обратил на нее внимание, а без них она потеряет в его глазах всякую привлекательность, и он...

— О, нет, совсем напротив! — с жаром прервал молодой человек. — Во-первых, прекрасную женщину любят не за одни ее волосы, а во-вторых, после такой жертвы любимая женщина делается любящему ее человеку еще дороже.

— В таком случае, — продолжала девушка, — отрежьте собственными руками мои волосы.

С этими словами она сняла с головы гранатовые цветы и вынула из волос высокую черепаховую гребенку вместе с золотыми шпильками. Роскошные волосы тотчас же свободными волнами окутали всю фигуру молодой девушки. Взяв затем со стола небольшие золотые ножницы, девушка подала их молодому человеку.

— О, Гертруда, Гертруда! — воскликнул он, прижимаясь пылающими губами к ее руке. — Разве я в состоянии буду сделать это, да еще такими маленькими ножницами?

— Если вы любите меня, то должны помочь мне исполнить мой обет, — твердо проговорила девушка. — Ножницы я сейчас принесу другие. Эти, действительно, малы, и с ними вам пришлось бы слишком долго трудиться.

Она с живостью сорвалась с места, перекинула всю массу волос на одну руку и бросилась в соседнюю комнату. Через минуту она вернулась с большими стальными ножницами, и жертвоприношение началось.

10. СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

Пока только что описанное происходило в гостиной, Марианита сидела на вышке. Не желая мешать старшей сестре, судьба которой решалась в эту минуту, младшая в то же время пользовалась случаем потихоньку высмотреть сверху, не покажется ли лодка с доном Фернандо, которого с таким нетерпением ожидала девушка.

А в кабинете хозяина шла следующая беседа между доном Мариано и погонщиком мулов, Валерио Трухано, оказавшим в пути такую большую услугу дону Рафаэлю и в свою очередь спасенному последним от гибели в водах разлива.

Погонщику мулов, впоследствии так прославившемуся в войне за освобождение Мексики, было лет сорок, но, благодаря тонким чертам и приятному выражению лица, он казался моложе. Среднего роста, плотный, пропорционально сложенный, он выглядел здоровым и сильным человеком с уравновешенным характером.

Трухано уже давно был знаком с доном Мариано и всегда имел доступ в его дом. Все любили и уважали этого замечательного человека за его щепетильную честность, кротость, скромность, истинную религиозность и человеколюбие; пример последнего прекрасного свойства он показал по отношению к тому же дону Рафаэлю, с которым накануне встретился в первый раз, и не мог думать, что тот на другой же день оплатит ему за его услугу. Так относился он и ко всякому, с кем ему приходилось сталкиваться; хорошо обращался он и с животными. Ни у кого так спокойно и сытно не жилось мулам, как у Валерио Трухано.

Тот караван навьюченных мулов, который успел благополучно избежать гибели в воде и нашел приют в гасиенде дона Мариано, принадлежал именно Валерио Трухано. Последний сначала лично провожал своих мулов, но дорогой задержался в одном месте также из-за какого-то доброго дела и потому отстал от них.

— Так и вы решили посвятить себя делу освобождения родины? — спросил дон Мариано, предлагая гостю обычную в Мексике послеобеденную сигару.

Последний с видимым удовольствием принял сигару, сначала понюхал ее, потом ловко откусил своими крепкими зубами ее кончик и, тщательно раскурив с другого конца, сделал несколько сильных затяжек, — и только после всего этого ответил на заданный ему вопрос:

— Да, решился и я, несмотря на то, что это святое дело сильно запачкано теми, которые во имя его пролили столько крови совершенно невинных испанцев. Самый жестокий из этих негодяев — Антонио Вальдес...

— Антонио Вальдес?! — с удивлением воскликнул дон Мариано. — Да ведь это, если не ошибаюсь, один из вакеро дона Луиса Трэс-Вилласа, отца дона Рафаэля? Или я не прав?

— Он и есть, — подтвердил Валерио. — Дону Рафаэлю еще ничего не известно о злых подвигах этого человека, и я не хотел тревожить его, а потому ничего и не сообщил ему.

— А если дону Луису будет угрожать серьезная опасность от этого человека? — спросил дон Мариано.

— Не думаю, — поспешил ответить погонщик. — Не может же быть, чтобы слуга решился причинить какую-либо неприятность бывшему хозяину, от которого ничего, кроме хорошего, не видал. Я слышал, что, уйдя от дона Луиса, он набрал себе шайку самых отчаянных головорезов, человек в пятьдесят, и свирепствует где-то в стороне... Вот кого я желал бы видеть повешенным вместо захваченных испанцами и казненных Лопеса и Арменты, честно боровшихся с действительными угнетателями... Но Вальдес — человек очень ловкий, и, быть может, скорее моя собственная голова окажется в их руках, чем у меня — голова этого негодяя, — с полною покорностью Провидению грустно добавил он.

— Будем надеяться, что Бог не допустит этого, — возразил дон Мариано. — Очень жаль, что вы решили продать мулов и совсем прекратить свое дело. Вы говорите, что ваш старший помощник довольно надежный человек. Почему бы вам не поручить ему продолжать без вас ваше дело, а потом, по возвращении домой, вы опять сами занялись бы им?

— Я не могу сделать этого, — ответил погонщик. — Мне необходимо продать всех мулов для того, чтобы иметь возможность удовлетворить своих доверителей. Меня сильно подвели некоторые люди, злоупотребившие моим доверием, и я благодаря этому был вынужден войти в долги...

— А, вот что! — с живостью прервал дон Мариано. — Ну, это мы устроим. Скажите, сколько нужно, и я с удовольствием дам вам эту сумму. А потом, когда вы возвратитесь и устроите свои дела, мы сочтемся.

— Благодарю вас, дон Мариано, — с чувством произнес погонщик. — Но я не знаю, когда вернусь, да и останусь ли еще жив, поэтому не могу ради покрытия одних долгов брать на свою совесть другие.

— Да я и не стал бы считать это долгом, — возразил де-Сильва, — а просто как бы лептою в пользу нашего общего дела.

— Нет, дон Мариано, лично я и в таком виде не могу принять вашей помощи, — с твердостью сказал погонщик. — Еще раз очень признателен вам, но, повторяю... Однако, у вас на дворе что-то случилось! — вдруг пре-

рвал он сам себя и поспешил выглянуть в окно, возле которого сидел.

Действительно, на дворе гасиенды происходило нечто, всполошившее весь дом. Из гасиенды Дель-Валле через прилежавшие с севера горы прискакал один из старейших слуг дона Луиса Трэс-Вилласа, бывший когда-то дядькою дона Рафаэля. Он оказался смертельно раненным. Слуги де-Сильвы сняли его с измученной лошади еле живым и осторожно положили на лужайку посреди двора.

— Дона... Рафаэля... скорее... ко мне! — прохрипел умирающий.

— Дона Рафаэля!.. дон Рафаэля!.. Где дон Рафаэль? — раздались взволнованные голоса.

Этот зов и поднявшаяся одновременно суматоха вызвали из дома не только того, кого было нужно, но и всех его мужских обитателей, за исключением дона Корнелио Лантехаса, который после перенесенных потрясений впал в состояние, близкое к горячному, и лежал в постели.

— Боже мой, что это значит, Родригес? — с нескрываемой тревогой спросил дон Рафаэль, наклоняясь над умирающим. — Что с тобой? Почему ты здесь в таком виде?

— Меня послал дон Луис, — ответил слабым голосом старый слуга, — звать вас на помощь... Антонио Вальдес... с шайкой разбойников... напал на гасиенду... умираю... Прощайте... Молитесь за мою душу!

Поток хлынувшей изо рта крови унес с собой последнюю искру жизни преданного слуги.

— Боже, какая ужасная весть! — воскликнул дон Рафаэль, сам бледный, как смерть. — Я должен проститься с вами, дон Мариано, и поспешить на помощь к отцу.

— Да, действительно, ужасно, — согласился де-Сильва. — Жаль, что, как нарочно, сегодня ушел от меня индеец Косталь. Он был бы для вас очень полезен, как человек редкой храбрости и сметливости, хотя и порядочно гордый, потому что происходит, по его убеждению, от кациков племени цапотек, владевших когда-то чуть не всей Мексикой... Впрочем, у меня найдутся и еще дельные люди, которых я могу послать с вами.

Дон Мариано позвонил и приказал явившемуся на

звонок слуге позвать управляющего гасиендой. Когда тот явился, де-Сильва сказал ему:

— Прикажите нашим вакерам, Аройо и Бокардо, немедленно оседлать своих лошадей, чтобы проводить дона Рафаэля до гасиенды Дель-Валле и вообще оставаться в его распоряжении до тех пор, пока у него будет в них надобность.

— К сожалению, я не могу исполнить вашего приказа, сеньор: оба эти вакеро вот уже несколько дней как исчезли из гасиенды,— ответил управляющий.— Я все время собирался доложить вам об их исчезновении, но думал, что они скоро вернутся. Они и раньше пропадали на день, на два и потом возвращались. Я полагал, что они и в этот раз...

— А, и эти тоже... Ну, в таком случае пусть Санхес...

— Санхес лежит в постели, сеньор,— продолжал докладывать управляющий.— Его сбросила с себя дикая лошадь, которую он поймал и хотел объездить. При падении он повредил себе ногу, так что никак не может...

— Жаль, это тоже очень дельный человек! — с недовольным видом проговорил дон Мариано и, отпустив управляющего, обратился к гостю: — Вот видите, мой дорогой друг, недавно у меня было четверо людей, которых я мог бы предложить вам, а теперь не осталось ни одного. Есть, правда, еще разные слуги, но из них ни один не годится для вас. Мне очень совестно, что я не в состоянии...

— Не беспокойтесь, пожалуйста, дон Мариано,— с оттенком нетерпения прервал молодой человек.— До дому я доберусь и один, а у отца, наверное, найдутся люди, которым недостает только руководителя... Мне нужно скорее отправиться в путь. Позвольте только сначала проститься с сеньоритами.

— Идите, идите к ним! — с невольной улыбкой решил де-Сильва и, крепко пожав молодому человеку руку, отпустил его.

Сестры теперь сидели вместе в гостиной и, обнявшись, плакали. Они уже знали все, что произошло на дворе, и оплакивали смерть верного слуги дона Рафаэля и привезенную им дурную весть. В особенности горевала Гертруда. Только что начавший было распускаться перед нею бутон счастья теперь снова закрылся под ядовитым дыханием беспощадной действительности.

А Марианита оплакивала горе сестры, которой так сочувствовала.

Когда дон Рафаэль пришел в гостиную проститься со своей невестой и ее сестрой, Марианита хотела оставить их вдвоем, но Гертруда удержала ее, сказав, что не имеет больше от нее тайн и может проститься с женихом при ней.

Прощание жениха и невесты было не только трогательное, но даже торжественное.

— Злая судьба,— говорила Гертруда стоявшему перед ней на коленях жениху,— едва соединив нас, снова разлучает на неопределенное время. Возьмите, дорогой мой, одну из этих прядей моих волос и носите ее при себе, как талисман, который будет охранять вас от всех опасностей. Другую такую же я оставляю у себя. Теперь поклянитесь мне, что если вы когда-либо, где-либо и при каких бы то ни было обстоятельствах получите от меня эту вторую прядь, то это будет означать следующее: «Та, которая посылает вам эти волосы, знает, что вы разлюбили ее, но, несмотря на это, она сама не в силах изменить своих чувств и желает еще раз видеть вас». Это странные и, пожалуй, даже страшные слова, дорогой Рафаэль, но я должна была их сказать,— заключила молодая девушка.

— Клянусь вам,— пылко произнес молодой человек,— исполнить ваше желание при каких бы то ни было обстоятельствах! Как только я получу эту драгоценную для меня прядь, я брошу все и тотчас же прилечу к вам на крыльях любви, чтобы на коленях уверить вас в неизменности моих чувств.

— Ваша клятва будет записана на небесах, Рафаэль! — торжественным тоном убежденно проговорила Гертруда и грустно прибавила: — Но время бежит. Я не хочу больше задерживать вас. Идите и исполните свой долг. Возьмите вот еще этот шарф. Я вышила его для вас в то время, когда мы были в городе, и я каждый день ожидала того, что произошло только сегодня. Каждый стежок этой вышивки будет напоминать вам мысль, вздох, молитву о вас вашей Гертруды. Прощайте, или до свиданья, если это будет угодно Богу, мой дорогой Рафаэль.

— Да, мне пора... Я должен ехать,— говорил, как в бреду, молодой человек, не поднимаясь, однако, с колен и покрывая руки невесты пламенными поцелуями.

Наконец Гертруда заставила его встать и убрать в нагрудный карман камзола шарф, в который она сама тщательно завернула прядь своих волос.

— Идите же, идите, мой дорогой, возлюбленный жених,— настаивала она, отнимая у него свои руки, которые он не переставал покрывать поцелуями.— Помните, что ваш отец нуждается в вашей помощи. Идите и исполните свой долг.

Она обеими руками обхватила его голову и крепко поцеловала в лоб, потом слегка подтолкнула его к двери. Молодой человек, как безумный, вылетел из комнаты, второпях забыв даже проститься с сестрой своей невесты.

11. ДОЛГ И ЛЮБОВЬ

Последние лучи заходящего солнца окрашивали в яркие переливчатые цвета небосклон, когда дон Рафаэль выехал из горного ущелья, по которому пролегалла дорога от гасиенды Лас-Пальмас до гасиенды Дель-Валле, принадлежавшей отцу молодого человека.

Приближаясь к родной усадьбе, дон Рафаэль был удивлен мертвым, зловещим безмолвием, царившим вокруг. Чувствуя что-то недоброе, молодой человек приготовил свою винтовку и выехал на вымощенную аллею, которая вела к господскому дому и с обеих сторон была окаймлена стройными кипарисами. В конце аллеи высилась каменная ограда. Тяжелые ворота посредине ограды были полуоткрыты, но с обширного двора гасиенды не доносилось ни малейшего звука, и там не замечалось никакого движения.

Перед самыми воротами конь молодого всадника вдруг с громким ржанием метнулся в сторону. В сгущавшихся сумерках всадник не сразу мог разглядеть, что испугавший его коня предмет был человеческим телом, распростертым на земле, поперек въезда, и это тело было без головы.

Когда дон Рафаэль наклонился с седла, чтобы рассмотреть, чье могло быть это тело, из груди молодого человека тотчас же вырвался крик ужаса, горя, отчаяния и бешенства, не встретивший никакого отклика, кроме глухих отголосков. Это тело принадлежало его отцу! А отделенная от него голова оказалась подвешенной за

волосы к перекладине ворот... Сын опоздал! Все было уже кончено!

Молодой человек пламенеющим взором впился во вздувшееся лицо этой головы. Да, это было знакомое, дорогое лицо отца, только сильно искаженное насильственной смертью!

Было ясно, что испанец дон Луис Трэс-Виллас пал жертвой разбойничьей шайки; жестоких рук этих «освободителей» не могли остановить ни либеральные политические убеждения старика, ни его всем известная доброта, ни его почтенные годы. Виновники этого злодеяния даже хвастались совершенным ими «подвигом», судя по тому, что на одном из столбов ворот, под головой убитого, они начертали углем свои имена — Аройо и Антонио Вальдес.

Долгое время нравственно убитый сын оставался совершенно неподвижным перед этим ужасным зрелищем, тоскливо спрашивая себя:

«Где и когда я разыщу этих злодеев?.. А разыскать их я должен во что бы то ни стало!.. Буду всюду выслеживать их, день и ночь, без остановки, без отдыха, пока и их головы не будут висеть здесь же!.. Но,—вставал новый мучительный вопрос,—как я могу после такого злодеяния принимать участие в возникшей борьбе?.. Нельзя же мне становиться под одно знамя с убийцами моего отца!..»

Молодой человек заключил свои мучительные размышления громким возгласом:

— Иду вместе с Испанией! Так предписывает мне сыновний долг. Да здравствует Испания! Да погибнут все ее враги! Страшная смерть убийцам моего дорогого отца!

Сойдя затем с коня, сын благоговейно опустился на колени перед телом отца и торжественно произнес:

— Клянусь тебе, дорогой отец, твоей священной для меня памятью, твоими седыми волосами, омоченными в твоей собственной крови, что я всеми способами, находящимися в моей власти, мечом и огнем, попытаюсь остановить в самом начале это преступное движение, устроители которого называют его восстанием за свободу Мексики, сопровождая свои подвиги бесцельными злодеяниями и лишая жизни таких людей, как ты, отец, не сделавший им ни малейшего зла! Молю Бога, да поможет Он мне сдержать мою клятву!

В этот момент словно кто-то невидимый повторил те слова, которые дон Рафаэль накануне слышал из уст Гертруды: «Пусть все, выступившие на стороне Испании, будут покрыты вечным позором! Да не окажется для них ни приюта, где они могли бы укрыться, ни женщины, которая улыбнулась бы им! Пусть каждый, изменивший своей родине, встретит со стороны той, которую любит, одно презрение!».

Но вместе с тем послышался и другой голос, говоривший:

«Исполняй свой долг, чего бы это ни стоило тебе!»

Глядя на изуродованные останки своего отца, сын внял лишь второму голосу и повторил клятву.

Один, в ночной тиши, он собственными руками вырыл в саду опустевшей гасиенды могилу, бережно уложил в нее тело отца, приставив к нему голову и положив на грудь покойного шарф Гертруды с прядью ее волос, затем тщательно зарыл могилу. После этого, преклонив перед ней колени, он еще раз повторил свою клятву, потом сел на коня и, даже не заглянув в дом, направился в Оахаку, главный город провинции того же наименования.

По прибытии туда дон Рафаэль поспешил явиться к губернатору этой провинции, дону Бернардино Бонавиа. Он хотел выпросить у него отряд солдат, чтобы с этим отрядом разыскать убийц отца и наказать их. К несчастью для молодого капитана, губернатор, при всем своем желании, не мог исполнить его просьбы. Вся провинция уже находилась в сильном брожении, начинала волноваться и сама столица, гарнизон же ее был невелик и ослаблять его было бы очень рискованно.

Выслушав доводы губернатора, дон Рафаэль поневоле должен был согласиться с их разумностью и уйти от него ни с чем. Остановившись в гостинице, он стал наводить справки, нельзя ли как-нибудь обойтись и без содействия губернатора, и узнал, что в окрестностях города один из испанских офицеров, капитан дон Хуан Вальделас, набирает добровольцев, которых уже около сотни.

Недолго думая, молодой человек поскакал к этому офицеру и в нескольких словах изложил ему свое дело. Вальделас отнесся к нему с полным сочувствием и тут же согласился отдать в его распоряжение не только свой отряд, но и самого себя.

Оба офицера во главе хорошо вооруженного отряда добровольцев в тот же день пустились на поиски разбойников.

Посланные вперед разведчики, которым дон Рафаэль обещал хорошую награду, донесли, что Антонио Вальдес со своей шайкой засел на одной горе, недалеко от гасиенды Дель-Валле. Разыскав там Вальдеса, дон Рафаэль и Вальделас заставили его принять бой. При первой же стычке разбойничья шайка дрогнула и была рассеяна, но сам Вальдес успел скрыться и его нигде не могли найти.

Дон Рафаэль, несколько не обескураженный этой неудачей, дал себе слово во что бы то ни стало поймать и наказать убийцу своего отца и энергично продолжал его преследование.

* * *

Целые две недели дон Рафаэль со своим сослуживцем и его отрядом гонялись за разбойником и попутно имели немало стычек с бродившими повсюду бандами инсургентов, но Вальдеса, казалось, и след простыл.

Вдруг в один туманный вечер он совершенно неожиданно снова появился перед роялистами во главе новой, довольно многочисленной и лучше вооруженной шайки. Произошла горячая, кровавая схватка, кончившаяся опять победой испанцев.

Сам Вальдес снова бежал с поля битвы. Вероятно, он уже считал себя в безопасности, как вдруг его догнал всадник, в котором он, к своему ужасу, тотчас узнал смертельного личного врага — капитана Трэс-Вилласа, грозного мстителя за своего отца.

Вальдес обернулся и выстрелил из пистолета, но промахнулся. В следующее затем мгновение мститель набросил на него лассо, которым умел пользоваться не хуже любого вакеро, стащил его с лошади и, разогнав своего коня, поволок полузадушенного врага за собой по земле.

В ту же ночь голова Антонио Вальдеса появилась подвешенной за волосы на воротах гасиенды Дель-Валле, на том самом месте, где за две недели перед тем висела голова владельца этой гасиенды. Дон Рафаэль оставил на этих воротах надпись, свидетельствующую о том, что клятва сына, данная на могиле отца, была исполнена.

Эта первая жертва мести, принесенная в память отца, несколько утолила у молодого человека жажду дальнейшей мести, и он стал спокойнее. Зато в его сердце снова пробудились задремавшие было на время другие чувства. Он понимал необходимость оправдать в глазах семьи де-Сильвы свое поведение, которое должно было сильно смущать эту семью. Ведь как никак, а Гертруда, хотя и не объявленная официально его невестой, все же была ею перед Богом и перед совестью самого Рафаэля. И он решил повидаться и объяснить с девушкой, которую продолжал искренне любить. Но разные непредвиденные препятствия все не позволяли ему исполнить это решение. Между тем Гертруда, не видя его самого и не имея от него никаких известий, сильно страдала.

12. ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Оба капитана, Трэс-Виллас и Вальделас, сделали из гасиенды Дель-Валле нечто вроде крепости, для которой они выпросили у губернатора три старых, но еще годных пушки и достаточное количество зарядов, и учредили в этой крепости свою, так сказать, главную квартиру. К ним отовсюду стали стекаться добровольцы, и это давало им возможность вести серьезную борьбу с инсургентами.

Дон Рафаэль узнал, что, кроме уже известного ему второго убийцы его отца, Аройо, был и третий, неразлучный товарищ последнего,— Бокардо. Они оба служили в качестве вакеро у дона Мариано де-Сильвы и скрылись от него, как докладывал дону Мариано его управляющий, за несколько дней до прибытия дона Рафаэля в гасиенду Лас-Пальмас.

Покончив с Вальдесом, дон Рафаэль начал разыскивать его пособников. Находясь со своим отрядом в окрестностях гасиенды Лас-Пальмас, он не раз порывался заехать туда, чтобы, наконец, откровенно высказаться перед доном Мариано и Гертрудою, но его все останавливала ложная гордость.

Так прошло два месяца со времени смерти дона Луиса. Остальные двое его убийц продолжали ускользать от мстительной руки его сына. Но вот распространился слух, что они покинули провинцию Оахаку и со всей

своей шайкой отправились на север, чтобы примкнуть к армии Гидальго. Узнав об этом, дон Рафаэль вернулся в свою крепость, где во время его отсутствия начальствовал капитан Вальделас, и нашел там приказ главного командующего вице-королевской армией, предписывавший капитану Трэс-Вилласу немедленно возвратиться в его полк.

Прежде чем во исполнение этого приказа отправиться в такой дальний путь, молодому человеку сначала страстно захотелось побывать в гасиенде Лас-Пальмас и открыть там свою душу. Но и на этот раз злая судьба не пожелала, чтобы он переступил порог этого гостеприимного дома с мирными намерениями. Вмешалась новая печальная неожиданность.

Когда дон Рафаэль на своем неизменном гнедом коне и во главе небольшого отряда подъезжал к воротам гасиенды Лас-Пальмас, на него вдруг налетела целая шайка всадников разбойничьего вида, вождь которой крикнул:

— Смерть изменнику!

В то же время выстрелом из пистолета он так сильно ранил лошадь молодого капитана, что та упала на месте. Благодаря своей храбрости и ловкости, дон Рафаэль не растерялся. Мгновенно высвободившись из стремян упавшей лошади, он вскочил в седло оказавшейся рядом с ним лошади одного из своих рядовых, который, будучи тяжело ранен, свалился с нее. Отбиваясь саблей от нападавших, часть которых уложил на месте, и распорядившись подобрать раненого рядового, храбрый капитан стал быстро отступать в горы, куда разбойники не решились последовать за ним.

Вот какая была оказана ему встреча перед гасиендой Лас-Пальмас, в которую он стремился с самыми мирными намерениями! Эта встреча и потеря любимого коня острой болью отозвались в его сердце. Он счел это предзнаменованием, что нужно действовать иначе, чтобы попасть в гасиенду.

Узнав, что во главе напавших на него находились Аройо и Бокардо, дон Рафаэль тут же отправил одного из своих людей в свою гасиенду к капитану Вальделасу с просьбой немедленно прислать ему полсотни хорошо вооруженных людей и одну из пушек для того, чтобы силою войти в гасиенду Лас-Пальмас. Сам же он со своими восемью солдатами, в ожидании просимого отряда,

остался в одном из горных проходов, защищенных самою природой от внезапного нападения.

По мере того, как проходило время, бурлившая в доне Рафаэле кровь все более и более успокаивалась, и ему сделалось неловко при мысли, что он готовится к акту насилия по отношению к отцу любимой девушки. В нем снова началась борьба между двумя противоположными чувствами — любовью и долгом.

Настойт ли он на своем требовании о немедленной выдаче ему убийц его отца, или, в случае отказа в этом требовании, ворвется в гасиенду силою и сам захватит их, или же откажется от такого намерения, — все это будет одинаково дурно. Голос долга и голос любви говорили одинаково убедительно. Кого же слушаться?

Эта мучительная борьба еще не кончилась в душе молодого человека, когда к нему явилось затребованное им подкрепление. Появление этого подкрепления заставило его принять окончательное решение. Он обнажил саблю, и, приказав трубачу протрубить сигнал выступления, двинулся к гасиенде Лас-Пальмас.

Приблизившись на определенное расстояние к воротам гасиенды, дон Рафаэль выслал вперед трубача, который, протрубив установленный сигнал для переговоров, громогласно предложил от имени капитана королевской армии Трэс-Вилласа дону Мариано де-Сильва немедленно выдать живыми или мертвыми бунтовщиков Аройо и Бокардо.

Бледный, как привидение, с бурно бьющимся сердцем, ожидал дон Рафаэль ответа. Но вокруг царило полное молчание — словно вызов остался незамеченным.

Между тем в гостиной дома де-Сильва происходила следующая сцена. Дон Мариано и обе его дочери сидели под окном, выходящим к воротам и защищенным железною решеткой. Перед ними, с кинжалами в руках и с угрожающим видом, стояли Аройо и Бокардо.

— Так, значит, вы, дон Мариано де-Сильва, постоянно хвастающийся своей дворянской честью и своим гостеприимством, теперь хотите нарушить то и другое и выдать нас головою? — насмешливо говорил Аройо, вертя кинжалом перед своим бывшим хозяином.

— Вовсе нет, — проговорил дон Мариано. — Но ведь...

— Вы хотите сказать, что этот дьявол в капитанском мундире может ворваться в гасиенду и взять нас силою? — грубо прервал его бандит. — Но против это-

го есть сильное средство, и это средство у вас в руках.

— Какое же? — не без удивления спросил дон Мариано.

— А, какое? — с циничным смешком повторил разбойничий атаман. — Вы притворяетесь, что не знаете! Ну, хорошо, я открою вам его. Ведь всем известно, что этот предатель влюблен в вашу дочь, донью Гертруду, и хоть он и изменник, но едва ли допустит ее гибель, которая угрожает ей.

— Моей дочери угрожает гибель! — снова удивился дон Мариано. — Но от чего же? — не без тревоги спросил он.

— Да вот хоть бы от этого! — с новым циничным смехом ответил Аройо, указывая на свой кинжал. — Как только этот предатель ворвется сюда, чтобы схватить нас, ваша дочь тотчас же познакомится с этой игрушкой. Да несдобровать и вам самому вместе с другой дочерью. Поняли теперь, уважаемый дон Мариано?

Трепетавшие девушки с испугом прижались к отцу. Дон Мариано тоже невольно вздрогнул и стал придумывать выход из создавшегося положения. В это время вторично раздались звуки трубы и голос глашатая. Дон Мариано, ничего не придумав, не знал, что ему делать.

— Тысяча чертей вам на голову! — крикнул бандит, подступая еще ближе к бывшему хозяину. — Что же вы медлите? Подойдите к окну и крикните этому нетерпеливому черту то, что я вам сказал. Идите же, иначе я!.. — И он с угрожающим видом взмахнул кинжалом.

Дон Мариано понял, что бандит не шутит. Встав со своего места и нежно отстранив от себя крепко прижавшихся к нему дочерей, он подошел к окну, открыл железную решетку и крикнул в окно твердым голосом:

— Где начальник вашего отряда? Мне нужно сказать ему несколько слов.

— Я здесь! — ответил дон Рафаэль, выехав вперед.

— Ах, это вы, капитан? — голосом горькой иронии проговорил дон Мариано. — До сих пор я знал дону Рафаэля Трэс-Вилласа как близкого друга, но не могу узнать его в человеке, который собирается разгромить дом, где его всегда так радушно принимали!

Бледное лицо молодого человека густо покраснело. Он собрал всю силу своей воли и ответил, с напускной резкостью отчеканивая слова:

— А я вижу теперь в вас только человека, поддерживающего смуту и укрывающего в своем доме бандитов. В силу данного мне законным правительством права, я требую выдачи мне этих людей.

— Никогда, ни в каком случае я не выдам бы добровольно никого из тех, кто доверился мне! — с твердостью ответил дон Мариано. — А в настоящую минуту я даже и не могу сделать этого, потому что лишен самостоятельности действий. Люди, находящиеся под защитой моего крова, поручили мне объявить вам, что они убьют меня и моих дочерей, прежде чем вы переступите порог этого дома, чтобы захватить их. Наша жизнь находится в ваших руках, капитан Трэс-Виллас. Имейте это в виду, и пусть ваша совесть решит, как вам поступить.

Последние слова были произнесены уже таким грустным тоном, что сердце дона Рафаэля сразу смягчилось, а мысль о любимой девушке, находившейся под такою страшною угрозой, заставила молодого человека искать другого выхода из затруднительного положения, в котором он очутился.

— Хорошо, — проговорил он после некоторого раздумья, — скажите бандиту Аройо, что мне нужно видеть его. Пусть он покажется. Даю честное слово, что ему нечего опасаться...

— Вот и я! Что вам нужно от меня? — с нахальным видом спросил Аройо, показавшись в окне рядом с доном Мариано. — Но свое честное слово вы можете оставить при себе; оно для меня не стоит и простого плевка. Лучшей порукой моей безопасности служат мои заложники.

С неописуемым гневом взглянул дон Рафаэль на убийцу своего отца. Наконец-то этот злодей находился на протяжении руки, — но все-таки схватить и уничтожить его было невозможно! Огромным усилием воли поборов кипевшее в нем бурное чувство, дон Рафаэль произнес резким голосом:

— Мне нужно было только запечатлеть в моей памяти черты бандита Аройо, чтобы я мог узнать его, когда произойдет моя встреча с ним при других обстоятельствах. Тогда я поволоку его преступную голову по земле за своим конем и повешу ее на воротах гасиенды Дель-Валле, рядом с головой его достойного соучастника, Антонио Вальдеса...

— Ну, такие любезности мне от вас вовсе неинтересно слушать! — прервал Аройо. — Я лучше поговорю с другими при помощи вот этого! — прибавил он, указав на свой кинжал и повернувшись от окна.

— Стой! — остановил его дон Рафаэль. — Вот что я предлагаю тебе, если в твоём чёрном сердце осталась хоть искра — не чести, ты с ней не знаком, — а хотя бы храбрости: садись на лошадь, возьми какое хочешь оружие и выходи на поединок со мной.

— Те-те-те, ловко придумали! — воскликнул бандит с гаденьким смешком. — Да что я за дурак, чтобы лезть прямо в пасть всей вашей своры!

— Как дворянин, ручаюсь своей честью, и, как христианин, призываю в свидетели самого Господа Бога, что ты будешь иметь дело только со мной, — продолжал дон Рафаэль.

На одно мгновение Аройо призадумался, и казалось, что он примет этот рыцарский вызов. Но слава капитана Трэс-Вилласа, как одного из лучших бойцов, заставила его отказаться от вызова.

— Не согласен! — крикнул он.

— А, презренный трус! — прогремел негодующий голос молодого рыцаря. — Запомни же ты теперь мои слова: клянусь памятью моего отца, погибшего от твоих рук, что если ты хотя одним пальцем дотронешься до сеньора Мариано де-Сильвы или до его дочерей, то я отыщу тебя, где бы ты ни скрывался, и твоя казнь будет такова, что заставит ужаснуться даже таких злодеев, как ты! Не забывай этого! Я никогда не бросаю на ветер своих клятв!

Раздался трубный сигнал к отступлению, и через минуту отряд капитана Трэс-Вилласа стал отходить от гасиенды.

Через два дня разведчики дон Рафаэля донесли ему, что Аройо и Бокардо покинули гасиенду Лас-Пальмас. Они унесли с собой много дорогих вещей, но из хозяев никого не тронули, и куда скрылись — никто не знал.

Это донесение заставило дон Рафаэля вздохнуть свободнее: все еще любимая им девушка, ее отец и сестра были избавлены от власти разбойников. С облегченным сердцем он отправился в столицу Мексики, где стоял его полк.

13. ВОИН ПОНЕВОЛЕ

Читатель помнит, что студент богословия, дон Корнелио Лантехас, нашедший приют в гостеприимной гасиенде Лас-Пальмас, заболел после всего перенесенного им в пути. Проболе́л он более двух недель. Первоначальная лихорадка перешла в горячку с бредом, и молодая жизнь юноши не прервалась только благодаря заботливому уходу сестер де-Сильва и тому, что среди служащих в гасиенде был человек, имевший некоторые познания в медицине.

Когда богослов достаточно оправился, дон Мариано подарил ему одну из своих лошадей, которых у этого богатого гасиендатора было несколько тысяч. На этой лошади, сердечно распрощившись со своими новыми друзьями, дон Корнелио и продолжал прерванный путь к дяде, гасиенда которого находилась не особенно далеко от владения дона Мариано. Побыв у дяди и исполнив поручение отца, студент поехал домой.

Обратный путь он совершил вдвое скорее, чем первоначальный, так как теперь ехал не на старой разбитой кляче, а на молодой, сильной и быstroногой лошади.

Дон Корнелио окончил курс учения, и ему оставалось только сдать экзамен на получение ученой степени по богословским наукам. Когда наступило время, он, основательно подготовившись, отправился в вальядолидскую коллегия сдавать экзамен. На этот раз он ехал на старом муле, данном ему его отцом в обмен на молодую лошадь дона Мариано, которую скупой старик предпочел оставить у себя. Он внушил сыну, что будущему духовному лицу неприлично ездить на быstroногих конях, и сын, никогда ни в чем не перечивший отцу, согласился с этим. Вместе с мулом старик вручил сыну небольшое количество звонких долларов и дал целый ряд наставлений, как обращаться с мулом и долларами.

На третий день своего нового путешествия, на полпути в Вальядолиду, подъезжая к одному небольшому селению, он увидел продвигавшихся ему навстречу трех всадников, сидевших на лошадях. Ему не следовало бы забывать наставления отца, что его старый мул почему-то страшно боится всадников на лошадях, и нужно бы было его успокоить. Но богослов так был углублен в мысленную репетицию своих знаний для предстоявшего экзамена, что совсем упустил это из виду. И вот случи-

лось то, что, помимо воли и желания молодого человека, направило русло его жизни в совершенно другую сторону. Не сдерживаемый рукою своего хозяина, мул при виде верховых с такой стремительною быстротой шарахнулся в сторону, что всадник тут же слетел с него на землю и, ударившись головою о камень, лишился чувств.

Очнувшись, богослов увидел себя в полусидячем положении, прислоненным спиною к дереву, а возле себя — встреченных им всадников. Из числа последних один, по-видимому, был высшего сословия, потому что остальные двое относились к нему с особенной почтительностью. Мула не было, он с испугу поспешил удрать.

— Сын мой, — мягким, сострадательным голосом сказал этот всадник студенту, — голова ваша сильно ушиблена, вы нуждаетесь в помощи и уходе, а здесь, в этом сельце, вы их не найдете. Садитесь на лошадь к одному из моих слуг, и мы вас доставим в гасиенду Сан-Диего; она недалеко отсюда. Там живут мои добрые друзья. У них вы найдете приют и уход. А о муле не беспокойтесь. Он едва ли далеко ушел. Я попрошу тамошних вакеро поймать его и доставить в гасиенду... Но скажите — кто вы и куда направляетесь?

Дон Корнелио назвал себя и сказал, куда и зачем едет.

— А, так и вы готовитесь к тому же званию, к которому принадлежу я! — проговорил с видимым удовольствием всадник. — Позвольте и мне рекомендоваться. Я — недостойный служитель алтаря в церкви селения Каракуаро, Хозе-Мариа Морелос, — имя, полагаю, вам совершенно неизвестное?

Дон Корнелио с изумлением смотрел на человека, назвавшего себя священником, одетого в штатское платье и вооруженного старой дустволкой и заржавленной саблей. В таком невзрачном виде появился перед ним тот самый человек, имя которого впоследствии покрылось неувядаемой славой.

— А смею спросить, куда направляетесь вы, сеньор патер? — решился осведомиться в свою очередь студент.

— Пока в гасиенду Сан-Диего, а потом — к городу Акапулько, который мне приказано взять, — ответил Морелос.

Этот ответ окончательно смутил дона Корнелио. Голова его сильно болела, в мозгу все стало путаться, и

молодой человек подумал, что неверно понял своего собеседника.

— Как взять?! — воскликнул он. — Да разве вы инсургент?

— Именно инсургент, и не с первого уже дня, — добродушно рассмеявшись, подтвердил Морелос.

Так как ни на священнике, ни на его спутниках не было тех дьявольских украшений, о которых говорил оахацкий епископ, то студенту пришло на ум смелое соображение, что, должно быть, не все мятежники обречены сатане. Это соображение побудило его принять предложение Морелоса и позволить отвезти себя в указанную гасиенду. Дальше он с ним, конечно, не поедет, да и в доме его друзей постарается пробыть недолго, следовательно, эти подозрительные люди не успеют повредить его душе.

Этими доводами дон Корнелио успокоил свою совесть и забившую было в ней тревогу. Однако быстрая езда и жаркие лучи полуденного солнца сделали то, что молодой человек снова впал в беспамятство и в таком состоянии был доставлен в гасиенду Сан-Диего.

Второй раз уже он пострадал в пути, и каждый раз попадал под чужой кров совершенно больной. Хорошо еще, что тогда повсюду находились сострадательные люди, принимавшие бескорыстное участие в каждом страждущем.

К числу таких людей принадлежал и Морелос. Скажем несколько слов об этом замечательном человеке. Морелосу в то время было лет около сорока. Он родился в одном небольшом селении, в штате Вальядолиде, близ городка Апатцингама. Селение это называлось Тальмехо, но впоследствии было переименовано, в честь его знаменитого уроженца, в Морелию. Отец Морелоса был простым погонщиком мулов, ничего не оставившим сыну, кроме убогой хижины да десятков двух мулов.

В течение нескольких лет сын продолжал дело покойного отца, потом вдруг, неизвестно по какому побуждению, вздумал поступить в духовное звание. Продав мулов, он со свойственным ему упорством засел за латынь и богословие. Осилив эти предметы и блестяще сдав экзамен, он был удостоен священнического сана, но долго не мог найти вакантного места и кое-как влачил свое существование. Наконец ему был предложен приход в Каракуаро. Селение это находилось в глухом

захолустье и туда никто не шел. У Морелоса не было ни средств, ни протекции, и он вынужден был принять хоть это место.

Там он и прозябал в нужде и безвестности, пока до него не донесся слух о начавшемся освободительном движении, во главе которого стал Гидальго, бывший тоже священником. Под предлогом поездки к своему епископу, Морелос отправился к Гидальго. По дороге туда его настигло наводнение, и он был вынужден укрыться в гасиенде Лас-Пальмас.

Гидальго, которому Морелос предложил свои услуги в качестве полкового священника, в шутку сказал, что для этого сначала нужно взять у испанцев хорошо укрепленный город Акапулько, и Морелос согласился.

В это-то вот время и произошла его встреча с доном Корнелио, который почему-то сразу понравился священнику-воину.

Но вернемся к нашему злополучному студенту и расскажем о том, что с ним произошло и будет происходить. Когда к нему вновь возвратилось сознание, он увидел себя лежащим в постели, в незнакомой обстановке, довольно скудной в сравнении с обстановкой в гасиенде Лас-Пальмас. Возле него не было ни души, но снаружи доносился смешанный шум. Дон Корнелио с трудом поднялся с постели и, шатаясь, добрал до окна, выходящего во двор.

Он выглянул в окно и увидел, что весь двор был наполнен конными и пешими людьми. В лучах яркого солнца режущим глаза блеском сверкало всевозможное оружие: пики с пестрыми значками, сабли, ружья, пистолеты. Была даже пушка. Лошади фыркали, ржали и били копытами о землю, отмахиваясь хвостами от надоедливых насекомых. Люди громко разговаривали между собою. Словом, перед доном Корнелио открылась типичная картина военного лагеря.

Молодой человек не мог долго держаться на ногах и был вынужден снова лечь в постель. Голова у него болела и кружилась, вместе с тем мучило любопытство узнать, где он находится.

Наконец в комнату вошел человек, в котором дон Корнелио, напрягши свою память, узнал одного из слуг Морелоса.

— Где я? — поспешил он спросить у слуги.

— В гасиенде Сан-Луис, — ответил тот.

Больной снова напряг все силы памяти и вспомнил, что его обещали доставить в гасиенду Сан-Диего.

— А не в гасиенде Сан-Диего? — задал он новый вопрос.

— Нет, — последовал ответ слуги. — В гасиенде Сан-Диего мы пробыли только один день, и вчера покинули ее. Мы должны были убраться оттуда из-за вас, сеньор...

— Из-за меня? — изумился студент.

— Да, из-за вас. Там вокруг шныряли роялисты и чуть было не забрали нас в то время, когда вы во все горло кричали в открытое окно, что идете походом на самый Мадрид...

— Я?! На Мадрид?! — с еще большим изумлением вскричал огорошенный студент, вытаращив глаза и приподнимаясь на постели. — Значит, это был бред?

— Очень может быть, сеньор. Но, тем не менее, для нас это было крайне неудобно. Вы еще кричали, что уничтожите в Мадриде всех тиранов и при этом называли свое полное имя, а нашего генерала Морелоса величали... как это? Погодите... Ах, да! — генералиссимусом всей инсургентской армии. Там у нас не было достаточного числа людей, ну, вот и пришлось перебраться в эту гасиенду, где находится наша главная квартира. Генерал, разумеется, не мог оставить там такого ярого сторонника нашего дела, как вы, и приказал нам перенести вас сюда на носилках. Благодарите за это Бога, сеньор, потому что иначе вам не сдобровать бы: роялисты наверное уколошили бы вас. Они уже оценили вашу голову в порядочную сумму, извините, забыл только, в какую.

Дон Корнелио едва верил своим ушам, — до такой степени все слышанное им от болтливого слуги противоречило его характеру, взглядам и убеждениям. Ему казалось, что все это он видит во сне, но, ущипнув себя, тут же убедился, что это самая реальная действительность.

— По случаю громко высказанных вами слов и желания превратить их в дело, — продолжал между тем слуга, — генерал произвел вас в чин поручика и назначил своим личным адъютантом. Патент на это звание уже написан и находится у вас под изголовьем. Генерал сам положил его туда. Ну, теперь позвольте мне удалиться, чтобы доложить генералу, в каком состоянии я вас нашел. Генерал сам навестил бы вас, но у него сей-

час важный военный совет, поэтому он и приказал сделать это мне.

С этими словами слуга удалился, оставив дона Корнелио совершенно ошеломленным всем, что он узнал. Машинально сунув под изголовье руку, он действительно нашел там форменный патент, подписанный командующим местной инсургентской армией, доном Хозе-Мариа Морелосом, о назначении его, Корнелио Лантехаса, поручиком этой армии.

Студента-богослова охватило полное отчаяние. В сильнейшем возбуждении он снова вскочил с постели и бросился к окну с твердым намерением во всеуслышание отречься от всякой солидарности с врагами Испании. Но судьба-насмешница и в этот раз сделала по-своему. Лишь только он открыл рот, у него в голове снова все спуталось и помутилось и он бессознательно крикнул совсем не то, что хотел.

— Да здравствует свободная Мексика! Смерть тиранам! — громко раздалось из его уст в открытое окно и разнеслось по всему двору.

Сделанное усилие заставило его снова лишиться чувств, и он упал на пол. Когда через несколько часов он пришел в сознание, то обнаружил себя опять в постели. На этот раз его окружали вооруженные люди, смотревшие на него с большим участием. Среди них он узнал самого Морелоса.

Один из этих людей дал ему что-то выпить, после чего больной тотчас же заснул крепким и более спокойным сном.

* * *

К Морелосу примыкали все новые и новые отряды партизан. Вскоре у него образовалась небольшая армия. С этой армией он делал удачные набеги на окрестные городки с правительственными складами оружия, амуниции, провизии и прочим необходимым снаряжением, так что его армия ни в чем не нуждалась.

Через два месяца после описанного нами священник-воин, еще ранее произведенный главнокомандующим над всеми партизанскими войсками сразу в генералы, очутился в виду города Акапулько, расположенного на побережье Тихого океана. Гидальго шутя предложил Морелосу взять этот укрепленный город с довольно значительным гарнизоном. Морелос, как человек с железной

волей, никогда ни перед чем не отступавший, серьезно приготовился совершить подвиг, казавшийся невозможным самому Гидальго.

Бывший студент богословия, а теперь офицер партизанских войск Корнелио Лантехас также был вместе с Морелосом, как его адъютант. За эти два месяца он совсем оправился от своей болезни и успел «обвоениться», по его собственному выражению, мало того — даже прослыть храбрецом, хотя, в сущности, вовсе не был воинственным и в минуты опасности всегда старался избежать ее.

Странность эта объясняется тем, что при первой стычке с неприятелем Лантехас находился рядом с домом Герменегильдо Галеаной, одним из храбрейших партизанских вождей. Галеана сразу подчинил нового офицера своей нравственной силе и своими пронизывающими насквозь взглядами, которых тот страшился пуше вражеского оружия, заставлял его трепетать. Как всегда, Галеана бился в первом ряду, прокладывая своей тяжелой саблей в гуще противника широкий путь. Лантехас следовал за ним по пятам, и ему нечего было делать своим оружием. Поняв выгоду быть как бы тенью страшного Галеаны, Лантехас во время стычек и настоящих сражений старался не отходить от него. И это ему всегда удавалось, так что часть действительной храбрости Галеаны перепадала и ему.

В армии Морелоса находились и наши старые знакомцы — индеец Косталь и негр Клэр. Первый был старшим сигнальщиком, извлекавшим из своей морской раковины особенные, устрашавшие врагов «адские» звуки. Второго приставили к единственной имевшейся в армии Морелоса пушке и научили, как обращаться с ней. После нескольких уроков негр, к удивлению индейца, оказался отличным артиллеристом. Кстати сказать, эта пушка, названная «Эль-Ниньо»*, впоследствии также была прославлена в истории мексиканской революции.

Косталь, кроме изумительной находчивости, проявлял такую же храбрость, как Галеана, и почти всегда сражался тоже рядом с ним. Таким образом, дон Корнелио находился как бы под защитой двух храбрецов, и их боевая слава отражалась и на нем. Но, к чести этого подневольного воина, нужно сказать, что такая случайная, не-

* Малютка (исп.).

заслуженная слава сильно тяготила его, и он не знал, как отделаться от нее. Бежать из инсургентской армии он не решался, из опасения попасть в руки роялистов, уже оценивших его голову и, конечно, всюду выслеживавших его.

В нескольких пространных письмах Лантехас описал отцу все свои приключения. Старик долго не отвечал. Наконец от него пришло коротенькое письмо, в котором он поздравлял сына с совершенными последними подвигами и уведомлял, что он испросил ему у вице-короля полное прощение, но с тем, чтобы сын немедленно покинул мятежников и вступил в ряды испанских войск.

Это сообщение заставило молодого человека сильно призадуматься. С одной стороны, ему очень хотелось бы покинуть бунтовщиков и перейти на сторону законного правительства, а с другой — он боялся этого: ведь в правительственных войсках может не найтись для него таких защитников, как Галеана и Косталь, поддерживавших славу о его мнимой храбрости, и, что еще хуже, состоя в этих войсках, он в один несчастный день мог очутиться лицом к лицу со страшным Галеаной. От одной мысли об этом в жилах подневольного воина стыла кровь.

Долго думал Лантехас, прежде чем прийти к какому-нибудь решению. В конце концов он остановился на мысли испросить хотя бы непродолжительный отпуск, чтобы навестить больного отца. Этот отпуск он надеялся потом продлить до бесконечности. Но Морелос наотрез отказал ему в отпуске, мотивируя свой отказ тем, что такой храбрый офицер, как Лантехас, необходим в его армии и что общественные обязанности выше семейных. А чтобы утешить его в этом отказе и поощрить к дальнейшей деятельности на пользу святого дела освобождения родины от испанского ига, он произвел храброго поручика в капитаны.

Таким образом, новоиспеченный капитан, на которого это быстрое повышение в чине произвело самое тягостное впечатление, был вынужден до поры до времени остаться в рядах бунтовщиков, как он продолжал называть Морелоса и его сподвижников.

14. ОБМАНЩИК

На следующий день после этого Морелосу доложили, что его желает видеть один человек, имеющий сообщить ему нечто очень важное. Морелос приказал по-

звать его, и когда тот явился, он увидел перед собою человека средних лет с холодным, неприятным лицом, в штатской, но довольно приличной одежде.

— Кто вы и что вам нужно от меня? — резко спросил Морелос у незнакомца, вид которого сразу не понравился ему.

Незнакомец осмотрелся вокруг, потом заговорил холодным, сдержанным тоном:

— Мое имя Пепе Таго. Я не испанец, но состою на службе у Испании и, в качестве артиллерийского офицера, заведу батарею в акапульской крепости... Эту крепость, как я слышал, ваше превосходительство желает взять?

— Да, я намерен доставить себе это удовольствие, — ответил с улыбкой Морелос.

— Быть может, ваше превосходительство путает крепость с городом? — продолжал посетитель. — Город вам нетрудно будет взять, когда угодно, но крепость...

— Нет, — прервал Морелос, — я нисколько не путаю и знаю, что город всегда в моей власти.

— Да, взять его вам ничего не будет стоить, но удержать его за собой вы надолго не сможете, пока крепость в руках испанцев.

— Знаю и это, а потому и не хочу брать города раньше крепости. Но я все-таки не понимаю, что вам угодно от меня?

По лицу посетителя скользнула нехорошая улыбка, и он продолжал каким-то особенным тоном:

— А вот я и явился к вашему превосходительству, чтобы предложить... не говорю продать, а именно предложить, потому что я буду согласен на всякое вознаграждение... Кстати, ваше превосходительство имеет в своем распоряжении денежные средства?

Морелос уже хотел было выгнать этого приятного человека, но зайдя в разговоре с ним так далеко, нашел нужным окончить начатое.

— А разве вы не слышали, — сказал он, — что на днях я отнял у вашего генерала Париса, кроме восьмисот пленных, тысячи ста ружей и пяти пушек, десять тысяч долларов золотом? Как видите, у меня достаточно средств, чтобы купить хоть десять таких крепостей, как ваша. Вы же, вероятно, уже нуждаетесь...

— Нет, ваше превосходительство, у нас нет, да и не может быть ни в чем недостатка. Остров Рокета...

— Тоже скоро будет в моих руках.

— Может быть. Но пока он в руках испанцев и служит им вспомогательным портом, в который корабли постоянно доставляют все необходимое. Но перейдем к сути. Если я верно понял намек вашего превосходительства, вы согласны выдать мне тысячу долларов золотом за то, что я помогу вам овладеть крепостью?

Морелос на минуту задумался, но возможность взять так легко сильную крепость прельстила его, и он ответил:

— Да, я согласен на эту сумму. Вы желаете получить ее целиком вперед? Так это...

— Нет, ваше превосходительство,— поспешил возразить предатель.— Я понимаю, что вам нужна гарантия исполнения моего предложения, и попрошу теперь только половину, а другую — после занятия вами крепости.

— Хорошо, я согласен на эти условия,— сказал Морелос.— Теперь, сеньор Таго, скажите, как вы думаете устроить мне сдачу крепости?

— Сегодня ночью, от двух до пяти часов, я буду на дежурстве у решётки крепостных ворот. Помещенный на мосту фонарь послужит сигналом к вашему наступлению. Уговоримся теперь о пароле... Ну, а во главе наступления, конечно, вы будете сами, ваше превосходительство?

— Разумеется. Вот пароль...

Морелос быстро написал на клочке бумаги два слова и вместе с пятьюстами долларов вручил предателю, который, раскланявшись, собрался было уходить. Вдруг к нему подошел Косталь, все время присутствовавший при переговорах в качестве телохранителя Морелоса. Остановившись перед предателем и пронизывая его насквозь своими черными глазами, индеец выразительно проговорил:

— Теперь, сеньор, выслушайте меня. Клянусь духом тегуантепекских кациков, от которых я имею счастье происходить, что если вы вздумаете нас предать, вам придется иметь дело со мной. И хотя бы вы, подобно акулам, нырнули на дно морское, или, подобно ягуарам, укрылись в самых густых лесных зарослях,— я всюду найду вас, и вы получите должное возмездие от моей руки. Запомните это, сеньор!

Предатель вздрогнул и смутился, но тут же оправился и воскликнул с искусственным смехом:

— Не беспокойтесь, ни в акулы, ни в ягуары я не паду!

Бросив эти слова, он поспешил удалиться.

— Почему тебе вздумалось сказать ему это, Косталь? — спросил Морелос, когда остался наедине с индейцем.

— Я подозреваю в нем обманщика! — тоном полной уверенности ответил последний.

* * *

Укрепленный замок Акапулько расположен на небольшом расстоянии от города и господствует над ним. Самый замок возведен на вершине одного из утесов, окаймляющих Акапулькский залив, волны которого заливают глубокие пропасти, зияющие с обеих сторон этого утеса, так что последний образует как бы мыс полуострова. Через пропасть с правой стороны переброшен высокий, узкий мост. Утес носит название Горнос, его именем назван и сам мост.

В указанную испанским офицером ночь, часа за два до рассвета, когда город и крепость были еще погружены в глубокий сон и царившее вокруг безмолвие нарушалось лишь плеском волн, разбивавшихся о подножия утесов, вдоль берега, по направлению к крепости, тихо скользили две мужские фигуры; это были капитан Лантехас и трубач Косталь. Добравшись до утеса, на котором высилась крепость, они по его скользким уступам стали карабкаться вверх, пока не достигли моста.

Очутившись на мосту, Косталь открыл дверцу принесенного им фонаря, зажег при помощи огнива находившуюся в фонаре смоляную свечу и потом поместил фонарь на мосту так, чтобы свет падал на крепость. После этого офицер и трубач уселись в углу моста в ожидании появления Морелоса с войском.

— Надвигается буря, — заметил индеец, бросив взгляд на залив. — Смотрите, как светятся акулы — это всегда перед бурей...

В заливе, почти у самого берега, действительно шныряли с десятков акул в поисках добычи, освещая вокруг себя воду.

— Не дай Бог неопытному человеку попасть в эту прожорливую компанию! — продолжал он после некоторого молчания. — Не боюсь их только я, потому что знаю, как справляться с ними. Когда я был искателем жемчуга,

мне не раз приходилось бывать в их компании... Что могут сделать акулы и тигры человеку, которому предназначено прожить век ворона!

— Уж не в этом ли заключается тайна твоей удивительной храбрости, Косталь? — любопытствовал Лантехас.

— Может быть, — ответил индеец с задумчивым видом. — Всякая опасность так же сильно привлекает меня, как акул — добыча. Это у меня врожденное. Но та храбрость, которую видели вы, капитан, происходит от моей неутолимой ненависти к испанцам, поработившим мою родную страну... Но теперь не время рассуждать об этом. Давайте лучше наблюдать за тем, что делается в воде. Вон, например, поглядите туда: не кажется ли вам, что к берегу подплывает человек?

Взглянув по указанному направлению, Лантехас действительно увидел рассекавшую руками волны фигуру с густой челкой низко нависших на лоб волос. Цепляясь обеими руками за неровности берега, фигура понемногу перебралась на берег и улеглась на нем, словно уставший пловец.

— А разве это не человек? — спросил Лантехас, с любопытством рассматривая очертания фигуры на песке. — Это очень похоже на женщину... погоди, она, кажется, плачет?

— Нет, — возразил индеец, — это не человек. Но так как это существо действительно имеет женскую грудь, челку и почти человеческое лицо, остальные же части его тела — рыбы, то его называют «женщиной-рыбой», которая в самом деле издает звуки, похожие на плач.

Воспользовавшись случаем, индеец завел разговор о «сирене с распущенными волосами, указательнице сокровищ», и стал выведывать, как отнесся бы капитан к такому явлению, если бы увидел его. Лантехас откровенно сознался, что страшно бы испугался и поспешил бы скрыться.

— Ну, значит, и с вами ничего не выйдет! — с видом глубокого разочарования произнес индеец и замолк, погрузившись в свои думы.

Не решался продолжать беседу и офицер, смущенный последними словами индейца, и принялся молча следить за быстрыми движениями светившихся в воде чудовищ и за распростертой на прибрежном песке человеческой фигурой.

Штурм крепости должен был произойти со стороны, противоположной мосту, и оба наблюдателя напряженно прислушивались, не раздастся ли оттуда шума, похожего на наступление. Вдруг вся окрестность дрогнула от звука грянувшего пушечного выстрела, и женщина-рыба с громким визгом бросилась назад в воду.

— Ого! — радостно вскричал Лантехас, быстро вскакивая на ноги. — Значит, крепость уже взята?

— Вовсе нет! — возразил индеец.

— Но этот выстрел?..

— Этот выстрел означает, что тот предатель обманул генерала... Боюсь, как бы сам генерал не попал в ловушку!

Последовало еще несколько пушечных выстрелов, подтвердивших предположение индейца.

— Что же нам теперь делать? — растерянно спросил Лантехас.

— Прежде всего уйти отсюда, — ответил индеец.

Оба поспешно спустились с моста и укрылись в ущелье. Оттуда они увидели, как их солдаты в беспорядке бегут обратно в лагерь, и слышали, как Морелос, стоя с обнаженной саблей в руке посреди дороги, гремит всю силу своего мощного голоса:

— Назад, жалкие трусы!.. Вы хотите перейти через тело вашего генерала? Так вот он! Убейте его и идите!

Испугавшись и устыдившись голоса любимого вождя, часть солдат вернулась и вновь бросилась на бастионы, охранявшие крепостные ворота, но картечный огонь, встретивший их со стен, часть уложил на месте, а остальных заставил обратиться в бегство.

Окончательно убедившись, что обманут, Морелос приказал трубить отбой. Эта была первая неудача, постигшая священника-воина в его многомесячной славной боевой деятельности.

15. В ИСПАНСКОМ ЛАГЕРЕ

Было жаркое июньское утро, как раз перед началом периода дождей, когда в Южной Мексике особенно сильно печет солнце. Отвесные лучи его нагревали до степени тлеющей золы густую пыль Гуахапамской равнины, раскинувшейся в виде обширного амфитеатра среди обступающих ее гор.

В описываемое нами время эта равнина представляла безотрадную картину разрушения. Пылали дома селений и среди пожарищ лежали груды всякого имущества, наскоро вытасченного из горевших жилищ. Там и сям лежали мертвые тела людей и лошадей, над которыми вились стаи прожорливых пернатых хищников. Из лесов выглядывали не менее жадные четвероногие хищники, также привлекаемые надеждою на обильную добычу. Но те и другие, опасаясь близости людей, не отваживались приступить к пиру.

В одной стороне равнины высоко развевался в воздухе испанский штандарт, указывая место расположения лагеря испанских войск. Далее, в том же направлении, за простым земляным валом, высились колокольни и купола нескольких церквей, с пробоинами от пушечных ядер. Эти церкви находились в городе Гуахапаме, который четвертый уже месяц с горстью защитников стойко выдерживал осаду более многочисленного неприятеля. Осаждавших было полторы тысячи, а защитников — не более трехсот. Но эти триста воодушевлялись героическим духом полковника Валерио Трухано.

Читатель, быть может, не забыл того честного и благочестивого погонщика мулов, который оказал дону Рафаэлю помощь, вылечив его лошадь, и который в минуты опасности всегда громогласно обращался за помощью к Богу. Такое же благочестие он сумел внушить и защитникам города, судя по тому, что из-за земляных укреплений до испанцев часто доносилось хоровое пение псалмов и гимнов.

На городских валах стояло несколько пушек с обращенными к испанскому лагерю жерлами. Все пространство между городом и лагерем было усеяно ранеными и убитыми людьми и лошадьми, тела которых не успели еще убрать.

Заглянем сначала в испанский лагерь, где главнокомандующим был оахакский губернатор Бонавиа со своими помощниками, генералами Кальделасом и Регулесом.

Рано утром описываемого дня в лагерь возвратились из разведки двое верховых драгун. Они сопровождали третьего всадника в одежде вакеро. Последний вел в поводу великолепного гнедого коня.

Вакеро просил провести его к полковнику Трэс-Вилласу, к которому имел поручение. Драгуны привели его

к одному из лучших шатров. Перед этим шатром стоял грум и усердно чистил верховую лошадь.

— А как ваше имя? — спросил грум у вакеро, когда тот попросил доложить о нем полковнику.

— Хулиан, — ответил тот. — Я один из служащих в гасиенде Дель-Валле и у меня есть важное поручение к полковнику Трэс-Вилласу.

— Хорошо. Сейчас доложу полковнику, — проговорил грум и исчез за пологом шатра.

В этот день испанское войско готовилось сделать пятнадцатый по счету приступ к осажденному городу, и полковник Трэс-Виллас собирался на военный совет по этому поводу. Когда грум доложил ему о прибытии посланного из гасиенды Дель-Валле, он приказал позвать его. Во все время своей разлуки с Гертрудой он питал тайную надежду на то, что девушка придет, наконец, ему весточку со словом любви и прощения. Поэтому прибытие человека с той стороны всегда сильно волновало его.

— В чем дело, Хулиан? — поспешно спросил он гонца. — Надеюсь, в нашей гасиенде все благополучно?

— Пока все слава Богу, сеньор, — ответил вакеро. — Только солдаты на гасиенде жалуются, что им нечего делать. Впрочем, известие, которое я привез вашей чести, быть может, даст им и дело...

— Значит, ты привез мне известие о наших врагах?

Тон глубокого разочарования, звучавший в этом вопросе, произвел впечатление даже на грубоватую душу вакеро.

— Да, есть и это, сеньор, — поспешил сказать он. — Но у меня имеется кое-что и другое. Наверное, вам будет приятно узнать, что я привел с собой Ронкадора?..

— Как... Ронкадора?!

— Да, вашего любимого коня, сеньор. Вы сочли его убитым под вами, но он оказался только раненым. Его выходили и вернули в нашу гасиенду.

— Кто же сделал это?

— Дон Мариано, или, вернее, сеньорита Гертруда. Слуга дона Мариано, который привел Ронкадора, передал кстати и письмо вам...

— Письмо?! Почему же ты молчал о нем до сих пор?

— А потому, что до него дошла очередь только сейчас, — пояснил вакеро. — Вот оно, извольте получить, сеньор.

Достав из бокового кармана своей куртки небольшой пакетик, вакеро вручил его своему господину. Рука дона Рафаэля сильно дрожала, когда он принимал пакетик и нераспечатанным положил его на стол. Под напускным равнодушием молодой человек едва мог скрыть охватившую его радость. Сердце его замирало от блаженства. Он живо представлял себе, с каким наслаждением прочтет это дорогое письмо, когда останется один.

— А о чем ты еще хотел сообщить мне, Хулиан? — осведомился он. — Говори скорее. Мне некогда.

— Да вот насчет Аройо и Бокардо. Они со всей своей шайкой шныряют около нас, и сеньор Верегуи приказал мне передать вашей милости...

— А, так эти бандиты еще целы и снова подбираются к нам! — воскликнул дон Рафаэль. — Передай поручику Верегуи, что я на днях приеду сам, и тогда мы займемся этими разбойниками. А теперь можешь уходить. Отдохни и отправляйся в обратный путь.

Лишь только посланный скрылся за пологом, дон Рафаэль с лихорадочной поспешностью схватил со стола письмо, но некоторое время подержал его в руке, не решаясь распечатать. Сердце молодого человека то усиленно билось, то замирало. Наконец он решился вскрыть пакетик. Из него выпал небольшой листок почтовой бумаги с несколькими строками, написанными тонким женским почерком. Строки эти содержали следующее:

«Обитатели гасиенды Лас-Пальмас не забыли любезности дона Рафаэля, оказанной им в весьма критических для них обстоятельствах, и надеются, что полковник Трэс-Виллас сочтет за знак их слабой признательности восстановление здоровья благородного коня, который был любимцем капитана Трэс-Вилласа и которого они имеют удовольствие препроводить ему».

— «Любезность!» — с горечью воскликнул молодой человек, прочитав это коротенькое послание. — Они называют это любезностью! Хороша любезность, которая основывалась на нарушении долга службы и клятвы, данной мною над оскверненным телом моего отца!.. Нет, нужно забыть этих людей! Они совершенно не понимают меня...

Однако, как ни был дон Рафаэль огорчен письмом, давшим ему совсем не то, чего он так страстно ожидал, он не разорвал и не бросил его, а положил в нагрудный карман мундира, как раз над сердцем. Может быть, это

письмо писала и не сама Гертруда — он не знал ее почерка, — но все же оно написано, по всей вероятности, не без ее участия. Кроме того, кто, как не она, позаботился о Ронкадоре?..

Утешая себя такими приятными мыслями, дон Рафаэль поспешно направился в шатер главнокомандующего. По дороге молодой человек потрепал по крутой шее своего любимца, стоявшего около входа в шатер, и с удовольствием убедился, что конь по-прежнему вполне здоров и крепок. В ответ на эту ласку Ронкадор весело заржал и потерся мордой о рукав мундира своего любимого хозяина.

Дон Рафаэль явился на военный совет последним. Там с нетерпением ожидали его и удивлялись, почему, всегда такой аккуратный, он так запоздал на этот раз.

— А, вот и полковник! — вскричал Бонавиа, увидев входившего молодого человека. — Я слышал, к вам прибыл откуда-то посланец. Он-то, вероятно, и задержал вас? Быть может, он привез вам вести, касающиеся нашего общего дела?

— Да, генерал, — ответил молодой человек, поздоровавшись с Бонавиа и с остальными. — Поручик Верегуи, командующий в крепости Дель-Валле, сообщил мне, что те двое опаснейших бандитов, Аройо и Бокардо, о которых я уже имел честь докладывать вашему превосходительству раньше, возвратились вместе со своей шайкой головорезов в Оахаку и творят там разные бесчинства. Ввиду этого я прошу вас разрешить мне, после окончания нашего здешнего дела, заняться уничтожением этих разбойников.

— Хорошо, полковник, я с удовольствием дам вам это разрешение и от души пожелаю вам полного успеха, — любезно ответил Бонавиа.

Дон Рафаэль поблагодарил, после чего все приступили к обсуждению вопроса о Гуахапаме.

— Господа, — начал Бонавиа, — наступил сто четырнадцатый день нашей осады этого жалкого городишки. Не считая мелких схваток во время неприятельских вылазок, мы, как вам известно, сделали четырнадцать правильных приступов. И, несмотря на это, мы так же далеки от нашей цели, как были в первый день...

— Даже дальше! — перебил генерал Регулес. — Продолжительный успех упорного сопротивления осажденных укрепил их уверенность в своих силах. Кроме того,

когда мы начали осаду, у них была только одна пушка, а теперь откуда-то появилось еще две...

— Уж не хотите ли вы, генерал, сказать этим, что нам следует снять осаду и бежать отсюда?

Это замечание, брошенное генералом Кальделасом ироничным тоном, ясно указывало на неприязнь, существовавшую между ним и Регулесом. И действительно, оба генерала были между собою не в особенных ладах вследствие большой разницы в их характерах. Кальделас отличался энергией, прямою и храбростью, а Регулес — излишней требовательностью и строгостью к подчиненным, при сомнительном мужестве.

— Вот этот именно вопрос я и хочу обсудить, — подхватил Бонавиа, не давая Регулесу ответить на замечание Кальделаса. — Полковник Трэс-Виллас, предлагаю вам, как младшему, высказать свое мнение первым.

— Мое мнение следующее, — начал Трэс-Виллас. — Когда полуторатысячная армия осаждает такой слабый сравнительно пункт, как город Гуахапама, защищаемый силою в пять раз малочисленнее, то необходимо или взять этот пункт, или же всем погибнуть на его валах. Поступить иначе — значит не только запятнать свою честь, но и унижить дело, которому мы служим.

— А ваше мнение, генерал? — обратился Бонавиа к Кальделасу.

— Я вполне согласен с полковником! — воскликнул тот. — Снять осаду — значит дать дурной пример нашему войску и ободрить неприятеля. И что бы сказал на это доблестный главнокомандующий нашей армии, дон Феликс Каллеха? Он тоже в течение целых ста дней осаждал Куаутлу-Амильпас, защищавшийся человеком более искусным, чем какой-то Трухано, — самим Морелосом, и все-таки в конце концов взял этот город.

— Морелос сам очистил тот город, — заметил Регулес.

— Ну, что ж такое? — возразил Кальделас. — Этим самым он и признал себя побежденным.

Настала очередь высказаться и Регулесу. Он подробно изложил все перенесенные испанцами во время осады Гуахапамы лишения, затруднения и потери и заключил свои доводы тем, что, по его мнению, не имеет никакого смысла держаться на мертвой точке понятия о чести и ради этого жертвовать жизнью тысячи человек в то время, как Морелос подступает к самой Оахаке.

В душе Бонавиа был согласен с некоторыми довода-

ми Регулеса, но сочувствовал и мнению противников последнего. Поэтому он выбрал среднее между двумя противоположностями и предложил в следующее утро сделать последний усиленный приступ, в случае же новой неудачи — снять осаду.

Пока Бонавиа излагал это мнение, со стороны города стал доноситься какой-то особенный шум. Прислушавшись, все убедились, что хор многочисленных голосов поет что-то духовное под аккомпанемент военных труб и рожков. Ко всему этому присоединялся и треск ракет, высоко взлетающих вверх. Очевидно, осажденные праздновали какое-нибудь радостное для них событие.

— Это ликование — для нас плохой признак, — поспешил сказать Регулес. — Поэтому не завтра, а сейчас же нужно снять осаду, и...

— И бежать от страха перед простым фейерверком! — с иронией договорил Кальделас.

— Или, подобно стенам Иерихона, пасть от трубных звуков! — воскликнул Трэс-Виллас.

— Смейтесь, смейтесь, господа! Посмотрим, как вы будете смеяться, когда я окажусь прав! — обиженно произнес Регулес.

Наперекор ему совет большинством голосов решил на другой день рано утром приступить к штурму города. Обсудив план и способы штурма, Бонавиа закрыл заседание, и участвовавшие в совете разошлись по своим шатрам.

Дон Рафаэль особенно спешил остаться наедине, чтобы основательно обдумать скрытый смысл полученного из гасиенды Лас-Пальмас загадочного послания. Перечитав несколько раз это послание, молодой человек почувствовал, что в его истомленное сердце проник луч радости, который ему хотелось взлелеять и дополнить утешительными мечтами.

16. В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Заглянем теперь в самый город и посмотрим, что делается там.

Случайности партизанской войны сделали простого погонщика мулов распорядителем целого города. Когда Валерио Трухано, преследуемый по пятам испанцами, укрылся со своим отрядом в Гуахапаму, этот небольшой го-

родок ничем не был защищен и не мог бы оказать ему никакого сопротивления, если бы даже и хотел. Но население городка сочувствовало партизанам и приняло их с распростертыми объятиями.

Вступив в Гуахапamu, Трухано тотчас же энергично приступил к делу. Город, к счастью, был обильно снабжен провиантом, но не имел никаких укреплений. Трухано прежде всего окружил его земляными валами, поставил на одном из них свою единственную пушку и позаботился присоединить к ней еще две, захватив их во время экскурсий по окрестным испанским гасиендам. В обывательскую жизнь города он внес образцовый порядок, за что население было ему очень признательно.

Желая во что бы то ни стало покончить с Трухано, сильно беспокоившим испанцев своими внезапными налетами, они решили взять его вместе с Гуахапамой, но все их усилия до сих пор были тщетны. Трухано не только позаботился о практических мерах борьбы с неприятелем, но примером своего нелицемерного благочестия поднял дух населения. Ради этого он ежедневно устраивал на площади публичные молебствия с духовными песнопениями. В чрезвычайных случаях эти молебствия носили особенно торжественный характер.

Такой именно случай выпал в тот самый день, когда в испанском лагере происходил военный совет. Трухано какими-то путями узнал о намерении испанцев сделать решительный нажим на город. Опасаясь на этот раз не устоять, ввиду малочисленности гарнизона, сильно поредевшего при последнем штурме, Трухано отправил к Морелосу гонца с просьбой о подкреплении. Морелос в это время находился довольно далеко от Гуахапамы и добраться до него было не особенно легко: гонец (наш знакомец, индеец Косталь), несмотря на всю его ловкость, ежеминутно мог быть захвачен испанцами, отряды которых сновали по всей стране. Гонец должен был бы уже вернуться, но его все еще не было; в городе стали уже сильно беспокоиться о нем.

О благополучном возвращении гонца и об успехе возложенного на него поручения Трухано назначил торжественное молебствие, которое и совершалось вечером на городской площади, среди развалин сгоревших при осаде домов и перед полуразрушенным старинным собором, в присутствии всех жителей. Вокруг площади пыдали смоляные факелы, хотя на небе сияла полная луна. Мо-

лебствие, руководимое самим Трухано, отличалось особенной торжественностью, так как дело шло о спасении целого города от врагов, сила которых сделалась очень чувствительной в последнее время.

В воздухе было совсем тихо, и не только звуки молитвенного пения гуахапамцев, но и самые слова его ясно доносились до часовых испанского лагеря.

Один из этих часовых ходил взад и вперед по участку лагерного вала, где еще лежали тела мексиканцев, павших в последней битве, когда Трухано сделал было ночную вылазку. Отбитые с большим уроном испанцами, инсургенты были вынуждены поспешно отступить и не успели забрать своих убитых. Испанцы же не хотели заботиться о телах врагов, оставив их в добычу пернатым хищникам.

«Господи, помилуй нас! Господи, спаси нас!» — неслось из города.

Часовой остановился за валом и стал прислушиваться к знакомым уже ему словам.

«Падет от страны твоя тысяща,— доносилось дальше,— и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится... на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия... Яко на Мя упова, и избавлю, и покрою, и яко позна имя Мое...»

Пока часовой стоял и слушал, ему показалось, будто между мертвыми телами на валу что-то шевелится, но он не обращал на это особенного внимания. Движение вдруг усилилось, и часовой невольно оглянулся, однако ничего не заметил, кроме неподвижных тел, над которыми продолжали кружиться хищные птицы.

— Ну, мне это только померещилось, будто между мертвецами что-то шевелится и сползает с вала! — пробормотал он про себя. — А в городе-то, слышь, как завывают... поют что-то насчет нас... должно быть, готовятся к чему-то важному. Пойте, пойте, голубчики! Недолго уж вам теперь петь! Вот утром сделаем новый приступ, — тогда и конец вашему пению!

Пробормотав эти заключительные слова, солдат снова зашагал взад и вперед по своему участку. В то время, когда он повернул назад к тому месту, где лежала груда мертвых тел, он совсем уже ясно увидел, как внизу вала поднялась человеческая фигура и со всех ног пустилась бежать по направлению к городу.

— Иезус-Мария! — в ужасе прошептал солдат, осе-

няя себя крестным знаменем.— Кто это, воскресший мертвец или привидение?.. Ох, Господи! да уж не шпион ли это? — вдруг спохватился он.— Да, да, вернее всего шпион... Выстрелить разве в него?.. Да нет, он уж далеко... не попадешь... зря только тревогу поднимешь. Мне же потом влетит от начальства за то, что прозевал. Нет, лучше уж молчать... будь что будет!

Придя к такому решению, солдат замолчал и принял-ся опять шагать по валу.

Готовясь к новому приступу на осажденный город, испанцы не ожидали, что на них с тыла надвигается сам Морелос со всем своим штабом и с тысячью человек солдат. Оказалось, что посланный к нему гонец, несмотря на все препятствия, встреченные им по дороге, все-таки добрался до него и передал ему свое поручение, а на обратном пути, неся радостную для гуахапамцев весть о том, что за ним следует сам генерал с большим подкреплением, ухитрился пробраться в испанский лагерь и разузнать там кое-что очень важное для Трухано. Это он-то своими маневрами при бегстве из испанского лагеря и взбодорожил так часового.

17. БИТВА ПОД ГУАХАПАМОЙ

В эту ночь Рафаэль, терзаемый своими сердечными сомнениями, спал очень плохо. Чтобы несколько развлечься, он приказал оседлать своего любимца Ронкадора и выехал из лагеря на равнину. Едва он успел отъехать с пол-лиги, как его привычное ухо уловило несшиеся навстречу звуки, по которым он сразу догадался о приближении конного войска. Войско это надвигалось на испанский лагерь с тыла. Так как не имелось никакого основания ожидать подкрепления со стороны своих, полковнику Трэс-Вилласу осталось только заключить, что приближающееся войско — неприятельское. С этой вестью он и поспешил обратно в свой лагерь.

Принесенная им весть произвела там ошеломляющее действие. Испанцы поняли, что вместо выполнения задуманного ими нового штурма Гуахапамы на них самих готовится сильный нажим с двух сторон: со стороны приближавшегося подкрепления и из города. Сообразно с изменившимися обстоятельствами, Бонавиа принял другие меры. Сначала испанское войско было сильно сму-

щено тем, что оно очутилось между двух огней, но увещевания начальства и привычка к военной дисциплине быстро его успокоили.

Поднявшееся на горизонте солнце раздвинуло туманную завесу, скрывавшую друг от друга неприятельские позиции. Мексиканские аванпосты оказались уже снятыми и возвращенными в город. Из города вновь слышался торжественный хор молившихся, а с противоположной стороны доносились крики: «Да здравствует непобедимый Морелос!» и боевой клич инсургентского марша: «Вот Галеано!»

Вскоре городские ворота открылись и из них выступил в полном боевом порядке гарнизон, к которому присоединилось несколько сот вооруженных чем попало горожан. Одновременно с этим со стороны подступал и Морелос со своим войском.

Испанцы в обе стороны открыли беглый ружейный огонь; Трухано и Морелос стали отвечать им тем же.

Морелос поручил ведение боя маршалу Галеано, а сам с подозрительной трубой в руках, окруженный свитой, поднялся на небольшую горную возвышенность, откуда свободно можно было наблюдать за боем.

Почти одновременно Трухано начал атаку на фронт испанского лагеря, защищаемый генералом Регулесом, а Галеано — на тыл, где командовал генерал Кальделас.

Перестрелка мало-помалу перешла в горячую рукопашную схватку, начатую мексиканцами. Они были гораздо малочисленнее своего противника, но под предводительством Трухано произвели такую отчаянную атаку на отряды Регулеса, что последние дрогнули и смешались было, но тут же оправились и стали сами теснить мексиканцев, так что Трухано несколько времени находился в неопределенном положении.

Между тем к генералу Кальделасу примкнул сам Бонавиа с целью соединенными силами отразить стремительный натиск Галеано, и этот герой, несмотря на все свои усилия, не мог прорвать тесно сплоченных рядов более сильного неприятеля, чтобы соединиться с Трухано.

Последний ясно видел, что ему одному долго не удержаться. Стирая струившийся по загорелому лицу пот, он сказал стоявшему возле него дону Корнелио:

— Капитан, дела наши сейчас обстоят очень плохо. Одним нам ничего не сделать. Садитесь скорее на ло-

шадь и скачите к генералу Морелосу... Он должен быть на каком-нибудь возвышенном месте... Дорогою спросите. Просите его немедленно подкрепить меня несколькими батальонами. Скажите ему, что от этого будет зависеть весь успех нашего боя. Скачите во весь дух. А я пока постараюсь сдержатъ натиск противника. С Богом, капитан!

— Слушаю, полковник! — ответил бывший студент богословия с несвойственной ему готовностью к таким опасным поручениям.

Через минуту он был уже в седле и с копьём в руке вихрем неся в объезд испанского лагеря.

В то же самое время из этого лагеря мчался офицер к Бонавиа, также с поручением просить у него подкрепления генералу Регулесу, сильно теснимому Галеаной, хотя у первого было гораздо более сил, чем у последнего. Бонавиа, невзирая на справедливые протесты Кальделаса, тотчас же двинул в подкрепление Регулесу довольно значительный отряд кавалерии.

— Хорошо же! — вскричал взбешенный Кальделас. — Если Регулес окажется причиной нашего поражения, то я разможу пулей ему голову, а потом и свою собственную!

И действительно, как бы в оправдание опасений Кальделаса, крыло его, сильно ослабленное посланным Регулесу подкреплением, оказалось не в состоянии противостоять отчаянному натиску Галеаны. Это крыло вскоре же подалось назад, ряды его смешались и ударились в бегство.

Ослепленный яростью, Кальделас повернул своего коня и, предоставив полковнику Трэс-Вилласу собирать рассеявшихся в разные стороны солдат, сломя голову помчался туда, где шла борьба между Регулесом и Трухано.

В это время дон Корнелио, стараясь как можно дальше держаться от мест сражения, объезжал кругом большое маисовое поле, находившееся в одной стороне равнины и немного возвышавшееся над нею. Высокие стебли маиса совершенно закрывали ему вид на окрестности. Благодаря этому офицер поневоле неожиданно очутился лицом к лицу с целым отрядом испанского войска.

Едва помня себя от испуга, храбрый по недоразумению воин поспешно повернул лошадь и бросился назад на перекресток, с которого попал к маисовому полю. По-

ка наш воин, стоя на этом перекрестке, раздумывал, какой из двух путей выбрать, он увидел несшегося на него во весь опор разъяренного испанского офицера с пистолетом в руке, изрыгавшего целый поток проклятий.

Наш храбрец, разумеется, вообразил, что офицер имел намерение напасть на него. Это следовало предупредить. Наэлектризованный отчаянием, храбрый воин ринулся навстречу неожиданному противнику и, очутившись с ним лицом к лицу, сильным ударом копья в грудь пронзил его насквозь. Испанский офицер свалился на землю и тут же испустил дух. Это был генерал Кальделас.

С другой стороны поля до ушей экс-студента вдруг донесся чей-то горестно-гневный возглас. Не останавливаясь, чтобы узнать, кто испустил этот возглас, храбрец поспешил дальше, вокруг линии расположения испанских войск.

Однако испытания воина поневоле этим не кончились. Он услышал за собою погоню и, оглянувшись, увидел другого неприятельского офицера, конь которого неся вихрем, едва касаясь копытами земли, словно крылатый. Бывшему богослову вдруг пришел на память апокалипсический зверь, и он был уверен, что этот зверь послан, чтобы наказать его за участие в богопротивном восстании против законной власти. В неописуемом ужасе он бросил мешавшее ему копье и стал понукать свою лошадь, которая и без того неслась во весь дух.

Но «апокалипсический зверь» настигал его. Вскоре голова этого страшного зверя очутилась на одном уровне с седельной лукой беглеца. В то же время он почувствовал себя схваченным за ворот сильною рукой, поднятым на воздух и переброшенным поперек седла его преследователя. Перед испуганными глазами беглеца сверкнул кинжал, принятый им за огненный меч карающего архангела. В паническом страхе бедняга зажмурил глаза, вполне уверенный, что пробил его последний час. Но вдруг рука, державшая кинжал, опустилась и чей-то очень знакомый голос воскликнул:

— Ба! Да это дон Корнелио Лантехас?

Открыв глаза, изумленный экс-студент увидел над собою удивленное лицо дона Рафаэля Трэс-Вилласа.

Со своего наблюдательного пункта Морелос видел стычку Лантехаса с испанским офицером, то есть, собственно, с совершенно нечаянно наткнувшимся на капитана генералом Кальделасом, спешившим, как мы знаем, по

собственному делу и сослепу даже не обратившим внимания на Лантехаса.

— Смотрите, смотрите, господа,— говорил Морелос окружающим,— стýчка между нашим капитаном Лантехасом и испанским генералом Кальделасом!.. Какой великолепный удар! Одним движением руки он свалил с лошади самого храброго из наших противников!.. Ура! Мы победили! Испанцы остались без своего мужественного вождя, как овцы без пастыря, и бросились в бегство!.. Ну, милостивый государь,— обратился он к одному из своих офицеров,— неужели вы и теперь будете утверждать, что храбрость и доблесть капитана Лантехаса — только кажущиеся? Надеюсь, что настоящий его подвиг, совершенный им на глазах у всех, заставит, наконец, вас сознаться в вашем ошибочном мнении относительно этого действительного храбреца, повинного лишь в излишней скромности.

Офицер что-то проворчал и отвернулся в сторону битвы. Морелос замолчал и тоже принялся наблюдать за сражением, которое подходило к концу и, видимо, клонилось в пользу мексиканцев.

— Ну, дело кончено! — немного спустя воскликнул с торжеством Морелос. — Неприятель в беспорядке отступает... Галеано и Трухано его преследуют... Победа наша полная, и ею мы обязаны главным образом доблестному капитану Лантехасу... Но где же он? Неужели, по свойственной ему скромности, куда-нибудь спрятался? Это с него станется... Ну, потом, когда он найдется, я поблагодарю его и постараюсь достойно вознаградить за совершенный им подвиг. А теперь мы можем удалиться отсюда туда, где наше присутствие еще нужнее, чем здесь. Трубить сбор всех частей!

Пока к Морелосу собирается рассеянное по равнине его войско, мы вернемся к мексиканскому капитану Лантехасу и испанскому полковнику Трэс-Вилласу.

Последний, как мы уже знаем, был поражен сильным изумлением, узнав в своем пленнике человека, с которым когда-то находился в дружеских отношениях, — человека мирного, даже робкого, готовившегося к духовному сану, всего более подходившему к его натуре.

«Как мог этот бледный, слабый, нежный юноша одним ударом убить такого сильного и храброго человека, как Кальделас, перед взглядом которого он сам должен был бы умереть от страха? Уж не означает ли эта не-

естественность, что наше дело — неправоё?» — думал он, глядя на пленника, и сказал вслух:

— Благодарите Бога за то, что вы попали в руки человека, которому приятные воспоминания о бывших встречах с вами не позволяют отомстить вам за смерть генерала Кальделаса, павшего от вашей руки.

— Как... это был генерал Кальделас?! — с искренним удивлением и сожалением вскричал экс-студент, не знавший в лицо нечаянно убитого им противника. — О, как я сожалею!.. Но что же было мне делать? Ведь он летел прямо на меня с пистолетом в руке! Я думал только защититься... Это вышло против моей воли.

Искренность пленника вполне убедила Трэс-Вилласа, что экс-студент действительно несколько не повинен в сознательном убийстве Кальделаса. Но его продолжало удивлять превращение богослова в военного.

— Хорошо, я верю вам и отпускаю вас, — сказал он, помогая пленнику спуститься со своего коня. — Но мне очень хотелось бы узнать, как могло случиться, что вы из студента-богослова превратились в офицера инсургентской армии?

— Тоже против своей воли, — с такою же искренностью печально ответил Лантехас. — Меня заставили...

Буря торжествующих криков, донесшаяся с поля битвы, прервала его. Очевидно, одна из сражавшихся сторон одержала победу, но какая именно — пока трудно было понять. В то же время из-за поворота дороги вдруг появилось несколько всадников, полувойсковая экипировка которых указывала на принадлежность их к инсургентской армии.

— Сеньор полковник, вот и капитан Лантехас! Он жив и невредим! — крикнул один из всадников.

В следующий момент Лантехас и Трэс-Виллас оказались окруженными полдюжиной всадников.

Положение последнего теперь оказалось таким же критическим, каким за минуту перед тем было положение Лантехаса. Пистолеты его были разряжены, сабля сломана в бою и брошена; для защиты у него оставался только кинжал. Однако гордый и храбрый молодой офицер не растерялся; он решил действовать и этим неважным оружием, но не сдаваться добровольно в плен.

— Капитан Лантехас! — раздался из группы всадников другой голос. — Поезжайте скорее к генералу. Он же-

лает публично поблагодарить вас за ваш подвиг, которым вы решили исход дела в нашу пользу.

В говорившем Трэс-Виллас не без удовольствия узнал Валерио Трухано, бывшего простого погонщика мулов, а теперь одного из прославленных вождей инсургентской армии. Стоять лицом к лицу с таким противником было не оскорбительно для чести и самолюбия испанского офицера.

Слишком гордый, чтобы напомнить Трухано о прежних взаимных услугах, он, с обнаженным кинжалом в руке, направил своего коня во весь карьер навстречу инсургентскому полковнику, и притом с такой стремительностью, что кони противников непременно столкнулись бы, если бы — кто бы мог подумать? — не Лантехас! Тронутый только что проявленным великодушием дона Рафаэля, экс-студент, рискуя попасть под копыта обеих коней, бросился между ними и схватил Ронкадора под уздцы.

— Полковник Трухано, — крикнул он, — я не понимаю, какой подвиг приписывает мне генерал! Но если я действительно поспособствовал чем-нибудь вашей победе, то не желал бы другой награды, кроме жизни и свободы полковника Трэс-Вилласа!

— Я ни от кого не желаю никакой милости! — гордо заявил дон Рафаэль.

— Но, быть может, не откажете мне вот в этом? — с искренней сердечностью проговорил Трухано, протягивая ему руку.

— Побежденный не подает руки победителю! — тем же тоном ответил Трэс-Виллас.

— Здесь нет ни побежденного, ни победителя, — продолжал Трухано со своей обаятельной улыбкой, привлекавшей к нему всех, кто имел с ним дело. — Здесь есть только человек, который не забыл когда-то оказанной ему услуги, — прибавил он.

Гордость молодого офицера была побеждена.

— Если так, то здесь не один только человек, помнящий услуги, — их двое, полковник, — с такою же сердечностью произнес он, крепко пожимая протянутую ему его благородным противником руку.

После этого оба всадника сблизили своих коней и обменялись изъявлениями доброго расположения друг к другу. Трухано воспользовался удобным моментом и шепнул дону Рафаэлю:

— Идите с Богом, куда вам нужно,— вы свободны. Идите! — с доброй и вместе с тем с какою-то загадочной улыбкой повторил он,— и сдайте себя пленником в гасиенде Лас-Пальмас. Дорога туда для вас широко открыта, поверьте мне.

Во взоре дона Рафаэля блеснул луч радостной надежды. Молодому человеку очень хотелось бы спросить у Трухано, на чем тот основывал такую уверенность, но инсургентский полковник вдруг принял официальный вид и крикнул своим солдатам:

— Расступись! Дорогу полковнику Трэс-Вилласу! Он свободен!

Затем он по всей форме отсалютовал испанскому полковнику саблей, на что тот мог ответить лишь движением руки и взглядом глубокой признательности. После этого, пожав руку Лантехасу, дон Рафаэль повернул своего коня и галопом пустился вслед за отступавшим испанским войском.

18. РАЗБОЙНИЧЬИ ЗАМЫСЛЫ

Читатель, вероятно, еще не забыл, что личные враги дона Рафаэля, убийцы его отца, Аройо и Бокардо, оставили гасиенду Лас-Пальмас, обокрав ее владельца. Эти негодные люди, воспользовавшись чисто идейным движением мексиканцев, желавших только освобождения своей родины от испанского владычества, принялись разбойничать и грабить без разбора всех, кто попадал им под руку. Как в каждом богатом мексиканском доме, у дона Мариано де-Сильва, между прочим, было много старинной и очень ценной серебряной посуды. Всю эту посуду грабители и забрали с собой, прихватив кстати еще кое-что пришедшееся им по вкусу.

К счастью для обитателей гасиенды, разбойники ограничились только этим, хотя имели гораздо более злые намерения. Остановила их боязнь окончательно скомпрометировать себя в глазах честных повстанцев и дожидаться наконец от них заслуженной кары. Дон Мариано был известен как приверженец делу освобождения Мексики; если он и не выступал активно сам, оберегая дочерей, зато щедро помогал повстанцам, чем мог. К тому же разбойники побаивались и полковника Трэс-Вилласа, который с удвоенной настойчивостью стал бы их

преследовать, если бы они, убив его отца, причинили какое-либо зло и любимой им девушке.

Поделив богатую добычу между собою и своими соучастниками — всяким сбродом, состоявшим из беглых воров и разных прожигателей жизни, — Аройо и Бокардо некоторое время пировали в городских трущобах, а потом снова стали готовиться к набегам на богатых гасиендаторов.

В это время Марианита де-Сильва вышла замуж за своего жениха, которого так нетерпеливо ожидала в день наводнения, но из-за начавшегося восстания дождалась гораздо позже. Имя ее мужа было дон Фернандо де-Лакарра. Его гасиенда, Сан-Карлос, находилась неподалеку от гасиенды Лас-Пальмас, на берегу реки Остуты, разделявшей оба владения, близ озера, носившего такое же название, как и река. Хотя дон Фернандо по крови и был испанцем, но искренне любил свою родину, Мексику, и горячо желал ее освобождения, поэтому у него с доном Мариано не было никаких политических недоразумений.

По мере того, как восстание распространялось по провинции Оахаке, испанцы усиливали свою бдительность в ее столице, и в один прекрасный день дон Мариано, тайно способствовавший этому восстанию, получил приказ губернатора немедленно выехать в поместье из столицы, в которую старый гасиендатор переселился было вместе со старшей дочерью. Перед тем, как исполнить этот приказ, дон Мариано, по просьбе Гертруды, отправил к дону Рафаэлю гонца с извещением о своем переселении из столицы опять в Лас-Пальмас и кое с чем еще уже прямо от молодой девушки. После этого он с дочерью выехал и сам. Девушку несли в носилках, так как она, терзаясь тайным сердечным недугом, очень ослабла и не могла держаться в седле. Отца и дочь сопровождал конный отряд, состоявший из пяти хорошо вооруженных слуг и четырех носильщиков.

В тот же день из лагеря генерала Морелоса выезжал дон Корнелио Лантехас. Вместо военного мундира на нем была обыкновенная штатская одежда простого путешественника. Его сопровождали индеец Косталь и негр Клэр. Дону Корнелио генералом Морелосом было дано важное секретное поручение, очень почетное, в смысле доверия к «храброму» офицеру, но вместе с тем и очень опасное..

Поручение это было следующее. Морелос задумал ов-

ладеть Оахакой, столичным городом одноименной с ним провинции. Это сделало бы инсургентского генерала обладателем не только самой провинции, но и всей южной части Мексики, от Атлантического океана вплоть до Тихого. Морелосу очень хотелось завершить таким подвигом кампанию текущего года, перед роспуском войска на зимние квартиры.

Но прежде чем предпринять такое дело, как взятие многолюдного города с сильным гарнизоном, Морелос нашел нужным сначала собрать точные, по возможности, сведения относительно ресурсов Оахаки. Сбор этих сведений он и возложил на своего адъютанта, капитана Лантеса.

Кроме того, Морелос поручил ему постараться повидать гверильясских вождей, Аройо и Бокардо, которые своими разбойничьими действиями, участвовавшими за последнее время, сильно роняли в глазах населения дело освобождения, и внушить им, что если они не прекратят своих бесчинств, то будут схвачены и казнены, как обыкновенные разбойники.

Хорошо понимая опасность данного ему поручения по отношению к таким людям, как Аройо и его неразлучный сподвижник Бокардо, воин поневоле находился в самом угнетенном настроении, когда подъезжал к реке Остуте, на обоих берегах которой был расположен лагерь этих «освободителей». В своем обычном малодушии экз-студент совершенно забывал о собственном авторитете как офицера мексиканской армии и адъютанта самого Морелоса.

Поясним, почему Аройо выбрал для своей стоянки именно это место. Дороги из городов Гуахапамы и Оахаки, в самом начале находящиеся далеко одна от другой, постепенно сближаются и встречаются на берегу Остуты, около переправы через эту реку. Гасиенда Дель-Валле была расположена на левом берегу реки, а гасиенда Сан-Карлос — на правом, — обе близ переправы.

Аройо задался целью разгромить и ограбить обе эти гасиенды, вот почему он и устроил здесь свою стоянку. Ему удалось значительно увеличить свою шайку, и в ней теперь было гораздо больше разбойников, чем в начале его «освободительной» деятельности. Он раскинул свое становище на обоих берегах реки Остуты, так что господствовал и над переправой и над дорогами к гасиендам Дель-Валле и Сан-Карлос.

День вступал в свои права. Проснулся и разбойничий лагерь. Но прежде чем побывать в этом лагере, заглянем немного в сторону. На некотором расстоянии от переправы, близ дороги, ведущей от Гуахапамы к гасиенде Дель-Валле, посреди лесной поляны, происходило какое-то совещание восьми всадников; а шагах в пятистах от них, по едва заметной тропинке, вившейся между роскошными вековыми деревьями, осторожно пробирались два пешехода, каждый с мешком на спине. Кроме того, в равном расстоянии от всадников и пешеходов, на толстых ветвях одного из густолиственных деревьев, футов в десяти от земли, спокойно спал человек, крепко привязанный длинным шелковым шарфом к ветвям дерева. Этот воздушный ночлежник был не кто иной, как дон Рафаэль Трэс-Виллас. Измученный трехдневной верховой ездой под знойным солнцем и двумя бессонными ночами, он, по пути в свою гасиенду, не нашел другого места для отдыха.

Между тем к Аройо и Бокардо явился гонец с весьма для них неприятным известием.

Из слов этого человека оказалось, что из пятидесяти гверильясов, посланных Аройо для взятия гасиенды Дель-Валле, погибла пятая часть вместе с их начальником Лантехасом (дальним родственником нашего героя, которого последний никогда не видал). Далее Аройо и Бокардо узнали от гонца, что накануне вечером возле гасиенды Дель-Валле показался было ее владелец полковник Трэс-Виллас. Его хотели схватить, но он уложил троих гверильясов саблями, а четвертого опрокинул его конь, такой же бешеный, как сам полковник. После этого конь и всадник исчезли, «словно сам черт унес их», как выразился Гаспачо. В заключение гонец сказал, что он послан осаждающими просить у капитана Аройо подкрепления, так как с оставшейся горстью людей невозможно овладеть гасиендой Дель-Валле, которая упорно защищается. Да и из этой горсти пришлось отделить десять человек для поимки бешеного полковника, так что под стенами гасиенды осталось не более тридцати человек.

Выслушав сообщение гонца, Аройо приказал ему подкрепить силы и отдохнуть, а сам вместе со своим помощником принялся обсуждать план поимки бешеного полковника и разгрома его гасиенды; затем было решено подвергнуть той же участи и гасиенду Сан-Карлос, захватить жену владельца этой гасиенды, а его самого, если

он будет сопротивляться, отправить на тот свет, предварительно выпытав от него, что нужно.

Совещание бандитов еще не вполне было закончено, как в палатку вбежала жена Аройо и крикнула:

— Клетка опустела! Птичка улетела вместе со своим караульщиком Цапотэ!

— Негодяи! Тысячу чертей им вдогонку! — взревел Аройо, вскакивая со своего места.

— Значит, и мои планы насчет поимки бешеного полковника рухнули! — воскликнул в свою очередь Бокардо.

— А вот мы увидим! — проговорил Аройо и выскочил из палатки. — Эй, вы, разини! — крикнул он толпившимся неподалеку нескольким разбойникам. — Если прозевали этих мерзавцев, Гаспара и Цапотэ, то сию же минуту отправляйтесь за ними в погоню и доставьте их сюда живыми, непременно живыми, слышите?!

Состязаясь в усердии, разбойники тут же сформировали отряд в десять человек, который и поскакал в погоню за беглецами.

19. ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ПОСЛАНЕЦ

В тот же день, под вечер, бывший студент-богослов, а ныне капитан инсургентской армии, дон Корнелио Лантехас, в сопровождении своих проводников, индейца Косталя и негра Клэра, подъезжал к реке Остуте. Не доезжая до переправы, они сделали остановку. Пока лошади щипали сочную траву, Лантехас растянулся на ней, чтобы дать отдохнуть отекившим от сиденья на седле членам, а негр занялся приготовлением ужина. Ужин состоял из вяленого мяса и нескольких горстей маисовых зерен, которые негр поджарил на огне разведенного им костра.

После ужина индеец и негр растянулись в тени деревьев и вскоре крепко заснули. Их примеру последовал и дон Корнелио, несмотря на досаждавшие ему мрачные мысли.

Когда на смену солнцу на небе появилась красавица луна, индеец проснулся, по обыкновению, первый и разбудил остальных. Взыграв лошадей, тоже хорошо отдохнувших, путники не спеша направились к переправе.

Добравшись до переправы, они не нашли около нее ни одной палатки и ни одного человека: только кое-где догоравшие костры и груды брошенного хлама свидетельство-

вали, что тут недавно кипела жизнь великого множества людей.

— Значит, тот, которого мы видели в лесу, сказал правду, что Аройо мог покинуть здешнее место и отправиться в гасиенду Сан-Карлос. Придется и нам ехать туда,— заметил индеец.

— А если эта гасиенда занята испанцами? — предположил Лантехас.

— В таком случае я сначала схожу на разведку. А вы с Клэром подождите моего возвращения,— предложил индеец.

Дон Корнелио одобрил это предложение, и индеец отправился вперед, а его спутники, сойдя с лошадей, расположились около одного из догоравших костров.

Прошло более двух часов. До гасиенды было только полчаса езды, но Косталь не возвращался. Негр вызвался отправиться по его следам и разузнать, что с ним случилось. Лантехас отпустил негра, но с тем, чтобы тот через полчаса вернулся назад, если даже не встретит индейца и ничего не узнает о нем.

Прошел еще час, но ни индеец, ни негр не возвращались. Это показалось дону Корнелию очень подозрительным. Обождав еще с полчаса, он решил сам отправиться вслед разведчикам.

Дорога шла в гору. Через некоторое время перед глазами молодого человека обрисовались очертания большой гасиенды, все окна которой были так ярко освещены, точно внутри пылало пламя. Вглядевшись, дон Корнелио заметил, что огни в доме то и дело меняют цвет, переходя из красного в фиолетовый, из фиолетового — в синий. Это показалось экс-студенту такой странностью, даже неестественностью, что он с суеверным ужасом перекрестился и не решился двинуться дальше. Он вспомнил слова оахацкого епископа о превращении инсургентов в демонов и готов был поверить, что находившаяся перед ним гасиенда занята такими демонами и что его разведчики попали к ним в лапы.

Раздумывая, что предпринять, он не заметил, как из-за деревьев, с трех сторон окружавших гасиенду, вдруг выскочили четверо всадников, которые тут же набросились на него. Подневольный воин так растерялся, что даже не сделал попытки к сопротивлению. В одно мгновение на его шею было накинуто лассо и он был стащен на землю, потом, с петель на шее, поставлен на ноги.

— Испания или Мексика?! — крикнул один из всадников, имевший особенно зверский вид.

Не зная, с кем имеет дело — с испанцами или гверильясами, — дон Корнелио колебался с ответом.

— Ну, если не желаете отвечать нам, то идем к капитану, — продолжал всадник. — Марш за нами!

Всадники сошли с лошадей и вошли в открытые ворота гасиенды.

Проходя мимо дома, из окон которого лились потоки света, один из всадников, разглядев пленника, со смехом воскликнул:

— Ба! Да это белый! Вот смешно-то — красный, черный и белый! Недостает только метиса для полного комплекта.

Из этих слов дон Корнелио понял, что его разведчики тоже попали в плен.

— Что вам нужно от меня? — догадался, наконец, он спросить.

— Самых пустяков: повесить вашу голову на то место, где висит голова нашего поручика Лантехаса! — со смехом ответил один из провожатых.

— Лантехаса?! — с недоумением и ужасом повторил дон Корнелио, не знавший, как мы уже говорили, ни о существовании этого своего дальнего родственника, ни о том, что он был убит во время приступа гверильясов к гасиенде Дель-Валле и что его голову испанцы повесили на воротах гасиенды. — Да ведь это моя фамилия, — продолжал он. — Я — капитан Лантехас, посланный сюда с поручением от генерала Морелоса к вашему...

Громкий хохот конвоиров прервал его объяснение.

— Постойте! Да ведь это тот самый милашка, у которого на плечах мой камзол!

С этим радостным возгласом один из негодяев сорвал с него камзол, потом с самого себя свои грязные лохмотья и нарядился в приличный камзол пленника. К этому он присоединил и его мягкую поярковую шляпу, швырнув ему взамен свою истрепанную.

— Вот я теперь какой молодец! — воскликнул негодяй. — Этот камзольчик как раз по мне, — прибавил он, любуясь отнятым камзолом, сидевшим на его длинной и тощей фигуре как мешок, и с рукавами, далеко не доходившими до кистей рук. — А вы, сеньор «капитан», — обратился он к дону Корнелио, — наряжайтесь в мой... Он

тоже вполне подходит вам. Не стесняйтесь, пожалуйста! Позвольте помочь вам.

И негодяй, при громком хохоте товарищей, стал напирать на пленника свои грязные и вонючие лохмотья, которые тот, скрепя сердце, вынужден был надеть.

После этого пленника ввели на обширный внутренний двор. Посреди двора горели костры, вокруг которых во всевозможных позах было сгруппировано человек полтора-два. Вдоль стен стояло столько же оседланных лошадей, перед которыми лежали кучи маиса; животные с видимым наслаждением пережевывали спелые зерна. Там и сям сверкали в пламени составленные в козлы пикеты, сабли, ружья и другое холодное и огнестрельное оружие.

Со страхом и трепетом смотрел дон Корнелио на этот разбойничий сброд. На него же самого никто не обратил никакого внимания: пленники здесь были самым заурядным явлением.

Один из сидевших около костра встал, подошел к Гаспачо и спросил у него:

— Что же это ты вернулся? Ведь тебя, кажется, капитан послал к...

— Да,— прервал гонец.— Но сначала он велел мне вместе с другими поймать здешнюю хозяйку. Она куда-то скрылась. Одни из здешних челядинцев говорят, что она удрала из гасиенды, другие уверяют, что муж спрятал ее где-то тут. Капитан, как я слышал, хочет сделать ему допрос... знаешь, с пристрастием. Когда капитан сам устанет, ему будет помогать супруга... Ведь она насчет таких допросов еще лютее... Капитан хлопочет для Боккардо, которому очень хочется заполучить эту красотку... А может быть, и для самого себя,— кто знает? Ну, да это дело не наше...

— Ну и что же, вы так и не нашли ее? — полюбопытствовал бандит.

— Нет, хотя обрыскали весь лес около гасиенды. Беглянка не могла далеко уйти, но мы не нашли даже ее следов. Вот почему капитан думает, что ее скрыл где-нибудь здесь муж, и будет допрашивать его. Он уже знает, что нам не удалось найти ее. Мы так с пустыми руками и вернулись бы, если бы не подвернулся вот этот молодчик. Мне сдается, что это испанский шпион. Он так заврался, что даже назвался именем нашего славного поручика Лантехаса, который был убит испанцами в то

время, когда мы под его началом штурмовали гасиенду бешеного полковника.

— Вот как! Ну, разумеется, шпион! — согласился собеседник Гаспачо и вернулся к своим товарищам.

Пока Гаспачо ходил узнавать, куда Аройо прикажет привести пленника, последний, находясь все еще на дворе, имел возможность слышать, как похвалялись разбойники, что они проникли в эту гасиенду обманом, впущенные туда самим ее владельцем, который теперь сам, его имущество и жена, когда отыщется,— все в их власти.

И действительно, дон Фернандо, сочувствовавший делу освобождения родины, не раз укрывал у себя инсургентов, снабжая их провиантом и деньгами. Так и в этот раз. Когда хорошо знакомый ему Аройо явился вечером в этот день в гасиенду Сан-Карлос, дон Фернандо, не подозревая злого умысла бандита, впустил его к себе со всей его шайкой. Сам хозяин и вся его гасиенда тотчас же оказались в полной власти разбойников, которые и принялись там хозяйничать по-своему. Когда дон Фернандо понял свою ошибку, было уже поздно исправить ее. Хотя у него немало было разных служащих, но все же далеко недостаточно против полутораэта хорошо вооруженных отчаянных головорезов. И он поневоле должен был покориться своей участи.

— Капитан приказал привести шпиона прямо к нему, а вам пока оставаться здесь,— объявил возвратившийся Гаспачо своим товарищам, ожидавшим вместе с пленником его возвращения.

Дона Корнелио ввели в обширную комнату нижнего этажа с мозаичным полом. Посредине комнаты стояла большая металлическая бадья, наполненная горевшим в ней спиртом. Постоянно менявшее окраску пламя спирта и производило то странное разноцветное освещение, которое так напугало дону Корнелио, когда он смотрел на дом снаружи. Окна в комнате не были открыты, поэтому в ней царил опьяняющая, удушливая атмосфера, трудно переносимая для непривычного человека.

У одной из стен столпилась группа разбойников, видимо, наслаждавшихся каким-то зрелищем. Зрелище это состояло в том, что на полу, лицом к нему лежал совершенно обнаженный человек со связанными руками и ногами, а над ним стоял другой и изо всех сил хлестал его длинным кожаным жгутом, проводя по спине истязуемого кровавые полосы. Брызги крови, усеивавшие весь

пол вокруг жертвы, доказывали, что истязание длилось уже довольно долго.

Тот, который производил истязание, озаренный фантастическим пламенем пылавшего спирта, показался дону Корнелио настоящим демоном,— до такой степени была дика и свирепа его физиономия. Рядом с ним стояла огромного роста женщина, чернолицая, безобразная, еще более дикого вида, чем мужчина, и хриплым голосом поощряла истязателя «хорошенько прохватить этого упрямого испанца, который не хочет добровольно сказать, где его сокровища, долженствующие идти на общее благо, и куда он спрятал свою жену, за которую можно получить хороший выкуп с ее отца».

— Капитан, вот пленник, которого вы приказали привести сюда,— доложил Гаспачо истязателю, к сильному смущению дона Корнелио, никак не ожидавшего увидеть Аройо в такой позорной роли.

— Хорошо! — прорычал, не оборачиваясь, палач.— Я займусь им, как только добыюсь от этого упряма, где у него спрятаны деньги и жена.

И снова бич, прорезав со свистом воздух, обрушился на спину злополучной жертвы, вздрагивавшей и стонавшей от боли.

Оставленный один среди этих людей, после того как Гаспачо, бросив равнодушный взгляд на картину истязания, снова вышел во двор, дон Корнелио стоял в полном оцепенении, пораженный ужасом. Помимо глубокого сострадания к истязуемому, он мучился мыслью о том, что его спутники, наверно, уже погибли здесь и что теперь наступает очередь его самого.

Дав еще несколько ударов своей жертве, Аройо, вероятно, устал. Он бросил бич жене, нетерпеливо ожидавшей этого момента, и, тяжело отдуваясь, подошел к пленнику. Дон Корнелио совсем обмер от ужаса, когда увидел вблизи зверское лицо этого человека, но из чувства собственного достоинства старался подбодрить себя.

— Почему вы в таком неприличном виде явились ко мне? — набросился палач на пленника, окидывая взглядом его лохмотья.

— Потому что ваши же люди сняли с меня одежду,— резко ответил дон Корнелио, сам не ожидавший от себя такой храбрости.— Я ехал сюда с важным поручением к вам в сопровождении двух слуг и в приличном платье.

Слуги мои, вероятно, захвачены вашими людьми, а я обокраден ими.

— Гм?.. Вы говорите, что вы ехали ко мне? — посбавив несколько тон, спросил Аройо.

— Да,— продолжал дон Корнелио,— с поручением от генерала Морелоса. Я его личный адъютант. Мое имя — Лантехас...

— Лантехас?! — с изумлением вскричал разбойничий атаман.— Как вы смеее так лгать! Поручик Лантехас на днях погиб под стенами Дель-Валле от руки бешеного полковника Трэс-Вилласа, и его голова висит на воротах гасиенды. Мы собираемся снять ее оттуда и заменить какою-нибудь другою... например, голову его убийцы. А вы, по всей вероятности, испанский шпион и, чтобы прикрыть себя, назвались славным именем Лантехаса! Да, вы, несомненно, шпион, и вдобавок самозванец!..

— Я не шпион и не самозванец! — возразил пленник с не свойственной ему резкостью.— Мое полное имя — Корнелио Лантехас. Я — капитан армии освобождения и личный адъютант генерала Морелоса. Он послал меня к вам, и я от его имени протестую против насилия, которому подвергся со стороны ваших людей.

— А где доказательства, что вы не лжете? — продолжал Аройо, опять несколько сбавляя тон.

— Письменные доказательства находятся в кармане моего камзола, снятого с меня одним из ваших людей. Кроме того, мою личность могут удостоверить мои провожатые, индеец и негр. Я их отправил вперед. Они, повторяю, должно быть, также захвачены вашими людьми. Прикажите позвать их, если они еще целы. При этом я должен еще сказать, что генерал Морелос крайне недоволен вашими действиями, и если вы не прекратите...

— Ну, об этом мы потолкуем потом, когда я узнаю наверное, кто вы! — грубо прервал Аройо и, обернувшись к своим людям, крикнул им: — Позвать сюда провожатых этого человека!

Через несколько минут двое гверильясов привели Клэра. При взгляде на него Лантехас с удовольствием убедился, что хотя одежда негра сильно потрепана, но он сам цел и невредим.

— Кто этот человек? — спросил у него Аройо, указывая на Лантехаса.— Только смотри, черномазый пес, говори правду, а не то я вырву у тебя язык!

— Дон Лукас Алакуэста,— ответил негр, ощерив свои белые, как слонобая кость, зубы.

— Вот видите! — вскричал торжествующим тоном Аройо. — А вы осмелились...

Но дон Корнелио не дал ему окончить и в свою очередь спросил негра:

— А как мое настоящее имя и кто я?

— Сеньор дон Корнелио Лантехаса, капитан мексиканской армии и личный адъютант сеньора Морелоса, — поспешил ответить негр, поняв, что он сначала ответил не так, как было нужно.

— Доказательства! Доказательства! — снова крикнул Аройо. — Одним словам я не верю, в особенности таких людей, как этот черномазый пес. Мне нужны письменные доказательства!

В этот момент за дверями послышался смешанный крик нескольких голосов, среди которых особенно выделялся голос Косталя. Вслед за тем в комнату вбежал сам индеец, одною рукой размахивая окровавленным кинжалом, а другою, обернутою во что-то суконное, обороняясь от толпы преследовавших его гверильсов.

— Этот краснокожий индейский пес ударил кинжалом Гаспачо! — крикнул один из преследователей индейца, указывая на него Аройо.

— Да, я ударил его, чтобы вернуть одежду, которую он снял с капитана Лантехаса и не хотел отдать добровольно! — сознался индеец. — Извольте получить, сеньор капитан, — прибавил он, снимая с руки камзол и передавая его дону Корнелио.

Последний поспешно схватил свой камзол, порывшись в одном из его карманов и вытащил оттуда пакет с бумагами.

— Вот требуемые вами доказательства! — воскликнул он, бросая пакет к ногам Аройо.

Тот машинально нагнулся и поднял пакет, который оказался открытым. Вынув из пакета бумаги и пробежав глазами текст документов, удостоверяющих личность и звание дона Корнелио Лантехаса, а также его чин и состояние в качестве адъютанта при генерале Морелосе, разбойничий атаман сильно смутился. Однако, не желая показать этого, он с прежним нахальством сказал:

— Да, подпись и печать генерала Морелоса, кажется, подлинные и подтверждают, что вы действительно

тот, кем называете себя. Я готов верить этому. Что же касается внушений, сделанных вами мне от имени генерала Морелоса, то прошу передать ему в ответ от меня, что каждый действует по-своему, и я намерен продолжать так, как начал, а угроз никаких не боюсь... Ну, теперь вам здесь нечего больше делать, поэтому можете отправляться назад вместе с вашими провожатыми. Возвратить этим людям оружие, лошадей и все, что у них отобрано, как у подозрительных лиц, и проводить их до переправы! — распорядился он.

Можно себе представить, с какою радостью услышал это распоряжение дон Корнелио. Опасность, которая угрожала ему и его спутникам здесь, была одна из самых страшных, когда-либо испытанных им.

20. НЕУЛОВИМЫЙ

Вернемся теперь к полковнику Трэс-Вилласу, которого мы оставили спящим в лесу.

Из донесения Гаспачо своему начальнику Аройо мы уже знаем, что полковник накануне вечером подъезжал к своей гасиенде, около которой ему пришлось схватиться с осаждавшими ее гверильясами. Нескольких из них он уложил на месте, а от остальных благополучно ускользнул на своем верном Ронкадоре.

Очутившись в лесной глуши, он привязал своего коня к дереву, вокруг которого росло много сочной травы, а сам забрался на это дерево и там, прикрепив себя длинным шарфом к ветвям, чтобы не свалиться на землю, устроился на ночь. Сильно утомленный трехдневным путешествием от Гуахапамы до своей гасиенды, он тут же крепко заснул и спокойно проспал до самого утра.

Посланные гверильясами ловить «бешеного полковника» десять человек до такой степени боялись его, считая его в родстве с демонами, что решили не гоняться за ним ночью, а переночевать где-нибудь поблизости и приняться за погоню на рассвете, «когда вся нечистая сила прячется».

Часть ночи гверильясы провели в карточной игре, во время которой так перессорились между собою, что дело дошло до драки, причем двое оказались избитыми почти до смерти, и утром, когда нужно было начать погоню за «бешеным полковником», они были вынуждены остаться

на месте. Таким образом, погоня состояла только из восьми человек, которых утром мы и видели совещающимися на лесной поляне. Они даже и не подозревали, что тот, кто им нужен, находится у них, так сказать, под боком.

С целью обследовать лес с двух сторон гверильясы разделились на две части. Одна из них вскоре же столкнулась с отрядом, посланным в погоню за слугою дона Мариано де-Сильвы и его караульным, бежавшим из лагеря Аройо. Оба отряда, обменявшись паролем, столкнулись насчет обоюдной поддержки и разъехались в разные стороны, условившись, однако, не терять связи между собою.

В это время и проснулся дон Рафаэль.

Со свойственной ему быстрой сообразительностью он сразу понял, что гверильясы, наверное, будут разыскивать его по следам, чтобы захватить в плен, и решил поскорее убраться с этого опасного места.

Дон Рафаэль направился к своему коню, которого вечером оставил привязанным к одному из соседних деревьев. Ронкадор оказался цел и невредим, но, видимо, сильно страдал от жажды, которая мучила и его хозяина. Точно понимая угрожавшую хозяину опасность, умное животное во все время ни разу не заржало, чтобы не выдать его. И теперь, когда дон Рафаэль подходил к нему, он от радости только задрожал и повернул к любимому хозяину свою благородную голову, но опять-таки молча.

— Бедный мой! — проговорил дон Рафаэль, трепля его по крутой шее и отвязывая от дерева. — Измучился ты и хочешь пить. Я тоже чувствую жажду. Пойдем искать воду... Только тише, как можно тише! — прибавил он, прислушиваясь к голосам, которые стали раздаваться по лесу.

Пока дон Рафаэль, стараясь определить, с какой стороны доносятся эти голоса, принадлежавшие, без сомнения, его преследователям, осторожно пробирался к бамбуковым зарослям, ведя под уздцы Ронкадора, Цапотэ и Гаспар также спешили спастись от своих преследователей. Им было легче делать это, чем дону Рафаэлю, потому что Цапотэ знал такие глухие тропинки и обходы, куда не мог проникнуть ни один всадник.

Беглецы долго шли молча. Наконец Гаспар первый прервал молчание.

— Эх, как досадно, что мы не узнали имени этого

сеньора! — начал он. — По всей видимости, это какой-нибудь важный человек.

Он и не подозревал, что встретил именно того, к кому был послан и кого все время искал.

— На что нам нужно было знать его имя? — возразил Цапотэ. — Он мог бы подумать, что мы хотим выдать его, если бы стали допытываться, как его зовут и кто он. Мне очень жаль, что я не мог проводить его, и опасаюсь, как бы он не попал в руки наших.

Вскоре беглецы вышли на большую дорогу, ведущую в Гуахапаму и пролежавшую около лесной опушки.

— Стой! Кто идет? — вдруг раздался грозный окрик, и им преградил дорогу вооруженный всадник, вынырнувший точно из-под земли. — Ба! Да это ты, Цапотэ? — совсем другим тоном продолжал он, узнав в беглеце своего товарища.

— Я самый! — отозвался Цапотэ. — Здравствуй, друг Перико! Зачем ты попал сюда?

— Я тут не один. Нас целый отряд. Мы посланы ловить одного испанского офицера. А ты как очутился здесь и кто это с тобой?

— Товарищ, недавно поступивший к нам на службу, — солгал без запинки Цапотэ. — Мы очень спешим по одному важному делу, которое поручил нам капитан.

— А куда и зачем вы посланы? — любопытствовал Перико.

— Ну, ты об этом лучше спроси у самого капитана, если тебе так хочется знать! — проговорил с улыбкой Цапотэ. — Видишь, как мы одеты, и идем с секретным поручением. Если мы откроем тебе секрет и капитан узнает об этом, то знаешь, что он способен сделать с нами?

— Знаю, знаю... Ну, идите. Счастливый путь... Ах, да, кстати! Не встретился ли вам тут, в лесу, бешеный полковник Трэс-Виллас? Мы осаждаем его гасиенду, которую он превратил в настоящую крепость. Недавно он сам появился около нее, и мы напали на него. Но он уложил четверых из наших и улизнул.

— А какой он из себя? — осведомился Цапотэ.

— Молодой еще, рослый, смазливый, с черными волосами и усами. За его поимку капитан назначил пятьсот долларов. Если вы видели его, скажите — где. Мы поймаем его, доставим к капитану, получим награду и поделимся с вами.

— Пятьсот долларов! — воскликнул Цапотэ и на мгно-

вение задумался, но потом решительно проговорил: — Нет, такого мы не встречали.

— Жаль! Ну, до свиданья!

С этими словами Перико повернул лошадь и через минуту скрылся в лесной заросли.

— Ну, так и есть! Это и был сам дон Рафаэль Трэс-Виллас, которого я везде ищу, чтобы передать ему посылку. Как это я, дурак, не догадался спросить его имя? — сокрушался Гаспар, смотря вслед удалявшемуся всаднику.

— Пятьсот долларов! — снова повторил Цапотэ, устремив задумчивый взгляд туда же. — Впрочем, много ли бы нам досталось из этой суммы? Да, притом, нам теперь нельзя и показаться капитану, — прибавил он, махнув рукой.

— Это верно, друг! — подтвердил его спутник. — Только знаешь что? Нам теперь тоже следует идти в Дель-Валле. Ведь туда направляется дон Рафаэль.

— Разумеется! Только сначала мы пройдем к бамбуковой заросли, куда я направил от своего дома Рафаэля. Может быть, там мы и найдем его.

— А разъезды, в особенности те, которые посланы за нами самим капитаном? — тревожно возразил Гаспар.

— Ничего, мы отделаемся и от них. Я уже кое-что придумал, сумею заговорить зубы и им. Идем к зарослям!

— Ну, как знаешь, — проговорил Гаспар и последовал за своим проводником, повернувшим назад, к бамбуковым зарослям.

Дон Рафаэль осторожно пробирался вместе с Ронкадором по лесной пуще. Ему то и дело приходилось прибегать к помощи сабли, чтобы прорубить дорогу среди сплошной сети лиан и других перепутавшихся растений. К счастью, те, которые гонялись за ним, так громко перекликались между собою, что дон Рафаэль все время мог знать, в какой они стороне и даже приблизительно сколько их. Очевидно, это были люди совершенно неопытные в порученном им деле, иначе они не стали бы так открыто выдавать себя. Это-то и благоприятствовало преследуемому.

Но иногда он попадал в критическое положение. Временами обе партии, разыскивавшие его, а также двух других беглецов, Гаспара и Цапотэ, напав на чей-либо след, сзывали одна другую свистками и старались со всех

сторон окружить подозрительное место. Была минута, когда они совсем было напали на след дон Рафаэля возле того места, где он ночевал и откуда они без особенного труда могли бы последовать за ним. Приготовившись вскочить на своего коня, дон Рафаэль достал из кобуры пистолеты и стал выжидать.

Вдруг ему пришла на ум одна хитрость, применяемая в подобных случаях индейцами. Он поднял с земли сухой сук, придав ему вид молотка и стал им стучать о ствол дерева, искусно подражая дятлу, когда тот долбит клювом дерево. Известно, что эта птица всегда выбирает самые укромные места в лесной глуши, как можно дальше от людей: откуда слышится ее стук, там не может быть человека.

Уловка эта удалась. Слышно было, как один из преследователей крикнул другим:

— Стой, братцы! Слышите, как долбит дятел? Значит, там никого нет. Бешеный полковник, должно быть, уже успел улизнуть куда-нибудь. Его надо искать в других местах.

Разъезд направился в другую сторону. Дон Рафаэль облегченно вздохнул. Опасность пока миновала. Можно было снова двинуться вперед, в противоположную сторону от преследователей.

Через некоторое время путнику попались на глаза спелые, сочные плоды папайи, которыми он мог хоть отчасти утолить томившие его голод и жажду. Вскоре встретился и горный ручеек. Изнывавший от зноя и жажды Ронкадор также был, наконец, напоен и освежен.

Время перешло за полдень, и косые солнечные лучи стали проникать сквозь зеленую листву, когда дон Рафаэль добрался до берега реки Остуты и увидел недалеко высокую и густую бамбуковую заросль, о которой говорил ему Цапотэ. Лес почти вплотную подступал к этой заросли.

Укрыв там своего коня, дон Рафаэль взобрался на высокое дерево, росшее на опушке, и принялся производить с этой «обсерватории» обзор окрестностей. Убедившись, что вокруг все тихо и безлюдно, он спустился на землю и, в ожидании вечера, прилег возле Ронкадора в заросли исполинских бамбуков, как раз против того места, где, на противоположном берегу, громоздилась грубая палатка Аройо, возле которой взад и вперед шныряли пешие и конные гверильясы.

Наконец наступил и вечер. Вдруг дон Рафаэль заметил человека, переправлявшегося вброд через реку, тревожно осматривавшегося по сторонам и, видимо, куда-то очень спешившего. Когда он вышел на берег, дон Рафаэль, с целью получить от него какие-нибудь сведения, выскочил из своего убежища, направился незнакомцу навстречу и с обнаженной саблей в руке преградил ему путь.

— О, Господи! Как вы меня испугали, сеньор! — вскричал незнакомец, молодой парень добродушного вида, по-видимому, из простонародья.

— А кто ты и куда так спешишь? — осведомился дон Рафаэль.

— Я — слуга и спешу за помощью своему господину.

— А кто твой господин?

— Дон Фернандо Лакарра.

— Разве он в опасности?

— Да, в большой... А вы знаете его, сеньор?

— Знаю. Ему принадлежит гасиенда Сан-Карлос, и он женат на младшей дочери дона Мариано де-Сильвы.

— Верно. Но вам, может быть, неизвестно, что часа два назад в гасиенду забрался тот разбойник Аройо вместе со своим помощником Бокардо, с ведьмой-женой и со всей своей шайкой. Они теперь хозяйничают там. Схватили дона Фернандо и стали требовать от него, чтобы он отдал им свою супругу «напрокат», все деньги и драгоценности. А так как дон Фернандо не соглашается, то они его раздели донага, связали и стали бичевать...

— Какие мерзавцы! — вскричал возмущенный полковник. — И расправлюсь же я с ними! — прибавил он, потрясая саблей. — Ну, а что с сеньорой Марианитой? Где она?

— Я и ее горничная помогли ей выбраться из дома в окно и посоветовали спрятаться где-нибудь в лесу, пока не явится помощь.

— А откуда ты рассчитываешь получить эту помощь?

— Из гасиенды Дель-Валле. Я туда и спешу.

— Да ведь эта гасиенда окружена разбойниками из шайки Аройо?

— Нет, он их отозвал оттуда, чтобы сначала покончить с гасиендой Сан-Карлос, а уж потом сделать нападение на Дель-Валле со всеми силами.

— Ага! Это хорошо! — обрадованно воскликнул дон Рафаэль. — Следовательно, теперь около Дель-Валле ни-

кого нет. Мне самому нужно как раз туда же... Садись и ты сзади,— продолжал он, выводя из-за дерева Ронкадора и вскакивая в седло.— Держись крепче за меня. Мы поедем быстро и живо будем на месте. Командующий в Дель-Валле поручик Верегуи — мой хороший знакомый. Он даст мне людей, и мы вот как расправимся с разбойниками! Не замучили бы только злодеи до смерти дон Фернандо да не разыскали бы в лесу сеньору Марианиту...

— Да, и я страшно боюсь этого! — ответил парень, взбираясь при помощи дон Рафаэля на коня и усаживаясь позади седла.— Бедная сеньора! Как она радовалась сегодня утром, когда узнала, что к вечеру приедут дон Мариано и сеньорита Гертруда. Ведь она так давно не видала их.

— Сегодня вечером они должны были приехать? — тревожно переспросил дон Рафаэль, пуская крупной рысью Ронкадора.

— Точно так, сеньор. Утром приезжал от них гонец с письмом. Упаси Боже и этих господ попасть в руки разбойников!..

— Ну, Бог даст, не попадут! — как бы в утешение самому себе проговорил дон Рафаэль.

— Дай-то Бог! — с искренним вздохом ответил парень и, немного помолчав, продолжал: — Слышно, сеньорита Гертруда не совсем здорова. Быть может, это и задержит их в пути.

— Не совсем здорова? Что же с ней? — слегка дрожащим голосом спросил молодой человек, и парень почувствовал, как сидевший впереди всадник вздрогнул.

— Говорят, у нее какое-то тайное горе. Оно-то вот и точит ее.

— Влюблена, что ли, в кого? — внешне равнодушным тоном пытался дон Рафаэль, хотя у самого сердце от волнения готово было выскочить из груди.

— Да, в какого-то испанского офицера,— продолжал парень.— Говорят, сеньорита так любила его, что по случаю какой-то угрожавшей ему смертельной опасности она даже не пожалела своих пышных волос, чтобы принести их в жертву Пресвятой Деве... Должно быть, этот офицер забыл про нее, а она все еще любит его, вот и сохнет, как былинка в поле под солнцем... Но что это вы так трясетесь, сеньор? Уж не лихорадка ли у вас? — с участием осведомился парень, чувствуя, как всадник, за

которого он крепко держался, чтобы не свалиться с лошади, дрожит с головы до ног.

— Да, у меня в это время иногда бывает лихорадка,— пробормотал дон Рафаэль, довольный, что под этим предлогом он может скрыть волновавшие его чувства.

Он замолчал и стал понукать Ронкадора, и без того достаточно быстро бежавшего под двойной тяжестью. Словоохотливый парень пробовал было, немного погодя, снова заговорить. Но молодой человек, погруженный в свои мысли, не слышал его, так что в конце концов замолчал и тот.

Через полчаса показалась и гасиенда Дель-Валле, со стены которой раздался оклик часового, когда всадники подъехали к воротам.

— Доложить поручику Верегуи, что приехал полковник Трэс-Виллас! — крикнул дон Рафаэль.

Почти вслед за тем со двора гасиенды стали доноситься веселые звуки военных труб и рожков, заигравших радостную «встречу» любимому начальнику, которого уже считали погибшим или захваченным в плен. Увидев и услышав это, спутник дона Рафаэля поспешил соскочить с лошади на землю и принялся всячески извиняться, что не узнал высокого звания сеньора кабальеро и был к нему недостаточно почтителен.

— Ничего, ничего, друг! — успокоил его дон Рафаэль.— Ты ни в чем не виноват передо мною. Входи смело в мою гасиенду. Я прикажу накормить тебя, пока сам буду делать нужные приготовления, чтобы помочь твоим господам и раз навсегда положить конец разбойничьим подвигам Аройо и его шайки.

Ворота гасиенды широко распахнулись и из них выступило целое шествие с факелами. Во главе шел поручик Верегуи, временный комендант крепости Дель-Валле.

— Добро пожаловать, полковник! — приветствовал он дона Рафаэля, идя рядом с его конем, радостно заржавшим при виде родных конюшен.— Вы приехали как раз вовремя. Разбойничий атаман Аройо...

— Знаю, знаю, поручик, и, быть может, даже больше вас! — прервал его Рафаэль.— Аройо хозяйничает в Сан-Карлосе, и я немедленно отправлюсь туда на выручку дона Фернандо... Сколько у нас людей?

— Сотни полторы вместе со слугами наберется. По вашему приказанию я подготовил и ваших служащих, так что они теперь не уступят солдатам...

— Отлично! Благодарю. Отделите мне сотню самых отборных и приготовьте одну из мортир. Чтобы через полчаса отряд был готов выступить со мною.

— Слушаю, полковник. К назначенному вами времени все будет готово,— ответил бравый служака и поспешно удалился, чтобы исполнить полученное приказание.

Дон Рафаэль прошел в сад, на могилу отца. Там молодой человек повторил свою клятву отомстить убийцам отца. В то же время его сердце рвалось навстречу любимой девушке. Он думал, что она все еще находится в Оахаке и забыла его. Но теперь, благодаря встреченному им слуге из гасиенды Сан-Карлос, он узнал, что девушка едет туда и мучится каким-то тайным недугом. Он чувствовал причину этого недуга и, как все искренне любящие люди, сам страдал, но вместе с тем и радовался этой причине. Ему страстно хотелось опять увидеть Гертруду и уверить ее в неизменности своих чувств к ней. Он надеялся, что она, услышав это, вновь оживет и расцветет в лучах взаимного счастья.

Но он не чувствовал, что здесь, в гасиенде, его ожидает человек, принесший ему прядь волос любимой девушки, которую она обещала прислать ему, когда найдет это нужным. Дело в том, что Гаспар и Цапотэ попали в гасиенду Дель-Валле раньше ее владельца. Когда они объявили часовому о цели своего прихода, их впустили в гасиенду и оставили до прибытия дона Рафаэля.

После сытного ужина утомленные беглецы крепко заснули и проспали приезд и отъезд дона Рафаэля, а разбудить их никто второпях не догадался. Таким образом Гаспару и на этот раз не удалось исполнить возложенного на него поручения. Тот, кого он искал, был так же неуловим для него, как и для тех, которые гонялись за ним по другой причине.

21. ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО

Поздний вечер. Высоко раскинулось звездное небо над обширным плоскогорьем, где бесплодные саванны сменяются девственными лесами и болотами с тростниковыми зарослями. Посреди этого пейзажа находится большое озеро замечательно мрачного вида. Воды озера так

мутны и темны, что самые яркие звезды отражаются в них бледными, расплывчатыми точками. Даже плеск волн о берега, окаймленные густым, непроницаемым камышом, звучит как-то особенно печально и зловеще.

Почти на самой середине озера высится странной формы утес темно-зеленого цвета, напоминающий те исполинские каменные нагромождения на могилах, которыми в глубокой древности дикие племена чтили память своих вождей. Конусообразная вершина этого утеса постоянно закрыта белою пеленою тумана, образующегося из водяных испарений, между тем как сам утес издали кажется скелетом какого-то исполинского допотопного чудовища. У ног этого чудовища в лунные ночи копошились современные чудища — аллигаторы.

Мрачный вид этого озера и его неприветливых берегов, странные очертания выдвинувшегося из его недр утеса, постоянное безмолвие, царящее вокруг него — все это производило на случайного зрителя крайне удручающее впечатление. Поэтому нисколько не удивительно, что суеверные люди считали это озеро обиталищем разных духов и уверяли, что древние ацтеки имели на вершине утеса алтарь для кровавых жертвоприношений.

В нескольких лигах от гасиенды Сан-Карлос ехавший туда дон Мариано де-Сильва узнал, что по окрестностям рыщут разбойничьи шайки Аройо. Опасаясь столкнуться с ними ночью, дон Мариано решил лучше остановиться до утра в перелеске, на одном из берегов заколдованного озера. Он знал, что это озеро считается нечистым, а потому сюда ночью никто не заберется. Хотя он сам и его девять слуг и были хорошо вооружены, но что значила эта горсть против «целых полчищ», которых стоустая народная молва объявила состоявшими под началом Аройо и его помощника Бокардо? Дон Мариано имел основание тем более бояться, что с ним была больная дочь.

Местом стоянки он выбрал небольшую поляну, со всех сторон укрытую густолиственными деревьями. Земля была покрыта пышным зеленым ковром сочной травы, а цветущие вьющиеся растения, обвивавшие деревья, насыщали воздух приятным ароматом. Над этой природной беседкой раскидывался темно-синий бархатный балдахин, усыпанный сверкающими золотыми звездочками.

Убаюканная мерным движением носилок, Гертруда заснула в них, и отец не велел ее будить. Сквозь раздвиг

нутую немного занавеску можно было видеть прекрасное, но страшно исхудавшее и побледневшее лицо девушки с темными кругами под глазами.

Носилки были поставлены на землю. Рядом с ними, на подостланных одеялах, расположился и дон Мариано, намеревавшийся не спать, пока будет отдыхать его дочь. Четверо слуг уселись в стороне, на опушке перелеска, почти на самом берегу озера, и, чтобы тоже не задремать, занимали друг друга разговорами, а остальные пятеро отправились в разные стороны на разведку. Тут же, невдалеке, с наслаждением жевали сочную траву шесть лошадей.

С того места, где сидели слуги, был хорошо виден таинственный утес, тянувшийся из озера к небу.

— Я слышал от стариков, — начал один из слуг, — что в очень давние времена это озеро было чистое и прозрачное, как хрусталь, а мутным и темным оно сделалось с тех пор, когда кем-то было посвящено дьяволу, который поселился на утесе посреди озера...

— Трудно поверить, чтобы тут решился поселиться даже дьявол, — прервал другой слуга. — Ведь и он мог бы найти себе более приятное местечко.

— Ну, если он там и не живет, — продолжал первый, — все же на этом утесе до сих пор творится что-то страшное. Для того, чтобы скрыть это от людей, верхушка утеса всегда находится в тумане. Один старый индеец рассказал мне любопытную историю об этом утесе. Если хотите, я передам вам ее.

— Говори, говори, друг Зефирино! — разом вскричали заинтересованные слушатели.

Рассказчик откашлялся и начал:

— В давние времена на этом утесе был устроен индейскими жрецами алтарь для человеческих жертвоприношений... Говорят, они резали там людей целыми партиями, так что кровь по глубоким трещинам скалы лилась прямо потоками. Положив связанного по рукам и ногам человека на жертвенник, жрецы прежде всего вскрывали у него грудь и вырывали сердце...

— Вот зверство-то! — вскричал один из слушателей. — Ну и мерзавцы же были эти индейцы!

— И теперь есть люди, даже и не среди индейцев, способные на то же самое, если не на худшее, — заметил рассказчик, и продолжал: — Так вот, лет пятьсот назад случилось чудо. Лишь только жрец вынул из груди од-

ного обреченного трепетавшее еще сердце, как вдруг тот протянул руку, вырвал у жреца свое сердце и хотел было вложить его обратно на место в груди, но тут сердце выскользнуло у него из руки и скатилось со скалы в озеро. Обреченный — он тоже был индеец — с громким воплем бросился вслед за ним в воду. Надо полагать, что этот индеец не нашел тогда своего сердца и продолжает искать его до сих пор, потому что его часто видят в озере и около него. Те, кто видел его, говорят, что как пятьсот лет назад жрец вскрыл ему грудь, так она и осталась открытой до сих пор. Я знаю одного человека, который сам видел его здесь в прошлом году, — заключил рассказчик.

Когда он кончил, все слушатели с невольным любопытством и страхом посмотрели на озеро — не бродит ли там и сейчас легендарный индеец. Как раз в этот момент возле них послышался какой-то шорох. Бледные, дрожащие, растерянные, все четверо вскочили на ноги. Оказалось, что к ним подходит один из разведчиков, их же товарищ.

— Как ты напугал нас, Кастрильо! — воскликнул Зефирино. — Я только что рассказывал тут одну страшную историю, вдруг слышим, кто-то подбирается к нам... Впрочем, ты и сам выглядишь так, словно тоже чего-то испугался. Что ты видел?

— Кое-что неладное... Но сначала я должен обо всем доложить сеньору Мариано, — проговорил разведчик и поспешно направился к хозяину.

— Говори потише, Кастрильо, — шепотом предупредил его дон Мариано, кивнув на носилки со спавшей в них дочерью. — Где был и что видел?

— Доходил до самой гасиенды Сан-Карлос, — шепотом рапортовал разведчик. — Дорога туда чиста, и я вошел бы в самую гасиенду, если бы не зрелище, которое поразило меня...

— Что же это за зрелище?

— Очень странное, сеньор... Не знаю, как и объяснить, чтобы вы поверили... Все окна в господском доме гасиенды так и пылают, словно там пожар, но пожара нет, а только какое-то удивительно яркое пламя, которое кажется то синим, то фиолетовым, то красным и как будто перебегает с места на место. Пока я соображал, стараясь понять, что бы это могло значить, вблизи меня, между деревьев, быстро промелькнула какая-то белая фигура, словно привидение...

— Ну, все это тебе действительно только привиделось, Кастрильо,— возразил дон Мариано.— Ничего подобного и быть не может.

— Клянусь вам, сеньор, что все, о чем я докладываю вам, я видел совсем ясно!

Вид и тон Кастрильо, которого дон Мариано знал уже давно как честного, правдивого и всегда трезвого человека, были так серьезны и убедительны, что дон Мариано поневоле поверил ему. Должно быть, в Сан-Карлосе действительно происходило что-то особенное, но что именно — было невозможно понять по тому, что рассказал разведчик.

Дон Мариано долго сидел в глубокой задумчивости. Он еще дольше просидел бы в таком положении, если бы не голос дочери, вдруг раздавшийся из носилок.

— Ах, как я хорошо выпалась! — проговорила девушка, и ее тонкая белая рука раздвинула занавеску.— Должно быть, скоро утро, папа?

— Даже и полночи еще нет, дорогая. Спи с Богом! — мягко ответил дон Мариано, подходя к носилкам.

— А почему же ты сам не спишь, папа? Мы здесь, кажется, в полной безопасности. Наши люди могут караулить посменно, и ты мог бы...

— Нет, моя дорогая, мне не заснуть, пока мы не будем под кровом Марианиты,— возразил дон Мариано.

— Марианита... Ах, как она должна быть счастлива! — со вздохом промолвила девушка.— Ее жизнь так же цветет, как те лужайки, по которым мы так любили с ней гулять...

— Скоро и ты будешь так же счастлива, Гертруда,— утешал ее отец.— Вот явится дон Рафаэль и успокоит тебя.

Напуганный болезнью старшей дочери, причина которой крылась в тоске по любимому человеку, дон Мариано давно уже мысленно примирился с политической изменой этого человека и с радостью отдал бы за него дочь, лишь бы сохранить ее жизнь и видеть ее счастливою. Но дон Рафаэль почти два уже года ничем не напоминал о себе и не делал никаких попыток хотя бы на минуту увидеть ту, которую называл своей невестой, даже ни слова не написал ей. Поэтому и отец, и дочь были уверены, что молодой человек оказался изменником не только в политике, но и в любви. Однако, желая поддержать в дочери

хотя бы луч надежды, дон Мариано старался всячески утешить страдавшую девушку, говоря ей, что ее жених, вероятно, выжидает окончания войны или, по крайней мере, чего-либо такого, что заставило бы его вернуться к невесте.

— О, да,— с внезапно разгоревшимися щеками и взором подхватила девушка,— да, он должен сделать это! Он дал мне клятву, что явится, когда я пошлю ему то, что уже послала... Впрочем, может быть, и из этого ничего не выйдет! — с грустью прибавила она.

— Выйдет, выйдет, моя дорогая,— продолжал успокаивать девушка отец.— Имей еще немножко терпения. Вероятно, он еще не получил твоей посылки, но как только получит, непременно явится и уверит тебя в своей неизменной любви, докажет тебе, что вас разлучили только неблагоприятно сложившиеся обстоятельства и какое-то тяжелое недоразумение.

— Недоразумение, из-за которого можно умереть! — произнесла со стоном девушка, вновь опускаясь на подушки и пряча в них лицо, судорожно подергивавшееся от приступа слез.

Между отцом и дочерью наступило тягостное молчание. Но через некоторое время дочь снова прервала его.

— Как ты полагаешь, папа, во сколько времени наш посыльный может дойти до места назначения? — спросила она, очевидно под влиянием какой-то вдруг вспыхнувшей в ней надежды.

— Если он не найдет дона Рафаэля в Дель-Валле и должен будет оттуда пройти в Гуахапamu, куда, по слухам, отправился твой жених, то несколько дней тебе придется еще подождать свидания с ним,— ответил дон Мариано.

— Несколько дней? — тоскливо повторила девушка.— О, как это долго!.. Доживу ли еще я?.. А если и доживу, то все равно должна буду умереть, когда он скажет мне: «Вот я явился. Что же вам угодно от меня?» О, милый папа, я непременно умру тогда от стыда и горя!.. Потом, я так страшно изменилась... Вся моя прежняя красота пропала. Взглянет он на меня и, увидев перед собою лишь слабую тень бывшего, быть может, из жалости и будет уверять... Нет, нет, мне не нужно его жалости, если не будет любви!

— А я уверен, что он еще глубже полюбит тебя, когда увидит и поймет, как ты страдаешь по нему. Что же

касается твоей красоты, то она опять вернется, когда ты будешь счастлива,— возражал дон Мариано, хотя и сам не верил в то, что говорил в утешение дочери, страдания которой надрывали его любящее сердце.

— Ну, тогда я умру от... радости,— промолвила девушка.— Во всяком случае, милый папа, тебе надо быть готовым остаться только с одною дочерью.

С этими пророческими словами дочь потянулась к отцу, обвила его шею обеими руками, прижалась к его груди и заплакала навзрыд. Не мог удержаться от слез и отец. В последние дни его томило предчувствие какого-то тяжелого горя, готового обрушиться на его семью, и он все время с душевным трепетом ожидал, что его мрачное предчувствие оправдается.

В это время луна, скрытая до сих пор за темными облаками, наконец освободилась от них и засияла во всей своей красоте; местность, залитая ее серебристым светом, приняла менее зловещий вид. Зато на поверхности озера, возле утеса, казавшегося теперь покрытым блестящей серебристо-зеленой слюдяной массой, появилась целая стая аллигаторов. Шурша прибрежным тростником, чудовища стремились в лунную полосу, испуская странные воюющие звуки.

Сбившись в тесную кучу, слуги дона Мариано тщетно боролись с охватившей их жутью.

— Скорее бы уж проходила эта ночь! — сказал один из них.— Не к добру ты, Кастрильо, видел адские огни в гасиенде и белое привидение. Как бы не пришлось нам...

Донесшиеся вдруг словно из глубины вод какие-то зловещие звуки, походившие на похоронное пение, прервали его и заставили остаться с открытым ртом. Казалось, там, в таинственных недрах озера, кто-то поет древний индейский гимн.

— Пресвятая Дева! — вскричал Зефирино.— Уж не поет ли это тот индеец, который ищет свое сердце?

Его товарищи, пораженные ужасом, только молча кивали головами в знак того, что и они думают то же самое.

Шелест и треск раздвигаемого вблизи тростника заставили всех окончательно замереть от страха. Но любопытство все-таки взяло верх над страхом. Они взглянули на озеро и увидели, как кто-то быстро пробирался среди густых камышей. Вскоре оттуда в озаренное луной сво-

бодное пространство озера вышел совершенно нагой человек, по медно-красной коже которого нетрудно было узнать индейца. Очутившись перед открытым озером, этот человек бросился в воду и поплыл к страшному утесу; при этом он пел что-то на своем родном языке. Точно испуганные появлением пловца, все аллигаторы моментально попрятались в воду.

— Господи! Так и есть: это тот самый индеец, который ищет свое сердце! — шепотом произнес Зефирино, весь трясаясь от страха. — Видите, грудь у него раскрыта... видны даже внутренности, кроме сердца... Смотрите, подплыл к утесу и как легко взбирается на него, словно по отлогому месту!.. Впрочем, это неудивительно: ведь он живет уже целых пятьсот лет, значит, совсем не похож на обыкновенных людей!.. Отцы мои! Это еще что такое?..

Благополучно добравшись до вершины утеса, индеец исчез в тумане, окутывавшем эту вершину. Вскоре оттуда стали раздаваться следовавшие один за другим с правильными промежутками громкие, отрывистые, звенящие удары. Эти удары походили на бой башенных часов, но вместе с тем в них было что-то жуткое и зловещее; кроме того, к ним по временам присоединялся чей-то вой. От всего этого у слушателей прошел мороз по коже.

Вне себя от ужаса, слуги бросились к хозяевам, которые также с испугом прислушивались к загадочным звукам.

— Что там такое? — спросил дон Мариано подбежавших людей. — Уж не ягуары ли вблизи? Но они, кажется, не так ревут... Потом, что это за звон?

— Нет, сеньор, это похуже ягуаров! — ответил Кастрильо, весь трясаясь, как в злейшей лихорадке. — Нам следовало бы скорее уйти отсюда... Здесь нечисто... Слышите, что творится на этом проклятом утесе? Настоящий, не к ночи будь сказано, чертов шабаш!

И действительно, с озера, вперемежку с пением и глухим звоном, неслись еще более раздирающие душу вопли, стоны, рев и вой.

— Да, папа, здесь, в самом деле, становится очень жутко, — поддержала слугу Гертруда. — Пожалуйста, уйдем отсюда.

— Да, теперь ясно слышно, что в лесу ревут звери, а в камышах подают голос аллигаторы. А что за звуки слышатся с утеса — не могу понять, — сказал, прислушавшись, дон Мариано. — Хорошо, забирайте все наши

вещи и осмотрите оружие, в порядке ли оно,— приказал он слугам, с радостью бросившимся исполнять это приказание, и, обратившись к дочери, прибавил: — Успокойся, моя дорогая, сейчас мы двинемся отсюда!

Через четверть часа дон Мариано и пятеро слуг были уже на лошадях, а четверо остальных подняли носилки с больной, и все двинулись в путь.

Объясним теперь то, что происходило на озере и на утесе. Читатель помнит, как Косталь, попросив у дона Корнелио позволения соснуть немного, заявил вместе с тем и просьбу отпустить его и негра Клэра на ночь. В обнаженном человеке, выпрыгнувшем из камышей в озеро и принятом слугами дона Мариано за «индейца, ищущего свое сердце», читатель, конечно, узнал Косталь, неотступно преследовавшего свою цель. А цель его, как мы знаем, состояла в том, чтобы вызвать одно из божеств своих предков, бога гор Тлалока или его супругу, богиню вод, Матлакуэцк, от которых он надеялся получить указания насчет сокровищ, таившихся в недрах гор и на дне морей.

Но Косталь был не один. Так как все внимание слуг дона Мариано было устремлено на «пятисотлетнего индейца с распоротой грудью», то они и не заметили, что вслед за ним темной тенью скользил и негр Клэр, а может быть, они спутали черную фигуру негра с аллигаторами, которые, как мы сказали, поспешили уйти от людей. Это произошло оттого, что Косталь натер себя и своего товарища соком одного растения, запах которого отпугивает крокодилов.

Подплыв к утесу, Косталь велел своему товарищу обогнуть утес кругом и подняться на него с противоположной стороны, а сам забрался на него с этой. Вероятно, у индейца были на то какие-нибудь особенные причины. Благодаря этому наблюдавшие с берега и не могли видеть, как негр карабкался на утес. Да это, пожалуй, было и лучше для них, потому что, увидев рядом со взбравшимся на утес индейцем еще негра, они, наверное, приняли бы последнего за самого дьявола и могли бы умереть от страха.

— Слушай, Клэр,— серьезным тоном заговорил Косталь, когда негр взобрался к нему и они оба, как встарь олимпийские боги, уселись в облаках, окутывавших вершину утеса,— слушай как можно внимательнее все, что я скажу тебе.

— Говори, говори, Косталь... Уши мои открыты,— от-

ветил негр, тяжело отдуваясь после быстрого плавания и влезания на гору.

— Сейчас я буду кое-что делать, и раздастся звон. Когда боги моих предков услышат этот звон, производимый потомком тегуантепекских кациков, который видел пятьдесят дождливых времен, то кто-нибудь из них непременно явится передо мной. Триста лет они не слышали этого призывного звона. Не устоять им против него, как ты полагаешь, Клэр?

— Разумеется, Косталь. По крайней мере, я бы на их месте...

— Но кто именно из них явится,— продолжал индеец,— сам Тлалок или его супруга Матлакуэцк?..

— А не все ли равно, Косталь? — заметил негр. — Лишь бы только они указали нам...

— Чаше является супруга,— продолжал индеец, не обратив внимания на замечание товарища. — Ее сразу можно узнать по длинному белому одеянию и распущенным волосам... Впрочем, говорят, у нее волосы иногда бывают обвиты вокруг головы и унизаны жемчугом. Глаза ее — как звезды, так и горят, а голос — слаще птичьего. Но взгляд ее так убийствен, что редкий человек может его вынести...

— Ну, я вынесу, если только она может сделать меня богатым! — воскликнул негр. — А как выглядит сам Тлалок?

— Он очень высокий... настоящий исполин. Голова его обвита змеями, которые все время извиваются и шипят. Глаза у него огненные, как у ягуара, а голос ревуший, как у быка... Вынесешь ли ты его вид, Клэр? Обдумай сперва, пока не поздно.

— Вынесу, вынесу, друг Косталь, не беспокойся! Меня не испугает и сам дьявол, если я буду знать, что разбогатею! — уверял негр. — Ведь ты знаешь, что я боюсь только ягуаров да аллигаторов, а твоих богов...

— Ну вот и отлично, дружище! Если ты так расхрабрился, я радуюсь за тебя, и теперь начну вызывать своих богов.

С этими словами индеец поднял один из стекловидных обломков, которыми была усеяна вершина утеса, и стал с силою ударять им об утес, соблюдая известные промежутки между отдельными ударами. Это и производило тот таинственный звон, который, в соединении с другими описанными явлениями, так напугал наших наблюдате-

лей. Одновременно с этим Косталь затянул заунывный гимн, восхваляющий индейские божества.

Вслед за тем из леса поднялся звериный вой и рев. Негр вообразил, что это уже ответ богов, и струсил было, но под воздействием мечты о будущем богатстве тут же оправился и радостно сказал товарищу:

— Как скоро ответили тебе, друг Косталь, твои боги! Должно быть, у тебя и вправду большая сила.

— Эх, ты, младенец! — с усмешкою возразил индеец. — Голоса обыкновенных зверей принимаешь за голоса цапотекских богов. Да разве у богов могут быть такие слабые голоса?

— Какие тут слабые! Даже слушать страшно!.. Неужели у ваших богов они еще страшнее, Косталь?

— Не страшнее, а гораздо сильнее! — с важностью проговорил индеец. — Потом, боги не ревут, не воют и не рычат. Их голоса подобны раскатам грома... Ах, Клэр, смотри, смотри! — вдруг вскричал он, указывая сквозь прорвавшуюся завесу тумана на тот берег, с которого они явились сюда. — Видишь, там движется что-то белое?

— Вижу, вижу! — ответил негр, взглянув по указанному направлению. — Словно бы женщина с распущенными волосами...

— Женщина? Нет, это не обыкновенная смертная женщина, а сама Матлакуэцк, богиня моих предков! — дрожащим от торжества голосом воскликнул индеец. — Да, друг Клэр, — восторженно продолжал он, схватив руку негра, — наконец-то настал час восстановления прежней славы и прежнего могущества тегуантепекских кациков!.. Плыдем навстречу богине, поклонимся ей и будем умолять ее. Скорее, скорее, чтобы она не оскорбилась нашей медлительностью!..

Торопливо сбежав с каменистого утеса, товарищи бросились в воду и поплыли обратно к берегу, где среди камышей действительно пробиралась женская фигура.

Косталь, плывший впереди и напевавший свои заклинания, скорее негра приблизился к тростниковой заросли. Когда вода сделалась индейцу только по пояс, он быстро пошел по дну озера, прямо наперерез белой фигуре, простирая к ней руки, точно с намерением схватить ее. Плывший позади негр в точности подражал всем его действиям и движениям. Белая фигура испуганно подавалась назад и стала поспешно пробираться дальше, в другую сторону.

Не успел индеец принять соответствующих мер, как с ближайшей лесной опушки раздался грубый мужской голос:

— А, краснокожий индейский пес, попался-таки! Вот тебе за Гаспачо!

Грянул ружейный выстрел, далеко раскатившийся по безмолвной окрестности. Очевидно, пуля была предназначена Косталю, но попала не в него, а в белую фигуру предполагаемой богини. Фигура, испустив слабый крик, вдруг осела среди камышей.

22. ВЗЯТИЕ ГАСИЕНДЫ САН-КАРЛОС

Побывав на могиле отца, дон Рафаэль принялся обдумывать план предстоящей экспедиции. Предполагая, что борьба с разбойничьей шайкой Аройо будет трудной ввиду довольно внушительной численности этой шайки, полковник решил взять с собой и поручика Верегуи, а начальствование над крепостью Дель-Валле сдать надежному старшему сержанту. Когда это было сделано, он вместе со своим помощником во главе конного отряда двинулся к гасиенде Сан-Карлос. Отряд состоял из сотни самых храбрых и испытанных солдат. За ним следовал небольшой обоз с мортирой и боевыми припасами. Вперед был отправлен десяток разведчиков.

Дорогою поручик делал своему начальнику подробный доклад обо всем, что происходило в Дель-Валле во время продолжительного отсутствия полковника. Занятый собственными мыслями, дон Рафаэль слушал этот доклад, как говорится, только вполуха. Лишь когда отряд подъехал к реке Остуте, полковник встряхнулся, отбрасывая все личное.

Подозвав к себе слугу из гасиенды Сан-Карлос, следовавшего непосредственно за ним на муле, дон Рафаэль спросил его:

— Не знаешь ли ты, друг, дороги, по которой можно было бы подойти к гасиенде с задней стороны?

— Знаю, сеньор полковник, — ответил слуга. — Когда мы переправимся на ту сторону реки, я укажу тропинку, ведущую к задним воротам гасиенды.

— Отлично! По этой тропинке мы потихоньку и подъедем, чтобы захватить врасплох всю разбойничью шай-

ку,— проговорил полковник и приказал отряду направиться к переправе.

Указанная слугою тропинка шла по лесу и огибала пригорок, на котором находилась гасиенда. Осторожно подвигаясь по этой тропинке и опасаясь засады, отряд чутко прислушивался к малейшему шороху и держал наготове ружья. В одном месте тропинка разветвлялась на несколько других, и слуга сказал, что если отряд разделится на партии, каждая из которых направится по отдельной тропинке, то можно будет окружить гасиенду сразу со всех сторон.

Дон Рафаэль воспользовался этим дельным советом и разделил отряд на четыре партии, из которых три под командой поручика Верегуи и двух старших сержантов должны были идти к задним воротам гасиенды и к ее боковым сторонам, а с четвертой, главной, он хотел лично напасть с фронта. Мортиру он оставил при себе, солдатам же первых трех партий раздал ручные гранаты.

Заметив приближение к гасиенде неприятельской конницы, расставленные на стенах часовые забили тревогу. Раздалась чья-то команда, вслед за которой со стен и вышки гасиенды началась беспорядочная ружейная стрельба. В ответ на это осаждающие стали бросать гранаты, а дон Рафаэль, приблизившись к главным воротам, открыл огонь из мортиры. Первым же выстрелом одно крыло ворот было разбито в щепы.

В то же время с трех других сторон во двор гасиенды полетели гранаты, которые при ударе о землю тут же с треском лопались. Испуганные лошади осажденных стали срываться с привязей и метаться по двору, производя страшную сумятицу среди совершенно растерявшихся разбойников.

Следующим выстрелом из мортиры было разбито другое крыло ворот, а третьим они были разрушены целиком и с треском рухнули. Через их обломки первым перескочил с обнаженной саблей в руке полковник Трэс-Виллас, а за ним и его отряд.

— Где Аройо и Бокардо?! — крикнул полковник, врзаясь в толпу разбойников и рубя их направо и налево, как соломѹ.— За мной, друзья! Пленных не брать! Бейте всех без пощады! — скомандовал он своим солдатам.

В это время с тыловой стороны ворвался Верегуи со своим отрядом, что произвело еще большую сумятицу среди осажденных.

— Где же Аройо и Бокардо?! — продолжал кричать полковник Трэс-Виллас, тщетно отыскивавший глазами разбойничьего вождя и его помощника.

Между тем, они оба еще раньше незаметно скрылись из гасиенды в поисках бежавшей Марианиты.

— Полковник, — сказал поручик Верегуи, подскакав к своему начальнику после того, как все находившиеся на дворе разбойники были перебиты, — главари этих трусов, не сумевших без них даже и защищаться, наверное, засели в доме. Не выкурить ли их оттуда дымком?

— Значит, вы предлагаете поджечь дом? — спросил дон Рафаэль.

— Да, это был бы самый лучший способ... — продолжал было поручик, но слуга, который из этой гасиенды бегал за помощью к дону Рафаэлю, находившийся в эту минуту здесь, услышал предложение поручика и вскричал умоляющим голосом:

— Ради самого Господа Бога, не позволяйте делать этого, сеньор полковник! Ведь там находится наш бедный хозяин и, быть может, несколько слуг.

— Этот человек прав, — поспешил сказать дон Рафаэль. — Хорошо, что он напомнил то, о чем мы сгоряча совершенно забыли. Прошу вас, поручик, прекратить дальнейшие наступательные действия и распорядиться охраною гасиенды... Затем поищите дона Фернандо и окажите ему помощь. Он, вероятно, нуждается в ней.

— А вы сами опять покидаете нас, полковник? — спросил Верегуи.

— Ненадолго. Я отправляюсь на поиски доньи Марианиты и главных злодеев.

Взяв с собою пяток людей, дон Рафаэль поспешно выехал из гасиенды по направлению к лесу.

Едва он успел скрыться из виду, как один из часовых, расставленных поручиком Верегуи вокруг гасиенды, доложил ему о приходе к гасиенде двух людей, желавших видеть полковника. Поручик велел их впустить и вскоре увидел перед собою Гаспара и Цапотэ. Они так запыхались от поспешной ходьбы, что едва были в состоянии говорить.

— А, это опять вы! — воскликнул Верегуи, сразу узнав их. — С какой стати вас принесло еще сюда?

— Простите, сеньор, но ведь я уже докладывал вам, что у меня есть важное поручение к сеньору дону Рафаэлю, — взволнованно ответил Гаспар. — Я никак не могу

увидеть его. В гасиенде Дель-Валле мы заснули и нас не разбудили, когда туда приезжал сеньор дон Рафаэль. А потом, когда мы проснулись, оказалось, что он уже отправился сюда. Ну, и мы за ним... Ведь у меня спешное поручение... Приказано как можно скорее...

— Ну, ты и здесь не найдешь полковника! — прервал поручик. — Он только что уехал.

— Ах, ты, Господи! — чуть не со слезами воскликнул Гаспар. — Никак я не могу поймать!.. А не можете ли вы, сеньор, сказать мне, куда отправился сеньор полковник?

Верегуи сообщил, куда направился дон Рафаэль, и гонцы бегом пустились по его следам.

Таинственные события, разыгравшиеся в заколдованном озере, имели между тем продолжение. Косталь, опомнившись от испуга и удивления, вызванных неожиданным выстрелом по нему, разглядел на берегу нескольких гверильясов. Очевидно, они находились в разъезде и, увидев в озере индейца, опасно ранившего их товарища, захотели отомстить ему.

Косталь понял, что спасся только чудом, и, следуя примеру негра, присел в густом камыше. Но гверильясы догадались, куда он вдруг скрылся, и направили своих лошадей тоже в камыши. Но тут случилась новая неожиданность: откуда-то сверху, точно из облаков, вдруг раздался новый выстрел, и один из преследователей замартов свалился с лошади. Трое его товарищей с громкими проклятиями повернули назад и рассыпались по лесу в поисках нового врага, оказавшегося у них в тылу.

— Ага, удрали, проклятые! — прошептал Косталь, и, обратившись к дрожавшему возле него от страха негру, сказал: — Пойдем теперь на берег к нашей одежде и лошадям.

Одежда приятелей была спрятана на одном из густолиственных деревьев, около которых находились и лошади; среди них оказалась и лошадь дона Корнелио.

— А, вот оно что! — проговорил индеец, одеваясь вместе с негром. — Значит, наш добрый капитан не исполнил своей угрозы — покинуть нас, чтобы не впутываться в нашу «чертовщину», как он называет наше общение с богами моих предков. Наверное, он где-нибудь здесь, на дереве. Это он-то и пугнул разбойников, которые хотели убить меня.

— Ты угадал, Косталь! — послышался голос Лантеха-са, поспешно спускавшегося с одного из соседних де-

ревьев.— Мне не хотелось бросать вас тут одних. Я хоть и сделал вид, что уезжаю, но через некоторое время, когда вы уже были в воде, опять вернулся сюда. С дерева, на которое я забрался, мне было отлично видно, как вы в лунном сиянии плыли среди почему-то почтительно расступавшихся перед вами чудовищ, а потом взбирались на утес. Слышал я твое пение и стук, Косталь, и молил Бога вразумить...

— Вот поэтому-то у меня ничего и не вышло,— тоном глубокого сожаления перебил индеец.— Боги моих предков не любят, когда во время наших общений с ними подсматривают и подслушивают белые... Положим, здесь, в камышах, показалась было богиня Матлакуэцк, но при звуке выстрела, направленного в меня разбойником, она поспешила скрыться. И вот эта единственная в году ночь для меня пропала!..

— А также и для меня! — подхватил негр.— Ведь и я надеялся в эту ночь...

— Увидеть наших богов,— досказал по-своему индеец, не желавший, чтобы болтливый негр проговорился о том, чего не следовало знать ни одному белому.

При этом он бросил на товарища такой выразительный взгляд, что бедный негр сразу съежился и прикусил язык.

— Эх, вы, закоснелые, неисправимые язычники! — с искренним сокрушением воскликнул дон Корнелио, богословское сердце которого сильно страдало.— Если я когда-нибудь все-таки буду священником, которым давно уж и был бы, не попадись в этот военный круговорот, то долго мне придется отмаливать ваши грешные души...

— Ну, тогда видно будет, сеньор капитан! — со скрытою насмешкой перебил индеец.— А пока скажите, пожалуйста: это ведь вы уложили одного из тех разбойников, который целился в меня, но промахнулся благодаря заступничеству богов моих предков, охраняющих последнего потомка тегуантепекских кациков?

— Увы, да, мне пришлось взять на душу этот грех! — со вздохом ответил Лантехас.— Я видел, как они здесь рыскали, и опасался за наших лошадей, да и за самого себя. Но вдруг они увидели тебя и стали переговариваться о тебе, а потом один из них выстрелил в тебя. Не мог же я допустить, чтобы они убили тебя? Поэтому, скрепя сердце, должен был выстрелить в них и я.

— И хорошо сделали, сеньор капитан! — с чувством произнес индеец.

— Не знаю, хорошо ли: ведь, кажется, я убил человека?.. Но, повторяю, у меня не было другого выхода,— с новым вздохом проговорил Лантехас.— Ну, да сделанного не воротишь! Теперь нам нужно подумать о том, как бы выбраться отсюда. Я опасюсь нового появления этих людей.

Но капризнице-судьбе или прихотливцу-случаю угодно было, чтобы как раз в это время к тому месту, где Лантехас беседовал с индейцем и негром, подходил караван дона Мариано. Остановившись на некотором расстоянии от разговаривавших, путники стали прислушиваться к их голосам, показавшимся им знакомыми, и с радостью узнали по ним «своих».

— Ба! — воскликнул дон Мариано, без всякого уже опасения приближаясь к беседовавшим.— Да никак это дон Корнелио Лантехас, наш добрый молодой друг, два года тому назад гостивший у нас, в Лас-Пальмаса? Вот приятная встреча!.. А! Косталь и Клэр тоже здесь!

Пока индеец почтительно, но с достоинством кланялся бывшему хозяину, негр в широкой улыбке щерил свои белоснежные зубы, а дон Корнелио сердечно пожимал дружески протянутую ему руку старика и обменивался с ним обычными в таких случаях вопросами,— новый инцидент прервал эту интересную для обеих сторон беседу. Вблизи под копытами быстро скакавших лошадей застонала земля, и немного спустя мимо изумленных собеседников пронеслось шестеро всадников, вдогонку за которыми мчалось столько же других.

Выехав на поляну, передовые всадники, очевидно, «аройцы», одно мгновение находились в нерешительности, куда направиться дальше, но затем пустились вдоль озера. Думая лишь о том, как бы спастись от преследователей, беглецы совсем не заметили дона Мариано и дона Корнелио с их людьми. Зато, несмотря на стремительность их бега, зоркие глаза индейца успели различить среди них самого Аройо и его помощника Бокардо.

— Ну, попали мы в ловушку,— шепнул Косталь товарищу.— Сейчас произойдет схватка гверильясов с испанцами, и кто бы из них ни остался победителем, нам все равно несдобровать: от гверильясов достанется за то, что я смертельно ранил их товарища, а от испанцев — за то, что мы служим инсургентам.

Едва индеец успел договорить последние слова, как мимо бешеным галопом пронеслась и погоня. Во главе

погони на великоленном коне скакал всадник благородной наружности.

— Рафаэль! — слышался из носилок слабый крик Гертруды.

Да, это был действительно Рафаэль Трэс-Виллас. Занятый преследованием врагов, он не слышал этого крика и пронесся мимо.

Посоветовавшись между собою, дон Мариано и Лантекас решили переждать на месте, чем кончится дело между преследуемыми и преследователями. Громкие крики доказывали, что последние нагоняют первых.

В действительности так и было. Горя жаждою мести за убитого отца, дон Рафаэль дал себе слово, что на этот раз убийца не уйдет из его рук. Он надеялся на своего Ронкадора. Неплох был скакун и у Аройо, но не ему было состязаться с Ронкадором! В то время, когда бандит хотел броситься назад, под защиту леса, Ронкадор вдруг преградил ему путь.

— А, черт тебя возьми! — скрипнув зубами, прохрипел Аройо. — Погоди же!..

И, выхватив из-за пояса пистолет, он выстрелил в коня. Но тот с изумительной ловкостью отскочил в сторону, и пуля просвистела мимо. В то же мгновение Ронкадор сильным наскоком свалил на землю лошадь противника вместе с всадником.

На помощь товарищу бросился было Бокардо, стараясь схватить под уздцы увертывавшегося Ронкадора.

— Прочь, негодяй! — крикнул дон Рафаэль, и ударом своей страшной сабли выбил бандита из седла.

Полуоглушенный падением с лошади, вне себя от страха и бессильной злобы, Аройо, зацепившись шпорами за стремяна, тщетно старался подняться на ноги. Но лишь только ему удалось высвободить ноги из стремян, как он уже лежал на спине и грудь его придавило колено победителя.

— Заарканить этого злодея и привязать его к хвосту Ронкадора! — приказал полковник Трэс-Виллас своим людям.

Пока они исполняли это приказание, остальные гверильясы в паническом ужасе обратились в бегство, бросив своего вождя на произвол судьбы.

Когда связанный бандит был прикреплен к хвосту Ронкадора, дон Рафаэль снова уселся на своего коня. Лишь только он хотел пустить его вскачь, как вдруг уви-

дел, что к нему со всех ног бегут двое людей. Это были Гаспар и Цапотэ. Второй остановился вдали, а первый, подбегая, громко кричал:

— Ради Бога, сеньор полковник, обождите минуту! Я имею к вам важное поручение!..

— Поручение? От кого? — спросил дон Рафаэль, приостанавливая коня.

— От доньи... Впрочем, виноват, мне велено передать вам тайно...

Дон Рафаэль вздрогнул и сделал знак своим людям. Те поспешно отъехали в сторону.

— Ну, теперь говори скорее, от кого и какое у тебя поручение? — с нетерпением снова обратился он к посланному.

— От доньи Гертруды де-Сильва, — ответил тот. — Вот извольте получить. Да она и сама недалеко отсюда, — прибавил он, и вручил полковнику старательно завернутый небольшой пакетик.

Дон Рафаэль поспешно схватил посылку и, слегка ошупав ее, сунул в грудной карман своего мундира. Он понял, что заключалось в этой посылке, и вспомнил, какое она имела значение. Затем, объявив гонцу о сумме вознаграждения и заставив его обомлеть от радости, молодой человек громко произнес:

— Всемогущему Богу угодно, чтобы захваченный мною человек остался жив... быть может, для того, чтобы он имел возможность раскаяться в своих злодеяниях. Нарушая клятву, данную мною отцу земному, преклоняюсь перед волею Отца Небесного.

С этими словами он перегнулся через седло назад и перерезал кинжалом оба лассо, которыми Аройо был привязан к хвосту Ронкадора. Потом, не слушая благодарностей пощаженного разбойника, он сказал гонцу:

— Теперь води меня скорее к той, которая послала тебя!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повествование наше окончено, и нам остается лишь сказать несколько слов о дальнейшей судьбе всех действовавших в нем лиц.

Свидание дона Рафаэля с Гертрудой де-Сильва вышло очень трогательным. Молодые люди, наконец, вполне

объяснились, все бывшие между ними недоразумения были выяснены и преданы забвению. Счастливая девушка быстро поправилась, расцвела и похорошела больше прежнего. С ее отцом молодой человек также объяснился и помирился, причем дону Мариано и Гертруде удалось убедить его перейти на сторону освободительного движения. Дон Рафаэль, сам всегда сочувствовавший в душе этому движению, послушался убеждений будущего тестя и невесты: перешел в инсургентскую армию и сделался одним из самых энергичных ее вождей. Свадьба молодых людей сначала была отложена до окончания борьбы за независимость. Но так как борьба затянулась, то свадьба состоялась ранее.

Дон Корнелио Лантехас оставался адъютантом Морелоса до самой кончины последнего, последовавшей вскоре после окончания освободительной войны. Похоронив своего начальника и друга, подневольный воин последовал, наконец, своему призванию: оставил военную службу и переменял чин капитана на сан священника, и, чтобы покончить навсегда с прошлым, даже изменил свое имя.

Марианита де-Сильва, по мужу де-Лакарра, была найдена в камышах мертвой от угодившей в нее пули, предназначавшейся для индейца Косталя. Муж молодой женщины, дон Фернандо, полузамученный бандитом Аройо, не вынес смерти любимой жены и тоже вскоре последовал за ней. Смерть младшей дочери и зятя сильно потрясла дону Мариано; старик сразу сдал и также недолго прожил. Кончина любимой сестры, ее мужа, а затем и отца сильно подействовала на Гертруду. Но любовь к жениху утешала молодую девушку, и она всецело отдалась этому властному чувству.

Доблестные вожди освободительной армии Галеано и Трухано пали смертью храбрых во время кровопролитных боев с испанцами.

Атаман разбойничьей шайки Аройо, пощаженный полковником Трэс-Вилласом, бесследно исчез; его помощник, Бокардо, сраженный саблей полковника, был найден мертвым, а их шайка, большая часть которой была уничтожена при взятии Трэс-Вилласом гасиенды Сан-Карлос, ничем более не проявляла себя.

Знаменитый охотник на тигров, индеец Косталь и его чернокожий приятель, негр Клэр, продолжая службу в

инсургентской армии, все еще не переставали мечтать о «морской сирене с распущенными волосами».

Что же касается самого освободительного движения, то оно хотя и увенчалось успехом, но неурядицы в стране продолжались очень долго. Интересующиеся освободительным движением и дальнейшей судьбою Мексики могут найти все подробности в истории этой многострадальной страны.

ГАСПАР ГАУЧО

1. ЭЛЬ-ГРАН-ЧАКО

Разложите перед собой карту Южной Америки и обратите внимание на слияние двух больших рек: Саладо, текущей с вершин Анд к югу, и Параны, направляющейся с севера. Поднимитесь вверх по первой реке до города Сальта, в древней провинции Тукуман; затем, направляясь по второй реке и ее притоку Парагваю, идите до бразильской крепости Коимбры; соедините эти две точки кривой линией, обращенной выпуклостью к большой цепи Анд, и у вас получится граница страны, менее всего известной, но в то же время одной из наиболее интересных стран Американского материка. Страна эта столь же романтична в своем прошлом, сколь таинственна в эпоху, когда лодки Мендозы тщетно старались подойти к ней в Куско, пытаясь исследовать ее с запада. Это страна Эль-Гран-Чако. Вероятно, вам приходилось слышать это название, и если вы изучали географию, то вам, хотя бы только по имени, должна быть известна эта территория. Но если бы даже вы знали о ней столько же,

сколько и пограничные жители, вы все же немного будете знать об Эль-Гран-Чако. Все, что они знают об этой стране, можно выразить двумя словами: горе и страдания.

Вы, наверное, еще с детства слышали, что народы, в жилах которых течет испанская кровь, в дни их величия и славы завоевали весь Американский материк или, по крайней мере, ту часть его, которую они намеревались колонизировать и которая местами и доньше еще осталась под их владычеством. Но это историческая ошибка, каких, впрочем, немало.

Разыскивая золото, под охраной сильных военных экспедиций, завоеватели прошли большую часть покоренной территории, но, несмотря на это, остались все-таки громадные пространства, куда они никогда не проникали и где до последнего времени нельзя было найти и следа европейцев. Такова, например, Навахоа на севере, страна Гуахирос в Центральной Америке, Патагония и Араукания на юге и обширные степные пространства, лежащие между цепью Анд в Перу и берегами Парагвая, то есть Эль-Гран-Чако. Вся эта местность не только не была колонизирована, но даже осталась совершенно неисследованной, если не считать нескольких неудачных экспедиций, которые так же быстро предпринимались, как и возвращались обратно, отказавшись от дальнейших исследований с первых же шагов. Почти то же можно сказать о слабых попытках в этом направлении со стороны отцов иезуитов или отцов францисканцев. Дикари Эль-Гран-Чако с тем же упорством отказались подчиниться кресту, как и мечу.

Чему же следует приписать такую заброшенность этой территории? Может быть, это такая же бесплодная пустыня, как большая часть страны апахов и команчей, как равнины Патагонии и горы Араукании? Может быть, это болотистый непроницаемый лес, периодически заливаемый водой, подобно обширной равнине Амазонки или дельте Ориноко?

Ничуть не бывало. Напротив, в Гран-Чако есть все, чем можно было бы привлечь колонистов: обширные пастбища, покрытые роскошной травой; целые леса тропических деревьев, преимущественно из породы пальм; здоровый климат, благотворное влияние которого не подвержено сомнению; почва, способная производить все необходимое для удовлетворения потребностей земледель-

ца,— одним словом, ее можно сравнить только с обширным парком или громадными живописными садами, уход за которыми предоставлен заботам Создателя.

Почему же в таком случае она остается до сих пор незаселенной, как другие земледельческие местности?

Ответ простой: потому, что она принадлежит не земледельцам, а охотникам.

Весь этот край остался в руках краснокожих, первоначальных властителей этой земли, в руках воинственной индейской расы, сохранившей свободу и сумевшей отразить все попытки поработить ее с помощью солдат, рудокопов, миссионеров и мамелюков.

Свободные дикари на своих неутомимых конях, которыми они управляют с ловкостью кентавров, с быстротой птицы носятся по равнинам Чако. Всеми силами своей души ненавидя оседлую жизнь, они кочуют по зеленым равнинам и благоухающим лесам и разбивают свои палатки только там, где их привлекают красота и удобство места.

Хотя их называют дикарями, но кто не позавидует подчас их беззаботному поэтическому существованию? Если хотите покороче познакомиться с ними и узнать их жизнь, следуйте за мной в Гран-Чако.

Переливаясь под лучами полуденного солнца блестящими цветами сапфира и бирюзы, расстилается изумрудно-зеленая равнина. Но, несмотря на яркие краски, вид ее однообразен: несколько белых рассеянных облачков да золотой шар солнца, блестящий в зените,— вот и все, что несколько оживляет эту картину. Изредка только глаз останавливается и как бы отдыхает на небольших группах пальм или на паре больших птиц с оранжевой шеей и алым гребнем — это цари из породы коршунов. Но птицы, паря в воздушных высотах, одинаково принадлежат как небу, так и земле.

Таков вид Гран-Чако, куда еще почти никогда не ступала нога белого,— свежий, девственный, как и в первый день творения.

Я говорю «почти не ступала», а между тем в то самое время, как мы восхищенным взором любуемся открывающимся перед нами видом, на отдаленном горизонте показались две фигуры. Пока они еще кажутся не больше точки, и можно подумать, что это пара страусов или самец и самка лани гуазити, потому что они неодинакового роста. Но нет, это не животные; вернее всего, это челове-

ческие существа. Вот они направились в середину равнины и понемногу приближаются... Теперь уже можно разглядеть двух всадников, а вот они и совсем близко, видны их белые лица. Один из них выше ростом и одет в живописный и великолепный костюм. На плечи у него накинуто пончо, то есть плащ, который составляет необходимую принадлежность костюма жителей равнины Ла-Платы; пончо ткут из шерсти и ярко раскрашивают белыми, голубыми и красными полосами. Под плащом у этого всадника надет камзол, украшенный богатым шитьем и песетами, или монетами в четвертак с изображением герба Аргентинской Республики. Панталоны из бумажной материи закрывают ноги до сапог, оставляя часть колена обнаженной. Тяжелые шпоры и шляпа с широкими полями и яркой лентой дополняют костюм всадника, в котором теперь уже нетрудно узнать гаучо. Все у него было особенное — не такое, как у других: сбруя на лошади, уздечка с серебряными бляхами, наконец чепрак, весь расшитый разнообразными шелками.

На его спутнике также надет плащ, но из темной материи и такой широкий, что под ним не видно остальной одежды. Его ноги, в деревянных стремянах, обуты в сапоги, которые почти до самого носка закрыты бархатными шароварами, на голове у него сомбреро, почти такое же, как и у его спутника. Его конь, с менее богатой упряжью, чем у гаучо, идет спокойным шагом.

Хотя оба всадника едут рядом, касаясь стремянами один другого, ни одного слова еще не было произнесено между ними с тех пор, как они показались на равнине.

Впрочем, только один из них, гаучо, и способен говорить. Спутник же его хотя и крепко сидит в седле, но голову держит несколько странно, точно она с минуты на минуту упадет на грудь, склонясь направо. И хотя тень от шляпы, падающая на его лицо, почти вовсе скрывает его, все-таки можно рассмотреть, что глаза его закрыты. Должно быть, он заснул. Такое предположение не было бы странно по отношению к гаучо, потому что эти полукентавры редко оставляют седло для отдыха. Другой всадник хотя и не гаучо, но, может быть, также искусный наездник. В этой части Южной Америки все превосходно ездят верхом. Кроме странной посадки, в нем бросается в глаза еще цвет кожи, совершенно белый, что составляет редкость в южных странах. Даже губы совершенно бесцветны. Спит ли этот всадник или нет, несомненно од-

но — он не совсем здоров. Весьма возможно, что он спит, потому что даже не правит лошадью, которая, впрочем, идет совершенно спокойно. Его руки повисли вниз, скрытые под плащом, и брошенные поводья покоятся на гриве лошади. Животное не нужно направлять, оно идет нога в ногу рядом с конем гаучо. И тот и другой продвигаются медленно и кажутся точно погруженными в летаргию от палящего зноя солнца. Путники могут быть спокойны: они вовремя достигнут цели своего путешествия. По всему видно, что они не торопятся, особенно это заметно по наружности гаучо. Доехав до середины равнины, он вдруг остановил свою лошадь и, подняв голову, стал смотреть на солнце.

— В нашем распоряжении еще целых шесть часов, а через три часа пути, хотя бы и таким черепашьям шагом, мы доберемся до места, — пробормотал он. — Да и зачем приезжать туда засветло? Бедная сеньора! Пусть уж лучше увидит она ночью то, что ей суждено увидеть.

Хотя глаза гаучо и были обращены на его неподвижного спутника, но слова эти, видимо, не относились к нему, точно так же и остановка не пробудила его. Слова гаучо были произнесены мрачным тоном, составлявшим резкий контраст с его обычно веселым и добродушным лицом. Его загорелое лицо, совершенно бронзового цвета, по-видимому, было вовсе не из тех физиономий, на которых могут надолго запечатлеться мрачные думы.

— Что делать? — продолжал он, говоря сам с собою. — Прежде всего надо мне отделаться от этого пончо, под которым я положительно задыхаюсь: жара страшная!

С этими словами он снял плащ и перекинул его через седельную луку; затем, посмотрев на своего спутника, сказал:

— Ему — увы! — незачем снимать своего плаща... ему теперь решительно все равно, что жар, что холод.

Гаучо задумчиво поник на седле, затем, подняв голову, пытливым взором окинул равнину, точно отыскивая что-нибудь; взгляд его остановился на группе деревьев альгорробас, растущих неподалеку. Между их стволами переплелись сетью ползучие растения, так что издали они походили на остров, выступавший на поверхность этого неподвижного зеленого моря.

— Теперь я могу позволить себе отдохнуть под их тенью, — проговорил гаучо. — Богу известно, как мне нужно подкрепить силы, чтобы выполнить свой долг. Бед-

ная сеньора! Бедные дети! Какое ужасное известие несуся ей! Какими глазами я на нее взгляну!

Между тем второй путешественник по-прежнему хранил молчание, от которого, казалось, его ничто не могло пробудить; его глаза не открылись даже и тогда, когда лошадь сделала неожиданный поворот в сторону, заставив его закачаться в седле.

Доехав до альгорробасов, гаучо соскочил с лошади, привязал ее к дереву рядом с лошадью своего спутника, не сказав ни единого слова всаднику в плаще, сидевшему по-прежнему неподвижно в седле. Затем гаучо развел небольшой огонь и приготовил себе скудный обед, который и съел молча, не предлагая своему спутнику подкрепиться пищей. Он старался не смотреть на него, не говорил с ним и оставлял его все так же сидеть на лошади погруженным в глубокий сон.

2. УЕДИНЕННАЯ УСАДЬБА

Три большие реки: Саладо, Вермехо и Пилькомайо — орошают Гран-Чако; они берут начало на Андах и текут сначала почти параллельно к югу, а затем в разных местах впадают в Парану и Парагвай. Реки эти малоизвестны, только за последние годы часть Саладо была исследована. Она составляет южную границу Чако; берега ее очень редко посещаются путешественниками и то только в верхней ее части, которая орошает колонии округов Сант-Яго и Тукумана. Да путешествовать здесь и небезопасно, особенно по южному берегу близ устья, из-за нападений дикарей из Гран-Чако, которые часто переплывают реку во время своих разбойничьих набегов.

Все-таки более исследована река Саладо, за ней идет Вермехо, а Пилькомайо почти и совсем неизвестна. Обе они походят одна на другую в верхней части течения, где пробегают по необитаемой местности Аргентинской Республики и Боливии, но затем о них уже ничего не говорится в учебниках географии, потому что реки эти текут по неисследованной стране Чако из Парагвая. Пилькомайо — самая длинная и самая северная из этих трех рек; от верховья и до устья считают больше тысячи миль. Она впадает в Парагвай двумя рукавами, из которых северный вливается в Парагвай почти напротив города Асунсьона, а куда впадает южный рукав — до сих пор

еще неизвестно. Вот все, что знают о Пилькомайо, несмотря на неоднократные попытки миссионеров и рудокопов проникнуть в эту местность. В последнее время была послана даже экспедиция под покровительством боливийского правительства. Но экспедиция не имела успеха, и пока что приходится довольствоваться рассказами индейцев, не заслуживающими особенного доверия.

Судя по рассказам, река эта орошает почти совершенно ровную поверхность, состоящую из саванн, поросших травой, с кое-где встречающимися рощицами пальм и других тропических деревьев; равнина окружена одиночными вершинами гор, похожими на высокие остроконечные башни. Река то быстро течет среди резко очерченных берегов, то переходит в болото или образует лагуны с солоноватой водой, напоминающие собой внутренние моря. Впрочем, это случается только во время разлива.

Хотя устье Пилькомайо находится всего на расстоянии ружейного выстрела от столицы Парагвая, первого города, основанного испанцами в этой части Южной Америки, но ни один парагваец не пытался подняться по ней, и жители Асунсьона столько же знают об окружающей их стране, как и в тот день, когда, по приказанию Азаро, его лодку целых сорок миль тянули против быстрого течения. Никому не приходило в голову устраивать колонии на берегах Пилькомайо; исключения в этом случае составляют верховья реки, где имеются отдельные поместья — эстансии, то есть усадьбы. В Чако нет ни одного города, основанного белыми. Ни разу звук церковного колокола не разносился по волнам реки. А между тем в 18... году от Рождества Христова каждый путешественник, поднимаясь вверх по этой таинственной реке, на двенадцать миль дальше пункта, исследованного испанским натуралистом, увидел бы на одном из ее берегов дом, который мог быть выстроен только белыми или, по крайней мере, человеком, знакомым с обычаями цивилизации.

Дом был простой, деревянный, с бамбуковыми стенами и покрыт листьями пальмы. По своим размерам дом значительно превышал обыкновенную величину индейской хижины в Чако, вокруг дома шла веранда — как раз под навесом крыши. Довольно большое пространство огороженной земли занято было скотным двором и огородом, засеянным маисом, мальвой, бананами и другими растениями. Только уже по одному этому можно было заклю-

чить, что обитатель дома — человек кавказской расы. Это была не простая хижина, а богатая эстансия.

Внутреннее убранство дома еще яснее говорило о белой расе владельца. Там была мебель, хотя и грубой работы, но все же указывавшая на знакомство с современной цивилизацией: стулья и табуреты из канабрава, или южноамериканского бамбука; кровать с белыми одеялами; на полу пальмовые циновки; несколько книг и карт, гитара — все это говорило о привычках и вкусах, незнакомых индейцам. В некоторых комнатах, так же как и на веранде, можно было заметить интересную коллекцию предметов, которые незачем было бы собирать туземцу. Там были шкуры диких зверей, чучела птиц, насекомые, приколотые к кусочкам коры, бабочки и блестящие жуки, пресмыкающиеся, сохранившие свой отталкивающий вид, с образчиками деревьев, растений и минералов окружающей местности. Всякий входящий в дом, не задумываясь, сказал бы, что это жилище натуралиста и что, кроме человека белой расы, никто другой не станет заниматься естественной историей в этой стране.

При таких условиях это было нечто необыкновенное и особенное. По всей округе до Асунсьона на пятьдесят миль нигде не было видно жилища белого человека, да и по всей территории от дома до города и даже в десять раз больше этого расстояния к северу, югу и западу можно было встретить только индейцев Чако, ее первоначальных обитателей, давших клятву вечной ненависти к бледнолицым с того дня, как их лодки впервые прорезали волны Параны.

Если же остается еще какое-либо сомнение относительно обитателей этого уединенного жилища, то оно немедленно исчезнет при взгляде на троих, которые в эту минуту выходят и садятся на веранде. Один из них — женщина, на вид ей не больше тридцати лет. Хотя цвет ее лица имеет слегка оливковый оттенок, свойственный испано-мавританской расе, в ней сразу можно узнать женщину кавказской расы: она очень красива, ее манера держать себя, ее большие полузакрытые глаза говорят о том, что ей знакомы горе и забота. Лицо ее выражает сильное внутреннее волнение, лоб нахмурен, и она то ходит по веранде, то неподвижно останавливается у балюстрады, взгляд ее, как бы с вопросом, неподвижно устремлен на равнину, расстилающуюся далеко перед домом. Двое других — юноши, почти ровесники: один —

лет пятнадцати, другой — немного старше; они несколько отличаются друг от друга по росту и сложению. Младший стройнее и худощавее, и цвет его кожи был бы совершенно белый, если бы не загар; его светлые волосы локонами падают на плечи, а черты лица указывают на принадлежность его к северной расе. Другой же выше ростом и кажется чрезвычайно энергичным и жизнестойким. Его лицо почти такого же темного цвета, как у индейца, а густые черные волосы отливают цветом воронова крыла, но, очевидно, он принадлежит также к белой расе, к которой причисляет себя большая часть американских испанцев, хотя это и весьма сомнительно относительно парагвайцев. Молодой человек — парагваец, а красивая женщина, которую мы видели на веранде, — его тетка, также парагвайка. По всему видно, что она хозяйка уединенного жилища. Юноша со светлыми волосами называет ее матерью, что немного странно, если принять во внимание разницу цвета их кожи; но ни у кого не осталось бы ни малейшего сомнения на этот счет, если бы его увидели рядом с отцом, которого в данную минуту нет дома. Отсутствие мужа вместе с другой, одинаково дорогой сердцу особой сильно беспокоит находящуюся на веранде парагвайку.

— Ах! — прошептала она, устремив взор на равнину. — Что бы могло их так долго задержать?

— Не беспокойтесь так, дорогая мама. Наверно, отцу посчастливилось встретить какую-нибудь редкую птицу, интересное растение, новую дичь; поэтому он так и запоздал и, по обыкновению увлекшись, не замечает, что зашел слишком далеко.

Этими словами юноша, видимо, старался только успокоить свою мать.

— Нет, милый Людвиг, — отвечала она, — одно это не могло бы его задержать. Ведь он не один, с ним Франческа. Ты знаешь, что твоя сестра не привыкла к большим экскурсиям, и он не рискнул бы ехать так далеко с ней. Я положительно не могу даже представить себе, чем объяснить такое продолжительное отсутствие. Самое меньшее, чего я боюсь, — это то, что они заблудились в Чако.

— Это очень может быть, мама. Гаспар уже уехал их разыскивать, а ведь ему известен каждый уголок этой страны на пятьдесят миль в окружности; во всей Южной Америке не найдешь никого, кто бы лучше его сумел вы-

следить кого бы то ни было, и, если они заблудились, он их скоро отыщет и привезет с собой; положитесь на нашего гаучо.

— Ах, что, если они заблудились, Матерь Божья! Это самое худшее из всех предположений,— вскричала бедная женщина.

— Почему, тетя? — спросил племянник, который до этой минуты хотя и не произнес ни одного слова, но был взволнован не меньше их обоих.

— Почему так, мама? — спросил ее одновременно и сын. — Мы, по крайней мере, раз двадцать сбивались с дороги с отцом, и никакого же несчастья от этого с нами не случилось.

— Вы забываете, дети, что теперь нет вблизи наших защитников. Нарагуана со своим племенем покинули свой последний лагерь и ушли внутрь страны, даже ваш отец — и тот не знает, куда они ушли.

— Да, правда, — согласился чернокудрый юноша, — я слышал, как разговаривали об этом дядя и Гаспар; даже и гаучо ничего не знает. Он думает только, что они поднялись немного вверх по реке и поселились в одном из своих прежних поселков.

— Но это не настолько важно, мама. Франческа не одна, а с отцом, и потом с ними гаучо... Я уверен, что с ней ничего дурного не может случиться, — сказал Людвиг, сам не веря тому, что говорит.

Он знал не хуже матери, что кроме племени вождя Нарагуаны, товасов, состоявших по какому-то исключительному случаю в дружеских отношениях с жителями эстансии, еще и другие индейские племена бродили в этом углу Чако. Племена мбаясов, гуанкурусов и ангитосов часто посещали эту страну и были смертельными врагами всех бледнолицых. Юноша говорил так только для того, чтобы успокоить мать, но слова его не произвели на нее никакого впечатления. Солнце склонилось уже к западу за обширной равниной, а владелец эстансии, отправившийся еще с восходом в сопровождении своей единственной дочери — прелестного четырнадцатилетнего ребенка, до сих пор так и не возвратился. Несомненно, случилось несчастье, потому что даже Гаспар, посланный на розыски отсутствующих, тоже до сих пор не вернулся.

— *Madre de Dios!* — повторяла беспрестанно несчаст-

ная мать и жена.— Что такое с ними случилось? Что могло их задержать?

Наступил вечер, а за ним ночь. Склонившись перед образом Богородицы, воссылала к ней бедная мать свою горячую мольбу:

— Святая Матерь Божья, возврати мне моего мужа, возврати мне дочь!

За всю эту долгую ночь никто не сомкнул глаз в жилище натуралиста, исключая, может быть, нескольких индейцев-пеонов (рабочих) из племени гуаносов. Племя гуаносов в Чако резко отличается от воинственных това-сов и гуанкурусов. Они скорее напоминают мирных ацтеков и пуэблосов в Мексике. Гуаносы занимаются торговлей и часто поступают в услужение к белым жителям Парагвая и Корриентеса.

Мать так и не сомкнула глаз всю ночь. Юноши также не спали, напряженно, с бьющимся сердцем прислушиваясь к малейшему шуму, не осмеливаясь передать друг другу свои опасения. Только по временам с губ их срывались слова:

— Отец!.. Сестра!..— говорил сын.

— Дядя!.. Кузина!..— повторял Циприано.

На следующий день яркое солнце озарило своим светом зеленые пампасы, поднимаясь на востоке над горами Парагвая.

Несчастливая женщина, погруженная в свои безотрадные думы, смотрела безучастно перед собой на восходящее светило. Но скоро ее глаза снова обратились на запад, откуда должны были приехать дорогие ее сердцу люди и где она могла их увидеть.

Когда золотые лучи солнца заблестели в зеленых ветвях большого дерева омбу, закрывавших своими широкими листьями весь дом, на веранде, как и накануне вечером, стояли трое — мать, сын и племянник. Лица всех были обращены на запад, и глаза с беспокойством осматривали равнину. Душа их была наполнена мучительным предчувствием, и даже Людвиг, все время такой спокойный, с виду по крайней мере, и тот не мог найти слов для утешения матери. Каждый молча думал про себя о причинах такого долгого отсутствия отца и сестры, которые должны были вернуться еще накануне. Каждый говорил себе, что Гаспару давно пора было привезти известия. Всем приходили на ум ужасные случаи — и то же могло произойти с дорогими им существами при встрече с враж-

дебными индейцами; наконец, каждый представлял себе тысячи других опасностей, которыми грозило путешествие по Чако, и старался этим объяснить долгое отсутствие путешественников. Прошел еще час; солнце, поднимаясь все выше на середину неба, осветило уже равнину. По ней по временам пробегал только страус в высокой траве или лань, испуганная приближением пятнистого ягуара, вдруг вскакивала со своего места, но не видно было ни одного существа, сколько-нибудь похожего на человека, ни одного всадника.

В душе троих не осталось даже того беспокойства, к которому всегда примешивается слабый луч надежды,—ничего, кроме невыносимой, мучительной тоски. Циприано не мог уже больше сдерживаться, его живое воображение сейчас же рисовало перед глазами растерзанных дядю и кузину, умирающих, а может быть, уже и мертвых.

— Я больше не могу оставаться здесь! — воскликнул он. — Я не нужен здесь, позвольте мне отправиться за ними, тетушка. Людвиг останется с вами. Кто знает, может быть, я вовремя приеду к тем, кого мы ждем... Не бойтесь за меня... позвольте мне, умоляю вас!

Ни Людвиг, ни его мать не стали противиться великодушному предложению Циприано.

— Поезжай, дитя мое, — сказала его тетка, — и да хранит тебя Бог!

— Да, поезжай, — шепнул Людвиг ему на ухо. — О, как бы я хотел поехать с тобой! Но я боюсь оставить мать одну в этом доме, где некому ее защитить, кроме меня.

— Она и не пустила бы тебя, — ответил ему Циприано, заключая его в свои объятия.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖА

Если Гаспару не посчастливилось отыскать натуралиста и его дочь, то это еще не причина, чтобы не удалось это другому. К тому же Циприано в совершенстве знал окружающую местность. Юноша быстро ушел с веранды и спустя десять минут уже скакал на своем небольшом, но сильном коне по равнине, точно вся его жизнь зависела от успеха его предприятия. Оставшиеся на веранде мать и сын молча следили за ним взглядом, пока он со-

вершенно не скрылся из глаз; целый день они не сходили со своего наблюдательного поста, почти не дотрагивались до еды, только перекусили немного для подкрепления своих сил, в которых они так нуждались. Солнце еще раз скрылось за горизонтом, но на равнине по-прежнему было безлюдно. Луна взошла на небе, а они все еще ждали. Но вот наконец их ожидание, кажется, вознаграждено: в широкой серебристой полосе лунного света показались приближавшиеся темные фигуры. Можно было различить трех всадников, из которых двое были высокого, а третий небольшого роста. Радостный крик сорвался с губ Людвига.

— Они! — закричал он, потом сразу остановился, точно сообразив что-то. — Странно, — сказал он, — их только трое; это, конечно, отец, Гаспар и Франческа. Значит, Циприано разъехался с ними и ищет их по степи...

Это замечание казалось вполне разумным, но оно не убавило беспокойства матери. Недоброе предчувствие и какой-то невольный страх, овладевшие ее душой, остановили крик радости, готовый сорваться с ее губ. Молча, неподвижная, точно статуя, напряженно смотрела она на три приближавшиеся тени. О, как они медлят! Но вот путники уже близко, вот они у ограды; но, прежде чем они подъехали к дому, мать и сын стремительно бросились им навстречу. При лунном свете можно было увидеть плащ мужа и живописный костюм гаучо. Но что такое? Третий путешественник тоже в мужском костюме; это Циприано.

Раздался раздирающий душу крик:

— Где Франческа?

Ответа не было: ни муж, ни Гаспар, ни юноша не вымолвили ни слова, точно окостенев на своих конях.

— Где моя дочь? — твердила она. — Почему муж мой не отвечает мне?.. Циприано, почему вы все молчите?

— Боже! — простонал Гаспар. — Это слишком, слишком ужасно! О, сеньора, сеньора!

— Несчастный, неужели вы мне ничего не можете сказать, кроме этого? Муж мой, слышишь ли ты меня? Что это значит? Почему ты опустил голову? Разве теперь время думать о сне? Может ли думать о сне отец, возвращающийся к своей жене без дочери, которую она ему доверила?

Говоря это, она быстро приблизилась к всаднику в одежде ее мужа. Ее рука легла на неподвижно висевшую

через седло руку мужа, и бледное лицо с закрытыми глазами, освещенное таинственным светом луны, приковало к себе ее взор. Несчастной не нужно было говорить, почему опущены веки ее мужа. Ее муж спал вечным сном смерти. Она вскрикнула и без чувств упала на землю.

Среди моих молодых читателей немного, вероятно, найдется таких, которые никогда не слыхали рассказов о парагвайском диктаторе Франсиа. Диктатор Франсиа (Хосе-Гаспар-Родригес) родился в Асунсьоне в 1758 году от отца-француза и матери-креолки и умер в 1840 году. В 1811 году он был назначен секретарем революционной хунты (испанский совет), которая выгнала испанцев из Буэнос-Айреса. Затем он был избран сначала консулом, потом временным диктатором и наконец диктатором на всю жизнь. Несмотря на его тиранию, Парагвай обязан ему своей организацией, мануфактурой, торговлей и цивилизацией. Об имени легендарного человека, управлявшего в течение четверти века с жестокой строгостью прекрасной страной — Парагваем, я думаю, слышали многие из моих читателей. Имена Парагвай и Франсиа тесно связаны с третьим именем — именем человека, наделенного всеми достоинствами и добродетелями, свойственными человеку. Это имя — Амедей де Бонплан.

Кроме «Путешествия по Америке» Гумбольдта, в котором он редактировал отдел ботаники, Бонплан издал «Описание редких растений» Мальмезона, «Виды Кордильер» и «Туземные монументы Америки». Надеюсь, что не многим из моих читателей надо говорить, кто такой был Амедей де Бонплан, или просто Эме Бонплан, — имя, которым часто его называли и которое так подходило этому великому человеку. Каждый знает его как друга и сотоварища по путешествию Гумбольдта, как помощника этого знаменитого ученого в его научных исследованиях, таких обширных и точных, как терпеливого исследователя, собравшего большую часть ученой коллекции, наконец, как человека в высшей степени скромного, благодаря чему заслуга его собственных открытий приписывалась часто его товарищу, больше, чем он, гонявшемуся за славой. Для меня ничье другое имя не звучит так приятно, как имя Амедея Бонплана. Я вовсе не собираюсь рассказывать биографию человека, останки которого покоятся, почти всеми забытые, на берегах Параны, среди любимой им природы; но беспристрастный историк всегда присоединит это имя к славе и почестям, воздаваемым

Гумбольдту. Он удалился от людей и поселился на берегах Параны — не на территории Парагвая, а в Аргентинской Республике, на другом берегу реки, и в этом скромном убежище, не оставляя занятий естественной наукой, занялся, между прочим, обработкой травы йербы, из которой готовят напиток, известный под именем матэ, или просто чай.

Всем известное добродушие и честность Бонплана привлекли к нему колонию мирных индейцев-гуаносов, которые охотно подчинились ему и стали помогать ему разводить йербу, то есть устраивать чайные плантации. Дело это обещало большие выгоды, и ученый, сам того не ведая, очутился на пути к богатству. Рассказы о его удачах дошли до слуха Гаспара Франсиа, диктатора Парагвая. Этот человек, помимо своих деспотических теорий, придерживался еще такого взгляда, что возделывание йербы должно принадлежать исключительно его стране, то есть ему самому.

Темной ночью четыреста солдат, посланных диктатором, перешли Парану, окружили плантацию Бонплана, убили часть пеонов и увели Бонплана пленником в Парагвай.

Государство Аргентинское, ослабленное внутренними раздорами, перенесло эту обиду. Бонплан, француз по рождению, следовательно, иностранец, чужой человек, оставался в продолжение девяти лет пленником в Парагвае.

Ни представитель Англии, ни комиссар, посланный от Французской академии наук, не могли возвратить ему свободу. Положим, он не был пленником в полном смысле слова — он жил, как хотел, потому что и тут Франсиа сумел извлечь пользу из его обширных знаний; но это не только не успокоило тирана, а, напротив, только ускорило смерть ученого. Всеобщее уважение, с каким относились к Бонплану парагвайцы, вызвало зависть в сердце деспота. Однажды ночью Бонплана схватили, разгромили все его имущество и выгнали из дома, а затем и из Парагвая. Бонплан поселился около Корриентеса, где в безопасности от нападений тирана снова бодро принялся за свои сельскохозяйственные занятия. Здесь, на руках нежно любимой жены, уроженки Южной Америки, окруженный многочисленными и счастливыми детьми, кончил он на восьмидесятом году свою полезную и беспорочную жизнь. Если я позволил себе сделать этот легкий очерк

жизни Амедее Бонплана, так это единственно потому, что она во многих отношениях походила на жизнь Людвига Хальбергера, историю которого я намерен рассказать. Имя Хальбергера указывает, по-видимому, на германское происхождение, в действительности же Людвиг Хальбергер был эльзасец по происхождению и пенсильванец по рождению, потому что ему посчастливилось родиться в Филадельфии.

Подобно Бонплану, это был страстный любитель природы и так же, как французский ученый, отправился в Америку, где думал найти для себя более широкое поле деятельности или, по меньшей мере, новую страну, где бы он мог отдаться своим любимым занятиям естественной историей.

Около 18... года он устроился в столице Парагвая, сделавшейся центром его деятельности и занятий. Асунсьон был как бы главной базой его научных и практических работ, отсюда он часто отправлялся в соседнюю страну, и в особенности в Гран-Чако, где думал встретить редкие образцы как животного, так и растительного мира, еще не известные ученым, потому что опасность останавливала всякое исследование. Но эти-то опасности только еще более влекли его. С львиной храбростью скромный натуралист исследовал даже те места пустыни, куда не отваживался проникать ни один из солдат страшного диктатора Франсиа.

В то время как уроженец Пенсильвании был занят раскрытием тайн природы, сердце его не оставалось чуждо любви и желанию семейного счастья. Он выбрал себе в подруги жизни молодую и прекрасную девушку в Парагвае, которая по своим достоинствам действительно могла составить его счастье. Десять лет прожили они самой счастливой жизнью, и после нескольких лет супружества их жизнь украсилась появлением сначала прелестного мальчика, а затем девочки необыкновенной красоты, точь-в-точь портрет своей матери; жилище охотника-натуралиста оживилось их веселым лепетанием и играми. Впоследствии семья увеличилась еще одним членом: малюткой-сиротой Циприано, который называл детей братом и сестрой.

Жилище Хальбергера, находившееся приблизительно в миле расстояния от города Асунсьона, было очень красиво; все, что украшает и делает жизнь приятной, все это можно было встретить там, потому что натуралист,

поселяясь в Южной Америке, обладал не одной только охотничьей сумкой и ружьем, но и довольно кругленьким капиталцем. Эти деньги он вывез с собой из Соединенных Штатов и мог на них отлично устроиться вместе с семьей, да, кроме того, он зарабатывал довольно большие деньги, собирая редких насекомых и продавая их, а также и чучела зверей. Каждый год посылал он в Буэнос-Айрес для выставки в Соединенных Штатах целую коллекцию всевозможных животных, деньги от продажи которых шли на улучшение домашнего хозяйства. Вероятно, не один музей, не одна коллекция обязаны ему самыми редкими экземплярами. Научные изыскания натуралиста удачно подвигались вперед, а семейная жизнь его была полна тихого счастья. Но в эту счастливую пору его существования точно какой-то злой гений позавидовал его безобидному существованию, и темное облачко омрачило его счастливые годы.

Необыкновенная красота его жены была известна везде и всюду; к несчастью, красота эта зажгла пламя страсти в груди диктатора. Вполне заслуженная репутация честной женщины всякого заставляла относиться к ней с полным уважением, но Франсиа принадлежал к числу людей, которые не останавливаются ни перед чем. Вскоре натуралист и его жена поняли, что их семейному счастью грозит опасность и что им не остается другого выхода, как покинуть Парагвай. Но бегство не только было трудно, но даже решительно невозможно. Парагвайский закон запрещал всякому иностранцу, женившемуся на парагвайке, увозить жену из ее родной страны без особого на то разрешения, добыть которое было не так-то легко. Но Людвиг Хальбергер и думать не мог получить такое разрешение, так как неограниченным повелителем страны в это время был все тот же тиран Франсиа. Это безвыходное положение заставило его искать убежище в Чако, где он действительно и нашел себе приют. Всякому иному на его месте подобное предприятие показалось бы сумасшествием. И в самом деле, для представителя кавказской расы поселиться среди дикарей Чако значило обречь себя на верную гибель. Но у натуралиста был повод думать несколько иначе. Между дикарями и жителями Парагвая выпадали счастливые промежутки мира, во время которых индейцы, торговавшие шкурами и другими продуктами охоты, имели обыкновение смело прогуливаться по городу и совершать мену на улицах Асунсьо-

на. В одно из таких перемирий вождь воинственных товасов напился вина гуарапе, одуряющего действия которого он не предвидел. Опьянев, дикарь отделился от своих товарищей и был окружен толпой парагвайской молодежи, подшучивавшей над ним. Этот вождь славился своими военными доблестями, и Хальбергер, видя, как молодежь издевается над стариком, пожалел его и, отбив его у юных палачей, увел в свое жилище. Дикари умеют ненавидеть, но зато умеют и любить; гордый старик, тронутый оказанной ему услугой, поклялся в вечной дружбе своему защитнику и в то же время предложил ему жить в Чако.

В минуту опасности Хальбергер вспомнил о приглашении вождя и ночью с женой и детьми в сопровождении нескольких пеонов, захватив только самые необходимые вещи, переправился через Парану и направился к Пилькомайо, на берегах которой надеялся найти стоянку вождя товасов. Поднимаясь вверх по реке, ему не нужно было самому работать; на веслах сидели старые его слуги, гуаносы, а верный Гаспар, его всегдашний спутник в научных экскурсиях, сидя на руле, управлял лодкой. Если бы вместо лодки было четвероногое животное лошадиной породы, Гаспар, наверное, управлял бы им гораздо лучше, потому что он был гаучо в полном смысле этого слова. Впрочем, уже не первый раз случалось ему бороться с быстрым течением Пилькомайо, поэтому ему и было вверено управление лодкой.

Путешествие окончилось благополучно. Натуралист достиг деревни товасов и по соседству с ними выстроил себе жилище — хорошенький домик на северном берегу реки, который вскоре сделался богатой эстансией, где он мог считать себя в безопасности от преследований куартелеросов диктатора Франсиа.

Здесь он пользовался самым полным счастьем в течение пяти лет; весь отдавшись своим любимым занятиям, он, подобно Эме Бонплану, жил счастливо и спокойно в кругу своей семьи и верных слуг, следовавших за своим господином. Среди этих последних ближе всех к нему был добрый Гаспар, его помощник в исследованиях и постоянный спутник в экскурсиях. Теперь, конечно, понятно, что неподвижно сидевший всадник был Людвиг Хальбергер, которого Гаспар привез к жене и сыну, пораженным горем и отчаянием.

Так оно и было.

4. ПЕЧАЛЬНЫЙ ДОМ

Долго не приходила в себя несчастная женщина. Когда наконец к ней вернулось сознание, глазам ее представилось ужасное зрелище: на кровати неподвижно лежало тело ее мужа, на лицо которого смерть наложила печать спокойствия; платье на его груди окрашено было кровью из раны, нанесенной ударом копья и унесшей его жизнь.

С помощью слуг Гаспар отвязал от седла окоченевшее тело своего господина и отнес его в комнаты. Тут гаучо поведал госпоже о результатах своей поездки; но горе ее было и так слишком велико, чтобы слова его рассказа могли увеличить его; она слушала его в каком-то оцепенении — ужасное зрелище надломило ее силы. Гаспар быстро напал на след пропавших и шел по нему до группы альгорробасов, росших на берегу реки. Там, к его величайшему ужасу, он увидел труп своего господина, убитого изменнической рукой, и рядом с ним его лошадь, каким-то чудом не попавшую в руки убийце. Умное животное стояло около убитого господина, словно ожидая, что вот-вот он снова сядет в седло. Рядом с трупом лежал также букет великолепных цветов. Гаспар видел также и дерево, с которого были сорваны цветы. Очевидно, смертельный удар поразил натуралиста во время его любимых занятий. Не было видно никаких других следов, кроме следов лошадей Хальбергера и дочери. Идя по ним, Гаспар увидел другие следы, указывавшие, что здесь останавливалась целая группа всадников. Вероятно, убийцы, спрятавшись за ветвями альгорробаса, пешком проследили свою жертву и, выбрав удобный момент, неожиданно бросились на него, когда несчастный ничего не подозревал. Так, по крайней мере, думал гаучо.

— А моя дочь? — вскричала несчастная мать, прерывая печальный рассказ гаучо. — Неужели и Франческа также убита?

— Нет, сеньора, нет, — быстро ответил Гаспар. — Я уверен, что наш ангел жив! Клянусь всеми святыми! Даже у дикарей Чако не хватило бы духу убить ее. Если бы действительно убили, были бы какие-нибудь следы, а я ничего не заметил: ни кусочка одежды, никакого признака борьбы. Вы сами можете видеть это по тому, как они поступили с господином. Они не унесли бы труп

барышни, если бы она действительно была убита. Нет, сеньора, клянусь вам, барышня жива!

— О, я лучше хотела бы видеть ее мертвой! — вскричала вдруг несчастная мать.

Лицо бедной матери при этих словах отразило весь ужас при одной мысли о плене дочери.

— О, мама, не говори этого! — вскричал Людвиг, обвивая руками ее шею. — Во всем свете не найдется такого низкого человека, который осмелился бы сделать что-нибудь дурное такому чистому существу, как Франческа. Мы ее разыщем, мама, непременно найдем, чего бы нам это ни стоило!

Циприано также подошел к тетке и, наклонясь к ней, проговорил:

— Обязанность найти Франческу я беру на себя и клянусь вам всеми святыми, милая тетя, я отыщу нашего дорогого ангела... или погибну! А ты, брат, — сказал он затем, обращаясь к Людвигу, — должен остаться с матерью!

На это, со слезами на глазах, Людвиг возразил:

— Я тоже считаю себя обязанным идти на помощь сестре. Боже, что делать?

— Довериться мне и Гаспару. Ведь ты же знаешь нашего Гаспара! Бог поможет освободить нам ее, и мы непременно ее привезем. Клянусь тебе не возвращаться без нее!

Решительный и непоколебимый тон молодого парагвайца показывал, что он ни перед чем не отступит и выполнит свою клятву.

Когда первые минуты жгучего горя сменились более спокойным состоянием, Гаспар поспешил увести несчастную женщину от тела ее мужа в другую комнату, оставив с ней молодую девушку-индианку, преданную господам всей душой и сопровождавшую их во время бегства с территории диктатора.

Между тем гаучо с помощью индейцев-пеонов приготовил все необходимое для погребения останков своего господина, а Циприано и Людвиг, теперь сирота, вели беседу, отыскивая средства для успешного окончания их предприятия. Несмотря на все их горе, они не могли перестать думать о Франческе, и ужас, охвативший их при виде бездушного тела отца и друга, не внес в их душу отчаяния, но скорее возбудил их энергию. Едва вышедшие из детского возраста, выросшие среди родительских ласк,

они сразу точно сделались взрослыми и преобразились при одной мысли о предстоящей им обязанности, о борьбе и трудах, которые их ожидали. Горе и забота сразу сделали их взрослыми людьми, способными думать и действовать; оба готовы были идти вперед, отдать свою жизнь на исполнение священной обязанности, выпавшей на их долю.

Окончив печальные приготовления, Гаспар пришел к молодым людям, и они стали втроем обсуждать, что и как им делать. Во всех подробностях они исследовали и обсудили обстоятельства убийства Хальбергера. Преступление было совершено индейцами; у гаучо на этот счет не было никакого сомнения, судя по следам лошадей; но они не находили ничего невозможного и в том, что индейцы эти были подкуплены солдатами диктатора. Действительно, хотя и вдали от деспота, но никогда натуралист и его семья не чувствовали себя в безопасности от происков этого ужасного человека. А перекочевка вождя товасов некоторым образом оставила их без охраны, и Франсиа, узнав об этом, мог послать отряд своих куартелеросов для выполнения низкой мести. Но все же, считая диктатора способным на всякую низость, Гаспар не приписывал ему совершенного преступления. Если бы действительно следы принадлежали лошадям куартелеросов, то видны были бы следы подков, а он далеко проследил их — до самого того места, где они совершенно исчезли, — и, рассмотрев самым тщательным образом, узнал только, что убийцы были индейцы и что они похитили Франческу живой; след же подков принадлежал, очевидно, пони Франчески. Но какие индейцы совершили это преступление? Гаспар знал только товасов; но ведь было много и других племен. Исполнителями этого преступления не могли быть товасы, престарелый и уважаемый вождь которых бывал частым гостем на эстансии. Да разве такая долгая и испытанная дружба могла окончиться этой ужасной и неожиданной катастрофой? Ни Гаспар, ни Людвиг ни на минуту не верили этому; только Циприано, как это ни странно, был противного мнения. Он представил даже доказательства. Последние шли скорее из глубины его сердца, чем из головы, но между тем он допускал их. Он припомнил, что у вождя товасов был сын, немного старше его, — это было известно и Гаспару, и Людвигу. Циприано, кроме того, заметил еще, что не раз глаза молодого индейца с восхище-

нием останавливались на прелестных чертах Франчески. Наблюдениями Циприано руководила ревность, которая и заставила его угадать то, чего ни брат, ни Гаспар, да и никто другой не мог заметить. Как ни было молчаливо и почтительно внимание, с каким молодой индеец относился к его кузине, которую Циприано обожал, оно не только не нравилось, но было особенно неприятно юноше. В душе его осталось воспоминание, охватившее его всего в ту минуту. Отец молодого индейца был другом Хальбергера, но у сына не было никаких обязательств считать эту дружбу священной. Это был юноша мрачного и горячего темперамента. Циприано, проводя целые дни вместе с Франческой, привязался к ней, не признаваясь в этом ни себе, ни другим. Иногда в мечтах он видел в будущем подругу своих детских игр спутницей всей своей жизни. Разве молодой индеец не мог думать так же? Разве он не мог вообразить, что если похитить Франческу в этом полудетском возрасте, то она, живя среди его племени, со временем забудет привычки цивилизованной жизни, как это бывает с детьми.

Ни Людвиг, ни Гаспар не отрицали доли правды в предположениях Циприано, и оба пришли к заключению, что его мнение может быть основательным.

Как бы то ни было, следовало отправиться разыскивать товасов на их новом месте жительства. Гаспар был уверен, что, если все племя или хотя бы часть его были участниками в этом двойном преступлении, вождь Нарагуана не задумается произвести суд даже над собственным сыном. Если же убийство и похищение были совершены индейцами другого племени, Нарагуана поможет своим друзьям отомстить убийце и освободить молодую девушку.

Если бы семья Хальбергера жила на границе Арканзаса или Техаса, гаучо и молодые люди собрали бы вокруг себя отряд отважных трапперов из своих ближайших соседей и с ними отправились бы преследовать дикарей. Но в Чако ближайшие соседи семейства Хальбергера жили в Асунсьоне. Если даже предположить, что они в состоянии были бы оказать помощь, заранее можно было быть уверенным, что они не осмелятся сопутствовать им из боязни навлечь на себя гнев диктатора. Поэтому никто и не обратился за помощью в Парагвай. Они надеялись только на самих себя и на дружбу товасов. Решено было отправиться немедленно на поиски пропавшей

девушки. Тщетно пытался Циприано убедить Людвига не принимать участия в путешествии.

— Он прав,— сказала мать,— мне ничего не нужно, кроме Франчески. Чтобы охранять дом, достаточно и слуг. Да и что еще может случиться хуже этого? Я хочу, чтобы ты ехал,— повторила она, обращаясь к сыну.

Еще одна бессонная ночь прошла в доме натуралиста; только сам владелец эстансии покоился непробудным сном смерти.

Первые лучи солнца озарили влажную почву свежевырытой могилы. Земля еще не успела высохнуть, а трое всадников, отправляясь в долгое путешествие, удалялись от одинокой эстансии; на веранде на коленях стояла женщина в трауре, воссылая к небу горячие молитвы за успех предприятия.

5. КОНВОЙ ПЛЕННИЦЫ

Вернемся немного назад. Пока бездыханное тело Людвига Хальбергера лежало под тенью альгорробаса, не-вдалеке можно было заметить отряд всадников, направлявшихся через пампасы подальше от места своего злодеяния. По костюму и цвету их кожи легко было узнать в них индейцев; но один из них отличался и своим лицом, и одеждой. Это был белый, по-видимому, кастильской расы. Остальные всадники — молодые люди, из которых ни одному не было больше двадцати лет; каждый из них держал в руке дротик и боло, перекинутые через плечо или привязанные к седельной луке. Все они сидели на небольших горячих лошадях с длинным хвостом и гривой. У двух из них были рекадо — седла, употребляемые южноамериканцами, а у остальных седло заменялось куском бычьей или оленьей кожи. Во всем отряде ни у одного всадника не было стремян или шпор; вместо уздечки — простой ремень из сырой кожи, обмотанный вокруг нижней челюсти лошади, что не мешало всадникам править своими лошадьми с таким же искусством, как и мамелюкским мундштуком.

Отряд насчитывал двадцать всадников. Девятнадцать из них — в одинаковой одежде из различной материи. Костюмы их не отличались изысканностью. Туловище до половины бедер покрывала короткая накидка, похожая на одежду дикарей Северной Америки, но только сделан-

ная не из материи, а просто из шкуры дикого зверя.

У одних накидка была красная — из кожи пумы, у других — из пятнистого меха ягуара и агуарунди, или серой кошки пампасов, из волчьего меха и меха выдры или же из темной шкуры муравьеда. Глядя на них, можно было пересчитать всех известных четвероногих в Чако. Эти дикари отличались от краснокожих Севера тем, что не носили ни панталон, ни мокасинов (североамериканская обувь), от этого избавлял их теплый климат, да к тому же индейцу Чако незачем обуваться, так как он очень редко ступает на землю, проводя целые дни на спине своей лошади. По обеим сторонам седла свешивались их обнаженные ноги, словно отлитые из бронзы или изваянные резцом Праксителя; верхняя часть тела также была обнажена; в противоположность их северным братьям, они не были ни раскрашены, ни татуированы; блеск здоровой кожи темного цвета, несколько раковин и браслеты из бус на шее и руках составляли их единственное украшение. Их волосы, черные как смоль, коротко остриженные на лбу, свободно ниспадали назад, густой волной падая на плечи. У некоторых они доходили до круп лошади.

Только два всадника на рекадо из всего отряда были одеты иначе, чем остальные.

Первый — молодой индеец — был, по-видимому, предводителем отряда. На нем был надет вокруг талии род пояса, а на плечах, небрежно развеваясь, был перекинут плащ, своей формой напоминавший пончо, хотя и не похожий на шерстяную накидку гаучо. Это было индейское мантио, сшитое из выделанной оленьей кожи и великолепно украшенное перьями гуакамайма и других птиц.

На голове у него было надето нечто вроде каски, сделанной из лошадиной кожи, белоснежного цвета с рядом перьев реа, поставленных вертикально. Украшения одежды, сбруя лошади — все ясно указывало на него как на вождя отряда. С ним были только молодые люди, но он также был еще юноша и, конечно, не старше своих товарищей. Единственный белый среди них, о котором раньше было сказано, что он похож на кастильца, представлял собой действительно замечательный тип.

Черты его лица выражали собой смесь жестокости и хитрости, что также отражалось и на лице молодого вождя, скакавшего рядом с ним. Его одежда представляла смесь одежды индейской и цивилизованной, и его самого

можно было принять за гаучо, взятого в плен дикарями. Но, очевидно, не таково было его положение: он ехал на почетном месте, по правую руку предводителя. Его вид и манеры выдавали его преступные деяния в цивилизованных странах и бегство в Чако под покровительство диких. Длинное копьё, висевшее сзади, было окрашено на конце чем-то красным — это была запекшаяся сухая и потемневшая от солнечных лучей кровь. Это самое копьё поразило в грудь Людвига Хальбергера. Если бы явилось сомнение на этот счет, оно бы быстро рассеялось при взгляде на третье лицо, двигавшееся немного позади и, очевидно, находившееся под стражей.

Это была молодая девушка, на вид лет пятнадцати, хотя ей было всего только четырнадцать. Но в ней уже была заметна женственность, что нередко бывает в Испанской Америке, где зрелость наступает раньше, чем в нашем холодном климате. Овальное нежное личико, милостивый ротик, слегка оттененный нежным пушком, глаза с длинными ресницами и тонкими дугобразными бровями, оливковый цвет лица и изящные формы, которыми так гордятся андалузские женщины, — вот какова была Франческа Хальбергер, дочь натуралиста. Выражение глубокой грусти, проглядывавшее во всей ее фигуре, не умаляло ее красоты. Надо заметить, что взгляд испанской женщины никогда не бывает так прекрасен, как в минуту опасности. Пленница видела отца, изменнически пораженного копьем убийцы, и его предсмертный крик: «Моя дочь... Мое бедное дитя!..» — еще раздавался в ее ушах. Прежде чем она успела дать себе отчет в опасности, как была уже схвачена, и всякая попытка к бегству была отрезана; ее окружила толпа вооруженных людей... Она по-прежнему сидела на своей лошадке, но один из индейских всадников завладел поводьями и не позволял ей править.

Кавалькада медленно подвигалась вперед. Ей незачем было торопиться: дикари не боялись погони. Исполнители этого преступления знали хорошо, что им не грозит месть за совершенное злодеяние.

По временам кто-нибудь из всадников поднимался на лошади и с минуту осматривал равнину; но это делалось не из боязни преследования, а просто из любопытства.

Однако нечто вроде беспокойства шевелилось в сердцах этих дикарей, по крайней мере в сердце их вождя, о чем можно было судить по нескольким словам,

которыми он обменялся с белым, скакавшим рядом с ним. Индеец говорил неуверенным тоном, и в его взгляде можно было прочесть раскаяние в только что совершенном поступке. Ответы свирепого ренегата, бывшего не только руководителем, но и исполнителем злодеяния, казалось, были направлены на то, чтобы успокоить индейца. Фаталист, как вообще все дикари, молодой предводитель на все насмешки ренегата ответил только:

— Что сделано, то сделано.

И всю остальную дорогу больше уже не думал ни об урызениях совести, ни о раскаянии.

Разговор между двумя другими дикарями, ехавшими позади отряда, скорее объяснит причину беспокойства их предводителя.

С чувством восхищения и жалости говорили они о красоте своей пленницы и о дружеских отношениях между их старым вождем и Хальбергером.

— Нам придется раскаться в том, что мы сделали,— сказал один из них.

— В чем раскаться? — спросил его товарищ. — Разве отец молодого вождя не умер?

— Если бы Нарагуана был жив, он никогда бы не допустил этого.

— Но он уже умер.

— Это правда, но сын его Агвара — такой же молодой человек, как и мы. Он еще не выбран вождем нашего племени. Старики, вероятно, будут недовольны, потому что некоторые из них, как и Нарагуана, были друзьями убитого. Почем знать, не будем ли и мы наказаны за это убийство?

— Не бойся, партия молодого предводителя самая сильная, да потом этот проводник,— сказал дикарь, подразумевая ренегата,— все возьмет на себя. Он объявил нам, что это дело касается его одного, так как между ним и натуралистом были свои счеты. Он говорил, что бледнолицый человек, собиравший растения, поступил с ним нехорошо. Может быть, это и правда? С таким защитником Агвара выйдет сух и невредим.

— Будем надеяться,— возразил другой. — А если это прекрасное создание станет нашей царицей, то, во всяком случае, не воины нашего племени будут жалеть об этом, но молодые девушки товасов останутся недовольны!

Разговор был прерван криком, донесшимся из авангарда.

Это был крик тревоги, и в ту же минуту каждый то-вас, привстав на седле, беспокойным взглядом окинул равнину.

Только девушка по-прежнему неподвижно сидела на своем седле. Казалось, ничто не могло уже испугать этого несчастного ребенка. Ее не страшили новые удары судьбы.

В это время кавалькада проезжала по пустынному пространству, так называемому *traviesas*, что значит «бесплодная почва», которую не редкость встретить в Чако. Такие земли в продолжение известного времени года наводняются разливом соседних рек, но с наступлением лета, под палящими лучами солнца, они снова высыхают и остаются покрытыми слоем серовато-белого цвета — результат выветривания различных солей после испарения воды.

Путешественники выбрали эту дорогу, чтобы миновать изгибы реки. Когда раздался крик тревоги, они были приблизительно в десяти милях от реки и на таком же расстоянии от ближайшего леса. Крик этот испустил проводник, ехавший впереди. В ту же минуту он остановил свою лошадь и выпрямился на стремянах.

6. ТОРМЕНТА

Однако ничего особенного не было видно. Солнце спокойно совершало свой путь по безоблачному небу, бросая черные тени от всадников и лошадей. На далеком расстоянии, куда только хватал глаз, не было ни одного живого существа; даже птицы не нарушали своим криком безмолвия пустыни, и хотя синее небо было безоблачно, однако, если приглядеться, можно было заметить легкий пар, подымавшийся на отдаленном горизонте прямо впереди всадников. Он был едва различим, и только опытный глаз проводника заметил его и понял приближавшуюся опасность.

— Что такое? — спросил молодой предводитель, подъезжая на своей лошади к проводнику.

— Карамба! Разве вы не видите?.. — ответил испанец, показывая на горизонт.

— Кроме маленького облачка, я ничего не вижу.

— Так-таки ничего больше?

— Ничего. Можно было бы даже принять это облако

за дым, но этого не может быть: на десять миль в окружности нельзя найти ни былинки, чтобы развести огонь. Впрочем, чего же нам бояться, разве мы здесь не у себя дома?

— Это не дым и не огонь, а гораздо хуже — пыль.

— Пыль! В таком случае это отряд всадников.

— На этот счет мы можем быть покойны; это не люди и не враги, но нечто другое. Если бы это был отряд всадников, мы могли бы, вернувшись немного назад, скрыться от нападения в лесу. Но эта пыль поднята не лошадьми. Если мои глаза меня не обманывают, это идет ураган торmenta.

— Торmenta! — в один голос воскликнули индейцы тоном, показывавшим, что им хорошо знакомо это ужасное явление.

— Да! — снова сказал проводник, всмотревшись еще раз в облако. — Нет никакого сомнения в том, что это торmenta, а не другое что-нибудь. Проклятие!

Облако заметно растянулось вдоль горизонта и быстро разрасталось на голубом фоне неба. Оно было темно-желтого цвета, похожего на смесь пара и дыма, какая поднимается от пламени наполовину угасшего костра. По временам оно прорезывалось светлыми полосами молний.

Между тем в том месте, где остановились всадники, солнце ярко блистало и не было ни малейшего ветерка.

Но это спокойствие было обманчиво. В воздухе стояла тяжелая, удушливая жара, на которую перед тем жаловались некоторые из индейцев. Едва ли они успели дать себе отчет в угрожавшей опасности, как в одно мгновение жестокие порывы холодного ветра с такой яростью обрушились на них, что некоторые из всадников, потеряв равновесие, покатались на землю, увлекаемые этой невидимой силой.

Скоро ясный день сменила ужасная тьма, окутавшая всю равнину непроницаемым мраком.

Облако пыли прошло перед солнцем, закрыв его совершенно. Испуганные этим первым приступом, некоторые из индейцев предложили скакать назад к деревьям, но о бегстве уже нечего было и думать. Раньше чем они успели бы проскакать десять миль, ураган настиг бы их.

Проводник знал это, потому-то он и посоветовал действовать иначе.

— Скорей слезайте с лошадей, — крикнул он, — и становитесь за ними, положив на голову седло. Делайте, как

я говорю, если не хотите ослепнуть. Живей, а то будет поздно!

Индейцы, доверяясь вполне опытности бледнолицего, поспешили исполнить его приказание.

Немедленно все, спрятавшись за своих лошадей, столпились в одном месте. Пленницу же сам вождь поместил позади всех. Быстрым почтительным движением он снял ее с лошади и, положив на землю, сказал ей на своем наречии, которое она понимала:

— Не трогайтесь и не подымайтесь. Повернитесь лицом к земле и ничего не бойтесь. Это вас защитит.

С этими словами он снял со своих плеч плащ из перьев и, повернув его верхней стороной, накрыл им голову и плечи девушки.

Франческа машинально повиновалась требованию своего похитителя, но невольно содрогнулась от отвращения, почувствовав себя в руках человека, допустившего или даже совершившего убийство ее отца.

Едва успели принять эти предосторожности, как ураган разразился с ужасающей силой, срывая с лошадей тех, кто не успел растянуться на земле.

Совет закрыть глаза не был излишним. Действительно, торmenta не только поднимала пыль, но и бешено вертела все кругом, унося с собой даже камни и обломки деревьев. Кроме того, в столбах вихря носились легкие песчинки, которые проникали всюду, ослепляя глаза и вызывая удушье.

Через час ураган еще более усилился. В ушах людей отдавался страшный вой ветра. Песок проникал в кожу. Иногда порывы ветра поднимались с такой силой, что люди не могли удержаться на земле. Со всех сторон вокруг них сверкали, перекрещиваясь, непрерывные молнии.

Казалось, вся атмосфера была наполнена огнем; гром то гремел короткими, быстрыми ударами, то грохотал продолжительными раскатами. Затем пошел такой холодный дождь, точно он лил со снежных вершин Кордильер.

Спустя еще полчаса темное облако исчезло, ветер так же быстро утих, как и начался,— торmenta миновала.

Солнце снова заблестало на голубом, по-прежнему ясном небе, точно урагана никогда и не было.

Молодые товасы, с которых ручьем текла вода, поднялись на ноги. Некоторые были окровавлены, но с беззаботностью, свойственной их расе, они скоро оправи-

лись. Затем стали внимательно осматривать коней, чтобы узнать, в состоянии ли они продолжать путь. По знаку предводителя войны перекинули свои хергасы на спины лошадей и ждали сигнала отправиться в путь.

Франческа неподвижно и безучастно стояла в плаще молодого предводителя, и, когда он приблизился к ней за этим знаком своего достоинства, она даже не взглянула на него. Он было хотел посадить ее в седло, но она с презрительным жестом оттолкнула его и с легкостью птицы вскочила на лошадь.

Вся орда невольно испустила крик восхищения: эта молодая девушка достойна быть их царицей — она не испугалась даже урагана.

Между тем все было готово к отъезду, и похитители, вскочив на коней, продолжали свой путь по равнине, покрытой теперь водой. Они направлялись в прежнем порядке к стоянке своего племени.

Оставим их пока и займемся другими.

Далеко от того места, где происходила только что описанная нами сцена, на берегу реки разложен огонь. Вокруг веселого пламени костра сидят три фигуры. Люди эти провели ночь здесь. Кое-что из вещей разбросано там и сям; три еще не оседланные лошади привязаны тут же ко вбитым в землю колышкам.

Двое из этих людей еще юноши, только вступающие в зрелый возраст; третий — постарше, на вид лет тридцати.

Я думаю, незачем говорить, что эти три путешественника не кто иные, как Гаспар, Людвиг и Циприано.

Нам уже известно, что сама вдова Хальбергера потребовала, чтобы сын ее сопровождал своего кузена и Гаспара. Собственно говоря, и трех-то человек было слишком мало для исполнения задуманного предприятия, тогда как сама она на эстансии, под охраной верных слуг, была в полнейшей безопасности.

Путники доехали только до Пилькомайо, на расстоянии всего одного дня пути от места их отправления.

Их привели сюда следы убийц; но, утомленные быстрой ездой и двумя бессонными ночами, они расположились бивуаком на этом месте. Теперь, отдохнув немного, они снова собираются в путь, торопясь окончить свой незатейливый завтрак.

На плоском камне, раскаленном докрасна, жарятся несколько маисовых колосьев, и тут же на вертеле при-

готовляется жаркое, которое, на взгляд европейца, показалось бы, пожалуй, не особенно привлекательным.

Это обезьяна из породы *guaridas*, которая, увидев огонь, осмелилась приблизиться к нему, как бы для того, чтобы дать Гаспару возможность застрелить себя.

Из нее-то и готовят путешественники свой утренний завтрак. Не подумайте, что запасы их истощились. Нет, у них есть еще солонина; но Гаспар питает слабость к жареной обезьяне и предпочитает ее всему другому, притом же им необходимо по возможности беречь свои запасы.

Недалеко от камня, на горячей золе, стоит чашка с кипящей жидкостью. Это вода для чая, настоящего парагвайского матэ, три чашки из скорлупы кокосового ореха с трубками для всасывания жидкости лежат тут же на траве.

Среди всевозможных дорожных вещей: седел, попон, трех ножей, трех лассо, трех пар боласов, трех охотничьих ружей — виднеются различные съестные припасы.

Несмотря на такое изобилие, в лагере нет веселья.

Путники голодные, но запах жареного мяса и аромат чая не возбуждают их аппетита. У всех троих тяжело на сердце. Предприятие их не простое развлечение или охота: они преследуют убийц и похитителей сестры и спешат нагнать их.

Быстро окончив завтрак, молодые люди вскочили на лошадей.

Но что это делает гаучо? Какая причина удерживает его на месте?

Молодые люди нетерпеливым взглядом спрашивают Гаспара о непривычной для него медлительности.

Солнце только что взошло, окрасив пурпуром верхушки деревьев, но им нельзя терять ни минуты.

Еще во время завтрака, седлая лошадей, юноши заметили на лице Гаспара, обычно таком открытом, непривычное для них выражение заботы и раздумья.

Очевидно, его беспокоило что-то другое, кроме общего их горя, которое — они в этом не сомневались — верный гаучо чувствовал так же глубоко, как и они сами.

Но что это значит? Во время завтрака он несколько раз вставал с места и подходил к одному дереву, с особым вниманием осматривая его. И даже в последнюю минуту, уже занеся ногу, чтобы вскочить в седло, он, к величайшему их удивлению, еще раз подошел к дереву и,

пока они перекидывались словами по этому поводу, снова пристально оглядел его.

Что он нашел интересного в нем?

Это было не очень высокое дерево, с легкими зелеными листьями, по-видимому из семейства мимоз. На его длинных ветвях висели целые букеты прекрасных желтых цветов.

Эти-то цветы и приковали к себе взгляд гаучо, в котором юноши легко могли прочесть отражение все возрастающего душевного беспокойства.

7. ДЕРЕВО-БАРОМЕТР

— В чем дело, Гаспар? — спросил, наконец, с нетерпением Циприано. — Нам каждая минута дорога; мы теперь были бы уже далеко отсюда.

— Я знаю, господин; но, если только это дерево говорит правду, нам лучше не торопиться. Подойдите и посмотрите на эти цветы.

— Что же в них особенного? — спросил Циприано. — Я ровно ничего не вижу.

— А я так кое-что заметил, — сказал Людвиг, приобретший от отца некоторые познания в ботанике, — венчик теперь полузакрыт, но он не был таким полчаса тому назад. Я это заметил еще раньше.

— Подождите, — сказал Гаспар, — посмотрим еще.

Юноши послушались, и через пять минут увидели, что венчик цветка еще больше закрылся, а лепестки свернулись и сжались.

— Ах, Боже! — воскликнул гаучо. — Теперь уж нет сомнения, будет буря!

— А! Так это дерево — питау. Отец часто говорил мне о нем.

— Ваша правда, молодой господин. Видите, цветы еще больше закрываются, и меньше чем через час от них останутся только бутоны. Что нам делать? Остаться здесь — нельзя; ехать дальше — все равно мы этим ничего не выиграем. К тому же нельзя точно сказать, когда нагрянет буря, но, судя по барометру, она обещает быть жестокой.

— Нельзя ли нам укрыться в лесу?

— Это простительно только индейцу — в лесу искать лекарства, которое хуже самой болезни. Да если только

это идет торmenta, для нас же во сто раз лучше оставаться среди равнины, хотя и здесь тоже небезопасно. Но все-таки, оставаясь на равнине, мы меньше подвергаемся опасности, чем под деревьями, которые могут нас раздавить своим падением. Я видел вырванные торментой громадные альгорробасы... Их кружило бурей и кидало во все стороны, точно страусовые перья.

— Что же нам делать?

— Самое лучшее,— ответил гаучо,— сесть на лошадей и скакать вперед. А там будь что будет! На коней, детки, и скачите за мной! Я недаром был пленником у индейцев Чако: я должен знать хоть-немного эту страну. Если только я не ошибаюсь, мы можем отыскать себе какое-нибудь убежище на берегу реки; к несчастью только, это довольно далеко отсюда. Но больше нечего делать... приходится рисковать. Увидим, что будет дальше, а теперь помолимся Богу.

И с этими словами гаучо, став на колени, перекрестился и прочел «Отче наш». Юноши повторяли за ним слова молитвы.

— Ну а теперь,— вскричал гаучо, поднимаясь,— на коней и вперед!

Все трое быстро вскочили на седла и, пришпорив лошадей, скоро оставили далеко позади бивуак, где еще тлели остатки костра.

Во весь дух убегая от грозящей опасности, трое всадников все время скакали по следам дикарей, которые вели как раз к тому месту, где Гаспар рассчитывал найти защиту от бури.

Они ехали вдоль берега реки, там и сям перерезанного более или менее крупными возвышенностями.

Несмотря на всю опасность, которой грозило наступление торменты, они не переставали думать о главной цели своего путешествия — настигнуть убийц.

Как уже известно, мнения Людвиг и Циприано на этот счет резко расходились; они и теперь еще продолжали свой вчерашний спор о том, кто убийца. На основании своих тайных предчувствий Циприано не сомневался, что похититель его кузины принадлежал к племени товасов и был не кто иной, как сын их вождя.

Людвиг, слишком доверчивый, не соглашался с этим мнением. Это казалось не только невозможным, но просто чудовищным прямодушному мальчику.

Неужели Нарагуана, старый вождь, давнишний друг

его отца и его защитник, мог сразу сделаться изменником и согласиться на подобное злодеяние?

— Но, может быть, все было сделано без его ведома,— сказал Циприано.— Я думаю, что он не допустил бы этого, и возможно, что он и не знал, да и теперь ничего не знает. Но нам известно, что уже не раз старейшины этого племени собирались на совет и творили суд над преступниками их племени. Немало найдется негодяев среди дикарей, как и у нас. Уже не раз молодые воины приводили в ужас страну своими нападениями и покушениями на жизнь путешественников, рисковавших проходить по этим местам. Какой-то внутренний голос говорит мне, что причина всех наших несчастий — эти проклятые индейцы во главе с Агварой, сыном их вождя. Я почему-то всегда считал его способным на преступление. Когда я увидел дядю и Франческу, отправляющихся на эту несчастную экскурсию, только ложный стыд удержал меня рассказать им о моем предчувствии. Однако я должен сознаться, что этот презренный негодяй оказался даже хуже, чем я подозревал. Никогда я не считал его способным на убийство друга его отца, чтобы достигнуть своей цели.

Слова Циприано напомнили Людвигу его двойное несчастье, и он некоторое время ничего не отвечал своему двоюродному брату.

Сцена возвращения его отца во всех своих ужасных подробностях воскресла в его уме. Углубившись в это воспоминание, он, казалось, не мог сразу выйти из него, но, наконец, сделав усилие, чтобы оторваться от этой печальной картины, он перешел к настоящему положению дел.

— Циприано,— сказал он,— может быть, лучше, что все произошло так, как ты предполагаешь.

— Почему лучше, Людвиг?

— Потому что тогда мы хоть можем надеяться найти Франческу. Если старый вождь невиновен, он не замедлит приказать возвратить нам ее, хотя бы похитителем был и его собственный сын.

— Я в этом сомневаюсь,— печально возразил Циприано.

— Тем не менее это наша единственная надежда,— продолжал Людвиг.— Если бы преступление было совершено каким-нибудь другим племенем, враждебным нам, как белым, а ведь известно, что все остальные племена

Чако — наши враги, то нам еще труднее было бы возвратить сестру. Рассчитывать отнять ее силой — невозможно. Это было бы безумием с нашей стороны. Такая попытка будет стоить ей жизни, или, что еще хуже, приведет ее к вечному плену у дикарей.

— Твоя правда,— отвечал Циприано.— Я вижу, что без помощи Нарагуаны нечего рассчитывать на успех нашего предприятия. Но мы скорее можем надеяться на счастливый исход, если нам понадобится помощь против других племен, против гуанкурсов, например, или мбаясов и ангитосов. Вождь товасов поможет нам, наверное, в борьбе с ними, хотя это племена индейцев. Чако всегда заключают союз, когда дело идет о походе на белых, но часто также между отдельными племенами существует смертельная вражда. Моя надежда основывается скорее на этом предположении, чем на чем-нибудь другом. Если же, напротив, нам придется иметь дело с товасами...

— Это товасы! — прервал его слова Гаспар, не терявший ни на минуту из виду следов неприятеля, хотя он и слушал разговор братьев.

В эту же минуту он остановил свою лошадь, что-то рассматривая на земле около ее копыт.

— Смотрите,— воскликнул он,— вот доказательство виновности товасов!

Людвиг и Циприано приблизились, чтобы посмотреть на то, что им показывал гаучо.

Гаспар держал в руках предмет величиной приблизительно с апельсин и темно-коричневого цвета.

Оба юноши тотчас же узнали в нем болу — круглый камень, покрытый прежде сырой, а теперь ссохшейся бычьей кожей.

— Что же это за доказательство, Гаспар? — спросил Циприано.— Это не что иное, как бола, которую кто-нибудь потерял, оттого что оборвался ремень. Что же это, по-твоему, доказывает? Разве не все индейцы в Чако имеют такие болы?

— Все, но только не такие. Посмотрите-ка,— сказал гаучо и, наклонившись в седле, поднял болу.— Найдите то место, где она оборвалась. Нет, она никогда не была прикреплена к ремню.

Молодые люди рассматривали шар, не находя в нем ничего особенного.

Это был тяжелый камень, обтянутый бычьей кожей, когда она еще была сырая, которая, высохнув, сжалась

без всяких складок. Никакого следа оторванного ремня на нем не было видно. Заметен был только рубец кожаной обертки.

— Потерянная бола! Я никогда об этом ничего не слышал,— сказал Людвиг.

— Я также,— отвечал Циприано.

— Я кое-что слышал и даже видел ее в деле,— возразил гаучо.— Это индейское оружие, которым они владеют с поразительной ловкостью. Они кидают его дальше чем на тридцать метров, ударяя им в голову неприятеля с такой силой, как пуля из ружья. Я видел раздробленные им черепа — не хуже, как если бы они были разбиты ударом палицы. Да, сеньоры, уверяю вас, бола — не детская игрушка.

— Но почему вы думаете, что она потеряна товасами? Вопрос этот предложил Людвиг.

— Кроме них, его некому потерять, потому что только они одни и употребляют это оружие. Никакое другое племя не имеет такой болы. Верьте мне, дети мои, бола потеряна изменником-товасом.

Молодые люди кивком головы изъявили свое согласие, и с этой минуты они уже не сомневались, что идут по следам товасов.

Неожиданная разгадка произвела различное впечатление на каждого из путешественников.

В Людвиге она возбудила если не радость, то хоть луч надежды найти сестру, между тем как Циприано погрузился в еще более мрачное отчаяние.

— Кроме товасов, кроме презренного убийцы,— сказал он,— есть еще другой, еще больший виновник, на которого падает ответственность за все наши несчастья.

— Да,— ответил Людвиг,— злодей Франсиа.

— Он, конечно, и я не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу ему за все зло.

— Бог накажет его. А мы, милый Циприано, что сами мы можем сделать этому человеку?

— Ничего в данную минуту, без сомнения. Но впоследствии — мы увидим.

Перемена атмосферы отвлекла их внимание в другую сторону.

Все вокруг них потемнело и приняло угрожающий оттенок.

— Скорей, скорей! — кричал Гаспар, гоня свою ло-

шадь во весь опор.— Если мы не доберемся до грота, мы погибли. Живей, если вам дорога ваша жизнь!

Молодые люди пустили во весь дух своих лошадей следом за лошадьёю Гаспара.

— Слава Богу, мы добрались как раз вовремя. Благодарение Богу, мы спасены!

Восклицание это сорвалось с уст Гаспара в тот момент, когда он, в сопровождении своих спутников, въезжал на своей лошади в отверстие пещеры. Эта пещера находилась в отвесной скале, возвышавшейся над ручьем, который немного ниже впадал в Пилькомайо. Вход в пещеру был обращен к ручью на некотором расстоянии от потока.

— Да, мы успели вовремя,— повторял гаучо, вздыхая с облегчением.— Карамба! Слышите? Посмотрите-ка, что творится там!

Он еще продолжал говорить, но раскаты грома заглушили его голос.

Началась буря — торmenta. Раскаты грома, повторяемые эхом ущелья, раздавались со страшной силой. Облака пыли крутились по равнине и, казалось, неслись на них.

— Скорей сходите с лошадей! — кричал Гаспар своим спутникам, первый подавая пример.— Несите пончо, дети, свяжем их вместе и закроем ими хорошенько вход в пещеру, чтобы не задохнуться от пыли!.. Живей!..

Юношам не надо было повторять приказание два раза. Они сами знали, что нельзя терять ни минуты. Не первый раз уже видели они торменту и в Асунсьоне были свидетелями ее ужасных последствий.

Они слышали звон разбивающихся от падения камней окон, заставлявший дрожать двери на петлях; видели пыль, проникающую в щели и замочные скважины, словно ужасное дыхание урагана; они видели вырванные с корнем деревья, сломанные точно былинки; видели животных и людей, которых вихрем поднимало на воздух и уносило на далекое расстояние.

И прежде чем гаучо успел сказать еще слово, они были уже на ногах и помогали ему размещать лошадей и закрывать вход в пещеру с помощью связанных вместе пончо, которые они прикрепили к скале ножами.

Их наполовину ослепило пылью и едва не опрокинуло ветром во время этих приготовлений.

— Теперь,— сказал Гаспар, едва они успели закрыть

вход в пещеру,— мы можем считать себя в безопасности, и я решительно не вижу причины, почему бы нам не устроиться в пещере с возможными удобствами. Ураган, чего доброго, задержит нас здесь три-четыре часа,— другими словами, всю ночь. Что касается меня, я голоден, как коршун. Этот переезд заставил меня позабыть о завтраке, и я предлагаю докончить остатки гваробы. Наша столовая немного темна, и нам едва ли можно будет вскипятить чай, но я надеюсь немного осветить ее.

С этими словами гаучо направился к своей лошади и, пошарив под рекадо, добыл оттуда огниво.

8. МЕЖДУ ЗВЕРЕМ И ПОТОКОМ

Гаспар стал высекать огонь о камень, и несколько искр уже блеснуло в темноте, как вдруг какой-то дикий вой на минуту заглушил даже рев бури. Гаучо вздрогнул и стал прислушиваться.

Его спутники также слышали этот вой, а лошади в испуге дрожали, фыркали и били землю копытом.

Снова до их слуха донесся вой. Точнее, это был ужасный рев, не оставивший никакого сомнения ни у людей, ни у животных: зловещий голос подавал тигр, как зовут здесь ягуара.

Сначала им показалось даже, что ужасное животное находится в гроте, но, когда опять раздался тот же вой, они поняли, что тигр был у входа в пещеру, позади пончо. Во всяком случае, слабая защита из плащей едва ли смогла бы укрыть их от когтей свирепого животного; для тигра это было все равно что паутина, если только, как они предполагали, он пришел искать в пещере убежища от бури.

Нечего было и рассчитывать, что его остановит такая преграда.

Сначала, как будто удивленный неожиданным препятствием, заслонившим вход, тигр отошел на минуту.

— Не говорите ни слова,— сказал один из юношей,— пещера довольно велика; может быть, из нее есть другой выход наружу, и тигр пройдет в другое отверстие, не заметив нас.

— Ягуарето — кошка, он видит одинаково хорошо как днем, так и ночью,— тихо сказал Гаспар.— И если он

проникнет сюда, то у нас останется только один выход — убить его.

Все трое быстро схватили ружья и осмотрели за поясом пистолеты.

Ягуар был еще снаружи. Он испускал глухой рев, точно требуя, чтобы ему отворили; его, видимо, удивило неожиданное препятствие, загораживавшее вход в его жилище.

Звери эти, несмотря на свирепость, **очень осторожны.**

Так и этот, стоя перед пещерой, обдумывал, как ему лучше поступить. Но рев зверя, принимавший все более и более грозные оттенки, говорил, что нерешительность его скоро кончится и он не замедлит броситься в пещеру.

Необходимо действовать, иначе и люди и животные сделаются его добычей.

Трое путешественников приготовились к нападению, стали рядом друг около друга близ входа с оружием в руках.

Лошадей они поместили позади себя.

— Не попробовать ли выстрелить через пончо в том направлении, где движения нашего врага обнаруживают его присутствие?

Этот вопрос предложил Циприано; но едва успел он кончить фразу, как страшный рев, раздавшийся как бы в ответ на эти слова, огласил пещеру, и вслед за тем юноши покатались на спине в глубину грота, опрокинутые ужасным скачком животного, которое со всей силой бросилось на загороженный вход и сбило с ног своих противников.

Устоял только один Гаспар.

— Святой Антоний! — воскликнул он. — Глупое животное запуталось в наших плащах! Не двигайтесь, лежите смирно, я сейчас выстрелю.

Блеснул огонек, и раздался выстрел из пистолета.

Убитый тигр покатался на землю.

— Отличный выстрел! — воскликнул Гаспар, догадавшись по шуму падения, что выстрел попал в цель. — Теперь вставайте, дети, и помогите мне освободить нашу дичь от пончо. Не бойтесь, берите смелее, это только труп ягуара.

Гаучо высек огнем огонь и вместе с молодыми людьми подошел к ягуару. Здесь они увидели, что выстрел гаучо был как нельзя более удачен: каким-то чудом пуля угодила в сердце.

— Наши бедные пончо! — сказал Гаспар. — Они со-служили свою службу. Кто знает, чем бы еще кончилось дело, если бы мне пришлось стрелять в разверстую пасть проклятого зверя? Наши пончо помешали ему сделать верный скачок. Это сама Пресвятая Дева направила мою руку, дети. Мы должны поставить ей в храме свечку.

Между тем через свободное отверстие ветер, пыль и холод ворвались в пещеру и гуляли на просторе.

Путешественники поспешили высвободить свои пончо из-под туловища животного и, еще раз прикрепив их ножами к скале, защитились от торменты.

Когда это было сделано, Гаспар снова принялся разводить огонь, намереваясь закусить при его свете; но вдруг ему в голову пришла новая мысль, и он отложил на время свою работу.

— Где показался один зверь, там можно ожидать и другого. Эти милые звери охотятся не поодиночке. Мы убили тигрицу, но было бы гораздо хуже, если бы пришлось иметь дело с тигром, который, надо полагать, бродит где-нибудь в окрестностях и может каждую минуту явиться сюда на ночлег. Чтобы оградить себя от его вторжения, придется несколько покрепче припереть дверь.

— Но чем? Наших седел недостаточно.

— Разумеется, нет, сеньоры, я это отлично знаю. Не седла я имел в виду, но здесь, конечно, найдутся глыбы камней, которые нетрудно будет сдвинуть. Из них-то мы и можем устроить себе отличную стену.

Действительно, когда юноши упали, отброшенные прыжком ягуара, они почувствовали, что пол пещеры был весь усеян острыми камнями. Ссадины и царапины на теле также указывали на то, что в пещере нет недостатка в строительном материале. Наконец при слабом свете, падавшем снаружи, можно было увидеть наваленные груды камней.

— Ну, теперь поскорее примемся за постройку баррикады! — сказал Гаспар. — Мы будем ее делать, не трогая пончо, до тех пор, пока она не будет достаточно высока. Но не надо терять ни минуты. Вы носите мне камни, а я буду их складывать.

Людвиг и Циприано не заставили себя ждать и с жаром принялись за дело, подкатывая к гаучо громадные обломки, из которых тот выстроил нечто вроде грубой стены, и, хотя работа происходила в темноте, все же сте-

на была достаточно крепка и могла выдержать нападение какого угодно животного, кроме слона, конечно. Но слоны не водятся в Чако, поэтому нашим путешественникам нечего было их и бояться.

Так, по крайней мере, думал Гаспар, еще раз принявшийся за свое огниво.

— У меня есть огарок восковой свечи,— сказал он,— которую я взял, да простит мне Бог, в церкви в Асунсьоне. Она горела над гробом моей матери, и я хотел сохранить ее как память о покойной. О, Господи! Думал ли я когда-нибудь, что придется зажечь эту свечку при таких обстоятельствах? Но нельзя же есть в потемках. Я никогда этого не любил, да и еда идет не в пользу, когда ешь впотьмах.

Гаспар старался говорить шутливым тоном, надеясь развеселить своих товарищей и хоть немного отвлечь их мысли от тяжелого горя.

Но ни тот, ни другой не отозвался на его шутки.

Гаучо высек огонь и зажег, наконец, без их участия свою свечку.

Это был большой огарок, длиной дюймов в шесть. Подобные свечи употребляются в церквях в Парагвае. Приготавливают их из воска дикой пчелы.

Яркое пламя осветило все находившиеся предметы в пещере: путешественников, их коней, все их дорожные вещи и лежавшего у входа убитого ягуара, который резко выделялся на темном фоне пещеры своей пятнистой шкурой.

Но едва только пламя разгорелось как следует, глаза наших путешественников с ужасом остановились на второй шкуре ягуара, не такой пятнистой, как у первого, но зато более яркой и блестящей.

Это был второй ягуар, не мертвый, но живой, лежавший на самом отдаленном выступе скалы. Он был, по крайней мере, вдвое больше первого и свирепее на вид.

С первого же взгляда Гаспар узнал в нем самца-ягуара, о котором упоминал раньше.

— Это самец! — проговорил он, как только пламя свечи позволило ему рассмотреть зверя.— Для нас крайне опасно такое соседство.

Его спутники, пораженные неожиданным зрелищем, хранили молчание.

— Я удивляюсь только,— сквозь зубы проговорил гаучо,— что он остается так долго совершенно спокойным.

Должно быть, тормента изменила его. Кто знает, что происходит в голове этого зверя и что заставляет его лежать неподвижно. Верить ему нельзя; он сразу может броситься на нас, а такому громадному зверю, друзья мои, пуля все равно что удар хлыста. Посмотрите-ка, ведь он почти с лошадь. Редко случаются два чуда в один день. Если пуля его только ранит, а не убьет, это еще больше придаст ему ярости.

Молодые люди стояли, держа в руках винтовки.

— Стрелять или нет? — спросили они.

— Боже вас сохрани! Лучше попытаться уступить ему свое место, если только состояние оцепенения и страха, в которое тормента повергает часто самых энергичных и самых свирепых животных, даст нам возможность убраться вовремя. Дождь льет как из ведра, но это ничего не значит в сравнении с опасностью оставаться с этим молодцом. А раз идет дождь, значит, пыли больше нет, а это главное. Может быть, нам удастся спастись через отверстие в баррикаде, оставив ему в жертву лошадей... он в него не пролезет. Но что же мы будем делать без коней? Они нам нужны не меньше нас самих, да, наконец, подло отдать наших добрых животных этому разбойнику. Остается один исход — разобрать работу наших собственных рук... К делу! Циприано пусть стоит настороже с ружьем. При первом же движении ягуара пустите в него пулю.

И в то время как Людвиг держал свечу, Гаспар с удвоенной от угрожавшей им опасности энергией принялся разбирать стену.

Когда было сделано отверстие, достаточное для того, чтобы пропустить людей и лошадей, гаучо раздвинул пончо и бросил взгляд наружу.

Между тем из уважения ли к Циприано, не спускавшему глаз со зверя, или под влиянием бури, но только ягуар не двигался. Его блестящие, неподвижные глаза не покидали Циприано, но неустрашимый юноша не струсил, хотя самым опасным моментом было именно отступление. У людей и у животных отступление противника служит как бы сигналом к нападению.

В эту минуту восклицание гаучо привлекло внимание Людвига.

— Что случилось? — спросил он.

— А то, — с отчаянием проговорил Гаспар, — что нельзя выйти. Посмотрите!

Вода в ручье поднялась выше обыкновенного уровня футов на шесть и бурным потоком неслась около пещеры.

У входа в грот не осталось ни одного дюйма земли, где могли бы пройти люди и животные. Всякое отступление было отрезано. Положение было критическое: оставаться в пещере значило сделаться жертвой ягуара.

Прояснившееся небо озарило своим слабым светом глубину пещеры и свирепое животное, продолжавшее оставаться в своей подозрительной неподвижности. Казалось, тайный инстинкт подсказывал ему, что его жертвы не уйдут от него, и зверь с невозмутимым презрением глядел на их тщетные усилия уйти от его когтей.

В это время ураган немного утих, и раскаты грома слышались уже вдали. Приближался момент, когда животным снова овладеет притупившаяся в нем на время свирепость и оно одним прыжком бросится на них.

Борьба становилась неизбежной.

Гаспар и юноши с отчаянием в душе приготовились к битве, держа в руках винтовки, а в зубах охотничьи ножи.

Людвиг и Циприано ждали только сигнала стрелять.

Гаспар все еще медлил подавать его; без сомнения, он отдал бы все, чтобы только одному и самому иметь дело со свирепым животным. Но вдруг он с лихорадочной поспешностью стал что-то искать в сумке своего рекадо.

Он вспомнил, что в сумке у него было спрятано оружие, какое берут во время боя быков. Он взял его отчасти из предосторожности, думая, что оно пригодится ему для устрашения или для развлечения индейцев.

Это один из маневров пограничных жителей, который часто имеет успех у дикарей.

— Не шевелитесь,— шепнул он на ухо своим друзьям,— стойте на своих местах... Предоставьте действовать одному мне. Я придумал одну штуку.

Оба молодых человека остались на местах у входа в пещеру подобно двум мраморным изваяниям.

9. НА АВОСЬ

Несмотря на весь ужас своего положения, Людвиг и Циприано сильно заинтересовались словами гаучо и взглядом спрашивали один другого, что такое придумал их друг.

Время было слишком драгоценно, и гаучо в ту же минуту принялся за исполнение своего проекта.

Быстро подошел он к свече, которую Людвиг укрепил в углублении на камне, и, крикнув своим спутникам, чтобы они плотнее прижались к стене и не загоразживали выхода из пещеры, сам поднес к свече ракету и затем бросил ее в ягуара.

Вся пещера вдруг осветилась фантастическим огнем; горящая ракета со свистом, точно огненная змея, устремилась на ягуара, попала ему в бок, запуталась в шерсти и завертелась, осыпая зверя тысячами искр.

По всей вероятности, ягуару в первый раз в жизни приходилось видеть фейерверк, устроенный к тому же в честь его самого.

С ужасным ревом, от которого задрожали своды пещеры, громадное испуганное животное вскочило со своего ложа, в три прыжка перелетело пещеру и бросилось в kloчующие воды потока.

Иначе, впрочем, зверь и поступить не мог, если хотел потушить вертящуюся в его шкуре ракету и вместе с тем избавить путешественников от своего присутствия. Не больше как через минуту ягуар уже исчез из виду, уносимый быстрым течением потока.

Гаспар взобрался на выступ, только что оставленный ягуаром, и крикнул оттуда своим друзьям:

— Ну, теперь мы можем сесть за стол, и я надеюсь, нас уже никто больше не потревожит.

Людвиг и Циприано долго не могли прийти в себя от изумления перед такой неожиданной выходкой гаучо, которому так остроумно удалось отделаться от ягуара.

— Такие вещи не сразу приходят в голову,— скромно ответил храбрый гаучо на похвалы своих спутников.— С этого мне нужно было бы начать, и тогда незачем было бы складывать и разбирать эти бесполезные укрепления.

Юноши пожалели в глубине души, что не удалось им убить такого великолепного зверя, но они не высказали этого сожаления вслух, чтобы не огорчать своего друга, радость которого на этот раз была беспредельна, и он больше гордился своей счастливой выдумкой, чем удачным выстрелом.

Когда путешественники окончили свой обед, буря совершенно утихла.

Торmenta отличается от темпорала тем, что первая так же быстро проходит, как и наступает, а второй, на-

оборот, затихает постепенно, сопровождается туманами и сыростью, наполняющей окружающую атмосферу, и длится иногда несколько дней. Но не такова торmenta, или пыльный ураган. Ей не предшествуют никакие другие явления, кроме тех, например, которые заметил Гаспар на венчике цветка дерева-барометра.

Подойдя к выходу из пещеры и выглянув наружу, они увидели, что не осталось никаких следов от урагана, точно его никогда и не было.

Над противоположным берегом ручья виднелось прекрасное лазоревое небо, и солнечные лучи по-прежнему ярко сияли, как будто темные тучи ни на минуту не заволакивали солнца.

Торmenta продолжалась не больше часа, и, если бы не разрушения, произведенные ею, можно было бы подумать, что это был сон. Повсюду перед их глазами виднелись ясные следы бури: деревья, то вырванные с корнем, то расшатанные и наклонившиеся к земле, груды наломанных ветвей, выдранные с корнями кусты, и среди всего этого, вместо прежнего ручейка, который не больше часа тому назад перешли вброд лошади, теперь бужевал бурно пенящийся поток.

Не будь этого препятствия, они тотчас же отправились бы в путь, но одного взгляда на ручей довольно было, чтобы отказаться от исполнения этого намерения — на некоторое время, конечно.

Они очутились в положении крестьянина в известной басне, переживавшего на берегу убыли воды в реке, с той только разницей, что перед ними была не река, а разлившийся ручей.

— Это ненадолго, детки,— сказал гаучо, видя их нетерпение и желая утешить их.— Нет,— продолжал он, с минуту посмотрев на поток,— нам придется недолго ждать. Это наводнение, произведенное торmentой, так же быстро пройдет, как и началось. Теперь вода уже понизилась на полфута — видите следы ее на камнях.

И он указал пальцем на оставшиеся маленькие лужицы мутной воды.

Это был весьма утешительный признак для путешественников, которые в ожидании спада воды вернулись в грот собрать свои вещи и оседлать своих верховых лошадей, на которых торmenta подействовала точно так же, как и на ягуара.

Когда все приготовления были окончены, гаучо, точно

вспомнив что-то, ударил себя кулаком в грудь и воскликнул:

— Боже! Я совсем потерял голову. Не бросать же так шкуру такого прекрасного ягуара! Такая шкура стоит недешево. А как хорош был другой ягуар, самец! Никогда я не видал такого великолепного зверя. Ах, если бы...

Но он вдруг остановился. Вероятно, он хотел сказать, что, если бы их отец был здесь, он не дал бы зверю уйти из пещеры.

Гаспар был не только охотник в душе и хороший стрелок, но к тому же никогда не завидовал искусству других, а убитый Хальбергер далеко превосходил его в искусстве стрелять из ружья.

Будь он один, он и сам, пожалуй, не задумался бы вступить в борьбу с тигром; но мог ли он хоть на минуту забыть об этих детях, судьбу которых доверила ему несчастная мать. Честный гаучо хранил про себя эти мысли, не желая вызывать всю горечь воспоминаний в молодых людях упоминанием дорогих их сердцу имен.

— Карамба! — проговорил он, очнувшись от этих мыслей. — Я ведь не намерен, в самом деле, оставлять тигрицу в добычу муравьям, волкам и другим зверям, которым вздумается забрести сюда. Кто знает, может быть, нам еще придется заглянуть и в другой раз в эту пещеру. Что бы ни случилось, а я нарочно заеду сюда за этой шкурой. А теперь, кстати, пока спадет вода, я сниму шкуру со зверя. Итак, за работу!

Он возился недолго. Великолепная шкура с черными пятнами быстро отделялась под его искусными пальцами, и скоро только ободранный остов зверя лежал на земле.

— Ну, а что касается этого, — сказал он, показывая на дымящееся мясо тигра, — то мне несколько не будет жаль, если оно послужит завтраком диким зверям. Бывали случаи, что и христиане не брезговали им. Я помню одно время, когда и сам бы не отказался от кусочка такой дичи. Да, молодые господа, в этом самом Чако мне пришлось раз питаться целую неделю одной тушкой кролика, не говоря уже о том, с каким трудом удалось мне его поймать.

— Когда это было, Гаспар? — спросил Людвиг, заинтересованный, несмотря на свою грусть, этими словами гаучо.

Вообще-то в юноше сказывались наклонности его

отца: все, что касалось природы или борьбы с нею, глубоко его интересовало.

— Случилось это, юноша, немало времени тому назад. Это очень длинная история, и я не успел бы рассказать ее вам сегодня. К тому же теперь надо еще позаботиться о том, куда поместить эту шкуру так, чтобы она могла высохнуть, не смущая ничьих нескромных взоров, а затем на коней — и в путь.

Достав затем четыре бечевки и проделав небольшие отверстия на концах звериной шкуры, он повесил ее на сталактитах, которые избавили его от необходимости вбивать гвозди.

— Здесь, — сказал гаучо, глядя на мех над своей головой, — она высохнет как следует и будет в безопасности от волков и других зверей, и, если только, кроме них, никто не сунет носа сюда, она может висеть целые недели. Подобные вещи не так легко портятся в пещерах, как на чистом воздухе. Не знаю, почему это происходит, может быть, оттого, что солнце не проникает сюда.

Людвиг, без сомнения, мог бы объяснить это явление своему другу, но было несколько поздно давать научное объяснение, да он и не пытался. Для Гаспара опыт был лучшей наукой.

Выглянув еще раз наружу, они увидели, что вода значительно убyla и им можно было проехать по берегу.

Не тратя понапрасну времени, они вывели лошадей из грота, вскочили в седла и снова поехали искать следы товаров.

Они спустились, следуя по течению ручья, до его впадения и уже взобрались на берег реки, а между тем не было видно следов похитителей.

Пронесшийся ураган и разлив воды уничтожили все следы, что заставило гаучо немало призадуматься.

— Проклятье! — воскликнул он, когда они все трое остановились, держа под уздцы своих лошадей, и переводили глаза с земли друг на друга, спрашивая взглядом, что делать. — Проклятье! Вы также ничего не видите?

— Не остановиться ли нам? — спросил Людвиг, видя беспокойство своих друзей.

— Остановиться! Что ты говоришь, Людвиг? — воскликнул Циприано. — Остановиться, отказавшись от преследования!

— Нет, я совсем не то хотел сказать.

— Чем отказаться от преследования,— продолжал молодой парагваец, не дожидаясь ответа Людвига,— я лучше соглашусь всю жизнь рыскать в Чако. Я ведь дал клятву твоей матери, Людвиг, не возвращаться на эстансию без твоей сестры, а моей кузины.

— Я решил поступить точно так же, и ты это знаешь,— проговорил Людвиг.— Но Чако велико, а блуждать наудачу — вряд ли это приведет к цели. Нам нужно обдумать свое положение.

— Известно,— продолжал Циприано,— что Франческа у товасов. Племя это довольно многочисленное, и они не могут все укрыться в одной норе; да, наконец, товасы не в состоянии даже оставаться на одном месте: всегда несколько человек из них находятся в каком-нибудь походе, и мы, наверно, их встретим, а нам только это и нужно, чтобы узнать место стоянки главного отряда.

— К несчастью,— печально ответил Людвиг,— нам придется слишком долго ждать, прежде чем мы встретим хоть одно живое существо в этой пустыне. Что станет с моей матерью до нашего возвращения? Я не могу думать о ней; каково ей теперь одной перед могилой отца! Наше долгое отсутствие она может счесть за гибель в пустыне! Если бы можно было послать кого-нибудь к ней сказать, что мы все живы и здоровы...

Голова юноши при этих словах склонилась на грудь и слезы невольно выступили на глазах.

Людвиг обожал свою мать, и мысль, что ей грозит какая-нибудь опасность в его отсутствие, положительно повергала его в уныние. Сердце его было глубоко потрясено картиной горя, в каком он оставил ее, и эта мысль везде неотвязно следовала за ним.

Даже участь сестры, какая бы ужасная она ни была, не могла доставить ему такого мучения и такой заботы. По его мнению, сестра его была неземное существо, которому никто, даже дикарь, не в состоянии причинить зло, и единственная опасность, которая могла угрожать ей,— это продолжительный плен.

Конечно, ее сердце тоже съедает забота; ей, может быть, пришлось увидеть собственными глазами еще более ужасное зрелище. Но Людвиг, ничего не знавший о смерти Нарагуаны, продолжал твердо верить, что дружба между его отцом и вождем товасов была верным залогом спасения его сестры.

Ему даже казалось, что виновники злодеяния, жерт-

вой которого сделался его отец, уже наказаны Нарагуаной. Кто знает, может быть, в то время как они преследуют похитителей, этот верный и испытанный друг уже возвратил сестру их матери?

Он обратился к Циприано.

— Послушай, Циприано,— сказал он,— ты рано остался сиротой и не знаешь, может быть, что значит отец и мать, которую я имел неосторожность покинуть.

— Я знаю, Людвиг,— ответил парагваец,— что значит для тебя и для меня тот, кого мы так неожиданно потеряли; знаю, что значит для тебя твоя мать. Но разве она не была в то же время и моей матерью? Я разделяю твою горе и так же, как и ты, хотел бы одновременно быть и на эстансии, чтобы плакать вместе с тетушкой, и среди племени товасов, чтобы вырвать у них Франческу. Но из двух обязанностей, одинаково важных, надо сделать выбор, а раз он сделан, не надо отступать. Твоя мать окружена верными и преданными слугами, Франческа же в руках убийц твоего отца. Можно ли колебаться в выборе?

Людвиг, приподнявшись на стременах и глядя по направлению эстансии, послал рукой воздушный поцелуй той, чей образ не покидал его ни на минуту.

— Только ты, моя дорогая мама, поняла бы мои сомнения и мое душевное волнение! — сказал он и, хлопнув по плечу Гаспара, остававшегося во время этого разговора погруженным в глубокое размышление, добавил: — Едем! Хоть на авось, если так надо!

— Не совсем на авось, господин,— прервал гаучо,— не совсем так. У нас есть проводник, может быть, и не очень хороший и не особенно надежный, но лучше что-нибудь, чем ничего.

— Какой? — спросили оба брата.

— Река! — ответил Гаспар. — Я думаю, что пока мы можем довериться ей: судя по следам, оставленным разбойниками до того момента, как мы их потеряли, я уверен, что они следовали вверх по течению Пилькомайо и укрылись где-нибудь, как и мы, во время торменты; и если только они не покинули берега реки до начала бури, то мы непременно нападем на их следы, которые яснее будут видны на сырой почве. А раз мы нападем на следы, то поскачем в погоню и, быть может, до наступления ночи нагоним индейцев. Я уверен, что они прошли здесь до восхода солнца и, очевидно, не спешили, не ожидая нашей погони.

— Дай-то Господи! — воскликнул Циприано в ответ на слова гаучо. — Вперед! — стремительно повторил он и, не дождавшись ответа Гаспара, пришпорил своего коня и пустился по берегу реки.

За ним последовали его спутники.

10. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ УГРИ

Путники отъехали добрую милю от своей последней стоянки, когда высокие берега Пилькомайо стали понижаться и почти сравнялись с уровнем воды.

Холм, по которому они до сих пор ехали, продолжался и на другом берегу, точно он был перерезан внезапно течением реки, образующей в этом месте пороги; вода здесь шумела и кипела.

Спустившись вниз по скату, путешественники продолжали ехать по течению реки, как вдруг неожиданное препятствие загородило им дорогу.

Это был медленно текущий приток — риачо, который, смотря по времени года, то впадал в Пилькомайо, то, наоборот, вытекал из нее.

Теперь он казался неподвижным, потому что главная река, сильно вздувшаяся во время урагана, остановила его течение.

Вода в риачо была желтоватого цвета, как будто с примесью земли и песка. Чтобы узнать его глубину, нужно было въехать в него на лошади, но это было небезопасно. Нечего было и думать обогнуть его выше или найти брод. Риачо тянулся прямо, как канал, и, простираясь, по крайней мере, на десять миль в глубь равнины, везде казался одинаковой ширины и, вероятно, глубины.

Что делать?

Подняться вверх значило потратить половину дня, а пожалуй, и целый день.

Циприано был слишком нетерпелив, чтобы думать об этом, да и Гаспар также не желал терять времени даром.

Попытаться перейти поток вброд в том месте, где они стояли, было рискованно: может быть, придется добираться вплавь. Это все же не остановило бы их, если бы противоположный берег был достаточно отлог и лошади могли бы выбраться на него, но, к несчастью, берег поднимался совершенно отвесно больше чем на два фута над водой; к тому же было решительно невозможно опре-

делить глубину на глаз, так как вследствие торменты вода была мутная.

В нерешительности стояли они возле реки. Впрочем, Циприано, будь он один, не задумываясь, ринулся бы в поток, но Гаспар, взяв под уздцы его лошадь, проговорил:

— Подождем! Не мешает подумать, прежде чем решиться на что-нибудь.

Так стояли они с четверть часа, глядя то на поток, то друг на друга.

— Бог мой! — воскликнул вдруг гаучо.

В тоне его восклицания слышалась такая радость, что молодые люди сразу догадались, что гаучо нашел выход из затруднительного положения.

— Что такое вы придумали, милый Гаспар? — спросил Циприано.

— Посмотрите-ка вон туда, — сказал Гаспар, указывая рукой в том направлении, где приток сливался с рекой, — что вы там видите, сеньоры?

— Ничего особенного, кроме нескольких больших птиц с длинным носом, похожих на журавлей.

— Это и есть журавли, так называемые журавли-солдаты. Ну, и что же, это вам ничего не говорит?

— Мне представляется, что они плавают.

— Плавают? И не думают даже, солдат никогда не плавает. Он переходит ручьи вброд, сеньоры, да, а не плавает!

— Ну, так что же из этого? — спросил Людвиг.

— Как что? Я удивляюсь, право, как это вы, натуралист и ученый, привыкший рассуждать, не понимаете того, что ясно как Божий день.

— Чего же это я не понимаю? — наивно произнес молодой ученый.

— Не понимаете того, что, как говорится в песне: «Где прошли утки, пройдем и мы», иначе сказать, теперь мы можем перебраться через риахо. У журавлей, правда, длинные ноги, но где прошел солдат, там свободно пройдет лошадь. Да, мои милые дети! Мы пройдем там, где теперь занимаются рыболовством эти белые птицы. Может быть, мы перебрались бы и здесь, но зачем рисковать попусту? Очевидно, в том месте находится мель, вот почему и журавли стоят в воде. Бурей нанесло туда рыбы, это-то и приманило журавлей. Все, как видите, устраивается к лучшему, и нам остается только воспользоваться результатом опытности этих птиц.

Гаучо действительно был прав.

Журавли самым усерднейшим образом занимались рыбной ловлей: одни погружали свои длинные носы в воду, другие, закинув голову, показывали под шеей свои громадные, пурпурного цвета мешки, раздувшиеся от рыбы, которую они силились проглотить.

— Жаль тревожить их,— сказал гаучо,— а в особенности после оказанной нам услуги. Но Боже мой! Не виноваты же мы в том, что иначе поступить не можем. Вперед, сеньоры! Спускайтесь смело за мной! Дорогой попросим извинения у журавлей, что осмелились их побеспокоить.

Вслед за тем Гаспар направился к месту слияния потока с рекой; его спутники без возражений последовали за ним. Сделав шагов двести, они уже приблизились к журавлям.

Громадные птицы, испуганные приближением существ, не похожих на тех, которых они привыкли видеть ежедневно, поторопились проглотить содержимое своих красных мешков и, взмахнув большими крыльями, с криками поднялись в воздух, точно протестуя против неожиданной помехи. С минуту они покружились над головами всадников, испуская пронзительные крики, как бы надеясь отстоять свой переход через риачо, но, когда лошади вошли в воду, птицы, видя, что их рыбная ловля кончена, смолкли одна за другой и отправились на поиски другого, более удобного места.

Как Гаспар думал, так и вышло: между главной рекой и ее притоком существовала отмель. Они не могли бы никаким образом переправиться выше или ниже этого места, и даже здесь, в самом неглубоком месте, стремена погружались в воду; всего приходилось пройти по воде около ста метров, потому что в этом месте поток разливался очень широко.

Путешественники сделали уже две трети этого пути и считали себя почти на другом берегу, когда лошади вдруг остановились, задрожав всем телом, и в ту же минуту каждый из всадников одновременно почувствовал какое-то странное сотрясение во всем теле. Всадники невольно вскрикнули в испуге. Только один Гаспар догадался о причине этих неожиданных толчков.

— Карамба,— воскликнул он,— это же электрические угри, да не один, а целые сотни! Они кружатся около нас,

это видно по лошадям... Пришпорьте коней, сеньоры, а то наши испуганные животные ни за что не дойдут до берега!

Молодые люди со всей силой вонзили шпоры в бока лошадей, но животные, дрожа от страха, нерешительно шли вперед. Всадники также не избегли влияния электричества. Ток, сообщенный животным, перешел и на людей, причинив им неприятное ощущение. Их смущала борьба с силой, против которой они не имели средств. Только один Гаспар не растерялся.

— Сильней пришпорьте лошадей! Если мы через несколько минут не будем на том берегу, угри совсем одолеют нас. Лошади пойдут ко дну как камни, и мы сами, если только не освободимся от этих адских животных, можем погибнуть. Вперед, сеньоры! Действуйте хлыстом и шпорами, как если бы от этого зависело спасение ваших душ!

Но Людвиг и Циприано не нуждались в понукании. Они отлично понимали, что каждая минута только увеличивает опасность. Они изо всех сил пришпоривали и хлестали своих лошадей. Первым достиг берега Гаспар, за ним Циприано; но когда оба обернулись к Людвигу, то увидели, что тот отстал от них на несколько метров. Лошадь его вся дрожала и отказывалась идти дальше; всадник положительно терял голову, видя бесполезность своих усилий. Вдруг лошадь его совершенно перестала двигаться, и гаучо с Циприано увидели, как она стала понемногу тонуть.

Людвиг был не в состоянии удержать ее.

Циприано хотел сойти с лошади и броситься на помощь к брату, но гаучо остановил его.

— Берегитесь этого! — воскликнул он. — Вы только погибнете оба; есть еще другое средство помочь Людвигу.

И с этими словами он отвязал от седла лассо и, взмахнув им над головой, бросил на Людвига. Петля обвилась вокруг юноши, и через несколько минут он живой и невредимый вышел на берег. Не теряя ни минуты, гаучо снял лассо с Людвига и, снова закрутив его, бросил на лошадь, которая уже наполовину была в воде. На этот раз широкая петля затянула шею животного, захватив вместе с нею и часть испанского седла, которое было на коне. Намотав конец лассо крепче на руку, Гаспар, сделав полуоборот на своей лошади и понукая ее громкими криками, помчался по берегу.

11. СТРЕЛЯЮЩАЯ РЫБА

Среди потока происходила жестокая борьба. Лошадь Людвиг ободрилась, почувствовала помощь и сильно рванулась к берегу; еще одно усилие — и лошадь наконец выбралась на берег.

Странная картина представилась бы глазам зрителей при виде этих дрожавших лошадей, еле державшихся на ногах, и трех всадников, находившихся не в лучшем состоянии. Впрочем, самый старший из них сохранил еще остаток сил, но далеко не чувствовал себя таким же крепким, как прежде. Никогда в жизни не приходилось ему подвергаться такому сильному нападению электрических угрей. Такую силу электричества он мог приписать только прошедшей буре, еще больше возбудившей в угрях электрическую энергию, всегда находящуюся в них в скрытом виде; электрический угорь, иногда совершенно безвредный, по временам бывает самым опасным речным животным.

Не сразу отделались лошади от страданий, причиненных им угрями, да и всадники, не исключая и Гаспара, чувствовали себя не особенно хорошо, хотя гаучо не замедлил вернуть свое обычное благодушное настроение, еще более усилившееся от успеха этого двойного ужения арканом, первого в своем роде. Его веселое настроение ободрило и его юных спутников.

Отдохнув немного, снова пустились они в путь, все время направляясь вдоль берегов Пилькомайо. Дорогой Гаспар сообщил своим товарищам все, что знал об электрических угрях.

Гаучо называет их скатами, но сеньор Людовико (Гаспар называл так отца Людвиг) называл их гимнотами (электрический угорь); должно быть, под этим именем они известны натуралистам.

— Да,— ответил Людвиг, заинтересовавшийся словами гаучо,— это настоящее научное название угрей.

— Видели ли вы когда-нибудь вблизи этих отвратительных чертенят? — спросил Гаспар.

— Нет,— отвечал Людвиг,— но я не раз слышал рассказы о них от отца.

При слове «отец» легкая тень набежала на лицо юноши, и он, по-видимому, уж не думал о гимнотах.

— А я часто их видел,— сказал Гаспар,— еще в детстве, когда мы с другими детьми забавлялись электриче-

скими скатами, отправляясь для этого к соседним рекам, где они водились во множестве. Но мы все-таки очень боялись их, и вы увидите, что это было не без основания. Однажды я был свидетелем печального зрелища: в реку упал старый бык, у которого был только один глаз. Прежде чем быка унесло течением, я успел зацепить конец веревки за его рога; тут мы все — около двенадцати мальчишек — стали тянуть изо всей силы, рассчитывая, что в состоянии будем вытащить животное из пучины, но, конечно, мы ничего не могли поделать, и несчастный бык на наших глазах вдруг скрылся под водой, точно пораженный неожиданным выстрелом из ружья. Никогда я не забуду, с каким отчаянием смотрел его единственный глаз, — у этих животных взгляд чрезвычайно выразительный! Я также никогда не забуду, как отблагодарил нас хозяин этого быка, обвинив нас в гибели животного. Это был наш школьный учитель — человек, сказать правду, довольно-таки жестокий, которого нельзя было умиловать ничем. «Вы поступили, как дураки, — кричал он, — вы взяли за непосильную работу вместо того, чтобы позвать на помощь или разыскать меня, тогда как я был всего в двух шагах. Позови вы меня — и мой бык остался бы жив. Всякий должен знать, что можно и чего нельзя; необходимо сообразовываться со своими силами, а чтобы вы не забывали этого полезного правила, я каждого из вас награжу кое-чем, что всегда останется в вашей памяти». Каждый из нас получил по дюжине ударов. Никогда наказание не выполнялось с большим пристрастием.

— Какой злой человек был ваш учитель! — воскликнул Циприано.

— Крут немножко, это правда, — ответил Гаспар, — но это был прежде всего человек рассудительный и справедливый, и его линейка не раз помешала мне сделать глупость в моей жизни; и, сказать правду, ее очень и очень следовало бы пустить в дело, когда мы собрались было стрелять в другого зверя в пещере. Тут я вспомнил про линейку: дело было рискованное, и я, благодаря памяtnому уроку моего старого учителя, предпочел ракету целому залпу ружей, который, наверное, не произвел бы такого эффекта. В то время, о котором я вам рассказываю, я никогда не думал, что мне придется когда-нибудь иметь дело с гимнотами, да еще при таких обстоятельствах. Поверьте, милый Людвиг, что воспоминание о быке

и энергичный урок, полученный за него, к счастью, пришли мне на ум в то время, когда я на буксире тащил вашу лошадь.

— Бедный Гаспар,— сказал Циприано,— пожалуй, мы действительно должны благословлять твоего старого школьного учителя. Я тоже видел электрических угрей!

— Ты говоришь, что видел электрических скатов, Циприано? — спросил Людвиг. — На кого они похожи?

— Гаучо лучше меня может рассказать тебе об этом.

— На что они похожи, Гаспар?

— Ну,— сказал гаучо,— если бы меня попросили описать этих отвратительных тварей, я сказал бы, что они ни на что не похожи. Наверное, самое некрасивое животное в мире не было бы польщено сравнением с ними. По всей вероятности, подобные им твари водятся только в аду, если только, конечно, там есть вода.

— Это, однако, вовсе не объясняет, на кого похож электрический скат,— перебил глухо Людвиг, в котором любовь к естественным наукам жаждала более точного описания.

— Конечно, не объясняет,— согласился гаучо. — Но нелегко описывать рыбу, которая, может быть, и не рыба, хотя и живет в воде.

— Я отвечу на этот вопрос. Гимнот не что иное, как рыба,— сказал молодой натуралист. — Но какой он формы, какого цвета, какой величины?

— На это я вам могу ответить, сеньор Людвиг. Возьмите обыкновенного ската, длиной меньше метра, и, ничего не изменяя в его длине, увеличьте в шесть раз его толщину; тогда вы получите гимнота, хотя их можно встретить, конечно, и гораздо длиннее. Цвет кожи у него оливковый, с рассеянными повсюду красными и желтовато-зелеными крапинками, более блестящими над горлом и на брюшке, хотя цвет их меняется, смотря по возрасту и цвету воды, в которой живут гимноты. Голова у них широкая, рот полон острых зубов, хвост плоский, и около шеи пара плавников — вот и все описание ската. Если бы вода в потоке не была такой мутной, вы бы сами могли их разглядеть.

— Правда ли, что они очень вкусны? — спросил молодой парагваец. — Я никогда их не пробовал.

— Вкусны ли они, мой милый? Ответить на это только утвердительно — значит, сказать слишком мало. Едва

ли даже найдется другое, более лакомое и нежное блюдо. Но прежде чем жарить их, необходимо, как мне говорил сеньор Людовико, ваш дядя, отрезать губчатую часть их тела, которая сообщает им электрическую силу. Я знаю индейцев, которые мясо ската предпочитают всем другим рыбам наших рек; они даже ловят их для продажи.

— Каким же образом они их ловят? — спросил Людвиг.

— Различными способами, — ответил гаучо. — Иногда гимноты выплывают на поверхность воды; тогда рыболову нетрудно их поймать: достаточно пустить в их довольно крупное туловище зубчатой острой, которая привязана к длинной веревке и к палке, которую забрасывают на другой берег, где их и находят. Попасть в них ничего еще не значит. Как только удастся рыболову попасть острой, он быстро выпускает веревку и перехватывает ее за сухой конец: без этой предосторожности ему пришлось бы испытать страшные удары электрического тока. И заметьте, что удар чувствуется только в том случае, если веревка смочена. Это ведь прелюбопытно, не правда ли? Только мокрая веревка передает электричество, а сухая нет. Я не знаю почему, но только это верно.

— Это, — ответил Людвиг, — самый простой закон электричества. Но рассказывайте дальше, Гаспар.

— Я дальше ничего не знаю, мой дорогой господин. Добавлю только, что угрей несколько пород; но это не все знают, а в особенности гаучо, у которых есть иные дела, кроме наблюдений над этими отвратительными тварями. Об этих разных породах я слышал от сеньора Людовико; он даже сделал такую вещь, которой я никогда не поверил бы, если бы сам не видел ее собственными глазами. Однажды мы собирали водяные растения и поймали одного гимнота громадной величины, почти в два метра. Сеньор Людовико растянул его на песке, пока он еще был жив, и прикрепил к его хвосту аппарат, употребления которого я не знаю. И знаете, что вышло?

Циприано и Людвиг сделали знак отрицания.

— Я вам сейчас скажу. Он зажег небольшую кучку пороха, приготовленную заранее. Порох вспыхнул, точно к нему поднесли горячий уголь, хотя я знал, что не было ни одной искорки огня. Порох воспламенился от прикосновения к телу гимнота. —

Циприано выразил удивление, но Людвиг сейчас же понял причину явления, так поразившего их.

После полудня путешественники поднялись по реке, все еще не отыскав следов.

Хотя это была самая пустынная и ненаселенная часть страны, тем не менее вдоль берега Пилькомайо шла тропинка. Вероятно, ее проложили люди и животные, если не те и другие вместе. Как бы там ни было, но на ней нельзя было разобрать следов... Ураган все уничтожил, и о тропинке можно было догадаться только по прибитой почве да по росшей местами траве. Их не удивили также несколько громадные кучи пыли, нанесенной во время бури. Они знали, что после продолжительной засухи в пампасах не только земля обращается в пыль, но также и трава, листья и толстые стебли чертополоха. Животные тысячами гибнут в это время, человек с трудом может найти себе пищу. После такой долгой засухи наступает буря, по окончании которой нередко находят засыпанных и погребенных под кучами пыли животных, умерших от недостатка пищи и воды.

Гаспар рассказал своим молодым спутникам, что из-за таких бурь между землевладельцами возникают часто споры, потому что ураган иногда уничтожает пограничные столбы.

— Если это так,— сказал Людвиг,— то мы долго не отыщем следов, и каким образом узнаем, что едем по настоящей дороге?

Гаспар всеми силами старался рассеять беспокойство своего молодого хозяина.

— Я согласен,— сказал он, показывая на реку,— что мы едем наудачу. Но что же нам остается делать? Отдалиться от реки — значило бы еще больше ухудшить свое положение, и в таком случае мы шли бы совсем на авось, а тогда уж благоразумнее было бы вернуться домой. Но я не думаю, чтобы у вас было такое намерение.

— Нет, нет! — воскликнул Циприано. — Ни за что не вернусь, пока не отыщу сестру!

— Конечно, нет,— подтвердил и Людвиг. — Возвратиться без Франчески — значит, обречь мою мать на вечную печаль. Мы до последнего издыхания будем преследовать цель нашего путешествия, пока силы не изменят нам окончательно.

— Верно, Людвиг,— проговорил Циприано,— я люблю, когда ты так говоришь.

— Мы все так думаем,— добавил Гаспар,— мы должны найти Франческу, и если...

Он хотел сказать «если она жива», но побоялся вызвать сомнения в душе юношей и не окончил фразы.

— Вы знаете, сеньоры,— продолжал он, быстро меняя разговор,— что индейцы в Чако редко живут вдали от реки: они любят купание. Ничего нет интереснее, как видеть их — старых и молодых — всех вместе в воде. Эти дикари ныряют и плавают, как утки. Я видел одного индейца из Чако, нырнувшего с одного берега широкой реки и вынырнувшего на другом берегу.

Циприано знаком подтвердил, что он также был свидетелем подобного примера.

— Итак, сеньоры,— продолжал гаучо,— я вот что думаю: индейцы — настоящие утки; они никогда не поселятся далеко от берега реки, а такой рекой должна быть Пилькомайо или один из ее притоков.

— Исследуем все,— сказал Циприано.

— Отлично, сеньор Циприано, но это не сократит нашей дороги, просто потому, что и справа и слева от реки много притоков. Но я надеюсь, что достаточно будет подняться по одному из них, вместо того чтобы исследовать все. У нас десять шансов против одного найти след индейских всадников, направляясь все прямо и держась вблизи берегов реки. Будьте покойны, дети: как только нападем на след, гаучо выследит их до самого логовища.

Ободренные этими словами, путешественники продолжали путь. Гаспар ехал впереди, рассматривая почву глазами опытного следопыта.

Гаучо только для поддержания бодрости в своих детках говорил с такой уверенностью. На самом же деле он лучше их знал всю трудность такого предприятия; знал, как мало можно рассчитывать на успех их поисков; но от этого вовсе не следовало приходить в отчаяние, и честный гаучо предпочитал хранить про себя свои сомнения, ничем не выдавая своей тревоги. Принятое им решение — не покидать русла реки — было самое благоразумное из всех остальных.

12. ПОТЕРЯННЫЙ МЕШОК

Гаспар предложил остановиться отдохнуть, пока еще не скрылось солнце; товарищи его тотчас же изъявили на это согласие.

Предложение гаучо и согласие его спутников объяс-

нялись их нравственным и физическим утомлением; кроме того, лошади также нуждались в отдыхе после такого тяжелого дня. Даже нетерпеливый Циприано не возражал. Надо заметить еще, что они положительно умирали от голода, потому что их завтрак в пещере был слишком скуден.

Вот почему все были не прочь остановиться отдохнуть и, кстати, закусить. Выбрав место поудобнее на опушке пальмового леса, они быстро соскочили на землю, расседлали лошадей и сняли с них весь багаж, чтобы бедные животные могли отдохнуть после всех трудов. Но тут они сделали неожиданное открытие: все их припасы исчезли!

Мешок с провизией, где лежали сушеная говядина, маисовые лепешки, парагвайский чай,— все, что заботливо положила мать туда перед отъездом,— исчез бесследно.

Мешок, как обыкновенно, был привязан за седлом Людвига: лошадь его была сильная, а сам он легче всех. Где мог он обронить его? С этим вопросом они обращались по очереди друг к другу.

В риачо! В этом не могло быть никакого сомнения. Их драгоценный мешок исчез в потоке. Они вспомнили, какие усилия употребляла лошадь, чтобы освободиться от гимнотов и выбраться на берег; в это самое время, вероятно, ремни, которыми был привязан мешок, лопнули, и он упал в воду. Циприано говорил, что отлично помнит, как Людвиг по выходе из грота привязывал мешок. Никаким другим обстоятельством нельзя было объяснить его исчезновение, и теперь их припасы лежат на дне грязного риачо и станут добычей гимнотов и журавлей.

Нечего делать, расседлали лошадей и не без зависти смотрели, как животные с радостным ржанием бросились к зеленой и густой траве.

— Мы не можем есть траву, и нам остается потуже стянуть пояса,— с философским спокойствием сказал Людвигу Циприано, с трудом сдерживая улыбку, когда заметил, что тот был готов в буквальном смысле последовать его совету.

Гаспар сильно был огорчен потерей провизии. Нос его страшно вытянулся, его здоровый желудок предъявлял свои права.

Трое всадников неподвижно стояли, обмениваясь взглядами, ясно выражавшими неприятную перспективу остаться без обеда.

Порешили лечь спать с пустым желудком. Циприано и Людвиг уже выбрали себе местечко для отдыха, и только один гаучо, по-видимому, не намерен был отказаться от надежды чем-нибудь заморить червячка. Он пристальным взглядом окидывал окружающую местность. Быть может, он вспоминал о манне небесной в пустыне, только взгляд его постоянно переносился от деревьев к зеленеющим саваннам, расстилавшимся широко перед ними, словно в надежде найти что-нибудь. Вдруг он сделал какой-то странный жест.

— Что такое, Гаспар? — спросил его Циприано.

— Нашел! Ура! Нашел, хотя еще сам не знаю что! — сказал гаучо, указывая на равнину. — Вы разве ничего не видите там?

Солнце еще не зашло, и его яркие лучи прямо ударили в глаза путешественникам. Циприано, прикрыв рукою глаза, посмотрел в указанном направлении.

— Теперь вижу!.. Оно поднимается над высокой травой и похоже как будто на два стебля с шапкой листьев на верхушке?

— Да, да, — ответил Гаспар.

— Что это может быть? — спросили вместе оба юноши.

— Два страуса, самец и самка, насколько я могу судить по их длинным шеям, превышающим самые высокие стебли травы.

— По-видимому, вы правы, Гаспар, — сказал Людвиг. — Смотрите-ка, они двигаются! Действительно, это страусы. Теперь они стоят на открытом месте, и мы можем видеть их с ног до головы. Какие они громадные!.. А! Теперь они опустили головы. Что это значит, по-вашему?

— Наверное, они так же, как и мы, отыскивают себе обед, и я уверен, что их поиски увенчались успехом, потому что они не слишком-то разборчивы на еду; они довольствуются корнями и травой.

Гаучо остановился, точно обдумывая что-то; Людвиг также находился в размышлении. Слова Гаспара пробудили в нем инстинкты натуралиста, и он хотел услышать от него еще какие-нибудь сведения об этих птицах. Но молодой парагваец, который совершенно не интересовался образом жизни страусов, ограничился вопросом:

— Их мясо съедобно, Гаспар?

— Можно ли его есть, сеньорито? Разве человек, умирающий от голода, разбирает, что вкусно и что невкусно?

но? Дело не в этом, а в том, как их поймать! Если бы мне удалось накинуть лассо на одного из них — самца или самку, для меня безразлично, — я бы приготовил княжеский обед. Господи! Что делать? К ним нельзя подойти даже на выстрел! Нет ни одного хоть бы маленького кустика, за который можно было бы спрятаться!

— Станем на четвереньки и поползем по траве, — предложил Циприано, аппетит которого, по-видимому, с каждой минутой все больше увеличивался.

— Проползти-то ничего не значит, но выйдет ли из этого толк, вот в чем дело! Из всех животных, птиц и четвероногих, встречающихся в саваннах, нет ни одного пугливее и осторожнее этих больших птиц. Они моментально скроются из глаз, прежде чем подпустят нас к себе на выстрел.

Гаучо замолчал и усиленно начал тереть себе лоб, придумывая план атаки.

Остальные также молчали, изыскивая средство овладеть страусами. Наконец гаучо первый прервал молчание.

— Бог мой! — воскликнул он. — Я, кажется, нашел способ. Соберите дров и разведите костер. Прежде чем он разгорится, может быть, в моих руках уже будет страус... Где моя белая рубашка?

Говоря так, гаучо направился к вещам, разбросанным по земле, и начал развязывать один из мешков, прикрепленных к его седлу.

При его словах «Где моя белая рубашка?» Людвиг и Циприано переглянулись с изумлением.

— Если только Гаспар не сошел с ума в настоящее время, — сказал Людвиг, — я боюсь, что он недалеко от этого.

— По-моему, на него действует голод, — проговорил Циприано, — оставим его в покое. Если ему нравится подобный маскарад, тем лучше для него.

Гаучо недолго мучил товарищей загадочностью своего поведения. Выложив из сумки все содержимое, он достал свою праздничную рубашку, всю расшитую вышивкой и белую как снег. В одну минуту он скинул с себя пончо и надел рубашку.

В продолжение этой операции Людвиг и Циприано с всевозрастающим беспокойством и удивлением смотрели на гаучо. Между тем Гаспар прервал свои странные приготовления, как будто новая мысль блеснула в голове.

— Сеньор Циприано,— сказал он,— я думаю, что вы лучше меня выполните этот маневр.

— Что такое? — воскликнул Циприано.— Уже несколько минут, как мы спрашиваем себя, Гаспар, в порядке ли ваша голова.

— Успокойтесь, дети мои,— ответил он с хохотом.— Мой план очень прост. Все дело в том, чтобы надеть мою рубашку или вашу, если это вам более по вкусу, и превратиться в журавля, то есть изобразить его.

— В журавля?

— Ну да, в журавля.

— Но зачем же это?

— Затем, чтобы добыть кусок страусового мяса нам на ужин. Я слишком велик ростом для того, чтобы играть такую роль, а вы, сеньор Циприано, как раз подходящих размеров. И я готов держать пари на мою лошадь против осла, что в рубашке вы приблизитесь к этим длинноногим птицам и не вызовете в них ни тени подозрения.

— Ради Бога, говорите яснее, Гаспар, я ничего не понимаю! Допустим, что я превращусь в журавля, ну а затем?

— Сейчас узнаете. Сначала снимите вашу куртку и позвольте надеть на вас эту рубашку.

Циприано не стал возражать; молча снял он свою куртку и встал перед гаучо. Тот надел рубашку на молодого человека и задрапировал ее так, что образовалось нечто вроде белого хвоста; затем он взял длинный конец веревки и обмотал широкие панталоны так, чтобы они казались как можно тоньше, потом снял мягкую войлочную шляпу с парагвайца, воткнул в ее передний край длинную заостренную на конце палку, которую окрасил мокрым порошком в синеvато-черный цвет, и нахлобучил шляпу на голову юноши.

Циприано в этой шляпе, с длинным черным клювом, длиной, пожалуй, больше фута, представлял грубое подобие журавля. Небольшой слой мокрого пороха покрыл смуглые щеки парагвайца, и этим закончилось преобразование головы.

Затем, вынув из кармана шелковый ярко-красный платок, какие всегда носят с собой гаучо, Гаспар обвязал его вокруг шеи Циприано, сделав из него род красного мешка на груди.

— Ну, теперь, сеньор, надеюсь, что вы можете сойти за журавля-солдата. Теперь вас не только страусы, но и

сами журавли не отличат от своих собратьев. Идите и добудьте нам ужин.

— Повторяю вам, Гаспар, что я вас не совсем еще понимаю. Что же мне теперь делать? Нужно подойти поближе к страусам, но я совсем не знаком с такого рода охотой. Одним словом, ваше намерение серьезно или нет? Или это переодевание, за неимением обеда, доставляет вам развлечение?

— Мой бог! Сеньорито, вы меня положительно удивляете! Как это вы, сами — местный житель, и задаете мне такие вопросы! Разве вы не родились, чтобы быть гаучо? Даже гринго, нарядившись так, сразу догадался бы, в чем дело.

Циприано бросил вопросительный взгляд на Людвига, но последний знаком ответил ему, что не может дать никакого совета в этом случае. Оба были одинаково поражены странными словами Гаспара.

— Ах! — со вздохом воскликнул Гаспар. — Неужели вы оба действительно не понимаете, что заставило меня проделать все это? Я вам объясню, сеньор Циприано. Вы одеты журавлем, ну, так и надо подражать ему. Во-первых, приблизьтесь к страусам насколько возможно. Возьмите с собой ружье или болу; последнее лучше, так как вы кидаете ее хорошо. В этом, я знаю, вы не похожи на гринго. Не бойтесь, птицы не заподозрят вас. Видите, вон там болото, около которого бродят эти птицы? Обойдите его кругом и держитесь в этом направлении; они примут вас за журавля и попадутся в руки. Ну, теперь, я думаю, вы поняли, в чем дело?

— Да, да! — воскликнул Циприано, понявший наконец цель Гаспара. — Теперь я знаю, что делать, Гаспар, и постараюсь схватить за ногу одного из них... Прощайте!

С этими словами парагваец взял болу и ружье и, спрятав их под рубашку, направился к страусам.

13. СТРАУСЫ

— Черт! — слышалось восклицание гаучо, когда Циприано отошел от них шагов на двести. — Ну, разве наш милейший юноша не похож теперь на журавля? Если бы я не знал, что на нем моя рубашка, я сам бы принял его за птицу.

Людвиг ничего не ответил: он весь был поглощен со-

зерцанием своего кузена, медленно шагавшего, слегка покачиваясь, точь в точь как это делают журавли.

Молодой парагваец играл свою роль безукоризненно, точно всю жизнь только и занимался этим; он то смело делал шаг вперед, то вдруг останавливался, опуская свой длинный клюв к земле как бы для того, чтобы схватить слизня, ужа, ящерицу или другое какое-нибудь пресмыкающееся, которыми питаются журавли. Прodelывая эти штуки, юноша держал руки под рубашкой, так же как и болу. Но вместо того чтобы прямо идти к страусам, он, по совету гаучо, сделал обход, обогнув болото. Когда, наконец, Циприано был уже на одной линии с птицами, то и тут он не пошел к ним прямо, а продолжал осторожно приближаться, подражая движениям журавля: он то вдруг останавливался и встряхивал своими белыми крыльями, то вытягивал клюв, точно глотая рыбу или ужа, и затем делал вид, что отыскивает новую добычу.

Собственно говоря, ничего нет удивительного, что птицы оставались спокойными. Иногда таким образом удается обмануть животных даже более смысленных, чем страусы, как, например, пампасскую пуму, ягуара.

Подозрение у птиц явилось только тогда, когда поддельный журавль был уже около них. Тут они сразу перестали щипать траву и, вытянув свои длинные шеи, испустили пронзительный крик.

Самка, как всегда, оказалась более хитрой и боязливой. В ту минуту, как раздался крик, она быстро отскочила назад, оставив своего товарища одного перед опасностью.

Последний стал выказывать враждебные намерения к неожиданно появившемуся пришельцу, подражая гусям, которых чем-нибудь раздражили: он вытянул вперед шею и задвигал ею, но это, конечно, ему нисколько не помогло; раздался свист, и, прежде чем страус успел сделать какое-нибудь движение, его ноги были опутаны арканом, и сам он упал на землю, беспомощно взмахнув крыльями.

С быстротой молнии устремился к нему мнимый журавль и одним ударом в голову, нанесенным с ловкостью, которой научил парагвайца гаучо, сразу парализовал все движения птицы; страус неподвижно вытянулся на земле, между тем как его испуганная подруга, подняв крылья, с необычайной быстротой неслась по высокой траве пампасов.

Людвиг с живейшим интересом смотрел на происходящее, а Гаспар радостным криком приветствовал успехи парагвайца. Оба они, не медля ни минуты, поспешили к Циприано, чтобы помочь ему дотащить такую громадную дичь.

Они помогли парагвайцу перетащить добычу на свой бивуак. Помощь их в этом не была излишней: страус оказался весом с хорошего барана.

Гаучо вырезал самые лучшие куски из страуса, и все трое с особенным удовольствием принялись за приготовление обеда, на который они положительно не рассчитывали час тому назад.

Между тем не было ни огня, ни дров; Гаспар с Людвигом не подумали об этом, всецело заинтересованные движениями Циприано.

Пока гаучо продолжал резать своим ножом дичину на куски, Людвиг собирал дрова для костра, а Циприано снимал с себя маскарадный костюм. Ему пришлось довольно долго повозиться над собой, чтобы снова принять человеческий образ: мокрый порошок не отставал от лица юноши. По счастью, недалеко от лагеря протекал ручей; впрочем, не будь вблизи ручья, путешественники не расположились бы здесь бивуаком.

Никому в голову не придет остановиться бивуаком далеко от воды, кроме разве тех случаев, когда нет другого выхода.

Пока парагваец снимал с себя рубашку, Гаспар распутал веревки, которыми были обмотаны его ноги, а пока юноша отмывал в ручье лицо, огонь успел разгореться, и нарезанные куски страуса уже поджаривались, распространяя вокруг аппетитный запах жареного мяса. Чайник кипел тут же. По счастью, мешок со всеми принадлежностями для чая не был потерян, как сначала думали путешественники. Гаучо привязал его, как потом оказалось, по ошибке к своему седлу, где он был незаметен за многочисленными ремнями рекадо. Не будь этого, драгоценное содержимое мешка очутилось бы вместе с другими вещами на дне риахо. А без чая ничто не мило парагвайцу.

Все трое, довольные драгоценной находкой, были в самом приятном настроении, насколько, конечно, это было возможно в их печальном положении. Природа, казалось, хотела отвлечь их от тяжелого горя, направляя их мысли в другую сторону и рассеивая их целым рядом не-

ожиданных происшествий во время пути. Иначе несчастье окончательно сломило бы их. Теперь они наслаждались отдыхом, сидя вокруг пылающего костра в ожидании, пока вскипит вода и достаточно зарумянится жаркое. Разговор не умолкал ни на минуту. Гаспар не хотел, чтобы печальное раздумье вновь охватило его молодых товарищей, и старался отвлечь их, переходя от одного предмета к другому.

Понятно, в эту минуту разговор шел о страусах. Тема эта представляла большой интерес для Людвига; он поделился с товарищами всем запасом научных знаний, вынесенных частью из книг, частью из бесед с отцом, и перечислил все породы страусов, живущих на земном шаре.

Самая крупная порода — африканская, которую римляне называли *struthio* и орнитологи — *camelus*, потому что своим общим видом птица эта действительно напоминает верблюда. Это сходство в самом деле настолько поразительно, что голландские колонисты с мыса Доброй Надежды, не знакомые с ученым названием страуса, также заметили это сходство с верблюдом и прозвали страуса «птица-верблюд».

Людвиг сообщил также, что, хотя африканский страус гораздо больше южноамериканского и отличается от него цветом оперения, но по строению тела и образу жизни и тот и другой совершенно одинаковы. Оба живут на равнинах и весьма редко встречаются в лесистых и скалистых местностях или по склонам гор. Правда, американский страус попадается в Кордильерах на высоте восьми тысяч футов над уровнем моря, но опять-таки только на плоскогорьях, простирающихся между горными цепями, но не на горах. Они любят так называемые бесплодные и пустынные пространства, хотя встречаются также и на плодородных равнинах, поросших травой, как, например, в пампасах Ла-Платы и в саваннах Чако. Самец-страус, подобно нашему петуху, «пасет» нескольких самок, с той только разницей, что они, в отличие от наших кур, кладут свои яйца в одно гнездо, на которое и садится самец во время высиживания яиц. Самки, впрочем, не всегда кладут свои яйца в гнездо, случается, что они кладут их прямо в песок, или на траву, или куда придется, не заботясь вообще нисколько о судьбе своих яиц.

Много существует предположений относительно этих заблужденных яиц. Одни говорят, что самка кладет их около гнезда как пищу молодым детенышам, которые в

первое время не в состоянии еще сами отыскивать себе пищу.

Людвиг, как и его отец, отрицал такое назначение этих брошенных яиц, утверждая, что самка просто роняет их.

Гаспар поддерживал это мнение, говоря, что птицы никогда даже не подходят к таким яйцам и что последние остаются лежать на земле, пока не сгниют. Он полагал также, что самки бросают яйца за недостатком места в гнезде; высиживает яйца самец, а кладут их несколько самок, и поэтому получается, что яиц оказывается гораздо больше, чем может поместиться в гнезде.

Поговорив о привычках, свойственных всем страусам, молодой натуралист сообщил собеседникам, что третья порода принадлежит большому матерьку Новой Голландии, обыкновенно называемому Австралией. Этот страус по своему образу жизни очень походит на страусов Африки и Южной Америки. Правда, он отличается от них по своему внешнему виду, но подобная разница существует и среди африканских страусов между самцом и самкой.

— Сравнивая между собой эти три породы, — заметил Людвиг, — можно сказать, что из них африканская — самая крупная, а австралийская — самая маленькая; страусы же Южной Америки, иначе называемые нанду, занимают середину, и хотя все они распределены в различных частях земного шара, но, несмотря на это, принадлежат к одной и той же породе. Я слышал много раз от отца, что решительно нет никакого смысла разделять их на несколько видов; только натуралисты из любви к научному труду различают в них три породы; африканский слывет под именем *struthio camelus*, а южноамериканский — *rhea americana*, вместо *struthio rhea*, как бы они должны были называться по-настоящему.

Ни Гаспар, ни Циприано не прерывали ни одним словом натуралиста, радуясь, что он хоть на минуту оторвался от тяжелых дум.

Людвиг продолжал:

— Есть еще другие птицы, принадлежащие к семейству страусов или, по крайней мере, близкие к ним, но сведения о них очень незначительны в сравнении с остальными тремя породами: это страус, встречающийся главным образом на больших островах архипелага восточной Индии. Кроме того, есть очень любопытный эк-

земпляр страуса без крыльев, открытый недавно в Новой Зеландии. Натуралисты делят их даже на два вида и предполагают, что есть третий, если не четвертый, вид в лесистых горах островов Маори. Его причисляют к страусам, которых он напоминает в некоторых отношениях; главным же образом сходство это выступает нагляднее всего в устройстве крыльев, недостаточно развитых для поддержания его туловища во время полета. Но эту классификацию далеко нельзя назвать точной, хотя его и можно присоединить скорее к семейству *struthio*. В действительности же все-таки существует только три вида страусов: африканский, австралийский и американский.

— Только три вида! — воскликнул Гаспар. — Что вы говорите, сеньор Людвиг? Даже в пампасах их существует два.

— Вы ошибаетесь, Гаспар, — спокойно ответил Людвиг.

— О нет, сеньор Людвиг, я сам видел и даже ловил много раз, когда был с генералом Розасом в походе против южных индейцев. Это было приблизительно миль на сто к югу от Буэнос-Айреса, около Рио-Колорадо. Там-то и встречается другой вид, который мы, гаучо, называем *petise*. Величиной они приблизительно с две трети этих страусов, но яйца их почти одинаковой величины, только у *petise* форма несколько иная и окраска бледнее. Ноги у них короче, и перья спускаются на несколько дюймов ниже голени, отчего они бегают не так быстро, как *ghea*.

Эти сведения были совершенной новостью для Людвиг и Циприано. Хотя они выросли в Южной Америке, но никогда не слыхали о каком-либо другом виде страусов, кроме того, который им обыкновенно приходилось встречать в своих экскурсиях.

Гаспар рассказал им еще кое-что. Он говорил, что яйцо самой большой породы страусов весит каждое больше полутора дюжин обыкновенных куриных яиц и что в гнезде бывает от двадцати до тридцати штук яиц, а иногда и до пятидесяти.

Между прочим, он подтвердил также слова Людвиг относительно высиживания яиц самцом. Он рассказывал, что самец ухаживает за птенчиками первое время, пока они нуждаются в защитнике.

Во время высиживания самец не отходит далеко от гнезда и остается на своем посту даже в том случае, если проезжает кто-нибудь и ему грозит опасность быть

раздавленным копытом лошади. Когда его беспокоят, он сердится и может быть опасен. Гаспар вспомнил даже пример, когда страус бросился на всадника. Нападая, он прыгает и наносит удары своими длинными и сильными ногами, не переставая громко шипеть, точь-в-точь как рассерженный гусь.

Звук при этом настолько странен, что нельзя даже определить его происхождения, и едва можно поверить, что он произведен птицей, если вы не видите страуса перед собой.

Тут Людвиг прервал Гаспара, сказав, что то же самое делает и африканский страус, и путешественники часто принимают это сильное шипение, похожее на звук рожка, за рычание льва или другого дикого зверя. При этом Гаспар добавил, что страусы вообще очень пугливы и редко подпускают к себе близко; когда же их испугают, они бегут всегда против ветра, чем пользуются гаучо, чтобы настичь их. Для этого они отправляют кого-нибудь им навстречу.

Видя себя окруженным всадниками, страус совершенно теряется и бежит куда попало; тогда уже нетрудно поймать его арканом.

Беседа путешественников тянулась до тех пор, пока ночь не окутала равнину своим темным покрывалом.

Затем, растянувшись на своих «диванах» и покрывшись сверху пончо, они заснули крепким сном.

14. ВИСКАЧИ

На другой день на рассвете путешественники уже были на ногах и, закусив остатками жареного страуса, оседлали лошадей и отправились в путь, по-прежнему следуя по берегу Пилькомайо.

За ночь их лошади отдохнули, совершенно оправились от влияния электрических угрей, и всадники быстро продвигались вперед, насколько возможно ускоряя шаг при мысли о дорогой для них Франческе. Но им казалось, что они едут все-таки недостаточно быстро, когда они прибыли к тому месту, где Пилькомайо огибает большое пространство, бесплодное и лишенное растительности.

Гаспар знал немного эту местность. Он на этот раз решил уклониться от принятого направления и, вместо того чтобы по-прежнему ехать по берегу реки, предпочел

пересечь пустыню и затем уже снова ехать по берегу, когда местность станет возвышаться.

Он, по своей опытности, думал, что если индейцы и шли по берегу реки, то им тут не было никакого расчета огибать реку, следуя по ее течению. Спутники его были такого же мнения, и все трое въехали в обнаженную пустыню. Гаспар держался впереди, указывая дорогу.

Этот переход представлял два затруднения. Первое заключалось в том, чтобы не уклониться от главного направления; проводник их один раз только, да и то очень давно, был в этой местности. На всем протяжении не было заметно ни малейшего следа тропинки. По-видимому, буря здесь свирепствовала ужасная и совершенно уничтожила все следы. Впереди не видно было ни деревьев, ни холмов, ничего, что могло бы хоть отчасти служить указанием дороги. Гаспару пришлось ориентироваться лишь по солнцу; к счастью, небо было безоблачно, как, впрочем, оно и бывает почти всегда в льяносах Гран-Чако. Второе затруднение было другого рода: на каждом шагу путь замедлялся большими пространствами земли, испещренными отверстиями, проделанными в земле, наподобие тех, которые делают кролики. Около каждого из таких отверстий навалены были кучи всевозможного мусора, и путники сейчас же узнали в них жилища вискачей. Они даже видели несколько сотен этих зверьков, сидевших у входа в свои подземные жилища и спокойно, без всякого страха смотревших на приближение всадников, что все вместе производило довольно забавное впечатление.

Животные убегали или скрывались только тогда, когда лошади почти наступали на них копытами. При этом они неловким и тяжелым движением отклонялись в сторону, как бы считая это делом скучным и бесполезным.

Эти животные больше кроликов, и передние зубы их гораздо длиннее, а своим большим хвостом и короткими передними лапами они скорее походят на огромных крыс. Свои норы они делают не в бесплодных местах равнины, а там, где более или менее плодородная почва покрыта грубой растительностью.

Агути, или морские свинки — другое животное Южной Америки, принадлежит к тому же виду, встречающемуся исключительно в сухих и безводных пустынях. Но вискачи, которых встречается много видов, предпочитают устраивать жилища на равнинах, где есть трава и вода.

Гаспар говорил, что они питаются чертополохом, который вырывают своими крепкими лапами о трех пальцах. Кроме того, они собирают и тащат к своей норе все, что увидят; поэтому-то у входа в их пещерки навалены всегда целые кучи всякого мусора, которым можно было бы наполнить несколько корзин. В кучах этих попадают камни, стебли растений, рога или кости животных, комки сухой земли, куски дерева и всякий мусор, одним словом все, что только можно найти в окружающей местности. Эта привычка вискачей собирать всякую дрянь до сих пор ничем еще не объяснена.

Гаспар мог только подтвердить это явление, но больше он ничего не знал. По этому поводу он рассказал забавную историю, случившуюся с одним гаучо, который, потеряв свое mate и трубочку, через которую парагвайцы его пьют, решил поискать пропажу в колонии вискачей. Он не ошибся и отыскал потерянные вещи в куче разных отбросов, лежащих около входа в одну из нор.

Если бы все эти предметы были съедобны, пожалуй, еще можно было бы подумать, что вискачи собирают их про запас на случай голода, как это, например, делают белки, сурки и другие животные; но ничего подобного нет, и часто в целой такой куче нельзя найти ничего, обо что даже голодная крыса стала бы точить свои зубы.

Еще одна странность заинтересовала наших путешественников, в особенности Людвига.

Проезжая через колонию вискачей, путешественники, кроме грызунов, видели здесь же и живущих обыкновенно вместе с ними маленьких сов. При приближении всадников птицы испуганно скрывались в норы вместе с вискачами.

Странные птицы эти виднелись всюду; они то поодиночке, то парами сидели на холмиках около нор, точно их нарочно поставили тут караулить вход в общее жилище. Некоторые из них, завидя всадников, не прятались в норы, а с пронзительным криком отлетали на несколько метров и опускались на другой холмик.

Людовику много приходилось читать об образе жизни сов, населяющих обширные пампасы или прерии Северной Америки, где эти птицы находят себе приют в норах сурков или луговых собак, как и южноамериканская порода в жилищах вискачей.

Дорогой он рассказал своим спутникам все, что знал о совах и о сурках.

Гаспар, со своей стороны, сообщил молодому натуралисту все, что знал об образе жизни вискачей.

У Людвига было нечто вроде сыновней привязанности к тому, чем интересовался его так безвременно погибший отец. Хальбергер оставил после себя неоконченные работы, и Людвиг питал надежду рано или поздно докончить начатый труд.

— Ну, да это ничего не значит,— сказал в заключение Гаспар,— что эти животные загораживают нам дорогу и не позволяют скоро ехать; зато они очень вкусны, и, когда наши съестные припасы выйдут, мы легко можем поймать одного из них.

Гаспар имел полное основание говорить, что вискачи загораживают дорогу, потому что норы их были серьезным препятствием и не давали лошадям быстро двигаться; ноги коней то и дело погружались в рыхлую землю, не выдерживавшую тяжести их тела, и всадникам каждую минуту грозила опасность опрокинуться.

Медленно двигались путешественники вперед через колонию вискачей; они не прочь были вернуться назад и объехать колонию, но боялись, что это слишком замедлит их путь.

Впрочем, продолжая подвигаться даже таким образом, они все же находили некоторое развлечение, наблюдая любопытных грызунов и их странные привычки.

Без особых приключений выбрались они, наконец, из колонии, за которой дальше простиралось обнаженное бесплодное пространство. Картина пустыни сильно поразила всех, и некоторое время они стояли в молчании.

Гаспар, не желавший выражать вслух свое мнение, видимо, сильно беспокоился, верным ли они идут путем; он то взглядывал на солнце, то устремлял глаза на землю, внимательно всматриваясь в малейшие неровности почвы, по которым можно было бы судить о том, что здесь прошли индейцы. Вдруг лицо его прояснилось, слышалось радостное восклицание:

— Наконец-то! Слава Богу!

— Что такое, Гаспар? — спросили оба молодых человека.

— Карамба; сеньоры! Следы разбойников! Посмотрите-ка! Видите, здесь они останавливались!.. А вон место, откуда они уехали. А... теперь все понятно! В этом самом месте негодяев застигла та буря, которая загнала нас в пещеру! Надо поискать, не найдем ли еще каких-нибудь

признаков, по которым точнее можно было бы определить, когда они отсюда уехали!

С этими словами он соскочил с лошади и начал рассматривать следы.

Людвиг и Циприано также заметили следы. На земле, на большом пространстве, виднелись следы, оставленные лошадиными копытами. Немного дальше следы смешивались и, наконец, шли дальше по узенькой тропинке, точно всадники проехали здесь друг за другом, по два в ряд. В том месте, где земля была больше всего утоптана, следы разделялись, перекрещиваясь во всех направлениях, очевидно, отряд делал здесь продолжительную остановку; но там, где следы смешивались, они все шли к одному месту. Все это ясно отпечатывалось на густом слое пыли, превращенной дождем в грязь. Не оставалось ни малейшего сомнения: индейцы Чако проходили здесь в то время, когда начиналась торmenta, и, застигнутые бурей, останавливались здесь переждать ее, а затем сели на лошадей и отправились дальше.

Одного взгляда довольно было для Гаспара, чтобы понять, в чем дело; с седла же он сошел для того, чтобы посмотреть, нет ли среди всех этих следов отпечатка копыт маленькой лошадки, на которой ехала дочь его хозяина.

Циприано и Людвиг также принялись рассматривать следы.

15. НАЙДЕННЫЙ СЛЕД

В продолжение нескольких секунд господствовало глубокое молчание; каждый из путешественников, наклонившись к земле, разглядывал следы; наконец голос молодого парагвайца первый нарушил тишину.

— Я так и знал! — произнес он, как будто нашел объяснение тайны или доказательство своего сомнения.

— В чем дело, Циприано? — спросил Людвиг, который был недалеко от него.

— Вот следы лошади Франчески!

— Ты в этом уверен?

— О да! Я узнал бы их из тысячи других!

— Ваша правда, — сказал гаучо, взглянув на указанное место, — нет сомнения, это отпечаток копыт пони сеньориты Франчески.

— А вот еще кое-что! — воскликнул вновь Циприано, глаза которого загорелись огнем. — Посмотрите-ка!

И он поднял конец ленты, запачканной грязью и лошадиными копытами. Циприано сразу узнал эту ленту, которую Франческа носила на голове; это был обрывок банта, которым она завязывала концы своих длинных кос.

— А? Что вы на это скажете? — снова заговорил он задыхающимся от ярости голосом. — О, Матерь Божья! Я этого и ожидал. Все, что я тебе говорил, Людвиг, оказывается, правда!

Этот внезапный взрыв гнева вызван был в Циприано обрывком красного пера, поднятым им в луже. В пере еще виднелось отверстие — след иголки, которой пришилось это украшение к одежде индейца. По всей вероятности, обрывок принадлежал плащу из перьев индейского предводителя и оторвался во время бури.

Циприано знал еще больше. Ему был известен владелец плаща — он отлично помнил, что видел такой плащ на плечах Агвары, поэтому в нем ни на минуту не оставалось сомнения, что перо принадлежало не кому иному, как вождю товасов. Итак, его предчувствие оправдалось. Его спутникам оставалось только поверить подозрению, высказанному им еще в начале путешествия.

Теперь не только Циприано, но и Людвиг убедился, что они открыли виновника ужасного преступления.

Людвиг, веривший до этой минуты в преданность Нарагуаны его отцу, был положительно уничтожен этим доказательством измены старого вождя или его сына, что, в сущности, было одинаково.

— Да,— сказал Циприано,— двойное преступление, совершенное ими, ужасно; просто не верится этому, а между тем это именно так. Бог не оставит этого преступления без наказания. А теперь на коней! Мы не должны отдыхать ни минуты, пока не настигнем их и не воздадим им должного по закону справедливости.

— Да, едем,— воскликнул Людвиг в свою очередь,— нечего терять время!

Напрасно Гаспар говорил им, что если верно предположение Циприано и молодой вождь действительно намерен сделать Франческу своей женой, то ей не грозит ни малейшей опасности до тех пор, пока не будут выполнены все необходимые в таких случаях обряды, которые требуют довольно продолжительного времени. Но слова

верного гаучо не могли успокоить тревогу молодых людей.

Для большей ясности рассказа нам пришлось покинуть похитителей Франчески и пленницу, теперь же мы оставим пока гаучо и его товарищей продолжать свой путь и возвратимся немного назад, чтобы объяснить причины, вызвавшие убийство Хальбергера.

Поступок молодого вождя товасов совершенно ясен: он похитил бледнолицую девушку, желая сделать ее царицей своего племени. Без сомнения, он был свидетелем убийства отца той, которая должна была сделаться его женой, но прямого участия в выполнении этого злодеяния он не принимал. Виновником был ехавший рядом с Агварой бледнолицый, вооруженный копьем, острие которого еще хранило на себе следы недавнего преступления.

Индейцы звали его «проводником», настоящее же его имя было Рубино Вальдец. Он тоже был парагваец по рождению. Для объяснения его отношения к индейцам и мотивов, почему он совершил это преступление, нам нужно вернуться к тому времени, когда натуралист под покровом ночи бежал от козней парагвайского диктатора. Свидание, происходившее тогда между Франсиа и его приверженцем Рубино Вальдецем, объяснит всю эту историю.

Дело происходило приблизительно неделю спустя после бегства Хальбергера из Асунсьона.

— Ваше превосходительство приказали мне явиться к вам,— сказал Вальдец,— я жду ваших приказаний.

— Нужно немедленно отправиться на поиски беглеца. Я говорю о Людвиге Хальбергере. Могут ли я рассчитывать на вас, что вы найдете способ захватить непокорного?

— С разрешения вашего превосходительства, я постараюсь исполнить это поручение, но свет велик, и я думаю, что настичь его будет нелегко.

— Это уж дело ваше, Вальдец!

— Если только я буду в силах довести это дело до конца.

— Пять тысяч пиастров сделают все возможным для такого умного человека, как вы, Вальдец.

— Я готов ехать, ваше превосходительство, и, если уж говорить правду, не одна награда, обещанная вами, заставляет меня согласиться. У меня есть еще другая причина с особенным удовольствием повиноваться вашим приказаниям, но, когда я настигну беглеца...

— Вы хотите знать мои намерения относительно этого человека?

— Совершенно так, ваше превосходительство, я не сделаю ни больше, ни меньше того, что вы прикажете.

С минуту Франсиа хранил молчание, точно ему необходимо было обдумать свой ответ.

— Когда вы настигнете беглеца,— проговорил он наконец,— вы известите меня и тотчас же получите часть обещанной вам награды. Если же вы приведете его живым, получите всю сумму сполна. Если вам не удастся привести его живым, привезите мне его голову, уши, руку,— одним словом, что-нибудь, чтобы доказать мне, что его нет уже больше в живых; и когда в моих руках будут эти неоспоримые доказательства того, что мои приказания были в точности исполнены вами, вы немедленно получите всю сумму. Но слушайте, Рубио Вальдец, Хальбергер убежал не один. Я удвою сумму, если с немецким ученым вы привезете и женщину, увезенную им, которую он похитил вопреки законам нашей страны; закон требует, чтобы она вернулась опять на свою территорию, и надо во что бы то ни стало исполнить требование закона.

За время своего тиранического правления Гаспар Франсиа никогда еще не жаждал так мести, как в этот раз, когда жертва так неожиданно ускользнула из его рук. Привыкший встречать повсюду только одну рабскую покорность, он не мог допустить мысли, чтобы кто-нибудь осмелился уехать из Парагвая без его позволения.

Несмотря на заступничество влиятельных иностранцев, он осмелился держать Амедея Бонплана пленником в течение нескольких лет, а теперь его оставил в дураках какой-то иностранец без имени и связей! Одна мысль об этом приводила его в ярость. Он походил на тигра, от которого неожиданно целой и невредимой ускользнула его добыча. Это было больше, чем простой обман,— это было унижение его власти, вызывавшее в душе его все самые низкие инстинкты и возмущавшее его дикую гордость.

С самого первого дня исчезновения Хальбергера полицейские были на ногах, рыская по стране во всех направлениях, поднимаясь и спускаясь по реке вплоть до границ Уругвая. В Чако они не искали, потому что не осмеливались. Да и кому же пришлось бы в голову, что Хальбергер найдет себе приют у индейцев и, избежав одной опасности, ринется в еще большую?

Франсиа, как и все его приближенные, совершенно ничего не знал о дружественных отношениях, существовавших между натуралистом и вождем товасов. Решиться белому проникнуть в эту дикую и неизвестную страну — значило идти на верную смерть.

Так, по крайней мере, думал деспот Парагвая, вследствие чего он и не посылал в Чако экспедиции в погоню за беглецом.

Вальдеца он знал как человека, способного на все, и потому, истощив все средства, обратился к его услугам. Ему нетрудно было найти в нем сообщника.

Вальдец дал клятву диктатору исполнить его поручение и, не откладывая дела в долгий ящик, принялся за розыски с прозорливостью и неутомимостью охотничьей собаки.

Но, несмотря на это, несмотря на всю его ненависть к благородному характеру Хальбергера, вполне естественную при испорченной натуре Вальдеца, несмотря на высокую награду, назначенную Франсиа за смерть или взятие в плен беглеца, тайна Хальбергера, вверенная вождю товасов, не была известна никому, и Вальдец употребил целых пять лет на бесплодные поиски.

Без всякой пользы спускался он вниз по реке до Корриентеса, Сан-Розарио, Санта-Фе и даже до городов Буэнос-Айреса и Монтевидео. Производя свои поиски в противоположном направлении до крепости Коимбры и Уругвая, он нигде не мог открыть ни малейшего следа пребывания натуралиста.

Хальбергер увел с собой всех своих преданных и отважных слуг, а кроме них, никто не знал его тайны. Кроме того, из Асунсьона он уехал на лодке и, следовательно, не оставил за собой следов, по которым можно было бы судить о принятом им направлении. Это сбило с толку даже самого Франсиа, и его самые искусные разведчики напрасно употребляли свои усилия отыскать следы беглеца.

Мы уже сказали, что никто из них не мог себе даже представить, чтобы белый стал искать приюта в Чако. Для них такой поступок беглеца казался одинаково рискованным: это было все равно, что, спасаясь от ягуара, попасть в когти льва. Только после пяти лет бесплодных розысков, истощив все средства, Рубино Вальдец решил, наконец, искать несчастного в Чако.

Собственная ненависть бандита к Хальбергеру еще больше, чем обещанная награда, возбуждала в нем такую невероятную настойчивость; совершенно отчаявшись в успехе, он решил направить свои поиски в пустыню Гран-Чако — в страну, неизвестную ему: он проезжал уже по ней, принимая участие в одной экспедиции, снаряженной диктатором Парагвая.

Снабженный деньгами и всеми необходимыми припасами, он кончил тем, что поехал к племени товасов, находившемуся в то время в дружественных отношениях с диктатором.

Хотя это племя было враждебно белым, но он ничего не боялся, потому что за время своего пребывания у товасов оказал им некоторые услуги, доставившие ему их дружбу. К тому же он не принадлежал к числу людей, действующих на авось.

Во время его пребывания в крепости Коимбре, на бразильской границе, до него дошел слух из Чако о том, что там поселился какой-то бледнолицый, находившийся под защитой вождя племени товасов; узнал он при этом еще и другие подробности о колонисте. Ему рассказали, что белый человек имел жену и детей, что он изучал растения, птиц и даже самых ничтожных букашек.

Этих сведений было совершенно достаточно, чтобы узнать в этом бледнолицем Хальбергера, и Вальдец несколько не сомневался, что напал наконец на след человека, погубить которого он дал клятву Гаспару Франсиа.

Вальдец уехал из Коимбры и после месячного переезда через большую пустынную равнину прибыл к реке Пилькомайо, находившейся недалеко от прежней деревни товасов. Здесь, зная местность, ему не трудно было разыскать индейцев.

От краснокожих он в первый раз получил верные сведения о беглецах. Наконец-то его пятилетние розыски увенчались успехом, теперь оставалось только вернуться в Асунсьон, взять с собой отряд и с его помощью захватить в плен натуралиста вместе с семьей.

Вальдец знал, что хотя и прошло много времени со дня бегства Хальбергера, но ненависть к нему Франсиа не улеглась: за время своих пятилетних поисков, когда ему приходилось ненадолго возвращаться в Асунсьон, он имел возможность убедиться, что деспот Парагвая не забывает и не прощает обид никогда. Поэтому их тайный договор сохранял прежнюю силу.

«Проводник» не нуждался в помощнике для отыскания жилища натуралиста. Для него было довольно сведений, сообщенных индейцами, да к тому же у него был сообщник — сын вождя товасов Агвара, который в это время как раз собирался в поход вниз по реке в сопровождении своих молодых воинов, и Вальдец решил отправиться вместе с индейцами.

Старейшины племени не препятствовали этому. Они имели весьма смутное понятие о законных правах ренегата, не знали ничего о его ненависти к Хальбергеру и, конечно, даже и не подозревали о черных замыслах Вальдеца.

Заветные мечты молодого предводителя нам уже известны. Вальдец и он были созданы друг для друга. Но справедливость требует сказать, что Агвара отправлялся в экспедицию, вовсе и не думая совершить жестокое преступление, и даже не принимал непосредственного участия в убийстве Хальбергера. Он не осмелился бы сделать этого уже из одного опасения навлечь на себя гнев старейшин своего племени. Даже сам Вальдец, несмотря на всю свою низость, не дошел бы, может быть, до убийства, не сложились так обстоятельства. Смерть Хальбергера и похищение девушки без матери лишали его большей части награды, обещанной настоящим виновником этого злодейского преступления.

Убийство произошло благодаря чисто случайным обстоятельствам.

Вальдец с индейцами неожиданно для самих себя встретили Хальбергера во время одной из его экскурсий. Вид врага разбудил в ренегате давнишнюю ненависть, и, прежде чем кто-либо успел вымолвить слово, удар копья изменнически пронзил спину Хальбергера, и тот бездыханным упал на землю.

Все произошло в одну минуту.

Вид мертвого Хальбергера и беззащитной девушки снова пробудил страстное желание в душе дикаря.

Не считая себя нравственно ответственным за кровавое дело, отдавшее девушку в его руки, Агвара счел возможным воспользоваться его результатами и, не колеблясь, решил увезти Франческу в свое селение.

Читателю покажется, может быть, странным, что Вальдец, вместо того чтобы направиться прямо к эстансии, где он мог бы завладеть женой Хальбергера, решил вернуться в Чако вместе с предводителем товасов, тог-

да как его путь шел в совершенно противоположном направлении. Поручение его еще не было исполнено во всех пунктах. Он это знал. Знал он также, что на эстансии были и защитники, которым, без сомнения, скоро станет известно об убийстве и которые примут меры на случай нечаянного нападения на них. Таким образом, он даже и рассчитывать не мог захватить живой жену натуралиста. Кроме того, он еще не был свободен в своих действиях. В данное время сам он был наполовину пленником и почти поневоле должен был сопровождать индейцев; в противном случае он, конечно, по своему обыкновению отправился бы к жилищу натуралиста, чтобы хорошенько изучить всю близлежащую местность.

Индийские воины, и главным образом их предводитель, боясь ответственности за случившееся перед старейшинами племени, настояли, чтобы vagueano принял ответственность за убийство на себя; это-то и принудило его сопровождать краснокожих. В дороге у него было время поразмыслить.

Он придумал в оправдание своего поступка сказать товасам, что между ним и Хальбергером существовала вражда в течение многих лет, и этого было совершенно достаточно: он отлично знал, что обычаи индейцев в этом случае оправдывали его.

Такое знание обычаев индейцев не раз и не два выручало его в трудную минуту.

Кроме того, Агвара в случае его отказа силой заставил бы его ехать вместе с собой, и Вальдец предпочел беспрекословно повиноваться ему. Но в душе он решил не отступать от своего гнусного намерения. Может быть, он отправится на эстансию даже не один, а прихватит с собой двух или трех таких злодеев, которых нетрудно будет найти. Рано или поздно, а сеньора Хальбергер должна быть в его руках. Молодой предводитель, со своей стороны, придумал, как объяснить похищение молодой девушки: он просто оказал ей покровительство. Мог ли он бросить ее в пустыне, где ей грозила неминуемая гибель? Но, несмотря на это, в глубине души он был далеко не спокоен. Он боялся обвинения со стороны старейшин племени, друзей его покойного отца и, следовательно, друзей натуралиста, так изменнически убитого Вальдецом в нескольких шагах от молодого вождя, который ничем не выразил своего протеста против такого страшного преступления.

16. СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ТОВАСОВ

На берегах прекрасного озера, отражавшего в своих водах высокие стволы и густую листву пальм, ютилось селение племени товасов или той части его, которая считала издавна Нарагуану своим кациком.

Деревня была расположена на зеленой равнине, на берегу озера, окруженного группами пальм и кустами акаций.

С одной стороны озера возвышалась поросшая лесом уединенная гора, поднимавшаяся на несколько сотен футов над равниной. Между подошвой горы и озером шло открытое безлесное пространство площадью около половины мили, на котором ближе к лесу были расположены жилища индейцев.

Постройка этих жилищ носила совершенно первобытный характер. Это были палатки из парусины, натянутой на колья, все совершенно одного и того же типа. Некоторые из палаток, впрочем, составляли исключение и больше походили на вигвамы прерий, с той только разницей, что покрыты они были не бизоньими шкурами, а кожей диких лошадей. Затем, кроме палаток, тут были просто грубые шалаши, подпертые согнутыми палками и покрытые листьями пальмы. Такие хижины служили жилищем для пленников и для беднейших членов племени товасов.

Несмотря на непрочность вигвамов, эта деревня все же была лучше походного лагеря. Большое здание со стенами из пальмовых стволов указывало на более оседлую жизнь. Оно стояло на самом виду, его окружала просторная площадь, как вообще в городах и селениях Южной Америки, где среди такой площади обыкновенно строится церковь.

Но эта малюка не служила для религиозных церемоний, а, скорее, была местом общественных собраний. Это был дом совета, очень похожий на такие же дома в индейских деревнях Северной Америки.

Кроме этого здания, были еще и другие доказательства того, что настоящая резиденция товасов вовсе не временный лагерь. В этом можно было удостовериться, поднявшись на холм, возвышающийся над озером. Там, на большой площадке, закрытой густой листвой низких пальм, виднелось нечто вроде подмостков на столбах, поддерживавших двойную платформу. Нижняя платфор-

ма напоминала кровать на четырех гигантских ножках, верхняя заменяла крышу.

Не без труда можно было взобраться на первую платформу по бревну с зарубками, заменявшему лестницу. Поднявшись на платформу, любопытные увидели бы скелет, покрытый морщинистой обтянувшейся кожей; и тут же целая коллекция всевозможных предметов, принадлежавших покойному: копье, дротик, матакана, или военная палица; пестрое пончо вместо савана покрывало скелет. Если умерший был старейшиной, то около него клали еще великолепный плащ из перьев и другие знаки его достоинства. От дождя такую воздушную могилу защищала вторая платформа, служившая крышей.

Холм около деревни товасов весь был покрыт этими странными постройками, из них некоторые относились к очень древнему времени. Действительно, это селение было одним из древнейших городов товасов, то есть той части племени, вождем которой был Нарагуана.

Деревня эта не была для них постоянным местопребыванием, потому что обитатели пампасов никогда не имеют оседлого жилища, тем не менее они считали ее своей резиденцией и хранилищем останков своих предков. Где бы ни умер индеец из племени товасов, за исключением пленника или незначительного индейца, зависящего от племени, друзья относили его останки в священный город и клали их рядом с умершими ранее членами семьи на вершине горы. Когда же приближалось время смерти кацика или другого знатного индейца из племени, весь народ бросал свои дела, бросал предпринятые экспедиции и спешил в деревню, оставаясь там до последней минуты жизни умирающего.

Часто индейцы в подобных случаях бросали свою кочевую жизнь и надолго, иногда на несколько лет, отказывались от походов по Чако и в особенности за границу пустыни.

Такой же случай произошел недавно и в племени Нарагуаны.

Согласно древнему обычаю, старый кацик, предчувствуя близкий конец, отправился в долину Пилькомайо к могилам своих предков. Он хотел сообщить об этом своему другу-натуралисту, но не мог. Накануне отъезда индейский вождь был неожиданно поражен приступами уже давно угрожавшей ему болезни. Его умственные и физические силы были сразу парализованы, так что уже в

бессознательном состоянии его понесли на носилках в священный город. Там безжизненное тело его отнесли на гору мертвых и с известными почестями, в присутствии всего народа положили на самой высокой площадке рядом со скелетами его предков...

Обычно лазурно-голубое небо равнины Гран-Чако приняло пурпурный отблеск приближающихся сумерек; тени пальм удлинились на поверхности светлого и спокойного озера, постепенно исчезая с приближением ночи.

Девушка медленно подошла к озеру и села на камень почти у самого берега. По эту сторону озера находились хижины зажиточных товасов, и девушка вышла из одной такой хижины. Она была индианка и, судя по ее замечательной красоте, по наряду, по бусам и браслетам на ее шее, ее руках и ногах, принадлежала, вероятно, к знатной и богатой семье.

Невдалеке между хижинами и на равнине, расстилавшейся вблизи, виднелись мужчины, женщины и дети. Разделившись на группы, они предавались различным занятиям, свойственным их возрасту или полу.

Перед вигвамами сидели женщины и молодые девушки; некоторые из них держали корзины, сплетенные из ветвей пальм, другие складывали мед, принесенный их мужьями и братьями, остальные — кто приготовлял обед на воздухе, кто плел гамак или искусной рукой украшал разноцветными перьями шкуры ланей, приготовляя из них плащи, которыми так славятся в целом свете туземцы Америки.

Дети играли около матерей, образуя группы, достойные кисти знаменитых художников. Мужчины разговаривали о текущих событиях. Пойманная рыба, убитая дичь и разные припасы были сложены у входов в хижины.

По равнине, составлявшей общее пастбище, скакало несколько индейцев, сгоняя лошадей, овец и другую скотину. Индейцы-товасы настолько цивилизованы, что даже занимаются скотоводством. Вероятно, лошади, овцы и весь этот скот были украдены у белых, но такое воровство не считается преступлением у дикарей: война у них не имеет другой цели, кроме удовлетворения своих потребностей.

В деревне и в долине царили мир и тишина. Это была не жизнь дикарей с грубыми нравами и зверскими страстями, но картина тихого пастушеского счастья.

Население индейских деревень живет исключительно только животной жизнью, повинуеться только животному инстинкту и не имеет ни малейшего понятия о том, что в цивилизованных странах принято называть общественной нравственностью.

17. ИНДЕЙСКАЯ КРАСАВИЦА

Девушка, сидевшая на берегу озера в грациозной позе, с длинными косами, отражавшимися в спокойной поверхности воды, на взгляд художника показалась бы олицетворением мира и тишины. Но между тем в сердце этой индианки бушевала, быть может, более дикая страсть, чем у всех, вместе взятых, обитателей соседней хижины. Неподвижно устремленный взгляд ее черных глаз выражал глубокую ненависть; грудь порывисто и тяжело вздымалась, с уст ее по временам срывались отрывистые слова.

— Он ушел к ней... полюбоваться на ее бледное лицо, которое ему кажется красивее моего... Может быть, он хочет сделать ее царицей племени?.. Если так... — прошептала индианка, выпрямляясь и протягивая руку к озеру, — если меня ждет это несчастье, если такое унижение должна перенести дочь индейского народа, тогда, Дух вод, прими лучше Насену в свое лоно!

С минуту она оставалась неподвижной, точно ожидая ответа на свою мольбу, но вдруг иные мысли зашевелились в ее мозгу, и она выпрямилась.

— Нет! — воскликнула она. — Сын великого вождя, теперь уже спящего могильным сном, не имеет права пренебрегать девушкой, почти равной ему по происхождению. Если его клятва, данная перед лицом Нарагуаны, не будет исполнена, Насена отомстит. Она знает, как умирают и как предают смерти... Она умрет, но не одна... Нет, Дух вод, Насена не будет твоей раньше, чем смерть соединит в своих объятиях соперницу и изменника!

Окончив эту горячую тираду к невидимому духу, индианка встала, но зловещие думы не оставляли ее.

За минуту перед тем она просила смерти с отчаянием в сердце, теперь она напоминала собой молодую тигрицу, готовую разрушить своими зубами и когтями всякую преграду.

В то время как она стояла в угрожающей позе, из по-

селка разнесся по долине резкий крик; глаза девушки повернулись в ту сторону, и еще большая ненависть загорелась на ее лице.

В деревню въезжал отряд всадников, и первые ряды остановились перед малоккой. Во главе их был человек, которого она узнала с первого же взгляда,— это был Агвара, молодой предводитель товасов. Рядом с ним была девушка в европейском костюме. Она впервые оказалась здесь, но Насена видела ее раньше и теперь тоже сразу узнала. Впрочем, она не стала подробно разглядывать ее — ей достаточно было бросить взгляд на ее белое лицо и светлую одежду.

Из глубины разбитого сердца Насены вырвался дикий вопль, и она точно мертвая упала на берег; но это был только минутный порыв злобы и отчаяния. Несколько мгновений спустя индианка уже не кричала, и ни один вздох не сорвался с ее уст. Сжав губы, она поднялась с берега и медленной, но твердой походкой пошла к деревне. Решение ею было принято: она задумала даже цену собственной жизни отомстить бледнолицей девушке и изменнику!

Между тем Гаспар и его спутники, скача все время по следам похитителей, близко подъехали к городу товасов. Они узнали его издали по поднимавшимся над верхушками пальм струйкам дыма от многочисленных костров. День клонился к вечеру, в воздухе было тихо, и дым прямо поднимался к небу.

Путники остановились посоветоваться, как им лучше незаметно приблизиться к городу: прямо ли въехать в него, объяснив свои намерения, или подождать?

Циприано и Людвиг, хотя и движимые различными чувствами, поступили бы именно так. Первый с нетерпением желал узнать о судьбе своей кузины и невесты. Людвиг, беспокоившийся не менее его, еще надеялся на благоприятный исход. Он верил в дружбу Нарагуаны, о смерти которого ему еще ничего не было известно. Он хотел просить старого вождя наказать убийц его отца, насколько не сомневаясь, что тот по справедливости накажет их, кто бы они ни были.

Гаспар, более всех спокойный, посоветовал выждать немного и хорошенько рассмотреть неприятельский стан, во всяком случае действовать с величайшей осторожностью. По его мнению, только таким путем можно будет добиться желаемого успеха.

С того места, где они остановились, дорога огибала подошву горы. Им виден был только дым, самый же город был скрыт от них чащей пальмовых деревьев. Но с вершины горы, наверное, можно было видеть весь город. Гаучо одним взглядом сообразил все эти обстоятельства. Он не упустил из виду, что гора была вплоть до вершины покрыта лесом и, следовательно, во время подъема на нее нельзя было заметить путников снизу из долины.

С их стороны подъем на гору шел отлого, и лошади легко могли взобраться наверх. Всех этих условий было достаточно для Гаспара, чтобы составить план дальнейших действий.

— Именно здесь нам надо взбираться, — проговорил он уверенным тоном, указывая на гору. — За день мы достигнем вершины, а раз мы будем там, мы высмотрим все, что надо, и будем знать, как действовать. Вперед, сеньоры!

И Гаспар вонзил шпоры в бока своего коня. Остальные последовали за ним. Несмотря на свое нетерпение, они чувствовали справедливость его слов, и скоро все трое очутились под тенью высоких пальм, длинные ветви которых простирались над их головами подобно громадным веерам, совершенно заслоняя небесный свод. Тропинок не было, и они ехали по руслу, по-видимому, высохшего потока; кончился поток, кончилась и ложбина, и они продолжали путь посреди ползучих растений, которые Гаспар называл лианами. Иногда упавшее дерево преграждало им дорогу, и приходилось делать объезд; местами приходилось пробираться через густой колючий кустарник. В таких случаях гаучо слезал с лошади и пускал в дело свой острый нож, пролагая таким образом путь.

Ночь наступила прежде, чем они добрались до вершины горы, но блестящий свет луны, сменивший сумерки, дал им возможность продвигаться дальше, сновавшие кругом мухи светили им в темноте. Около вершины растительность была не так густа, и путники могли видеть небо и луну.

Когда они достигли, наконец, вершины, глазам их представилось странное зрелище, заставившее их натянуть поводья. Молодые люди едва сдержали крик удивления, готовый сорваться с их губ.

Над их головами подымались странные подмости, и тень от них далеко отбрасывалась по земле.

Циприано и Людвиг невольно содрогнулись от ужаса при этом зрелище. Гаучо, удивленный вначале не менее их видом этих построек, скоро, однако же, понял, в чем дело. Он узнал индейское кладбище, видеть которое приходилось ему не раз.

В коротких словах рассказал он своим спутникам назначение этой горы.

Путешественники: остановились под постройкой, отбрасывавшей наибольшую тень. Лошадей они привязали к столбам; тень защищала их от любопытных взглядов. Впрочем, это место вряд ли привлекло бы к себе даже ночных бродяг: ни один индеец не осмелится пойти на кладбище, настолько еще велико у них почитание своих предков.

Гаспар и оба молодых человека снова стали совещаться относительно дальнейших действий.

Прошло уже добрых полчаса с тех пор, как село солнце, но яркий свет тропической луны на безоблачно-ясном небе позволял различать окружающую местность. Впрочем, это не очень радовало Гаспара. Будь ночь темнее, он, без сомнения, проскользнул бы в селение, чтобы узнать, где находится Франческа, и, может быть, даже нашел бы способ известить ее, что друзья близко и идут к ней на помощь.

Товасы, подобно большей части дикарей Южной Америки, не ставят, как их североамериканские братья, часовых вокруг лагеря. В глубокой пустыне Чако им не грозит нападение белых, а большие расстояния между отдельными племенами делают излишней такую бдительность.

Гаучо знал хорошо привычки товасов и был уверен, что можно пробраться в деревню незаметно под покровом ночи, но при подобных обстоятельствах трудно рассчитывать на успех предприятия. Несмотря на всю ловкость Гаспара и на беспечность индейцев, лунный свет тотчас выдал бы его им.

С места стоянки путешественникам видны были костры, на которых индейцы приготавливали себе ужин. По временам пламя костров затемнялось человеческими фигурами, казавшимися с их места тенями, и, хотя от них до деревни было около мили, они различали голоса мужчин, женщин и детей, доносившиеся до них в безмолвном спокойствии ночи.

Из лагеря слышались мычание быков, лай собак и иногда ржание лошадей. Боясь, что их лошади ответят на это ржание, Гаспар из предосторожности покрыл им головы свернутым одеялом так, чтобы они не могли слышать. К этим звукам примешивались еще зловещие крики сов, пролетающих по временам вблизи воздушных могил, тяжело махая своими крыльями. Путешественники, нерешительные и взволнованные, вернулись к своим лошадям и, став в тени, снова принялись обсуждать план будущих действий.

Циприано, как и прежде, основываясь на своих предположениях, настаивал на том, чтобы немедленно обратиться в город товасов. Людвиг присоединился к его мнению. В нескольких шагах от них шла тропинка, проложенная, вероятно, индейцами на кладбище. По ней они свободно могли идти в город, и Людвиг продолжал уверять, что Нарагуана примет их и не откажет в своей помощи.

— Конечно,— возразил Гаспар,— старый кацик не задумался бы помочь нам, обратиться мы к нему раньше, но в настоящую минуту, мой дорогой Людвиг, он не имеет возможности оказать нам защиту.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Людвиг, удивленный словами гаучо и бросая на него испуганный взгляд.

18. ШЕБОТА

Гаспар, не отвечая на вопрос Людвига, влез на столб, подпиравший подмости, и стал рассматривать труп, лежавший на платформе.

— Предчувствие не обмануло меня,— проговорил он наконец.— Нарагуана умер. Вот он лежит неподвижно в своем наряде кацика. Да, я не ошибся, это действительно лицо старого кацика: я узнаю его из тысячи.

Гаспар спустился на землю, предоставляя своим товарищам убедиться в справедливости его слов. Каждый из них рассматривал убранный дорогими тканями тело покойника, покрытое великолепным плащом из перьев, этим отличительным знаком достоинства кацика. Луна, спускавшаяся к горизонту, освещала своими бледными лучами спокойное лицо умершего. Молодые люди сразу узнали его и, сняв шляпы, с уважением поклонились ос-

танкам достойного старца, бывшего при жизни верным другом их семьи; затем оба они со стесненным сердцем спустились к Гаспару.

К несчастью для них, уже не было в живых того, кто оказал бы им помощь, покровительство и правосудие.

— Теперь все ясно,— проговорил Гаспар,— Нарагуана умер; вместо него вождем племени сделался молодой волк. Бог мой! Хорошо, что мы действовали осторожно! Старого Нарагуаны уже больше нет в живых... некому было бы защищать нас от разбойников. Впрочем, у меня еще остались друзья среди старейшин племени. Не все же индейцы так испорчены. Я оказал когда-то услугу одному знатному воину, и он, наверное, не откажется помочь нам в трудную минуту. Он и при жизни Нарагуаны пользовался властью и, вероятно, и теперь сохранил ее. Мне почему-то даже кажется, что сын старого кацика здесь не всемогущ и не пользуется такой любовью, как его отец. Еще и раньше я слышал толки, что племя против назначения его кациком. Да, впрочем, хотя бы он был и главой племени, его власть не безгранична. Ни один кацик не может действовать самостоятельно, без согласия старейшин. Вождь индейцев не всевластный деспот, но правитель, избранный своим народом; следовательно, у нас еще остается некоторая надежда.

Сообщив своим слушателям все эти соображения, гаучо несколько минут стоял, погруженный в задумчивость. Затем он продолжал:

— Нам следует действовать очень и очень осторожно, и главное — не торопиться. Поспешность может испортить все дело. Надо прежде всего хорошенько изучить местность. Через час луна скроется за пампасами, и только уже тогда, когда совершенно стемнеет, я попытаюсь...

— Что ты задумал, Гаспар? — воскликнули в один голос оба юноши. — Ты советовал нам осторожность, будь же и сам осторожен. Не рискуй собою без крайней необходимости! Сообщи нам свои планы в этом деле, которое больше касается нас, чем тебя. Ты не имеешь права действовать один, оставляя нас в стороне.

— Не беспокойтесь,— ответил Гаспар,— у меня не такой характер, да я уже и не настолько молод, чтобы, не взвесив сначала всех обстоятельств, рисковать жизнью, когда она необходима всем вам. Прежде всего, я хочу один проникнуть в город!

— Один! — воскликнул Циприано. — Ты хочешь идти

один, рискуя жизнью для нас, и без нас? Не говорил ли ты сам сейчас, что будешь осторожен? Нет, мы не позволим тебе этого!

— Конечно, -нет,— сказал в свою очередь Людвиг.— Если кто-нибудь и должен рискнуть, так это прежде всего я и Циприано.

— Ни один из вас не может и думать о том, чтобы проникнуть к индейцам,— возразил Гаспар.— Какой же толк будет из того, что вы пойдете со мной? Это было бы совершенно бесполезно. Втроем нас, наверное, заметят. Что же касается меня, я надеюсь пробраться в темноте, не возбудив подозрения, и разузнать там обо всем. Для меня безразлично — застану ли я их спящими или нет, мне только нужно узнать, где находится девочка, и это уже будет шаг к освобождению, а в остальном я полагаюсь на Божью волю.

Доводы гаучо были вполне справедливы. Ничего нельзя было возразить против намеченного им плана действий. Юноши волей-неволей должны были согласиться с ним. Им отлично было известно хладнокровие гаучо, и надежда на успех невольно закралась им в сердце. Они не сомневались, что Франческа находится у товасов, и им казалось возможным, раз известно, где она, хитростью освободить ее из плена. План гаучо ободрил молодых людей, но приходилось дожидаться захода луны.

Все трое, не сходя с края площадки, смотрели на тропинку, спускавшуюся к городу.

Между тем огни в городе погасли, но это не служило доказательством, что индейцы заснули. Огни разводились только для приготовления ужина, а затем их тушили. Теплый климат Чако избавляет жителей от необходимости разводить на ночь костры. Индейцы не спали, на что указывали доносившиеся до слуха Гаспара голоса. Но это отнюдь не воспрепятствовало бы его намерению пробраться в город товасов после захода луны. Он изменил, насколько возможно, свой костюм, чтобы больше походить на индейца-товаса. Ему не надо было покрывать лицо темной краской — цвет кожи у него был почти такой же бронзовый, как и у индейца.

Наконец луна скрылась за пампасами; гаучо уже готов был отправиться в свою рискованную экспедицию и давал своим друзьям последние наставления относительно осторожности и молчания, как вдруг их внимание привлек слабый шум, по-видимому приближавшийся к ним.

Как будто кто-то легкими шагами поднимался по тропинке и остановился у подъема на гору. Неужели они открыты, и врагу известно их местопребывание?

Гаспар шепнул несколько слов на ухо своим спутникам, и все трое, поднявшись со своего места, поползли под густые ветви громадной фиговой пальмы.

Недолго они оставались в неизвестности; скоро глаза их различили взбирающуюся человеческую фигуру, в которой нетрудно было узнать женщину-индианку по ее росту и легкой причудливой одежде.

Сделав несколько шагов по площадке, индианка остановилась и посмотрела вокруг, точно ища кого-то и удивляясь его отсутствию. Когда же она повернулась и последний свет луны упал на нее, путники ясно разглядели черты ее лица. Все трое сразу узнали девушку: перед ними была Насена!

Зачем ей понадобилось прийти в такой поздний час и в такое глухое место?

Впрочем, им не было до этого никакого дела. Первое, что пришло на ум Гаспару,—взять ее в плен, если это было нужно, а чтобы заглушить ее крики — зажать ей рот. Он знал, что Насена — дочь могущественного вождя и, став пленницей, будет служить им заложницей, пока не удастся возвратить Франческу. Но, подумав немного, Гаспар решил, что такой способ действий неподходящий. Во-первых, добраться до Насены можно было только по открытому месту, и, следовательно, она заметит их прежде, чем они успеют приблизиться к ней, а ее крик сейчас же откроет их присутствие. Однако гаучо решил во что бы то ни стало извлечь пользу для себя из этой встречи с Насеной, прибытие которой в такой неурочный час походило на вмешательство судьбы. Зачем эта индианка станет желать гибели Франчески? Может быть, даже она не откажется сделаться их союзницей для освобождения той, к которой они стремились всеми своими помыслами.

Гаучо сообщил на ухо эти соображения своим товарищам; те также считали Насену скорее другом, чем врагом. Юноши знали ее так же хорошо, как и ее отца; она часто приходила к ним на эстансию и нередко во время экскурсий Хальбергера принимала участие в их детских играх.

Пока они так рассуждали, спрятавшись под густыми листьями пальмы, девушка не могла заметить ни их, ни

лошадей, которые были отведены немного подальше в лесок.

Гаспар с товарищами еще не решил, что надо делать, как вдруг новый шум, похожий на первый, донесся до их слуха. Наверно, кто-то взбирался по тропинке на гору.

Девушка также услышала шаги и повернулась в ту сторону, откуда они доносились, но на лице ее не отразилось никакого удивления. Очевидно, она именно за этим пришла сюда. Но приближение того, кого она ждала, не радовало индианку — скорее страх, смешанный с нетерпением, отразился в ее чертах.

Шаги все приближались, но медленно и как бы останавливаясь. Наконец другая женщина появилась над краем площадки.

Вид ее действительно мог внушить страх и даже ужас: седая, вся в морщинах, сгорбленная старуха, с каким-то особенным отпечатком торжественности и мрачности во всей фигуре. Это создание было, вероятно, одним из тех жалких и в то же время могущественных существ, созданных индейским суеверием, которые под конец и сами начинают верить в свою сверхъестественную силу. Другими словами, это была колдунья. Такие предсказательницы будущего имеются у многих индейских племен Америки, где они пользуются, к несчастью, большим почетом.

Заметив колдунью, девушка поторопилась ей навстречу и, приблизившись на шаг, упала на колени.

Зрелище это поистине было странно. Луна, наполовину уже скрывшаяся, слабо освещала местность, принимавшую все более мрачный характер, и среди всей этой обстановки девушка, распростертая на земле у ног ужасной колдунии, казалось, испрашивала у нее жизнь или прощение в каком-нибудь великом преступлении.

В продолжение двух или трех минут Насена оставалась на коленях перед колдуньей, которая, бормоча какие-то невнятные слова, протягивала к небу свою руку на все четыре стороны и затем проводила ею по лицу девушки, точно магнетизируя ее.

— Насена страдает? — проговорила она наконец, делая ударение на последнем слове.

— Да! — тихим голосом ответила девушка.

— Свое горе она скрывает от всех, иначе она не просила бы Шеботу прийти сюда.

— А! Эта чертова гадина! Колдунья Шебота! — тихо проговорил гаучо. — Какую еще чертовщину затевает

она? Тише, сеньоры, мы сейчас услышим любопытные вещи!

Юношей нечего было просить молчать. Не шевелясь, с величайшим удивлением смотрели они на колдунью, стараясь не пропустить ни одного ее жеста.

— Правда,—проговорила Насена,—мне нужна помощь Шеботы, и я не хочу, чтобы кто-нибудь знал об этом.

— Ха-ха! —прошамкала колдунья, показывая свою беззубую челюсть.—Молодые красавицы нуждаются иногда в старухах. Значит, ты признаешь, что мало быть прекрасной, нужны еще другие, более могущественные чары, кроме молодости и красоты?

— Я признаю,—ответила Насена, по-прежнему стоя на коленях.

— Хорошо,—проговорила колдунья.—Шебота все знает. Она знает, чего ждет от нее Насена: ты хочешь вернуть Агвару к себе. Молодой предводитель оставил город своего племени для молодой парагвайки с белым лицом. Он хочет пренебречь дочерьми своего народа и сделать царицей чужеземку, но Насена не хочет этого допустить.

Девушка, видимо, колебалась ответить.

— Если дело только в этом,—продолжала колдунья,—Шебота исполнит желание Насены.

Девушка по-прежнему молчала. Она приподнялась и стояла напротив колдуньи. По-видимому, она была испугана, чувствуя себя во власти колдуньи, но, однако, хладнокровие снова вернулось к ней.

Гаспар и его товарищи ясно видели ее лицо и читали на нем все, что волновало молодую девушку.

— Матушка Шебота,—проговорила она наконец,—средство, которое вы дали, чтобы привлечь Агвару, ни к чему не привело. Насена не верит больше в чары, она хочет просить у вас другого средства, более верного.

Последние слова девушки были произнесены глухим голосом, свидетельствовавшим о внутренней борьбе.

— Ты не хочешь больше пользоваться чарами, правда? Чего же ты хочешь? —спросила колдунья.—Может, Насена жаждет напитка, который усыпил бы ее в бессонные ночи?

— Нет, мне нужно не это,—ответила молодая индианка.—Разве лучше спать ночью для того, чтобы днем страдать?

— Кого же ты хочешь усыпить? — медленно спросила колдунья. — Может быть, Агвару?

— Нет, не его!

— Кого же? Может быть, девушку с бледным лицом?

— Да, ее, — ответила Насена.

— Она много ехала, ее тело и душа истерзаны, — возразила колдунья, — конечно, ей нужно хорошенько отдохнуть. На сколько времени хочет Насена усыпить ее?

Индианка инстинктивно поняла значение ее вопроса, и в эту минуту страсть со всей силой охватила ее; глаза ее сверкнули диким огнем.

— Навсегда! — ответила она.

— Напиток, усыпляющий надолго, трудно приготовить, — ответила колдунья. — Для этого Шеботе понадобится много вещей, которые далеко отсюда, и достать их нелегко, и, кроме того, их опасно давать. Агвара хочет сделать молодую бледнолицую девушку нашей царицей. Он теперь во главе племени и могуществен. Одного подозрения его будет довольно, чтобы предать смерти бедную старую Шеботу. Что даст Насена за то, что молодая паравайка заснет с тем, чтобы глаза ее никогда более не видели солнца Чако?

— Все, чего хочет Шебота.

— Насена — дочь великого вождя, она богата, в ее тольдо есть плащи из перьев, хорошо сплетенные гамаки, у нее есть стадо в пампасах и лошади в долине. У нее есть все блага, делающие жизнь счастливой. Кроме того, она молода и прекрасна, а Шебота бедна и стара. Но Шебота обладает силой сделать Насену снова веселой. Что даст Насена за исполнение своего желания?

— Все, — ответила девушка, — все, что у меня есть. Но нет, — проговорила она вдруг с отчаянием. — Нет больше радости у Насены! Агвара больше не обращает на меня внимания. Он очень, очень далеко от Насены!

— Чары Шеботы помогут тебе отомстить, а месть делает человека счастливым.

— Да, — произнесла девушка мрачным голосом, — я хочу мстить и отомщу. Усыпи ее навсегда, эту чужестранку, и бери в награду за это все, что захочешь, все, что у меня есть, и даже мою жизнь!

— Шебота не обманет, — проговорила колдунья, — все, за что она ни возьмется, она доведет до конца. Насена обещает наградить ее, но она должна поклясться в этом. На колени, вот здесь, под этой могилой. Кости твоего от-

ца лежат здесь, и дух его тебя видит. Он сочувствует тебе и никогда не простит Агваре оскорбления, нанесенного дочерям товасов и его собственной дочери. Клянись его прахом, что исполнишь свое обещание!

Насена повиновалась. Тень от подмостков, где находилось тело мертвого вождя, падала на ее лицо, совершенно закрывая его, но свидетели этой сцены, лежавшие под деревом, могли рассмотреть ее черты.

Вид девушки, в молитвенной позе стоящей перед отвратительной колдуньей, протянувшей руки над ее головой, напоминал сцену, когда фессалийская волшебница открывает свою волю несчастной девушке, с отчаяния поддавшейся ее преступному влиянию.

19. КОЛДУНЯ В ПЛЕНУ

Гаспар и оба юноши с возрастающим интересом слушали этот ужасный разговор. Когда он кончился, у них от ужаса поднялись волосы на голове, потому что они знали, для кого предназначался напиток колдуньи,— это Франческа была приговорена к смерти. Провидение пришло им на помощь, дав возможность подслушать этот страшный заговор двух индейских женщин. Теперь все их усилия будут направлены к тому, чтобы помешать исполнению преступного намерения. Времени на размышление было немного. Через несколько минут обе женщины уйдут, и, может быть, уже к завтрашнему утру несчастная девушка погибнет, отравленная колдуньей. К тому же они знали, что Шебота была вроде пророчицы у товасов и пользовалась значительным влиянием на все племя; следовательно, ей нетрудно будет найти доступ к бледнолицей пленнице. Может быть, даже в силу своих религиозных обычаев индейцы поручат ей следить за пленницей, и тогда ей будет легче всего отравить девушку, и несчастная Франческа не увидит рассвета следующего дня. Подобная мысль так глубоко взволновала Циприано, что он готов был броситься на индианок и заколоть их своим кинжалом, но сильная рука Гаспара вовремя остановила юношу.

— Подождите,— сказал он,— они непременно должны пройти мимо нас, а если мы пойдем к ним, лунный свет выдаст нас. Они нас заметят, поднимут тревогу и, пожалуй, даже ускользнут от нас. Шебота хитра, как

ястреб, а ее старые ноги так же быстры, как ноги страуса. В одну минуту исчезнет она в кустарнике. Приготовьтесь!.. Как только они подойдут к нам поближе, хватайте девушку, а я займусь старухой. Только не забудьте прежде всего заглушить их крики.

Во время этого разговора Насена и колдунья вышли из тени, отбрасываемой платформой.

В то время как они поравнялись с корнями фиговой пальмы — Шебота шла на несколько шагов впереди, — они вдруг почувствовали себя схваченными. Платок, ловко брошенный на рот, заглушил их крик.

Колдунья страшно испугалась при виде трех мужчин, принадлежавших к ненавистному ей племени бледнолицых, безнаказанно отважившихся проникнуть в это место, куда до сих пор, может быть, не проникал никто.

Колдунья, схваченная сильной рукой гаучо, не успела сделать ни одного движения, как уже была в его власти. Всякое сопротивление было бесполезно.

— Ни слова! Не шевелись, иначе ты умрешь! — проговорил гаучо, приставляя острое кинжала к ее груди.

Циприано и Людвиг не менее успешно овладели Насеной. Девушка энергично отбивалась от них, пыталась крикнуть, но не успела. Ей моментально заткнули рот платком, а Циприано, кроме того, накрыл еще ей голову своим пончо.

В одну минуту обе женщины были связаны по рукам и ногам. Всякая попытка бегства становилась, таким образом, невыполнимой. Колдунья поняла, что с ней не шутят, и хотя глаза ее, горевшие как два угля, готовы были съесть трех мужчин, но она даже и не пыталась сопротивляться.

— Теперь, — сказал гаучо, — надо постараться спрятать наших пленниц от взоров любопытных и не оставаться на этой тропинке. Положим, прохожие здесь редки, это правда, но колдунья, схваченная мною, служит доказательством, что место это не так уединенно и надежно, как она думала. Пойдемте, дети! Следуйте за мной!

Подняв, точно перышко, колдунью, гаучо направился к переплетавшимся корням пальм, которые могли служить отличным убежищем для их пленниц. Циприано с Людвигом последовали за ним, осторожно поднимая свою легкую ношу. Пленницы были помещены своими похитителями в густую тень пальмы.

Когда девушка, успокоенная гаучо и ласковым обращением молодых людей, дала знаками обещание не кричать, ей сняли повязку со рта. Страх ее немедленно прошел, когда она узнала, кто с такой бесцеремонностью овладел ею.

Раньше мы уже сказали, что ей не раз случалось видеть на эстансии и экскурсиях Хальбергера и молодых парагвайцев. Она больше знала Людвига, чем Циприано, но ни к одному из них у нее не было ненависти. Она знала также, что со стороны белых ей не грозит никакой опасности, которой бы она подверглась, попав в руки к дикарям враждебного товасам племени. Ее удивляла только встреча с ними в таком месте и при таких необыкновенных обстоятельствах.

Удивление ее прошло, когда она вспомнила, что пленница в деревне — сестра Людвига и кузина Циприано. Ей даже стало понятно их присутствие и та хитрость, с какой они овладели ею.

Прежде чем бледнолицые произнесли хоть одно слово или обратились к ней с предложением, индианка поняла, что она нашла в них если не друзей, то союзников. Цели их были различны, но тем не менее, действуя для своих интересов, они действовали также и в ее пользу. Впрочем, ей скоро пришлось убедиться в справедливости своего предположения.

Как только они достигли дерева, голос гаучо нарушил молчание.

— Вы должны понять, — сказал он, обращаясь к обеим пленницам, — что хитрость ни к чему не ведет. Мы слышали ваш разговор и знаем ваши намерения. Ваша тайна известна нам. Что касается тебя, Шебота, то ты должна навсегда проститься с выгодным делом, которое тебе предлагала Насена. Ты недешево оценила свое питье, но это преступление не прошло бы для тебя бесследно. Это Великий Дух, Насена, послал нас к вам, чтобы отвратить преступление и избавить вас от этой ведьмы. Вам не нужно будет усыплять пленницу, вы и так можете избавиться от нее. Я хочу сказать, что в ваших же собственных интересах помочь нам похитить вашу соперницу. Мне незачем говорить вам, что моя молодая сеньорита Франческа не по своей воле последовала за вашим женихом. Наша малютка и не думала никогда сделаться женой кадика. Агвара, к тому же, убийца ее отца или, впрочем, это все равно, сообщник убийцы, а этого одного до-

статочно, чтобы он внушал ей отвращение. Она скорее согласится умереть, чем принадлежать ему, и вы ни на минуту не должны сомневаться, что у нее нет другого желания, как уйти, убежать от него в такое место, где бы она была в полной безопасности от его происков. Теперь вы знаете, что она стала вашей соперницей поневоле, и вы должны нам помочь освободить ее и увести в такое место, где бы ей не угрожала опасность со стороны молодого кацика, вашего будущего супруга. Одним словом, мы — ваши друзья, потому что, так же как и вы, желаем увести Франческу от Агвары.

— Что предлагаете вы мне,— спросила Насена,— и чем я могу помочь вам?

— Вы должны дать нам клятву,— ответил гаучо,— что, если мы возвратим вам свободу, вы употребите ее на освобождение Франчески и приведете ее сюда целой и невредимой.

Насена бросила беспокойный взгляд на колдунью.

— Не бойтесь этой твари,— продолжал гаучо.— Шебота останется с нами, пока вы не приведете Франческу. Будьте покойны, она не уйдет; к тому же она знает, что жизнь ее зависит от успеха вашего предприятия. Только одно слово, только один жест — и вот эта самая рука навсегда избавит ее от возможности отравлять других.

Затем, обратившись к колдунье с добродушным видом, никогда не покидавшим гаучо, он сказал:

— Не правда ли, старуха, ты желаешь, чтобы Насена исполнила наш совет?

В ответ на это колдунья издала утвердительное мычание.

— Разреши девушке идти,— настаивал гаучо, приподымая повязку с ее лица,— скажи, чтобы она повиновалась моим словам, а иначе через две минуты ты будешь висеть на ветвях этого дерева. Говори скорей, время дорого!

— Пусть она идет, мне все равно!

Слова эти были неискренни. Гаспар уловил взгляд колдуньи, брошенный на Насену, в котором ясно выражалось следующее: «Делай, что тебе приказывают, но помни — я отомщу!»

— Ты ошибаешься, тебе далеко не все равно! — продолжал гаучо, ударяя по плечу Шеботу.— Ты боишься, что освобождение белой пленницы лишит тебя награды, обещанной Насеной. Будь покойна, эти молодые люди за-

платят тебе вдвое больше того, что ты получила бы за смерть Франчески. Ну, что же? Соглашайся скорее на наше предложение.

Циприано и Людвиг достали из-за поясов туго набитые кошельки, захваченные ими с собой на случай, если бы пришлось заплатить выкуп за освобождение Франчески.

При виде золота и серебра глаза колдуньи сверкнули и с жадностью остановились на блестящих монетах.

— Ну,— сказал гаучо,— я надеюсь, что ты настолько умна и хитра, что поймешь, что лучше получить награду за доброе дело, чем петлю за худое. Ну, согласна ты?

— Я уже говорила, что мне все равно, и какое мне дело, будет жить или умрет девушка? Это касается Насены, вас, но не Шеботы.

— Без уверток, тетушка, говори яснее,— сказал гаучо,— и будь откровеннее. Я спрашиваю тебя не как колдунью, но жду определенного ответа и требую, чтобы ты поклялась в том, что ты ни в каком случае не выдашь ее участия в нашем деле. Черт возьми! Ведь, кажется, нетрудно понять, что если ты нам поможешь, то получишь за это золото и жизнь, если же обманешь — тебя ждет смерть.

Шебота решила, наконец.

— Ступай, Насена,— сказала она,— возврати пленницу ее семье, возврати ее тому, кто ее любит,— и она показала пальцем на изумленного Циприано.— Шебота читает в сердцах людей,— с гордостью проговорила колдунья и, обернувшись к Насене, продолжала загадочным тоном: — Не беспокойся, не надо, с этих пор между Франческой и Агварой восстанет нечто большее, чем сама смерть.

Затем она дала Насене подробные указания, как пробраться к пленнице. Сказала ей имя женщины, назначенной сторожить ее, и, вытащив из своего головного убора перо, дала его Насене, чтобы сторожиха знала, от кого прислана молодая индианка.

— Иди и возвращайся. Шебота ждет, она верит тебе и ей.

Последними словами колдунья имела в виду поднять себя во мнении белых и подкрепить решимость Насены. Но девушка не нуждалась в ободрении; в глубине ее сердца таился более сильный двигатель, чем суеверный страх.

Положив свою руку на руку Циприано, она проговорила:

— У меня больше нет ненависти к Франческе.

Молодой человек так смутился от ее слов, что вместо ответа с глубоким уважением склонил голову перед индианкой.

Затем Насена спустилась по горной тропинке, твердо решив освободить и привести с собой молодую девушку, которую еще час тому назад она опрометчиво обрекала на смерть.

Бледнолицая пленница была помещена в хижине одного незначительного кацика из племени товасов. Агвара выбрал это жилище потому, что кацик принадлежал к его партии. Убийство Хальбергера и похищение его дочери вызвали сильное негодование старейшин племени. Было произведено даже целое следствие по поводу экспедиции Агвары и убийства натуралиста. Ренегат взял всю ответственность на себя, говоря, что Хальбергер жестоко оскорбил его несколько лет тому назад, поэтому он воспользовался случаем и отомстил ему, а месть не считается преступлением по понятиям гаучо и индейцев. Но товасы, видимо, не очень верили рассказанной им истории, в особенности старые воины, хорошо знавшие и любившие Хальбергера.

С самой первой минуты въезда в город товасов Рубино Вальдец заметил недружелюбное к себе отношение индейцев; поэтому он решился сократить, насколько возможно, свое пребывание в индейском лагере. Он ждал только, пока лошадь его настолько отдохнет, что будет в состоянии выдержать долгое путешествие. Он поедет с добрыми вестями к Франсиа, и диктатор, без сомнения, с радостью примет его и вручит давно обещанную награду. Таким образом, Вальдец намеревался с утра пуститься в путь через пустыню Чако.

Наступила полночь. Слышен был только полет ночных птиц, и по временам с берегов озера доносился крик уток. Все обитатели тольдерии заснули, и только одно человеческое существо бодрствовало во всем индейском поселении — пленница.

Одна-одинешенька, в маленьком тольдо, предназначенном для нее, сидела девушка у кровати, покрытой звериными шкурами. Восковая свеча бросала свой слабый свет на печальные черты ее лица и на смятую одежду.

Могла ли она спать после всего, что произошло перед ее глазами? Каждый раз, как она закрывала глаза, перед ней вставала трагическая картина смерти ее отца, пораженного копьем Рубино Вальдеца. Она снова вспоминала кроткий облик своего отца, составлявший такой поразительный контраст с гнусным убийцей; она вспоминала свою мать, своего любимого брата, думала о товарище детских игр, храбром Циприано. Что-то они теперь делают? Какая судьба постигла их?

Она сидела на постели, но ей и в голову не приходило лечь на нее. Прошлую ночь, истощенная усталостью, она отдохнула несколько минут: ее силы и энергия были потрясены путешествием и предшествовавшими ему событиями; но эту ночь, когда индейцы, улегшись в свои гамаки и на тростниковые циновки, заснули крепким сном, она еще не смыкала глаз.

Ее никто не караулил. К чему? Кому придет в голову, что молодая девушка, еще почти дитя, на столько сотен миль отделенная от всякого жилья, попытается бежать. Она и не помышляла об этом. Когда же случайно подобная мысль приходила ей в голову, она отгоняла ее, как не имеющую смысла.

Единственная женщина назначена была караулить ее, но и та, успокоенная ее молодостью, удалялась обыкновенно на ночь в соседнее тольдо, рядом с Франческой, чему последняя была очень рада. Одиночество давало ей возможность думать о своем горе, не встречая на себе взгляда караулившей ее женщины, против которой она, впрочем, ничего не имела. Индианка, казалось, уважала ее скорбь и оставляла ее одну предаваться своему горю.

Поэтому она сильно удивилась, когда, подняв голову, заметила стоящую перед собой, с выражением сострадания на лице, высокую красивую девушку, которая, приложив палец к губам, призывала ее этим знаком к молчанию.

Сначала Франческа приняла это неожиданное явление за призрак. Каким образом эта девушка могла проникнуть к ней так незаметно? Кто она и чего она хочет? Франческа не испугалась; ее гордое и храброе сердце не знало этого чувства, да, наконец, самая смерть разве не была бы теперь благодеянием для нее!

С минуту обе девушки разглядывали друг друга. Каждая, казалось, спрашивала себя, какая разница существует между ними.

Прибывшая была немного выше ростом, чем пленница, и, казалось, на год или на два старше ее; обе они представляли собой полный контраст: Франческа вся была воплощенная чистота и невинность, индианка же, не менее ее прекрасная, всем своим видом выражала мрачную энергию, смягченную, впрочем, хитростью и осторожностью; это была Насена.

20. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Франческа, глядя на индианку, припоминала, что лицо ее было ей не совсем незнакомо! В самом деле, она видела ее, и не раз, хотя, правда, давно, в то время, когда племя товасов жило на берегу Пилькомайо, но встречи их были непродолжительны. Насена лучше знала парагвайку. Оттого ли, что индианка была старше ее, или причиной этому было простое любопытство, но Насена лучше запомнила лицо Франчески.

Когда они стояли так молча одна перед другой, им пришли на память все подробности их прежних встреч.

— Франческа не узнает Насену? Или из памяти молодой девушки успели изгладиться воспоминания детства? — спросила Насена.

— Франческа узнала Насену, — ответила девушка на наречии товасов. — Насена выросла, стала высокой и красивой!

Странная улыбка с оттенком грусти была ответом на слова Франчески, но затем, когда спокойствие вернулось к ней, Насена проговорила:

— Франческа сделалась красавицей из красавиц.

При этих словах взгляд Насены, устремленный на прекрасное, чистое лицо Франчески, подернулся как бы мрачной печалью, Франческа же невольно покраснела.

— Насене известны несчастья Франчески, — продолжала индианка, — она пришла предложить тебе свободу.

— Свободу!.. — ответила Франческа. — Отец мой убит, и пустыня отделяет меня от матери, от моих братьев. Если мне хотят возвратить свободу, то зачем товасы похитили меня? Может быть, ты еще не знаешь, Насена? Люди твоего племени — убийцы моего отца...

— Нет, — возразила Насена, — убийца — Вальдец; он — бледнолицый!

— Сын друга моего отца сопровождал убийцу и при-

существовал при убийстве. Человек, привезший меня сюда, Агвара, изменник и обманщик, он не бледнолицый! — проговорила Франческа, быстро подымаясь.

— Франческа клеветает на Агвару, — прошептала индианка, — обвиняя его в преступлении, в котором он невиновен.

— Агвара возбуждает ужас во мне, — проговорила взволнованным голосом Франческа, — и пусть он будет проклят, проклят навсегда!

Насена быстро подошла к Франческе с горящими от радости и гнева глазами.

— Твой брат, юноша с золотыми волосами, и смуглый парагваец, которого ты зовешь братом, и друг и слуга твоего отца — гаучо — близко отсюда... Они ожидают тебя. Я обещала им возвратить Франческу. Иди за мной.

— Неужели это правда? — воскликнуло несчастное дитя прерывающимся от волнения голосом.

— Зачем Насена стала бы обманывать тебя? — ответила индианка. — Насена дала бы на отсечение свою правую руку, только бы Франческа была на эстансии со своей матерью, чтобы она никогда не показывалась на глаза товасов, чтобы никогда Чако не видело ее. Насена была невестой Агвары. Иди, иди скорей, Франческа, и навсегда уходи из этой страны.

И крепко, с дикой силой схватив Франческу за руку, индианка повлекла ее, не дожидаясь ответа, к дверям хижины, но там к ней снова вернулось ее обычное хладнокровие.

Она остановилась, полуотворив дверь, бросила вокруг испытующий взгляд, словно высматривая невидимого врага. Затем вернулась обратно в хижину и неслышным, быстрым движением загасила свечу. Внутри хижины сразу водворился глубокий мрак. Затем, пропустив пленницу вперед себя, подталкивая и направляя ее рукой, она повела ее среди ночной тьмы мимо безмолвных вигвамов индейского города.

Франческа беспрекословно повиновалась ей; теперь впереди у нее была надежда, конечно, очень слабая, позади же оставались мрак и отчаяние.

Невозможно описать чувства, волновавшие Гаспара и его друзей, когда они стояли на горе, поджидая возвращения Насены. Нервы у всех троих были напряжены до крайности, но больше всех волновался Циприано. Тем не менее надежда не покидала их; они не допускали мысли,

что молодая индианка не исполнит своего обещания. Никто из ее племени не подозревал, конечно, намерения Насены освободить пленницу.

Молодые люди понимали причину, побудившую ее сделаться их сообщницей, и ясно сознавали всю силу этого мотива. Они не боялись измены со стороны индианки; их страшила та опасность, которой она подвергалась сама в случае открытия ее замысла. Они ни словом не обменялись с Шеботой.

Гаспар крепко привязал колдунью к корням дерева, служившего им убежищем, и этим устранил заранее всякую попытку к бегству. Чтобы помешать ей кричать, он засунул ей в рот платок. Конечно, ей не могло понравиться подобное обращение со своей особой, но эта предосторожность была необходима с их стороны: она могла не оправдать доверия, оказанного ей, и заплатить злом за добро. Благодаря свету, исходявшему от огненных мух, Гаспар отлично видел мрачные взгляды, сверкавшие из глубины ее орбит, но это несколько не тревожило его. Он рассчитывал продержатъ ее в таком положении до возвращения Насены, а может быть, и дольше, смотря по обстоятельствам.

Жизнь колдунии вполне зависела от освобождения пленницы. Шебота знала это и, надо думать, не издала бы ни звука, если бы даже ее оставили и с развязанным ртом. Но гаучо знал, что с подобным созданием излишняя предосторожность не мешает. Он даже остался караулить ее из боязни, как бы она не ухитрилась развязать веревки и ускользнуть от них, пользуясь темнотой ночи.

Людвиг стоял около него. Но пылкий Циприано ушел на конец площадки и, стоя там, внимательно прислушивался к малейшему шороху. Наконец и Людвиг присоединился к нему, когда, по их соображениям, молодая индианка должна была вернуться.

В таком лихорадочном ожидании минуты казались им часами. Они попеременно переходили от надежды к отчаянию. Циприано то впадал в полнейшее отчаяние, то снова надеялся на благоприятный исход. Он предлагал то спалить индейскую деревню, то умолять вождей това-сов возвратить им пленницу. Менее горячий Людвиг тоже страшно беспокоился и упрекал себя, зачем не последовал за индианкой, чтобы не упустить ее из виду и в случае нужды защитить ее.

Разговор их все время вертелся на этом. Вдруг Циприано вздрогнул и сделал знак, чтобы все молчали. Его чуткое ухо различило среди ночной тишины шорох, производимый, по-видимому, летучими мышами или какой-нибудь ночной птицей. Шум этот не был похож на кваканье лягушек или стрекотание кузнечиков; парагвайцу казалось, что это был звук человеческого голоса, да еще женского.

— Слышишь? — шепнул он Людвигу.

Людвиг внимательно прислушался.

— Да,— отвечал он,— это Насена, это ее голос. Она говорит, значит, она не одна!

Благодаря эху голоса слышались не дальше как в нескольких шагах от них.

Оба юноши, наклонившись всем корпусом, ждали, чей голос раздастся в ответ на голос индианки. Послышался тот же самый голос — это была Насена. Очевидно, она говорила одна, точно рассказывая что-то; наконец ее голос смолк. Молодые люди, затаив дыхание и с замиранием сердца прислушивались, боясь услышать мужской голос. Но, благодарение Богу, боязнь их была напрасна: свежий и молодой голос, который они могли бы отличить от тысячи других, донесся до их слуха.

— Слава Богу,— воскликнули оба они, бросаясь в объятия друг другу,— это голос Франчески!

Сомнения не было: Насена вела пленницу.

Нетерпеливый парагваец хотел бежать им навстречу, но Людвиг, более благоразумный, остановил его. Подумав немного, Циприано сам понял всю безрассудность такой поспешности: неожиданная встреча на этой лесной тропинке, закрытой густой тенью деревьев, могла испугать Франческу и заставить ее вскрикнуть. Вероятно, индианка уже сообщила ей, где они находились, и самое лучшее — дожждаться здесь их прихода. Все равно, еще минута — и Франческа будет с ними.

Действительно, вскоре Людвиг, потом Циприано уже обнимали Франческу. Губы их с нежностью произносили:

— Франческа... Людвиг... Циприано...

Гаспар, в свою очередь, не замедлил присоединиться к ним, бросив свой пост около колдуньи.

Насена смотрела на них, не произнося ни слова, так же как и связанная Шебота, принужденная молчать против своей воли. Насена, казалось, была довольна счаст-

ливым исполнением своего долга, но колдунья бесилась от страшной злобы и кипела местью.

Все радостно приветствовали и поздравляли друг друга, но время было дорого, и гаучо торопился с отъездом до наступления утра. Днем им невозможно будет уехать — неприятель мог настигнуть их. Только склоны горы были покрыты лесом; в долине же, которую они переезжали, приближаясь к городу товасов, почти не было деревьев, только кое-где росли небольшие группы пальм, которые не могли скрыть их от индейцев, если они бросятся за ними в погоню. По крайней мере этого надо было ожидать. Темнота ночи, напротив, скроет их, в чем не сомневался Гаспар.

Поэтому решено было по возможности пересечь долину до восхода солнца. Если товасы хватятся пленницы, то не раньше как утром: на ночь они оставляли ее одну.

— Но что делать с Шеботой? — спросил Циприано. — Оставить ее здесь нельзя: она немедленно разбудит индейцев.

— Ты думаешь, она выдаст нас после своей клятвы? — наивно спросил Людвиг. — Даже и после того, как получит обещанную награду?

— Думаю ли я это! — воскликнул гаучо. — Я уверен в этом. А за наш поступок с ней, за то, что я заставил ее молчать, она нам отомстит... вы думаете, она забудет эти веревки и засунутый ей в рот платок? Посмотрите на ее глаза, мой друг... Впрочем, — оборвал он вдруг начатую речь, — я устрою так, что лишу ее всякой возможности отомстить нам.

— Но неужели вы сомневаетесь в Насене? — спросил Циприано.

— Я ручаюсь за нее, — сказала Франческа, обнимая молодую девушку.

— Я верю ей, — ответил Гаспар, — но без нас старая чертовка снова возьмет над ней власть своими угрозами оттолкнуть от нее Агвару, и Насена сделает все по ее желанию. Да и кто знает, найдет ли бедное дитя снова приют среди своих и не лучше ли будет для нее убежать с нами? Ваша мать, узнав, что она сделала для Франчески, с радостью примет ее как вторую дочь.

— Это правда, — ответили оба юноши.

Тогда Франческа отвела Насену в сторону и быстро стала объяснять ей, в чем дело.

— Нет, она не хочет покидать родных и свой народ, —

сказала Франческа, возвратившись через минуту,— и, по моему, она права в этом случае. Она говорит еще, что, если наши подозрения насчет колдуньи оправдаются, для нас же окажется лучше, если она будет среди своих. Своим влиянием на отца и преданных ему индейцев она помешает им броситься в погоню за нами.

— Все это очень недурно, конечно,— сказал гаучо,— но, говоря откровенно, осторожнее было бы взять с собой обеих женщин, хотя бы на первый день. Если у вас есть другой, более легкий и верный способ обеспечить нам их молчание, скажите нам его.

— Я не позволю насилия над Насеной,— ответила Франческа, обвивая своей рукой талию молодой индианки.— Пусть никто не посмеет сказать, что христианка отплатила самой черной неблагодарностью за услугу дочери товасов.

Насена молча слушала.

— Благодарю,— наконец ответила она Франческе,— твоя правда, и ты поняла Насену. Я не обижаюсь на этих людей за то, что они больше думают о тебе, чем о справедливости.

— Пусть будет так,— сказал Гаспар,— я также верю Насене, но я не верю Агваре, я боюсь за Насену из-за презренного Вальдеца, и меня страшит подлость этой старой колдуньи. Скажите, положи руку на сердце, Насена: что сделает Шебота, если мы возвратим ей свободу?

— Шебота побежит в деревню,— ответила индианка,— пойдет прямо к Агваре, велит ему захватить с собой лучших всадников, вскочить на коней и немедленно гнаться за вами. Она скажет ему также, что я разрушила их планы, помогая вам, и отдаст меня в его руки.

Шебота поняла все. При последних словах Насены ее демонические глаза засверкали злобным огнем, глухой свист вырвался из ее горла, и она с такой силой рванулась, что не будь веревки так крепки, она разорвала бы их.

Насена невозмутимо смотрела на нее.

— Верно ли я прочла в твоей душе, Шебота? — спросила она колдунью.

Та в ответ три раза кивнула головой в знак согласия.

— Теперь все ясно! — воскликнул Гаспар.— Вставай-ка, хрычовка! Мне слишком тяжело расстаться с тобой. Хочешь не хочешь, но я беру тебя с собой, а вечером, проведя с тобой весь день, я отпущу тебя и тогда смело

могу сказать всякому, что сам дьявол шел по моим пятам. Ну, дети, живей в дорогу! Людвиг, у вас крепкая лошадь, поэтому вы возьмете Франческу, я займусь прекрасной колдуньей, а вы, Циприано, позаботьтесь о себе.

Гаспар завернул Шеботу в свое пончо, связал ее веревкой, чтобы она не могла двигаться, и, взвалив ее на плечи, с этой ношей спустился по почти отвесной тропинке к тому месту, где стояли лошади.

В одно мгновение лошади были оседланы, и все было готово к отъезду. Насена с Франческой стояли, держась за руки. Наступила минута прощания. Слезы затемняли глаза Франчески, и она, прощаясь с индианкой, в последний раз пыталась уговорить ее.

— Поедем с нами,— просила она,— ты будешь моей сестрой.

Насена быстро прижала ее к своей груди и так держала ее несколько секунд; рыдание сжимало ей горло; затем, указывая рукой на тольдерию, она проговорила:

— Мой народ там, прощай!

Затем, сильными руками приподняв Франческу, она посадила ее на лошадь Людвига и исчезла с быстротой дикой лани.

Молодые люди уже были верхом. Гаучо, положив поперек седла свою драгоценную ношу, также вскочил на своего коня. Скоро могильные постройки исчезли из их глаз. По совету Насены, они поехали в том направлении, где спуск с горы был короче, и вскоре четкий и твердый стук копыт показал им, что они уже достигли долины.

В это время Насена спустилась к городу товасов, все еще погруженному в сон. По мере приближения к городу шаги ее становились все медленнее.

21. ПРОБУЖДЕНИЕ ТОВАСОВ

Девушка направилась к жилищу своего брата Каолина. Она застала его уже на ногах. Два влиятельных воина из их племени о чем-то советовались с ним. Насена попросила выслушать ее и рассказала о том, что случилось в эту ночь.

— Ты хорошо сделала,— ответил Каолин.

— Насена хорошо поступила,— сказали в свою очередь два других индейца.

Решено было с наступлением дня собрать на совет старейшин племени. Насена со своей стороны созывает индейских матрон, и перед лицом всего племени Агвара должен будет объяснить свой поступок.

Женщины считали себя сильно оскорбленными молодым кациком за то, что он хотел им дать в царицы бледнолицую девушку, что было бы страшным унижением не только для Насены, но и для всех остальных девушек племени товасов.

Старики в память заслуг Нарагуаны не хотели судить его сына, не выслушав его оправданий. Кроме того, у Агвары были сторонники среди молодых воинов, его товарищей по охоте и удовольствиям, которые стояли за него. Нужно еще было разделаться с Вальдецом. Своим гибким, изворотливым умом, жестокостью и храбростью он приобрел влияние, против которого надо было действовать осторожно, во избежание разделения племени на партии.

Ночь прошла в тайных совещаниях. С наступлением дня исчезновение Франчески не могло оставаться ни для кого тайной. Поэтому решили тотчас же отправить выборных из старейшин к вигваму Агвары. К своему глубочайшему удивлению, они застали город уже в сильном волнении. Товасы то входили, то выходили из своих тольдо, точно разведчики принесли им вести о приближении страшного врага.

Виновником этой суматохи была Шебота, ловко ухитрившаяся вырваться из рук Гаспара. С дикими криками прошла она по городу прямо к дому Агвары, громко называя его по имени. Молодой вождь не замедлил выйти к ней.

— Что случилось?! — воскликнул он. — И что значит этот шум?

— Что это значит? — завопила Шебота. — Ступайте немедленно к дому пленницы, и вы сами увидите, в чем дело: там теперь пусто. Беленькая птичка упорхнула, изменники помогли беглянке.

Агвара, не дослушав ее, бросился прямо к той хижине, где была помещена Франческа.

Когда он увидел, что девушка исчезла, из груди вырвался дикий крик ярости, и затем, обернувшись к индейцам, следовавшим за ним, он дал клятву отомстить. Став во главе их, он бежал весь поселок, собирая своих товарищей. Шебота не отставала от него, сообщая подроб-

ности побега. Вокруг Вальдеца вскоре образовалась не менее оживленная группа.

Через несколько минут эти индейские кентавры южноамериканских пампасов были готовы к отъезду. Шебота должна была указывать дорогу. Надежда на месть удвоила энергию ужасной колдуньи. Пронзительным голосом кричала она всем, что позор падает на все племя за то, что их провели таким образом, и что они не сумели устеречь молодую девушку, почти ребенка.

Вальдец говорил, что успех, несомненно, будет на их стороне. Шебота сказала, что спасителями Франчески были двое юношей и один взрослый. Трое, да к тому же связанные еще девушкой, они не в состоянии будут оказать сопротивления индейским воинам. Вместо одного пленника у них будет четыре.

Подстрекаемые такими словами, некоторые из молодых воинов уже скакали около горы мертвых, надеясь перерезать беглецам дорогу через равнину.

Шебота, вскочив на лошадь, скакала впереди всех.

Агвара собрал около ста воинов и во главе этого отряда отправился в погоню.

В то время, когда этот отряд выезжал из города, темная фигура женщины проскользнула через дорогу и скрылась в чаще деревьев. Молодой воин сопровождал ее. На минуту оба они приостановились и молча осматривали местность. Это было узкое ущелье, через которое вскоре должен был проехать отряд Агвары. Индеец спрятался за скалой, вершина которой возвышалась над ущельем. Индианка медленно поднялась на вершину скалы и, точно изваянная из мрамора статуя, стала там.

Молодой воин и индианка не обменялись ни одним словом; так прошло с четверть часа. До слуха их донесся неясный шум отдаленного галопа всадников. Но этот шум, казалось, не произвел на девушку никакого впечатления. Топот, между тем, все приближался. В узком проходе нельзя было ехать рысью — лошади пошли шагом. Слышно было, как всадники въехали в ущелье, и затем равномерный топот коней, идущих один за другим, доносился до них.

Скоро показался всадник, в котором по костюму и гордому виду сразу можно было узнать вождя отряда. Это был Агвара. Он поравнялся со скалой, за которой стоял молодой индеец. Тогда последний быстрым движением вскочил на его лошадь, сверкнуло лезвие ножа, и

Агвара безжизненным трупом упал на землю. Индеец сидел уже на его лошади. Животное сделало быстрый скачок на несколько шагов вперед, перескочив через труп своего хозяина.

Ущелье расширялось в этом месте, и всадник мог проделать этот вольт. Копье Агвары осталось в его руках. Он, как молния, бросился на другого всадника, ехавшего за Агварой, который не успел хорошенько разглядеть всего происшедшего, и вонзил копье ему в грудь..

Агвара перестал существовать, а убийца Хальбергера — Вальдец — получил должное возмездие за свое преступление.

Весть об убийстве Агвары и Вальдеца с быстротой молнии распространилась между индейцами. Отряд в замешательстве остановился, не зная численности врага и видя пока только одного. Но это был не враг, а уважаемый всеми воинами племени индеец Каолин, брат Насены.

По его приказанию они проехали через узкий проход. Тогда, собрав их в круг, он объявил им, что он отомстил изменнику Агваре за сестру и за честь всех индейских женщин, для которых было бы оскорблением видеть царицей бледнолицую девушку. Далее он объявил, что Вальдеца он убил, во-первых, в отмщение за смерть Хальбергера, бывшего другом их любимого вождя и частым гостем в прежние годы, а во-вторых, он избавил племя от изменника-ренегата, присутствие и гнусные дела которого накладывали позорное клеймо на товасов. В заключение своей речи он сказал, что созовет старейшин на совет, и пусть его судят всенародно. Он убедил воинов не преследовать невинную девушку, похищенную обманом от родных.

Защитниками бледнолицей были только два брата и верный слуга, отвага и честь которого им были хорошо известны. Он считал постыдным для воинов, привыкших сражаться с врагом равной силы, преследовать дочь их друга.

Агвара, вовлекший их в это позорное предприятие, был недостойным наследником отца и вполне заслужил подобную смерть.

Слова оратора были сначала встречены ропотом, но потом все согласилось с его доводами.

Въезд брата Насены в город был настоящим триумфом. Между тем оказалось, что старейшины вдогонку за

Агварой послали к роковой горе, с которой скатилось безжизненное тело Агвары, отряд воинов, и он уже выехал из города в ту минуту, когда брат Насены неожиданно вернул назад отряд Агвары.

Смерть молодого вождя и Вальдеца значительно упростила положение вещей.

Суд у индейцев чрезвычайно короток. Брат Насены был выбран кациком всеми воинами своего племени, а колдунью прогнали из тольдерии.

Никто не знал, что происходило в душе Насены: ни одна жалоба, ни один вздох не выдали ее страданий. По ее убеждению, Агвара заслужил подобный конец. После убийства ее часто можно было видеть на тропинке, ведущей к горе усопших, с цветами в руках, которыми она украшала могилу всеми любимого Нарагуаны. Она думала, что если бы он был жив, этот справедливый и честный старик, то он также наказал бы Агвару за его бесчестный поступок.

Пока происходили все эти события, о которых ничего не знали наши беглецы, эти последние с удвоенной быстротой скакали по дороге к жилищу натуралиста. Бегство колдуньи заставляло их еще больше торопиться. Колдунья каким-то сверхъестественным образом ухитрилась сбросить связывавшие ее веревки и, как змея, ускользнула из рук Гаспара.

— С моей стороны было сумасшествием не задушить старую ведьму, пока она была в моих руках. Я думаю, что это не было бы большим грехом, и теперь нам нечего было бы бояться погони. Из-за моей оплошности у нас теперь столько же шансов на успех, сколько было в минуту отъезда. А все же надо постараться не попасть в руки этих индейцев, а то после всех наших проделок они не поблагодарят нас. У нас теперь в распоряжении три часа, если считать, что колдунья на крыльях полетела в город товасов, и не надо терять этого, хотя и небольшого, преимущества, а постараться по возможности скрыть следы. Старая ведьма, без сомнения, укажет им дорогу. Если погода будет благоприятствовать нам, небо останется чистым, и если нас ничто не задержит...

Едва он успел произнести эти слова, как явилось препятствие и не замедлило остановить их. Лошади, скакавшие галопом, вдруг сразу остановились, фыркая и упираясь.

Что могло их так внезапно испугать?

Воздух был влажный, спокойный, как будто бы вблизи было большое пространство воды, но они ничего не могли разобрать в темноте. В самом деле вода была недалеко, и лошади остановились на берегу. Густая высокая трава делала ее совершенно незаметной, и даже днем за сто метров было бы трудно заметить ее.

— Лагуна! — воскликнул Гаспар, приподнимаясь на стременах и пытаясь проникнуть взглядом сквозь царившую вокруг тьму.

Гаучо руководствовался в этом случае скорее обонянием, чем глазами, да и лошадь тянула его за поводья, порываясь подойти поближе к воде. Животные томились жаждой. Остановка на бесплодной горе и быстрая езда сильно утомили их. Они с такой силой тянулись к воде, что всадники не могли противиться им.

Фыркая от удовольствия, кони жадно втягивали в себя живительную влагу.

Гаучо старался разглядеть окружающую местность.

Водная поверхность тянулась на далекое пространство, но он не мог определить с точностью, на каком протяжении тянулась она в глубь страны.

Это была одна из травянистых лагун, так часто встречающихся в пампасах и в особенности в Гран-Чако. Необходимо было определить, как далеко шла эта лагуна.

Направляясь к городу товасов, они не встречали этого болота. Тогда они ехали по следу отряда Агвары. Теперь же, очевидно второпях и в темноте, они ехали по другой дороге и, может быть, даже уклонились на несколько миль в сторону от настоящей.

Это неожиданное открытие вывело из себя всегда спокойного и хладнокровного гаучо. Повернуть обратно — значит потерять драгоценное время, а это грозит опасностью быть настигнутыми Агварой. Итак, выбора не было, надо переезжать лагуну.

— Скоро займется заря, — сказал гаучо, — подождем ее восхода. Небольшой отдых будет полезен нашим коням.

Слабая светлая полоска показалась уже на востоке, предвещая наступление дня. Становилось все светлее и светлее. Печальная картина, о которой они и не подозревали, представилась их глазам: лагуна была так широка, что приходилось сделать громадный крюк, чтобы обогнуть ее.

— Черт возьми! — прошептал сквозь зубы гаучо. —

Это проклятое болото — настоящее озеро. Оно точно хочет снова отдать нас в когти наших врагов.

Глаза Гаспара продолжали глядеть на воду, слабо подернутую розовым светом зари. Вдруг у него промелькнула одна мысль, заставившая его радостно вскрикнуть. Поджидая, пока лошади напьются, он заметил, что дно лагуны твердо под их ногами. Ему было известно, что почти все такие болота имеют твердое дно. Находившаяся перед ними лагуна была, очевидно, неглубока — почему бы не попытаться переехать ее?

Он не стал долго раздумывать. Повернувшись к своим товарищам, он велел им следовать за собой и смело въехал в воду,

22. СКРЫТЫЕ СЛЕДЫ

Сначала они медленно продвигались вперед. Гаучо ехал впереди своих товарищей, осторожно исследуя дорогу. Скоро вода сделалась светлее, тростник постепенно становился реже, а через некоторое время они очутились в чистой и свободной от всякой растительности воде, по-прежнему неглубокой, покрывавшей твердый грунт. Лошади их ступали с уверенностью, как бы понимая, что им не грозит опасность погрузиться в тину.

Заря разгоралась и своим бледным светом озаряла перед ними поверхность воды, тянувшуюся далеко вперед, и только едва заметная черная линия на расстоянии мили от них указывала на окончание лагуны.

Гаспар теперь был спокоен. Очевидно, эта лагуна была следствием недавнего ливня, а может быть, и торменты. Значит, им нечего бояться, что вода будет слишком глубока и затруднит переезд.

Они продолжали ехать по прямому направлению и были уже не больше как в ста метрах от берега, когда гаучо вдруг остановился, делая знак остальным сделать то же.

Приподнявшись на стременах, он стал внимательно осматривать берег, как бы отыскивая глазами удобное место для высадки. Но, очевидно, он думал не об этом, потому что спустя несколько секунд он, напротив, повернул свою лошадь налево и стал подвигаться вперед параллельно берегу. Таким образом ехал он около мили,

не произнося ни одного слова и следуя за изгибами берега, все яснее выступавшими при свете дня.

Он ехал быстро, насколько это допускала местность, и по временам с беспокойством оглядывался назад. Впрочем, он все время был настороже; по временам ему казалось, что ветер доносит до него отдаленные крики диких индейцев. Наконец он решил, что довольно объезжать, и, придерживав поводья, остановил свою лошадь, затем молча соскочил с седла, передал поводья Циприано, посоветовав ему крепко держать лошадь и не пускать ее за ним; потом, отобрав у всех пончо и лассо, он разложил их на берегу, точно ковры, один около другого, к величайшему удивлению своих друзей.

Но им недолго пришлось теряться в догадках. Гаучо снова взял поводья своей лошади из рук Циприано и повел ее по устланной таким образом дороге, внимательно следя за тем, чтобы она ступала копытами на пончо. Когда он провел ее таким образом до конца, он остановился и начал обвертывать каждую ногу кусками кожи, привязывая их веревками, затем с невозмутимым спокойствием проделал он ту же операцию поочередно с каждой лошадью своих спутников. Кончив это, он собрал подстилки и, показывая рукой на лес, сказал:

— Только после всех этих предосторожностей, когда будем в лесу, мы можем вздохнуть свободно. Надо быть очень хитрой бестией, чтобы открыть наши следы.

Мы уже знаем из предыдущих событий, что эти предосторожности были излишни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не будем описывать всех подробностей путешествия трех отважных людей. Ночь они провели в лесу. Сон подкрепил силы Франчески и молодых людей. Впрочем, надо заметить, что если прежде, в свою первую экспедицию, Людвиг и Циприано испытывали сильное волнение, то теперь, на обратном пути, они были совершенно спокойны. Они считали невозможным, чтобы после стольких необыкновенных приключений Бог попустил снова отнять у них Франческу. После трехдневного утомительного пути достигли они, наконец, берегов Пилькомайо. За это время они только что не голодали. В первый день им пришлось довольствоваться армандильо (броненосцем), ко-

торого поймал Циприано, а Гаспар зажарил целиком; а на второй день — муравьедом, убитым Людвигом из винтовки; грубоватые блюда эти были, конечно, не очень вкусны, но в крайнем случае и этим можно было подкрепить силы.

При виде хорошо знакомой ему реки гаучо едва сдержал крик радости. Наконец-то они были не в дикой пустыне, и если им ничто не помешает, то через несколько дней они будут на эстансии. Так думал гаучо. Слава Богу! Наконец-то он возвратит Франческу матери. Конечно, он не в состоянии вернуть ей прежних радостных дней. Но, возвращая ей дочь, которую она считала погибшей, возвращая целыми и невредимыми Людвига и Циприано, которых она доверила ему, верный гаучо знал, что это единственное утешение, способное сделать сносной ее жизнь. Он чувствовал себя счастливым и гордым при мысли о выполнении долга относительно семьи своего усопшего господина. В этом предприятии обнаружилась вся верность и преданность доброго гаучо. Бог сжалился наконец над несчастными и соединил их после долгой разлуки, полной всяких приключений.

Скоро перед ними показалась эстансия.

На веранде стояла хозяйка, поджидавшая их точно так же, как прежде она ожидала возвращения мужа и дочери.

Через несколько минут Франческа, Людвиг и Циприано были в объятиях несчастной матери. После первой минуты радостной встречи каждый почувствовал, что в этом празднике не хватает дорогого им лица, которого они не могли забыть. Куда же в самом деле девался гаучо, бывший для них добрым гением во все время их путешествия? Где он? Честный гаучо стоял в нескольких шагах от веранды под деревом, закрыв лицо руками. Крупные слезы струились по его лицу, и только Франческа могла его заставить отнять руки и показать эти слезы, которых ему нечего было стыдиться.

Сеньора Хальбергер, понявшая из немногих слов своих детей, чем она была обязана доброму гаучо, сошла со ступенек крыльца.

— Я не в состоянии отблагодарить вас за все сделанное вами. Я только могу прижать вас к сердцу и сказать вам, что для меня и моих детей вы больше чем друг, вы родной нам. Отныне, Гаспар Мендец, вы не только член нашего дома, но и член нашей семьи.

Тут гаучо уж не мог сдержаться и зарыдал как дитя. Эта радость, походившая на печаль, невольно вызвала слезы на глазах присутствующих. Оправившись от своего волнения, но все еще смущенный оказанным ему приемом, он попросил у сеньоры Хальбергер позволения дать ей один совет, который, по его мнению, был очень важен.

Он сказал, что, пока жив диктатор Франсиа, пока его сообщники Агвара и Вальдец сохраняют власть над то-васами, эстансия не может служить им надежным убежищем. Наученный прежним опытом, Гаспар знал, что их не оставят в покое. Раз убежище Хальбергера известно Вальдецу, это не останется тайной для диктатора. Нелзя также предполагать, что Агвара после исчезновения Франчески не будет им мстить, поэтому не следует терять ни минуты. Возвращаясь обратно, Гаспар боялся найти эстансию в руках Агвары. Может быть, они скрываются даже где-нибудь поблизости, выжидая удобного момента, чтобы овладеть всем домом.

Сеньора Хальбергер с улыбкой остановила его. Вот что они узнали:

На другой день после отъезда Людвиг и Циприано она получила известие о смерти диктатора. Кроме того, старый друг ее мужа сообщил ей, что Парагвай всегда готов приютить ее, если семья Хальбергера вернется туда. Но еще одно не менее приятное известие сообщил ей один из индейцев-товасов, передав ей, что освобождение Франчески увенчалось полным успехом, что индейцы не стали преследовать беглецов и она может ждать их возвращения.

— Поэтому,— закончила, помолчав, вдова,— вы нашли меня на веранде, спокойно поджидавшей вас.

Гаспар, Людвиг и Циприано просто ушам своим не верили. Кому из индейцев пришла добрая мысль послать вестника мира на эстансию? И что произошло в деревне, если явилась возможность послать вестника?

— Мы — неблагодарные! — воскликнула Франческа.— А Насена? Вы забыли о ней?

Затем, обратившись к матери, продолжала:

— Не правда ли, дорогая мама, этот индеец прислан был молодой индианкой, которую зовут Насеной?

— Правда,— ответила сеньора Хальбергер.— Этот индеец сказал мне, что Агвара и Вальдец наказаны за совершенное преступление, что оба они умерли, и кациком товасов выбран брат Насены Каолин. Посланный доба-

вил, что сестра кацика поручила сказать, чтобы мы не беспокоились: отныне братья и она будут для нас тем же, чем Нарагуана был для моего мужа, и мы спокойно можем остаться на эстансии, и, может быть, когда-нибудь Насене придется увидеть свою сестру Франческу.

Эти приятные вести так обрадовали Гаспара, что, подбросив шапку в воздух, он воскликнул:

— Да здравствует Насена!

Может быть, вас интересует, читатель, узнать, как идет жизнь на эстансии спустя восемь лет после описанных нами событий? Извольте, я вам расскажу. Эстансия стала гораздо красивее и значительно расширилась с той поры: теперь уже два новых дома стоят рядом со старым. В старом доме живет сеньора Хальбергер. В одном из флигелей — счастливая и трудолюбивая семья Циприано. Жена его, в которой вы, без сомнения, узнали Франческу, окружена тремя детьми. Обладатели другого флигеля наслаждаются таким же безоблачным счастьем. Людвиг Хальбергер, сделавшийся мужем молодой и прекрасной парагвайки, дочери старинной подруги его матери, также отец трех прелестных малюток.

Несколько подалее от эстансии, у подножия холма, вы увидите деревню, не такую обширную, как описанная нами раньше, но много красивее ее. Около деревни пасутся многочисленные стада. Царица нового поселения вам уже известна: это Насена.

Каждый счастье понимает по-своему, если судить по тому, что обитатели эстансии считают себя счастливыми и что индейцы в деревне Насены по-своему также довольны своей судьбой. Благодаря Насене многие зачатки цивилизации проникли в их среду. Ее селение представляет собой маленький христианский городок. Вы даже отсюда можете видеть, что посреди этого городка возвышаются церковь и школа, вокруг которых и расположены жилища индейцев.

Всем хозяйством в эстансии и на прилегающих к ней землях заправляет верный и преданный домоправитель гаучо Гаспар Мендец,

СОДЕРЖАНИЕ

Золотой браслет	5
Тигролов	150
Гаспар гаучо	292

Литературно-художественное
издание

ТОМАС МАЙН РИД

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

Приключенческие романы

Перевод с английского

Редактор *А. Нее*

Художник *Н. Горбунов*

Художественный редактор

О. Иванов

Технический редактор

Т. Сайтарова

Корректор *Е. Евсеева*

Сдано в набор 22.11.95. Подписано в печать 25.12.95. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 20 000 экз. Изд. № 001. Заказ № 4428. Цена свободная.

Рид Томас Майн
Р49 ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ/Пер. с англ. Худ. Н. Гор-
бунов.— Пермь: ТОО «Стрелец», 1995.—412 с.

ISBN 5-88887-001-3

Очередной том традиционного пермского собрания романов классика приключенческой литературы Томаса Майн Рида. В этот том вошел один из самых значительных романов писателя — «Золотой Браслет».

Р 4703040100—001
064(02)—95

ББК 84.4Вл

ТОО «СТРЕЛЕЦ»
и
кооператив «КНИГА»
предлагают
оптовым покупателям
новую книгу
Томаса Майн Рида
«ЭСПЕРАНСА»

В этот том вошли три романа, написанные в жанре «робинзонады». Действие романов «Эсперанса», «Жилище в пустыне» и «Изгнанники в лесу» разворачивается на разных континентах, в разнообразнейших ситуациях. Однако оптимизм автора заставляет читателя верить, что даже в самых безвыходных ситуациях человек всегда сможет не только выжить, но и покорить окружающую его природу.

Все три «робинзонады» не только увлекательно написаны, но и содержат массу полезных сведений из области естественных наук.

По вопросам приобретения оптовых партий книги обращаться: 614016, г. Пермь, ул. Куйбышева, 80. Телефоны: 45-93-61, 45-15-77.

Мы ждем вас в нашем офисе!

ТОО «СТРЕЛЕЦ» и кооператив «КНИГА»
предлагают любителям детективов
двухтомник произведений классика этого жанра
Рэймонда Чандлера (США)

1. «МАРЛОУ ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ»

В эту книгу включены остросюжетные детективные романы «Высокое окно», «Сестричка» и «Леди в озере», объединенные образом талантливого детектива Филипа Марлоу, умеющего оказаться на высоте в любой, самой трудной ситуации.

Продолжение приключений этого частного детектива вас ожидает в книге

2. «МАРЛОУ ЗАКАНЧИВАЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ»

Этот том составляют романы «Долгое прощание» и «Бесконечный повтор». Два головокружительных, смертельно опасных следствия не смогут оставить вас равнодушными.

По вопросам приобретения оптовых партий этих книг обращаться: 614016, г. Пермь, ул. Куйбышева, 80. Телефоны: 45-93-61, 45-15-77.

Мы ждем вас в нашем офисе!

ПЕРМЬ
СТРЕЛЕЦ
1995